

А
Ф
И

Академия Фундаментальных Исследований

ИСТОРИЯ

Г. Е. Марков

КОЧЕВНИКИ АЗИИ

СТРУКТУРА ХОЗЯЙСТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

Г. Е. Марков

КОЧЕВНИКИ АЗИИ

**Структура хозяйства
и общественной организации**

Издание второе,
исправленное

URSS
МОСКВА

Марков Геннадий Евгеньевич

Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации.

Изд. 2-е, испр. — М.: КРАСАНД, 2010. — 320 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

В настоящей монографии рассматриваются зарождение и исторические судьбы кочевничества с древнейших времен до начала XX века. Автор показывает роль кочевников в истории народов Азии, их специфические приемы ведения экстенсивного кочевого хозяйства, общественную организацию и социальную структуру. Особое внимание уделяется дискуссионным проблемам: общественным отношениям в кочевых обществах, их племенной структуре, а также явлениям, вызывавшим и характеризовавшим разложение экстенсивного кочевого скотоводства как самостоятельного вида хозяйственной деятельности.

Книга рекомендуется как профессиональным историкам, аспирантам и студентам исторических специальностей, так и широкому кругу заинтересованных читателей; будет полезна также географам, социологам, экономистам.

Рецензент:

канд. ист. наук, доц. *Г. Г. Громов*

Издательство «КРАСАНД».

121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.

Формат 60×90/16. Печ. л. 20. Зак. № 3655.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00209-8

© КРАСАНД, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
URSS	Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

9026 ID 113815

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Интерес людей к своей истории древней цивилизации. И это понятно, так как познание истории — это осознание себя, друзей и врагов, своего прошлого и будущего, места народа в окружающем его мире. Как только возникла письменность, люди стали использовать письмо для записей религиозных текстов, исторических преданий, хозяйственных расчетов и описания быта и своего и соседей. Создатели цивилизаций знали, что их плодородные земли, орошенные водами рек, еще не весь мир; что за пределами их полей простираются бескрайние просторы пустынь и степей, где живут воинственные племена охотников, скотоводов. О них, о предках кочевников, сообщали тексты шумеров и египтян, эламитов и урартийцев. О первых кочевниках говорится в надписях персидских царей, в Библии, о них сообщается и в трудах авторов Дальнего Востока. С жителями кочевой степи торговали, на них нападали, чтобы обеспечить спокойствие границ, захватить рабов. Но даже нападая, боялись, ибо знали, что время от времени из степных глубин выходят несметные полчища всадников, которые обрушиваются на города и царства, несут смерть и разрушение, неисчислимые бедствия народам-земледельцам.

Немало страниц истории заполнено описанием войн с кочевниками. Колоссального напряжения сил, громадных потерь стоила оседлым народам борьба с хунну, тюрками, монголами и полчищами других завоевателей. Чем опаснее были кочевники, тем больший интерес они вызывали у соседей, которые стремились изучить их, выяснить их сильные и слабые стороны. Короли и представители церкви посылали к предводителям кочевников посольства, вели переговоры о мире, о военных союзах. Многие из тех, кто посещал степь, оставили неоценимые для истории свидетельства о кочевых народах.

Прошли века, и отношения между оседлыми народами и обитателями степей изменились. Наступило новое время.

Эпоха капитализма породила безграничную жажду наживы, стремление к приобретению новых земель. В государствах Старого и Нового Света происходили огромные изменения, а степь и образ жизни кочевых народов менялись медленно. Миновала пора кочевых империй. Ушло в прошлое время, когда кочевники внушали ужас своим соседям-земледельцам. Теперь кочевникам противостали такие армии и средства вооружения, против которых их конница была бессильна. «Степь» уже не нападала, а лишь защищалась, отчаянно отстаивая свою свободу, привычный уклад жизни.

Наиболее дальновидные из кочевников довольно давно поняли, что не все государства им враждебны, и что союз и дружественные отношения с некоторыми из них могут принести жителям степей пользу. Широкое движение за присоединение к России кочевых областей Средней Азии и Южной Сибири началось тогда, когда это начали осознавать массы кочевников. В ином положении оказались кочевники Передней и Центральной Азии, Дальнего Востока. Часть их, осев на землю, сумела создать собственное государство. Кочевые арабы вошли в состав арабских государств. Однако территориально многие кочевые племена и народы оказались в границах государств, часто порабоцавших кочевников.

Новейшее время ознаменовалось для кочевников не только большими политическими событиями. Крупные социально-экономические изменения произошли в структуре кочевничества, втянутого в систему современного хозяйства. Это привело к тому, что в конце XIX и начале XX в. началось быстрое разложение старого уклада жизни, который сохранился в наши дни лишь в глухих горных и пустынных уголках, постепенно и там вытесняемый земледелием и иными формами хозяйства.

Важнейшие высказывания о закономерностях развития человеческого общества, в том числе и о наиболее коренных, существенных процессах, связанных со становлением и развитием кочевничества, находим мы в трудах классиков марксизма, чьи теоретические выводы послужили методологической основой настоящей книги и позволяют решать или подойти к решению сложнейших вопросов развития кочевничества. При исследовании истории кочевого скотоводства в Азии автор исходил из важнейшего марксистского положения о развитии истории общества как естественно-историческом процессе. Обобщая и конкретизируя его, В. И. Ленин писал: «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»¹.

Достаточно полно указывает сам Маркс пути и задачи, стоящие перед исследователем при решении конкретных вопросов общественного развития: «Возьмите определенную ступень развития

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество»².

К настоящему времени собрано довольно много свидетельств о кочевниках: археологические и этнографические данные, материалы хроник и архивов, свидетельства очевидцев. Важное значение при выяснении происхождения кочевничества имеют данные естественных наук. Однако комплекс источников, имеющийся по интересующим нас проблемам, ограничен и позволяет проследить историю лишь некоторых кочевых народов.

Наши знания о большинстве кочевых народов хронологически ограничиваются источниками XIX—XX вв., и лишь некоторые сообщения относятся к более раннему времени. При этом большинство сведений о кочевых народах повествует об их политической истории, и лишь иногда эти свидетельства касаются форм хозяйства, характеризуют общественную организацию, социальную структуру кочевников.

Отечественными и зарубежными востоковедами проделана огромная работа по воссозданию политической истории кочевых народов, прежде всего скифов, гуннов, тюрков, арабов, сельджуков, монголов и др. В этом отношении особенно значительны заслуги В. В. Бартольда, В. А. Гордлевского и других русских и советских ученых. Но исследование политической истории кочевых народов не всегда сопровождалось изучением их хозяйства, социально-экономических отношений как в конкретном, так и в теоретическом плане.

Изучая историю и этнографию различных народов, многие ученые XIX и начала XX в. затрагивали некоторые вопросы, связанные с кочевничеством: происхождение, типы кочевого хозяйства, общественные и семейные отношения и т. п. Но эти исследования освещали только отдельные аспекты истории кочевничества, что объяснялось в первую очередь недостатком фактического материала.

XX век ознаменовался бурным развитием археологических и этнографических исследований, в том числе и посвященных изучению кочевничества. Уже в 20—30-х годах XX в. накопление новых фактов позволило поставить в литературе много важных теоретических проблем. Среди исследователей, занимавшихся тогда вопросами кочевничества, следует назвать Б. Я. Владимирцова, С. А. Токарева, В. В. Гольмстен, С. Н. Боголюбского, С. И. Руденко, А. Н. Берштама, С. П. Толстова и др. Эта работа продолжалась и в 40-е годы, однако с особой интенсивностью она развернулась в 50-х и 60-х годах, когда по проблемам кочевничества были проведены дискуссии, появились новые публикации, в которых обсуждались вопросы хозяйства, общественной организации

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402.

и общественного строя от эпохи возникновения кочевничества до его разложения. Особенно спорными оказались вопросы, связанные с общественными отношениями кочевников, путями их социально-экономического развития.

Не будет преувеличением сказать, что интерес к проблемам кочевничества в советской и зарубежной литературе в последние годы возрос. Вместе с тем следует отметить, что проблематика многих работ, посвященных кочевникам, до сих пор была хронологически и регионально ограничена. Уже давно ощущается необходимость в более углубленном обобщении накопленного материала по кочевничеству и более обстоятельном и подробном изложении теоретических взглядов в широком историко-этнографическом плане по истории хозяйства и общественной организации кочевого скотоводства в Азии от его возникновения и до упадка. Однако объем книги не позволяет включить в нее подробные данные о всех кочевых народах Азии. Поэтому автор мог либо бегло описать историю каждого кочевого народа, либо более детально показать только те народы, жизнь которых полнее характеризуют источники.

Идти по первому пути автор не стал в первую очередь потому, что поверхностный рассказ сразу о многом не дает возможности анализировать данные источников и глубоко исследовать фактический материал, необходимый для обстоятельной аргументации теоретических обобщений. Вот почему для выявления некоторых специфических особенностей и исторических закономерностей развития кочевничества Азии пришлось ограничиться лишь относительно подробным, сравнительным анализом истории только нескольких народов. Именно по этим соображениям в книгу были включены разделы о тех скотоводческих народах, о которых мы располагаем наибольшим количеством источников, этнографических данных и о социально-экономических отношениях которых велись наиболее острые дискуссии. Монголы, казахи, туркмены, арабы как бы олицетворяют собой народы различных частей и районов Азии, где в прошлом кочевали или продолжают жить сейчас кочевые народы.

В книге среди общих и частных проблем рассматриваются в первую очередь формы и способы ведения кочевого хозяйства, разделение труда, хозяйственная и общественная структура и организация, формы собственности, процесс имущественного и социального расслоения, эксплуатации. При этом важнейшим аспектом исследования было рассмотрение специфики кочевнического производства, при котором как «из определенной формы материального производства вытекает,— указывал Маркс,— во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе»³.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 279.

В работе в связи с указанной проблематикой поставлен и вопрос о причинах разложения кочевничества и оседания скотоводов на землю. Но последний, как и сопровождавшие его социально-экономические процессы, подробно в книге не рассматриваются, так как это особая, большая, самостоятельная проблема, требующая специального исследования.

В работе поднимается много дискуссионных проблем. Часть их может быть решена на имеющемся материале, но многие приходится рассматривать лишь гипотетически. Дальнейшее исследование истории всех кочевых народов Азии и изучение кочевников других частей света еще предстоит.

ГЕНЕЗИС КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА И ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ

Возникновение пастушества, а позднее кочевого скотоводства ознаменовало новый этап в развитии производительных сил общества и разделении труда. Подчеркивая значимость этого явления, Энгельс писал: «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было *первое крупное общественное разделение труда*»¹.

Значение кочевничества в истории народов Азии, Восточной Европы и Северной Африки до сих пор еще мало исследовалось. Появившись на исторической арене, кочевники постепенно становятся грозной силой, оказывавшей существенное влияние на экономические, социальные, политические и этнические процессы в сопредельных оседлых областях. Кочевники испытывали не менее значительное воздействие культурных земледельческих народов, с которыми они находились в тесных разносторонних связях. И вместе с тем история человечества знает мало явлений, которые оставили бы о себе столь отрывочные сведения, как кочевничество. Долго, веками, многочисленные племена переходили от своих традиционных занятий к новым, вызывавшим колоссальные изменения не только в образе жизни, но и в общественной организации и социальных отношениях племен и народов. Ни археологические источники, ни тем более памятники письменности не донесли до нашего времени прямых и бесспорных свидетельств об условиях и причинах коренной ломки всего уклада жизни значительных масс людей, изменения их привычных занятий. Об этом отголосками «заговорили» источники только тогда, когда варвары-кочевники стали страшной угрозой земледельческим цивилизациям.

Проблема выделения скотоводства в самостоятельную отрасль хозяйства и возникновения кочевничества настолько интересна и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 160.

важна для исторической науки, что уже издавна привлекала к себе пристальное внимание ученых, анализировавших имеющиеся в их распоряжении разрозненные скудные фактические данные. Анализ сведений различных источников позволил выдвинуть ряд соображений и гипотез как о причинах выделения скотоводства в самостоятельную отрасль кочевого и полукочевого хозяйства, так и о ранних этапах истории кочевничества. Однако до сих пор значительная часть вопросов этой проблемы не получила необходимого разрешения. До настоящего времени в литературе нет единства в понимании терминов «кочевничество», «кочевое», «полукочевое», «полуоседлое» скотоводство². К числу кочевников относят иногда пеших и конных охотников. Одни авторы полагают, что к числу кочевников следует относить только «чистых», очень подвижных скотоводов; другие — также полукочевников, полуоседлое население. Определение «кочевничества» ставится зачастую в зависимость от амплитуды кочевания или отсутствия земледелия, полуоседлых жилищ и т. п.

Думается, что при определении типа скотоводческого хозяйства как «кочевого» перечисленные признаки существенны, но не определяющи. Так, степень подвижности скотоводов — величина непостоянная и зависит от количества скота, сезона, природно-климатических условий в данном году, ландшафта и т. п., причем одна и та же скотоводческая группа, сохраняя свой хозяйственный тип, может кочевать в разных местностях на различные расстояния.

Отнесение к числу кочевников только «чистых» скотоводов вообще лишено основания. Как известно, ни один хозяйственный тип, в том числе и кочевничество, никогда не существовал в чистом виде. Хозяйство всегда комплексно. Но при этом в хозяйственном комплексе одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие дают основные средства для существования, определяя собой хозяйственный тип. Так, у кочевников на разных этапах их истории и в разных местах земледелие, торговля, ремесло, сопровождение караванов, грабеж и т. п. играли то большую, то меньшую роль. Но основу их существования *всегда* составляло экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок.

В кочевническом хозяйственном типе можно выделить следующие две разновидности: кочевое и полукочевое (при условии, что различия между ними до некоторой степени условны). Кочевники более подвижны, чем полукочевники. Последние несколько больше занимаются земледелием. В зависимости от различий между ското-

² См., например, С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. ГО СССР, МПЭ, в. 1. Л., 1961; Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970; С. Е. Толыбеков. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Алма-Ата, 1971; Г. Е. Марков. Кочевничество. Историческая энциклопедия, т. 7. М., 1966; и др.

водческими областями существуют разные определения кочевого хозяйства. То, что в одних условиях считается полукочевым, в других — рассматривается как полностью кочевое. При этом разные типы кочевого хозяйства имеют схожие формы общественной организации и социальной структуры. В одних случаях полукочевое скотоводство может существовать как самостоятельный и устойчивый хозяйственный тип, а в других — быть переходным этапом к кочевому хозяйству или от кочевого к оседлости.

Иную роль играет скотоводство в полуседлом и тем более оседлом хозяйстве. В первом оно выступает как пастушество — отрасль или равная по значению, или подчиненная земледелию и прочим занятиям; во втором — лишь как вспомогательная. Но и в том и в другом случаях оно не является главным видом деятельности и главным источником средств к существованию, а по этой причине не может определять хозяйственный тип общества.

Взгляды, высказывавшиеся о происхождении кочевничества, явились порождением немногих основных гипотез, группируя и рассматривая которые в хронологической последовательности (начиная с XIII в. и до нашего времени) следует прежде всего отметить широко распространенную в прошлом «трехступенчатую» концепцию. Ее сторонники считали, что скотоводство в кочевой (или пастушеской) форме возникло из охоты и предшествовало земледелию³.

Одним из первых ученых, выступивших с критикой традиционной «трехступенчатой» гипотезы, был Э. Ган. Он убедительно показал невозможность происхождения земледелия из скотоводства, однако его попытка выдвинуть взамен отвергнутой собственную гипотезу о происхождении кочевничества имела успех не больший, чем его стремление объяснить начало земледелия и разведения животных религиозными мотивами⁴. Возникновение кочевничества Э. Ган рассматривал как следствие деградации части населения в земледельческих оазисах⁵. Кочевое скотоводство он рассматри-

³ J. J. Rousseau. Le discours sur l'origin et les fondemen de l'inégalité parmi les hommes. Paris, 1775; A. Smith. An inquiry into natural and causes of the wealth of nations, v. 1—2. London, 1776; J. Iselin. Über die Geschichte der Menschheit, 2Bd. Basel, 1786; A. Humboldt. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen, 1 Bd. Stuttgart und Tübingen, 1849; H. M. Westrop. The sequence of the phases of civilisation and contemporencous implements. «Journ. of the society of London», v. 5, 1876; L. Büchner. Die Stellung des Menschen in der Natur, H. 2. Leipzig, 1870; G. de Mortillet. De prehistoric antiquité de l'homme. Paris, 1883; G. de Mortillet. Origines de la chasse, de la pêch et de l'agriculture, v. 1. Paris, 1890; E. de Laveleye. De la propriété et de ses formes primitiv. Paris, 1891; G. Gerland. Anthropologische Beiträge, Bd. 1. Halle, 1875; Э. Ю. Петри. Антропология, т. 1. СПб., 1891.

⁴ Ed. Hahn. Das Alter der Wirtschaftlichen Kultur der Menschheit. Heidelberg, 1905.

⁵ Ed. Hahn. Waren die Menschen der Urzeit zwischen der Jägerstufe und Stufe des Ackerbaus nomaden? «Das Ausland», Bd. 64, 1891.

вал как дополнение к земледельческой культуре, наподобие мореходства⁶.

Близок к Э. Гану по теоретическим взглядам на процесс появления кочевничества и Г. Кунов, который, основываясь на этнографических материалах о народах тропиков, считал, что скотоводство (как самостоятельная отрасль хозяйства) не могло возникнуть из одомашнения животных охотниками, и полагал, что ему обязательно предшествовал период земледельческого хозяйства⁷.

Резко критиковали теоретические положения Э. Гана сторонники венской «культурно-исторической школы». В. Шмидт выдвинул контрконцепцию Э. Гану, считая, что кочевое скотоводство возникло в степях севернее гор Центральной Азии совершенно независимо от земледелия. Важнейшими центрами возникновения кочевничества он называл Саяны и Алтай. Как полагал В. Шмидт, первым domestцированным животным кочевников был олень, а далее — лошадь и верблюд⁸. Рассматривая причины возникновения и распространения кочевничества, В. Шмидт придерживался мнения, согласно которому кочевое скотоводство стимулировалось процессом развития степей⁹.

Для взглядов некоторой части ученых конца прошлого и начала нашего столетия в какой-то степени характерно отрицание возможности выяснения происхождения кочевничества. Критикуя в своих трудах положения как «трехступенчатой» гипотезы, так и концепции Гана, показывая их умозрительность и беспочвенность, они вместе с тем отказывались высказаться конкретнее и обстоятельнее, сделать выводы. При этом они исходили из того, что старые взгляды не вызывают доверия; каких-либо новых источников или данных не появилось, а поэтому не имеет смысла создавать новые умозрительные концепции¹⁰.

Эпоха неверия ученых в возможность выяснения основных закономерностей происхождения кочевничества продолжалась сравнительно недолго, и дальнейшее изучение письменных источников, фундаментальные археологические исследования последних десятилетий, проведенные в первую очередь советскими учеными, позволили в общих чертах наметить историю возникновения и развития кочевничества.

Первым этапом ранней предыстории кочевничества можно считать эпоху возникновения производящего хозяйства, время так

⁶ Ed. Hahn. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft der Menschen. Leipzig, 1896, SS. 132, 133.

⁷ См. Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I. М.—Л., 1929, стр. 428.

⁸ W. Schmidt. Totemismus. Viehzüchterische Nomadismus und Mutterrecht. «Anthropos», X—XI (1915/16), SS. 593, 610.

⁹ W. Schmidt. Zu den Anfängen der Tierzucht. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 76, H. 2, 1951.

¹⁰ См., например, Г. Шурц. История первобытной культуры. СПб., 1910; Ю. Липперт. История культуры. СПб., 1902, стр. 86 и др. Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.

называемой «неолитической революции». Следствием этого процесса было возникновение в некоторых областях субтропиков *ирригационного* земледелия и соответствующей цивилизации, а в степях и предгорьях Евразии — комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. В эпоху энеолита и эпоху бронзы в этих районах продолжалось одомашнение новых пород ранее уже domestikированных животных и новых видов: лошади, верблюда.

В степных и предгорных областях Азии в энеолитическое время значительное место в хозяйстве занимали еще охота, рыбная ловля, собирательство, сочетавшиеся с земледелием и животноводством¹¹. Но производящие виды деятельности (в частности, скотоводство) занимали в то время в хозяйстве еще подчиненное положение¹².

Значительно увеличилась роль скотоводства в горно-степных областях в эпоху бронзы (II тыс. до н. э. — рубеж I тыс. до н. э.). Обширная полоса евразийских степей (примерно между 35° и 55° северной широты, достигая на Аравийском полуострове 15°) в рассматриваемое время была населена многочисленными племенами культур «горно-степной бронзы»¹³, различающимися этнической принадлежностью, бытовыми признаками, но имеющими общие черты по типу хозяйства.

Археологическая область распространения этих культур исследована неравномерно. Судя по немногим данным, имеющимся о степных племенах Монголии, они занимались в рассматриваемое время земледелием и разведением животных¹⁴.

¹¹ См. Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2.

¹² См. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МПЭ, т. 3, в. 2. Л., 1927; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСИДВ. Новосибирск, 1961; А. П. Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии. СЭ, 1962, № 1; «Народы Восточной Азии». М., 1964; Л. Р. Кызласов. Этапы древнейшей истории Тувы. ВМУ, сер. ист.-фил., 1958, № 4; С. И. Вайнштейн. Тува в эпоху первобытно-общинного строя. История Тувы, т. 1. М., 1964; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.

¹³ В археологической литературе имеет распространение термин племена или культуры «степной бронзы» (см., например, Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. В сб.: «Памятники каменного и бронзового веков в Евразии». М., 1964).

Можно считать установленным, что хозяйственный тип, о котором идет речь, бытовал и в некоторых предгорных и горных областях Азии. В связи с этим, думается, можно говорить о племенах и культурах «горно-степной бронзы» (см. Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2. СА, 1966, № 2).

¹⁴ См. С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН СССР, сер. ист.-фил., т. 4, в. 4, 1947; К. В. Вяткина. Археологические памятники МНР. СЭ, 1959, № 1; А. П. Окладников. Новое в изучении... СЭ, 1962, № 1; Н. Сэр-Оджав. Археологические исследования в МНР. МАС. М., 1962; Э. Новгородова. Ножи карасукского времени из Монголии. МАС, 1962; Ю. С. Гришин. Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе. ВИСИДВ, 1961.

Племена «горно-степной бронзы» обитали в Минусинской котловине¹⁵, на Алтае¹⁶ и в Туве¹⁷.

Большое значение для исследования истории кочевничества имеют археологические данные о Казахстане, одном из важных центров сложения и бытования кочевого скотоводства. Комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство господствовало там в эпоху бронзы в его восточной¹⁸, центральной¹⁹ и западной частях²⁰. В состав стад племен Казахстана входил крупный и мелкий рогатый скот, лошади, возможно, использовался верблюд.

Довольно широко были распространены племена «горно-степной бронзы» в Средней Азии. Памятники этой эпохи обнаружены на Тянь-Шане, в Семиречье²¹, на Памире²², в области Ферганской долины²³, в Каракумах²⁴, по Зеравшану²⁵, в области Самаркан-

¹⁵ См. С. А. Теплоухов. Древние погребения... МПЭ, т. 3, в. 2; С. В. Киселев. Древняя история...; М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. АСГЭ, 3, 1961; Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3; А. И. Мартынов. Новый район карасукской культуры. СА, 1964, № 2.

¹⁶ См. С. В. Киселев. Древняя история...; М. П. Грязнов. Памятники маймирского этапа ранних кочевников Алтая. КСИИМК, 18, 1947.

¹⁷ См. Л. Р. Кызласов. Этапы...; С. И. Вайнштейн. Тува в эпоху первобытно-общинного строя... ИТ, т. 1.

¹⁸ См. А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

¹⁹ См. М. П. Грязнов. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, 26, 1957; А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959; Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, 32, 1950; М. К. Кадырбаев. Могильники Сангуыр-2. ТИИАЭ АН КазССР, 12, 1961; «Древняя культура...».

²⁰ См. К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951; его же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутан I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962; М. Ф. Скосырев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, № 2.

²¹ См. А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, № 11; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952.

²² См. А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. ТАН ТаджССР, 37, 1956.

²³ См. Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3.

²⁴ См. Б. А. Литвинский. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, 80, 1960; С. С. Сорокин. Древние скотоводы ферганских предгорий. ГО СССР МПЭ, в. 1, 1961.

²⁵ См. Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, 1958, № 2; В. М. Массон. Культура Заман-Баба. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскеров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.

да²⁶, в среднеазиатском междуречье²⁷, в Восточном Прикаспии²⁸, степное население Средней Азии вело в рассматриваемое время довольно оседлую жизнь. Еще более оседлой она была в предгорьях.

Во II тыс. до н. э. племена «горно-степной бронзы» обитали также на Кавказе, где они разводили крупный и мелкий рогатый скот, коней. Очевидно, на Кавказе довольно рано появляется яйлажное хозяйство²⁹.

Расселялись рассматриваемые племена и в Передней Азии, но археологически они изучены еще мало³⁰.

При всей этнической разнородности и различиях во внешнем облике рассматриваемых культур для племен «горно-степной бронзы» было характерно относительно оседлое комплексное хозяйство, основу которого составляли земледелие и скотоводство. Земледелие было преимущественно мотыжным. Обрабатывались как естественно увлажненные, так и орошаемые участки. Жатву убирали серпами. Часты находки зернотерок. Скотоводство было, скорее всего, стойловым и отгонным. Около поселений сооружались загоны для домашних животных. Между главными видами хозяйственных занятий рассматриваемых племен имелись значительные различия. В одних местах большее значение имело земледелие, в других — скотоводство. Но до конца этот вопрос еще не выяснен. Локальные отличия имелись и в составе стад. Разви-

²⁶ См. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. Автореф. канд. дисс. ҚСИМК, 33, 1950; Д. Н. Лев. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда. КСИА, 108, 1966.

²⁷ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1949; М. А. Итина. Степные племена среднеазиатского междуречья во 2-й пол. II — нач. I тыс. до н. э. СЭ, № 3, 1962; С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958/60 гг. МХЭ, в. 6. М., 1963; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискана). СА, 1966, № 2.

²⁸ См. А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, VII, 1956; А. М. Мандельштам. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. КСИА, 108, 1966; Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюкль. ВМУ, 1961, № 3; его же. Грот Дам-Дам чешме 2... СА, 1966, № 2.

²⁹ См. А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 109, 1960; Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955; его же. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. т. II. Тбилиси, 1960; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957; К. Х. Кушнарера. Археологические работы в 1954 г. в окрестностях с. Ходжалы. МИА, 67, 1959; А. А. Иенсен. Поселение Уч-Тепе. МИА, 125, 1965; И. Г. Нариманов. Раскоп № 3 на поселении Уч-Тепе. МИА, 125, 1965; К. Х. Кушнарера, А. Л. Якобсон. Основные проблемы и итоги работ азербайджанской экспедиции. КСИА, 108, 1966.

³⁰ См. В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток; Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. КСИА, 108, 1966.

тие получили транспортные средства: верховая езда, вьюк, колесные повозки. Возможно, что в некоторых местах практиковалась заготовка кормов для скота, о чем могут свидетельствовать находки бронзовых секачей. Высокого уровня достигла металлургия и обработка металла: изготовление оружия, орудий труда и т. п.; керамическое производство, обработка дерева, кости, шерсти. Большого совершенства достигло искусство. Поселения имели облик оседлых и состояли из надземных построек, полуземлянок или землянок. В предгорьях жилищами нередко служили гроты.

На рубеже II и I тыс. до н. э., в конце эпохи бронзы и в начале железного века, хозяйство многих племен горно-степной полосы становится более подвижным и приобретает скотоводческий облик.

Культуры древнейших подвижных скотоводов Азии исследованы весьма неравномерно. Об этой эпохе в Центральной и Восточной Азии кроме отдельных археологических находок и полулегендарных сообщений восточных хроник известно немного. Предполагается, что в рассматриваемое время происходило становление кочевничества в Монголии³¹.

Значительно больше известно о Южной Сибири. В скифское время в степных областях Тувы обитали подвижные скотоводы, занимавшиеся также земледелием, охотой, собирательством. В это время широко одомашнивается лошадь как верховое животное³². Подвижным было население Алтая³³. Алтайские скотоводы разводили лошадей (вероятно, главных хозяйственных животных). Их использовали для верховой езды, они давали мясо, шкуры, молоко³⁴. Разводили также овец, крупный рогатый скот, коз³⁵. Но не все племена Южной Сибири обратились к подвижному экстенсивному скотоводству. Часть их осталась полуседлой, как население Минусинской котловины. Значительное распространение там имело орошаемое земледелие, металлургия, керамическое производство³⁶.

³¹ См. Н. Сэр-Оджав. Археологические исследования в МНР...; Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. УЗ ЛГУ, № 256, сер. вост., в. 7, 1958; по прилегающим районам Восточной Сибири см.: М. А. Дэвлет. Керамика позднетагарских курганов Красноярского р-на. СА, 1964, № 2.

³² См. С. И. Вайнштейн. Памятники скифского времени в Западной Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, 2. Кызыл, 1954; его же. Памятники кызылганской культуры. ТТКАЭЭ, 2, 1966; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Сутхале и Бай-Тайге. ТТКАЭЭ, 2, 1966.

³³ См. С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Л., 1953; С. В. Киселев. Древняя история...; М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, 24, 1955; его же. Памятники майэмирского этапа... КСИИМК, XIII, 1947.

³⁴ См. С. И. Руденко. Культура населения..., стр. 70, 71, 73.

³⁵ См. там же, стр. 70, 71.

³⁶ См. С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 487; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 179.

О скотоводах в Казахстане есть упоминания у древних авторов. Но свидетельства их кратки и не могут быть достоверно приурочены к определенному месту и народу³⁷. Археологические данные показывают, что хозяйство племен Казахстана на рубеже эпохи бронзы и железа становилось все более подвижным³⁸. Памятники скотоводства обнаружены в Восточном Казахстане. Найдены удила с кольцом в виде стремян, кости овцы, изображения двугорбого верблюда³⁹. Особенно четко важнейшие скотоводческие признаки обнаруживаются среди культур Центрального Казахстана: конский убор, в который входила узда ранней формы, кости домашних животных и др. Вместе с тем значительно были развиты металлургия, керамическое производство⁴⁰. В погребениях были найдены кости лошадей двух пород: низкорослых, толстоногих, с массивной головой и широким туловищем, и сравнительно рослых, использовавшихся под седло⁴¹. Овцы были курдючными⁴².

В Южном Приуралье скотоводческое направление в хозяйстве и подвижность последнего заметно усилились на последних этапах бронзового века. Особенно это проявилось в южных районах, где возросла роль овцеводства и коневодства. В литературе отмечается, что на алакульском этапе было завершено приручение коня как верхового животного⁴³. В начале железного века в этих местностях уже господствовало подвижное скотоводство⁴⁴.

В конце первой половины I тыс. до н. э. произошло становление полукочового скотоводства, сочетавшегося с земледелием в башкирских степях⁴⁵.

Подвижное скотоводство получило распространение в некоторых областях Западной Сибири⁴⁶.

³⁷ См. Аристей Проконесский. Аримаспея. Фрагм. 2—4. ВДИ, 1947, № 1.

³⁸ См. С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 115; А. Г. Максимова. Эпоха бронзы..., стр. 117 и сл.; «Древняя культура...», стр. 261 и сл.; К. В. Сальников. Бронзовый век... МИА, 21, 1951, стр. 141.

³⁹ См. К. А. Акишев. Саки семиречья. ТИИАЭ АН КазССР, 7, 1959; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя история саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМК, 80, 1960; С. С. Черников. Золотой курган Чиликтинской долины. КСИИМК, 98, 1964.

⁴⁰ См. М. П. Грязнов. Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956; М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, 7, 1959; «Древняя культура...».

⁴¹ См. А. В. Афанасьев. Зоогеография Казахстана. Алма-Ата, 1960; «Древняя культура...», стр. 415.

⁴² «Древняя культура...», стр. 112.

⁴³ См. К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 328 и сл.

⁴⁴ См. там же; К. Ф. Смирнов. Производство и характер хозяйства ранних сарматов. СА, 1964, № 3, стр. 50 (табл.); М. Г. Мошкова. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской обл. КСИИМК, 83, 1961; ее же. Ново-Кермакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, 15, 1962; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Зауралья. САИ, Д-1-9. М., 1963, табл. 6, 8, 21.

⁴⁵ См. А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957.

⁴⁶ См. М. П. Завитухина. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска. АСГЭ, 3. Л., 1961, стр. 108.

В значительной мере скотоводческим был также быт населения восточных горных областей Средней Азии⁴⁷. В захоронениях там найдены кости коней, конские уборы, оружие, а также и керамика, зернотерки, серпы. Под одним из курганов находилась большая деревянная постройка из обработанных бревен⁴⁸.

Примерно такое же хозяйство вело население Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Таласской долины⁴⁹. Отгонное скотоводство и земледелие на естественно орошаемых участках в эпоху раннего железа было распространено в Фергане⁵⁰.

Относительно племен среднеазиатского междуречья существует мнение, что, несмотря на значительное у них развитие скотоводства, быт в целом был оседлым⁵¹. Более подвижным было население Восточного Прикаспия. Гроты лишаются в это время своих обитателей, переходивших к кочеванию в подгорной полосе⁵².

Скотоводство получило также дальнейшее распространение на Кавказе⁵³.

Кочевым или полукочевым рисуется античными авторами быт обитателей Аравийского полуострова⁵⁴. Недостаток фактических данных затрудняет характеристику скотоводческого населения прорых областей Передней Азии⁵⁵.

⁴⁷ См. К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней..., стр. 3, 4, 25; Б. Н. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. ДД СССР на XXV МКВ. М., 1960; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники Ошской области. Фрунзе, 1960.

⁴⁸ См. К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней..., стр. 27, 31, 88, 101.

⁴⁹ См. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 189; А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины. АПТД. Фрунзе, 1963, стр. 17.

⁵⁰ См. Н. Г. Горбунова. К истории Ферганы в эпоху раннего железа. СА, 1962, № 4; ее же. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АСГЭ, 5, Л., 1962, стр. 106, 107; А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Сайман-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 51, 53.

⁵¹ См. С. П. Толстов. Варварские племена периферии античного Хорезма. «Материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней Азии». М., 1959; М. А. Итина. Степные племена среднеазиатского междуречья во 2-й половине — начале I тыс. до н. э. СЭ, 1962, № 3; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи... СА, 1966, № 2; С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, № 2.

⁵² См. Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки... ВМУ, 1961, № 3; его же. Грот Дам-Дам чешме 2... СА, 1966, № 2, стр. 123.

⁵³ См. Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл. КСИИМК, 33, 1950; его же. Древняя история Северного Кавказа...; В. И. Марковин, Р. И. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, 100, 1965; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1965, стр. 16.

⁵⁴ См. Геродот. История, III, 113; Страбон. География, XVI, 1, 2, 6; 3, 1.

⁵⁵ Н. А. Potratz. Die Skythen und Vorderasien. «Orientalis». Roma, 1959; R. D. Barnett. The treasure of Ziwey. «Iraq», XVIII, 2, 1956; H. Garrud. Le tresor de Ziwey (Kurdistan), 1950; Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, 1962, стр. 167; А. П. Смирнов. Скифы, стр. 16 и сл.

Развитие подвижного скотоводства и кочевничества продолжалось и в последующую хунно-сарматскую эпоху. В первых веках нашей эры стало складываться развитое кочевничество.

Большие сложности возникают при исследовании путей развития кочевничества, причин и условий его становления.

Как уже было отмечено, распространение воспроизводящего земледельческо-скотоводческого хозяйства в степях, пустынях и предгорьях не привело к возникновению кочевничества. И в энеолите и в эпоху бронзы в горно-степных областях сохранялись устойчивые традиции полуседлого и оседлого комплексного хозяйства. Только к концу II тыс. до н. э. в рамках этого комплексного хозяйства стало усиливаться скотоводческое направление, приобретающее постепенно более подвижные формы. Как установлено советскими исследователями, развитие подвижного скотоводческого хозяйства прошло ряд этапов: оседлый скотоводческо-земледельческий, полуседлый (его называют также полукочевым) яйлажный, отгонный, кочевой⁵⁶. Следует заметить, что само по себе появление отгонного скотоводства еще не предопределяло обязательность возникновения кочевничества. В определенных природных условиях эта хозяйственная форма продолжала существовать очень долго, вплоть до нашего времени, и, судя по историческим и этнографическим данным, не обнаруживала закономерной тенденции превращаться в кочевое скотоводство.

Возникновение кочевого этапа приурочивается обычно к концу II и началу I тыс. до н. э., к эпохе раннего железа, когда во многих областях Средней Азии и Казахстана, возможно, также Передней и Центральной Азии, в горно-степной зоне начинают исчезать оседлые поселения, все большее распространение получает коневодство и разведение мелкого рогатого скота; погребальный обряд все больше и полнее отражает подвижные условия жизни. Но вместе с тем в хозяйстве многих горно-степных племен того времени наблюдаются черты, указывающие на неполный переход к кочевничеству, на сохранение традиционных элементов полуседлости (развитое керамическое производство, металлургия, громоздкая домашняя утварь и т. п.). Эпоха подвижного скотоводства до его превращения в развитое кочевничество получила в литературе название эпохи «раннего кочевничества»⁵⁷. По мере дальнейшего развития кочевничества, в процессе становления его как основного вида занятий значительной части населения горно-степных областей постепенно отмирали и многие традиции полуседлого хозяй-

⁵⁶ См. М. П. Грязнов. Некоторые вопросы... КСИЭ, 24, 1955; его же. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, 26, 1957; К. В. Сальников. Очерки древней истории...

⁵⁷ «История СССР» (макет), гл. 6, § 3. Изд. ИИМК АН СССР, 1939; С. С. Черников. О термине «ранние кочевники». КСИИМК, 80, 1960.

ства и быта. Но этот процесс растянулся на века и стал завершаться только в первых веках нашей эры⁵⁸.

Весьма сложен вопрос об условиях и причинах складывания кочевничества. Трудно переоценить важность открытия в степях и предгорьях Азии предшествовавшего кочевничеству длительного этапа относительно оседлого комплексного хозяйства. Оно позволило поставить исследование истории развития хозяйственных форм в рассматриваемых областях на реальную почву фактов. Но открытие этого промежуточного этапа не давало само по себе ответа на многие кардинальные вопросы, связанные с возникновением кочевничества, а прежде всего: *почему, под влиянием каких причин и каким образом сложилось кочевое скотоводство? По всем этим проблемам в науке существуют различные мнения.*

Так, В. В. Гольмстен полагала, что нельзя связывать возникновение кочевничества с разведением травоядных животных охотниками и что оно могло быть порождено только пастушеством. Этот процесс она связывала с нехваткой в некоторых местах корма для скота, что приводило к отселениям и перекочевкам пастушеских групп⁵⁹.

Интересные мысли о возникновении кочевничества из пастушества высказал известный зоолог С. Н. Боголюбский. Говоря о североафриканском скотоводстве, он отмечает, что концентрация культуры в долине Нила способствовала изменению климата в Северной Африке. Чем он становился суше, тем большее значение приобретало в некоторых местах скотоводство — сначала пастушеское, а затем кочевое⁶⁰. Сходные условия возникновения скотоводческого хозяйства С. Н. Боголюбский находит и в Передней и Средней Азии. Обязательным условием возникновения здесь кочевничества он считает возрастание численности стад и одомашнивание верблюда и лошади⁶¹. Переход к кочевничеству исследователь объясняет как следствие затруднений с кормом для скота. Пастухам приходилось все дальше отходить от поселений. Вместо старых прочных поселений возникали летние и зимние пастбищные стоянки. Переходы кочевников стали занимать сотни километров. Они чаще придерживались водоразделов, чтобы не перебираться через реки, и строили колодцы⁶².

Разделяя мнение многих исследователей о том, что отгонное скотоводство было неизбежным этапом перехода к кочевничеству, А. Н. Бернштам полагал, что этот этап знаменовал собой процесс

⁵⁸ См. Г. Е. Марков. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. СЭ, 1973, № 1.

⁵⁹ См. В. В. Гольмстен. К вопросу о древнейшем скотоводстве в СССР. Сб. «Проблема происхождения домашних животных», в. I. Л., 1933, стр. 100, 102.

⁶⁰ См. С. Н. Боголюбский. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1956, стр. 42.

⁶¹ См. там же, стр. 49.

⁶² См. С. Н. Боголюбский. Происхождение и преобразование..., стр. 174, 175.

отделения кочевников от земледельцев. При этом он подчеркивал, что в условиях среднеазиатской действительности первое общественное разделение труда следует понимать не как выделение пастушеских племен из остальной части варваров, а как отделение кочевников от земледельцев, причем первое и второе общественное разделение труда происходило одновременно⁶³.

Весьма интересна концепция М. П. Грязнова о путях возникновения кочевничества. Прежде всего он справедливо отмечает, что имеющиеся археологические памятники по эпохе бронзы в Казахстане и Южной Сибири еще недостаточны для сколько-нибудь полного освещения конкретной истории развития хозяйства того времени. Заслуживает большого внимания его мысль о том, что примитивное скотоводство прошло в своем развитии ряд этапов, нам еще неизвестных, и пока можно говорить только о «первом длительном этапе» постепенного усовершенствования навыков разведения животных⁶⁴. Решительный перелом в хозяйстве степных племен рассматриваемых им областей М. П. Грязнов отмечает для второй половины II тыс. до н. э., когда в хозяйстве теряла значение охота и происходил переход к пастушески-земледельческому хозяйству. Смена одного типа хозяйства другим объясняется им удачей опыта разведения животных, распространением этого опыта. Очередной этап развития скотоводческого хозяйства М. П. Грязнов приурочивает к рубежу II и I тыс. до н. э., когда развитие скотоводства, увеличение поголовья стад и нехватка для него кормов в окрестностях поселений привели к возникновению яйлажного (полукошевого) хозяйства. При этом сложились условия для перехода к следующему этапу в развитии скотоводства — кочевничеству⁶⁵. Однако процесс возникновения и развития кочевничества в степях происходил не только путем непрерывных эволюционных изменений, но и при чередовании коротких периодов относительно быстрого развития производительных сил общества с периодами относительного покоя в их развитии⁶⁶. М. П. Грязнов полагает, что взгляд некоторых археологов на причины увеличения поголовья скота, вызвавшие постепенное развитие большей подвижности в хозяйственной жизни, неверен и противоречит археологическим наблюдениям. Переход от старой формы хозяйства к новой мог, по его мнению, происходить довольно быстро, в несколько лет, и даже распространение новой системы хозяйства по всем просторам степей не требовало веков⁶⁷.

Рассматривая проблему происхождения кочевничества на основе археологических материалов по Казахстану и Средней Азии, С. С. Черников пишет, что в андроновскую эпоху основой хозяй-

⁶³ См. А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. КСИЭ, 26, 1957, стр. 18 и др.

⁶⁴ См. М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства... КСИЭ, 26, 1957, стр. 21.

⁶⁵ См. там же, стр. 25, 27.

⁶⁶ См. М. П. Грязнов. Некоторые вопросы... КСИЭ, 24, 1955, стр. 19.

⁶⁷ См. там же, стр. 24.

ства степных племен было пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие. Но земледелие не могло стать там главным источником существования, так как обработка каменной мотыгой каштановых почв и суглинков, характерных для Казахстана, Западной Сибири и Приуралья, не давала достаточного количества прибавочного продукта. Условия же для скотоводства были чрезвычайно благоприятными, и оно было главной, наиболее перспективной отраслью их хозяйства. Победа скотоводческого хозяйства произошла, как считает С. С. Черников, в позднеандроновское время, в VIII—VII вв. до н. э. вследствие возрастания численности стад и того, что скотоводство давало больший прибавочный продукт, чем мотыжное земледелие. С освоением лошади, упряжных быков создавалась возможность перекочевков. Андроновская культура прекратила свое существование, исчерпав все возможности своего развития как степной пастушеско-земледельческой культуры эпохи бронзы⁶⁸.

К. В. Сальников объяснял возникновение кочевничества действиями двух факторов: численным ростом стад и возможностью использовать степные пространства под пастбища в связи с окончанием сухого ксеротермического периода и наступлением влажного времени. При этом большое значение для распространения кочевничества он придавал развитию степей⁶⁹.

Взгляды С. И. Руденко на возникновение кочевничества заслуживают самого серьезного внимания. Первоначальной формой животноводческого хозяйства было, по его мнению, содержание животных оседлым населением в загонах около жилищ. С ростом стад животноводство принимало форму пастушества или отгонного скотоводства. В первых столетиях I тыс. до н. э. началось массовое распространение скотоводства в азиатских степях и предгорьях⁷⁰. Интересны соображения С. И. Руденко относительно причин роста поголовья стад. Так, он пишет, что если для пропитания одной семьи достаточно стадо из условных 25 голов лошадей (считая 1 лошадь=6 овцам или козам), то стимулом для увеличения поголовья стад могло явиться только появление возможности обмена скота на оружие, предметы роскоши, изготовленные в земледельческой полосе. Такая возможность появилась в первой четверти I тыс. до н. э., когда устанавливались связи скотоводческих племен с Грецией, Ираном, Китаем и другими государствами⁷¹. С усилением обмена С. И. Руденко связывает предполагаемый им

⁶⁸ См. С. С. Черников. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, 26, 1957, стр. 31, 33; его же. О термине «ранние кочевники»... КСИИМК, 80, 1960; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы..., стр. 117; его же. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 69 и сл.

⁶⁹ См. К. В. Сальников. Бронзовый век..., стр. 147; его же. Очерки древней истории..., стр. 348 и сл.

⁷⁰ См. С. И. Руденко. К вопросу о формах..., стр. 2, 3, 10.

⁷¹ См. там же, стр. 10, 11.

процесс хозяйственной дифференциации общества. Он говорит, что не разделяет мнения о том, будто происходил массовый стихийный переход евразийских племен целиком от оседлого скотоводческого хозяйства к кочевничеству. В действительности, по его словам, к отгонному и полукочевому хозяйству могла переходить только часть, и притом незначительная часть племени. С течением времени, да и то не везде, в кочевническое хозяйство втягивалась большая или меньшая часть племени, но значительная его часть оставалась оседлой. Только при особо благоприятных условиях к кочевой жизни могло переходить племя целиком или отдельные его роды⁷².

Проблемы становления кочевничества затрагиваются в работах К. Ф. Смирнова. Рассматривая сложение савроматов, он приходит к выводу, что племена кочевников выделились вследствие значительного развития производительных сил. Переход к кочеванию был подготовлен, по его мнению, в течение длительного времени и завершился в раннем железном веке. При этом К. Ф. Смирнов полагает, что взгляд о переходе к кочевничеству в короткий срок неверен, и этот процесс длился столетиями⁷³. Сходную позицию занимает по этому вопросу и А. П. Смирнов. По его мнению, пастушеское скотоводство развивалось и совершенствовалось веками и тысячелетиями. В конечном счете оно превратилось в более производительный вид хозяйства — кочевое скотоводство. А. П. Смирнов отмечает, что уловить эти изменения в археологическом отношении невозможно. Но переход к новым видам хозяйства должен был быть связан с совершенствованием орудий производства, в частности с появлением строгих удил⁷⁴.

Развитие кочевничества как следствие численного роста общественных стад и увеличения населения предполагается некоторыми исследователями Центрального Казахстана, впрочем, без особых обоснований этой точки зрения⁷⁵.

Некоторое внимание проблеме возникновения кочевничества уделено и зарубежными учеными. Но сделано ими в этом отношении значительно меньше, чем советскими исследователями.

Выше уже отмечалась точка зрения по этому вопросу В. Шмидта. Происхождение кочевничества рассматривает в своих трудах Фр. Ханчар. Он полагает, что кочевничество возникло и получило распространение не от изменений в окружающей среде или каких-либо культурных завоеваний, а вследствие количественного роста поголовья животных, когда встала проблема прокорма скота, которая могла быть решена только путем кочевого хозяйства. Выска-

⁷² См. С. И. Руденко. К вопросу о формах..., стр. 12.

⁷³ См. К. Ф. Смирнов. Производство и характер хозяйства... СА, 1964, № 3, стр. 45, 46, 47.

⁷⁴ См. А. П. Смирнов. Скифы, стр. 13.

⁷⁵ «Древняя культура...», стр. 198.

зывая свою точку зрения, Фр. Ханчар вступает в острую полемику с В. Шмидтом ⁷⁶.

Затрагивает рассматриваемую проблему исследователь Тибета М. Германнс. Он полагает, что кочевое скотоводство возникло самостоятельно, вне связи с земледелием, как следствие развития охотничьего хозяйства в соответствующих, благоприятных для него условиях. Правда, для отдельных случаев он допускает возможность выделения новых скотоводов из среды земледельцев, но рассматривает это не как общую закономерность, а лишь как частный случай ⁷⁷.

Наконец, можно еще отметить точку зрения иранского историка Таги Бахрами на возникновение кочевничества как следствие политических событий, высказанную им в книге «История земледелия Ирана» (опубликована на персидском языке). По предположению этого автора до середины I тыс. до н. э. в Иране не было кочевых народов. Затем часть населения обратилась к кочевничеству, ища в нем спасение от насилий, чинимых войсками Александра Македонского. С установлением порядка в стране под управлением Сасанидов кочевничество, как полагает Бахрами, пошло на убыль и исчезало, чтобы возродиться в годы завоевательных походов. Еще больше оседлых земледельцев оказалось втянутыми в кочевничество при монголах. Эта точка зрения была справедливо подвергнута критике М. С. Ивановым ⁷⁸. В этой связи прежде всего надо отметить, что нет археологических свидетельств о постепенном и неуклонном развитии скотоводства и подвижности горно-степных племен в течение всей эпохи бронзы. Спорно и предположение о длительном переходе от комплексного хозяйства к кочевому скотоводству в связи с медленным накоплением необходимого для кочевания поголовья. Известно минимальное количество скота, потребное для ведения семьей скотоводческого хозяйства в разных природных зонах. Оно сравнительно невелико. Кроме того, у многих племен, обитавших в эпоху бронзы в горно-степной полосе, скотоводство играло существенную роль, что могло иметь место только при относительно большом поголовье. К тому же вообще трудно предположить, чтобы в течение столетий и тысячелетий происходило постепенное увеличение поголовья стад. Практика скотоводства показывает, что периодически оно то растет, то сокращается от бескормицы в климатически неблагоприятные годы, от болезней и т. п. Развитие поголовья скота происходит циклически, и каждый цикл длится от нескольких лет до нескольких десятилетий ⁷⁹. Переключение всего внимания на

⁷⁶ Fr. Hančar. Das Pferd in Prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien, München, 1955, S. 556.

⁷⁷ M. Hermanns. Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949, S. 216 u. f.

⁷⁸ М. С. Иванов. Племена Фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасени. ТИЭ АН СССР, т. 63. М., 1961, стр. 4.

⁷⁹ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах..., стр. 11; С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 580.

скотоводство должно было привести к увеличению поголовья до количества, достаточного для кочевания, причем для этого совсем не обязателен срок в несколько столетий, а тем более тысячелетий. То же можно сказать и относительно опыта, необходимого для кочевания. Обитатели предгорий и степей в эпоху бронзы имели достаточный навык обращения с животными, без чего они не могли бы их содержать, и знание их расцветки окружающей среды. Из сказанного вытекает, что предпосылки для возникновения кочевого скотоводства существовали задолго до того времени, как появилось кочевничество, однако тогда оно не возникло.

Необходимо отметить, что культуры горно-степной полосы, основывавшиеся на комплексном хозяйстве, существовали весьма длительное время, восходя еще к энеолиту. Нет никаких оснований полагать, что в период их расцвета комплексное хозяйство давало недостаточно средств к существованию. Оно имело довольно развитую техническую базу, во многом, очевидно, более совершенную, чем у многих скотоводческих племен в пору развитого кочевничества. В связи с этим можно думать, что только очень важные причины могли заставить многочисленные племена забросить привычные поселения, могилы предков, привычный уклад жизни и пуститься по неизведанным путям навстречу превратностям кочевой жизни, не сулившей в сравнении с прежней больших преимуществ. Обратившись к кочевничеству, бывшие земледельцы-скотоводы лишились устойчивых источников необходимой им растительной пищи, добывание которой встречало впоследствии известные трудности.

С. И. Руденко совершенно прав, рассматривая социальные условия: имущественное расслоение и другие как один из важнейших факторов, вызвавших появление кочевничества. Однако высказанная им в связи с этим гипотеза представляется неубедительной. Предполагая, что кочевыми становились зажиточные хозяйства, которые вели обмен с земледельцами, а менее зажиточные оставались оседлыми, он тем самым высказывает точку зрения, что степное общество того времени дифференцировалось по хозяйственному признаку: часть членов племен становилась кочевниками, а часть продолжала вести комплексное оседлое хозяйство. Но такой ход исторического процесса не зафиксирован ни письменными, ни археологическими свидетельствами. Хозяйственная дифференциация складывалась не внутри племен, обитавших относительно компактно и в одинаковых социально-экономических, политических, природных и других условиях, а между группами населения, племенами, жившими в местностях с различными условиями среды. Как показывают факты, и в этом смысле прав М. П. Грязнов, кочевничество относительно быстро вытесняет традиционное оседлое комплексное хозяйство, и нет данных, что где-либо кочевничество и пастушество сосуществовали в границах одного племени. В местностях, благоприятных для земледелия, кочевничество не складывалось, и там велось оседлое или полuosедлое хозяйство.

Предположение К. В. Сальникова о путях складывания кочевничества в Южном Приуралье односторонне и во многих отношениях спорно. Это касается как оценки климатических условий, так и многих других сторон описываемого процесса.

Представляется, что рассмотренные выше гипотезы о причинах возникновения кочевничества весьма интересны, вносят много нового в решение этой проблемы, однако оставляют многие, связанные с ней кардинальные вопросы открытыми. Большая часть их авторов склонна искать природу развития данного явления в эволюции хозяйственных форм, в преднамеренном переходе от одних видов хозяйственной деятельности к другим, не учитывая многих важных обстоятельств. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

В пору энеолита и ранней бронзы, когда в центрах древних цивилизаций уже складывались государства, соседние с ними обитатели степей и предгорий находились еще на поздних стадиях неолита. Развитие их хозяйства, социальных отношений, культуры происходило довольно медленно. Эта особенность постепенно все больше проявлялась, став заметной ко времени, когда производящее хозяйство широко распространилось в северных степях. Интересно, что, несмотря на сильнейшее многостороннее влияние со стороны окружающих цивилизаций, обитатели степей и предгорий пошли не по пути создания цивилизации древневосточного типа, а своим собственным путем. Это явление могло быть отчасти следствием тех специфических социально-экономических и природных условий, в которых развивалось кочевничество. До поры до времени народы, о которых идет речь, вели только комплексное хозяйство как наиболее выгодное и целесообразное, и никакие влияния ничего в этом не изменяли как для самых близких, так и для самых дальних соседей цивилизаций — от Средней Азии на юге и до Минусинской котловины на севере. И это комплексное хозяйство оказалось очень устойчивым, просуществовав от энеолита до поры раннего железа. Если бы справедливы были предположения о возникновении кочевничества вследствие медленного, постепенного численного роста стад, накопления опыта, то, очевидно, археологические данные показали бы, как этот процесс, начавшись когда-то и где-то, захватил затем постепенно всю область, где формировалось кочевничество. Одни области оказались бы кочевыми на многие столетия раньше, чем другие, отмечалось бы длительное сосуществование в степях кочевых обществ с другими типами хозяйства. Ничего подобного, однако, в действительности нет. Переход к кочевничеству произошел относительно равномерно и быстро, во всяком случае, в сравнении с длительностью эпохи существования культур с комплексным хозяйством — почти повсюду, где до этого времени бытовало пастушеское хозяйство, обходя лишь местности, где условия среды благоприятствовали земледелию. Нельзя не выразить сомнения в справедливости распространенного предположения о том, что переход к кочевому скотоводству произошел потому, что этот вид хозяйства был более прогрессивен,

чем прежний. Одно дело изменение способов ведения хозяйства, его усовершенствование при неизменности быта, как, скажем, переход от мотыжного к плужному земледелию, увеличение ассортимента и качества домашних животных, развитие домашних производств и ремесел и т. п. Совсем другое дело изменение хозяйственной базы общества, коренная ломка быта. Такие явления не происходят без очень серьезных, насущных причин. При этом едва ли мотыжное земледелие в сочетании с пастушеством, металлургией, развитыми домашними производствами давали худшие возможности для существования, чем кочевничество.

Представляется бесспорным, что одной из важнейших причин, вызвавшей появление кочевничества, было развитие разделения труда, социальных отношений, обмена. Можно полагать, что еще на пастушеской стадии скот начал переходить в собственность отдельных семей, что требовало новых приемов ведения хозяйства, создавало имущественную и социальную дифференциацию. Энгельс пишет по этому поводу: «И несомненно, ... что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей...⁸⁰. Семьи, ставшие собственниками скота, получили новый стимул для увеличения его поголовья, развивался обмен и т. п., и все это вело к увеличению подвижности населения, нуждавшегося в обширных пастбищных просторах для своих стад. Стали появляться новые виды социальных отношений и общественные структуры, разлагались родовые связи и первобытнообщинный строй. Усиливались столкновения между отдельными группами, что приводило, в свою очередь, к увеличению подвижности. Более регулярными становились связи с оседло-земледельческими областями. К сожалению, мы очень мало знаем о социально-экономической истории этой эпохи. Археологические и письменные свидетельства очень скудны, а этнография не знает народов, находившихся на сходном этапе исторического развития.

Рассматривая процесс возникновения кочевничества прежде всего как следствие развития социально-экономических отношений, хозяйства, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Дело в том, что, насколько это видно из археологических данных, хозяйственные, социально-экономические процессы развертывались примерно в равной степени и одновременно у большей части племен «горно-степной бронзы». Однако не все эти племена перешли к кочевничеству: оседлыми или полuosедлыми остались племена Минусинской котловины, Кавказа, часть населения в низовьях Сырдарьи и Амударьи и т. д., а это свидетельствует о том, что возникновение нового вида хозяйства было связано еще с какими-то условиями.

Одним из существенных факторов являются условия природной среды, их изменения, особенно для обществ, имеющих низкий уровень развития производительных сил.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 58.

Как показывают специальные исследования, изменения природной среды, ландшафтов, развитие растительного покрова происходят под влиянием сложного комплекса причин. К их числу относят климатогенные, тектогенные, биогенные и антропогенные факторы⁸¹, геоморфологические явления⁸².

Климатогенный фактор нередко сводят к проблеме ксеротермических периодов⁸³. Между тем вопрос о ксеротермических эпохах составляет только часть общей проблемы климата голоцена, по поводу которой ведется дискуссия еще с 70-х годов прошлого века в связи с появлением схемы Блитта-Сернандера. Многие ученые полагают в свое время, что эту схему, а одновременно и учение о ксеротермических периодах можно распространять на всю Евразию⁸⁴.

По мере накопления фактических данных исследователи стали отказываться от схематизации природно-климатических процессов и, в частности, развернулась критика учения о ксеротермических периодах. Это не означало, однако, отрицания возможности зональных колебаний климата в голоцене, а тем более изменений в растительных ассоциациях под воздействием разных причин⁸⁵. Многие ученые полагают, что в голоцене, в том числе и в суббореальную эпоху — время увеличения подвижности скотоводства, —

⁸¹ См. М. Миланкович. Математическая климатология и астрономическая теория колебаний климата. М.—Л., 1939; В. Н. Васильев. Закономерности процесса смен растительности. МПИФир СССР, в. 2. М.—Л., 1946, стр. 369; Ф. Н. Мильков. Основные проблемы физической географии СССР. М., 1967, стр. 140.

⁸² См. Ф. Н. Мильков. О возрасте лесостепного ландшафта и его природе. ВГ, сб. 4, 1947, стр. 97. О том, какие из этих факторов наиболее существенны существуют разные точки зрения (см. В. Н. Васильев. Закономерности процесса..., МПИФир СССР, в. 2, стр. 370).

⁸³ См. Б. Ф. Земляков. О последледниковых колебаниях климата и их значении в археологии. ПИДО, 2, 1934; В. В. Карачаровский. Позднечетвертичная фауна бассейна р. Юрюзани. МИА, 21. М., 1951; В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутан. КСИА, 91, 1962; К. В. Сальников. Очерки истории...

⁸⁴ Например, И. М. Крашенинников. Цикл развития растительности долин степных зон Евразии. ИГИ, 3. Пг., 1922; его же. Основные пути развития растительности Южного Урала в связи с палеогеографией Северной Евразии в плейстоцене и голоцене. СБ, 1939, № 6—7; Б. Ф. Земляков. О последледниковых колебаниях климата...; Л. С. Берг. Климат и жизнь. М., 1947; М. И. Нейштадт. Роль торфяниковых отложений в восстановлении истории ландшафтов СССР. ПФГ СССР, 1939; А. Н. Криштофович. Эволюция растительного покрова. МПИФир СССР, в. 2. М.—Л., 1946. Эту точку зрения разделяли и многие другие ученые (В. С. Доктуровский, Д. А. Герасимов, А. М. Жирмунский, К. К. Марков, А. И. Москвитин и др.).

⁸⁵ См. И. П. Герасимов. Основные черты развития современной поверхности Турана. ТИГ АН СССР, 25, 1937; Е. В. Вульф. Историческая география растений. М.—Л., 1944; Д. К. Зеров. Учение о ксеротермических периодах в ботанической географии. МПИФир СССР, в. 4. М.—Л., 1946; Ф. Н. Мильков. О возрасте лесостепного ландшафта... ВГ, сб. 4; его же. Воздействие рельефа на растительность и животный мир. М., 1953; его же. Природные зоны СССР. М., 1964; его же. Основные проблемы физической географии...

имели место зональные климатические колебания, а возможно, и эпохи термических оптимумов, но сказывались они в разных местах неодинаково⁸⁶. К сказанному следует добавить, что климат в голоцене СССР изучен главным образом в северо-восточной и северной Европе, северной Азии, зоны же, где происходило становление кочевничества, исследованы мало⁸⁷.

Специалисты отмечают, что изменение климатических условий происходит в довольно узких температурных пределах⁸⁸. При этом реакция разных ландшафтных зон и их рубежей на одни и те же климатические изменения неодинакова. Высказано предположение, что наименьшую устойчивость проявляют границы между степями и полупустынями⁸⁹. Но кочевничество как раз и возникло в специфических условиях пустынных степей, полупустынь, пустынь, вне зоны лесов и земледельческих оазисов, непригодных для ведения экстенсивного скотоводства.

Подвижность и изменение ландшафтных зон и их растительного покрова зависят далеко не только от воздействия одних лишь климатических факторов. Можно считать установленным фактор внутривековых колебаний уровня грунтовых вод и водоемов в зависимости от влажности⁹⁰. Такие колебания имеют место и в рамках более длительных периодов, но изучены они еще мало⁹¹. Между тем колебания уровня грунтовых вод и водоемов могли иметь важные последствия для примитивного мотыжного земледелия.

Смещение ландшафтных зон и локальные изменения природной среды происходили также вследствие геоморфологических явлений, в связи с солонцеванием и осолонцеванием почвы и других причин, что приводило к обеднению степных ассоциаций и развитию бо-реально-ксерофитной растительности⁹².

Если допустить, что под воздействием тех или иных факторов происходило некоторое смещение географических зон в отдельных

⁸⁶ См. А. Н. Криштофович. Эволюция растительного покрова. МПИФир СССР, в. 2, 1946, стр. 24; Ф. Н. Мильков. О возрасте лесостепного ландшафта... ВГ, сб. 4, стр. 94; П. П. Предтеченский. Очерк позднеледниковой и ледниковой истории климата. ТЛЮ, 5, 1957 (см. климатическую схему); М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 373, 374; его же. Всесоюзное совещание по изучению четвертичного периода, т. 1. М., 1961, стр. 88; М. И. Нейштадт и В. К. Гуделис. Проблемы голоцена. «Вопросы голоцена». Вильнюс, 1961, стр. 17, 18; М. Шварцбах. Климаты прошлого. М., 1955; Х. Шейли. Изменения климата. М., 1958.

⁸⁷ Например, Е. В. Вульф. Историческая география растений..., стр. 236; Ф. Н. Мильков. О возрасте лесостепного ландшафта... ВГ, сб. 4.

⁸⁸ См. В. Н. Васильев. Закономерности процесса... МПИФир СССР, в. 2, стр. 369.

⁸⁹ См. Ф. Н. Мильков. Воздействие рельефа на растительность..., стр. 114.

⁹⁰ См. А. В. Шнитников. Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата. ТЛЮ, 1. М.—Л., 1950.

⁹¹ См. Ф. Н. Мильков. Основные проблемы физической географии..., стр. 140.

⁹² См. И. М. Крашенинников. Географические работы. М., 1951.

местностях, что не противоречит данным естественных наук, то для хозяйства обитавшего там населения это явление могло иметь важные последствия. Как установлено, в условиях степей можно получить от 7 до 15 центнеров сена с гектара, тогда как в полупустынях только 5⁹³. Естественно, что сокращение кормовой базы должно было вызвать усиление подвижности скотоводства.

Чрезвычайно существом антропогенный фактор. Развитие скотоводства в эпоху бронзы, выпас значительного поголовья скота на ограниченных пространствах отгонных пастбищ привели к деградации растительности и почв. Этому способствовала вырубка кустарника на дрова. При этом деградировали не только пастбища, но и обрабатываемые земли⁹⁴. Запустевание земельных площадей могло быть также связано с поливом при примитивном земледелии, вызывавшем вторичное засоление почвы⁹⁵.

Рассмотренные данные позволяют высказать мнение, что возникновение подвижного скотоводства, а затем кочевничества было сложным, обусловленным многими причинами процессом. Известно, что старая система хозяйства удерживается обыкновенно до тех пор, пока есть хоть малейшая возможность ее удержать⁹⁶. Поэтому признание множественности причин возникновения кочевого скотоводства позволяет объяснить, почему одни племена «горно-степной бронзы» перешли к экстенсивному кочевому скотоводству, возникли различные его разновидности, почему многие племена, перешедшие к середине I тыс. до н. э. к подвижности, оставили затем кочевничество, а другие племена сохраняли еще длительное время традиционное комплексное оседлое или полuosедлое хозяйство.

Там, где по многим причинам ухудшились условия для ведения примитивного земледелия и отгонного хозяйства, могли сложиться «критические зоны», где у племен, достигших определенного уровня социально-экономического развития, возникла необходимость изыскания новых средств к существованию. В аридной полосе выход мог быть найден только в развитии экстенсивного кочевого скотоводства или переселениях на новые места, что приводило к появлению подвижных форм хозяйства. Но в тех местах, где неблагоприятные факторы проявлялись в меньшей мере, где существовали устойчивые источники водоснабжения, хорошие земли, пригодные для обработки, и пастбища, комплексное хозяйство сохранялось еще долгое время, не проявляя тенденции к превращению в кочевничество. Если бы кочевое скотоводство возникло только вследствие численного роста стад, накопления опыта, то

⁹³ См. Ф. Н. Мильков. Природные зоны СССР, стр. 167, 169.

⁹⁴ Ср. П. А. Костычев. Алешковские пески. Ежегодник СПб. лесного института, год 2-й, 1888, стр. 208.

⁹⁵ См. Ф. Н. Мильков. Природные зоны СССР, стр. 234.

⁹⁶ Ср. П. А. Костычев. Алешковские пески, стр. 208, 209.

этот процесс воспроизводился бы постоянно у народов, не достигших уровня развитого плужного земледелия, или при возникновении избыточного населения. Но позднейшая история почти не знает примеров превращения оседлого населения, земледельцев, в кочевников, основу существования которых составляло бы главным образом экстенсивное кочевое скотоводство. Происходил только обратный процесс оседания кочевников на землю, хотя во многих областях имелись свободные степные просторы, куда могли двинуться оседлые народы со своими разросшимися стадами (так не стали кочевниками в предложенном выше понимании термина скотоводы Восточной Африки, Северной Америки). Кочевничество сложилось только там, где специфические условия природной среды давали возможность к существованию главным образом только через подвижное экстенсивное скотоводство.

Таким образом, представляется, что становление кочевничества происходило первоначально на основе комплексного хозяйства племен горно-степных областей, под воздействием общих причин и закономерностей, т. е. моногенетически, что не исключает позднейшего вовлечения в него отдельных групп с иным хозяйственным типом (охотников и т. п.). Но разворачиваться этот процесс мог конвергентно в различных «критических зонах», т. е. полицентрически.

Недостаток фактических данных не позволяет точно установить зоны первоначального становления кочевничества. Лишь предположительно можно наметить два ареала, где разворачивался этот процесс: на Аравийском полуострове и в аридной полосе от Восточного Прикаспия на западе до Большого Хингана на Востоке. Северный предел этого ареала ограничивался лесостепью, южный — окрестностями Центрально-Иранского нагорья и Сулеймановыми горами. Можно полагать, что «критические зоны» находились здесь, в пустынных областях Южного Приуралья, Центрального Казахстана, Восточного Прикаспия, части степей Центральной Азии. Очевидно, это были области, где в эпоху бронзы существовало развитое отгонное скотоводство.

Особо стоит вопрос о монголах. Еще в X—XII вв. н. э. некоторая их часть обитала в лесах, и только незадолго до сложения монгольской империи они перешли к кочевому скотоводству⁹⁷. К тому же, по данным языкознания, почти вся лексика монголов, связанная с домашними животными и скотоводческим хозяйством, по происхождению тюркская⁹⁸. Это может свидетельствовать о более позднем распространении среди них кочевничества в сравнении с другими скотоводческими народами.

С возникновением в определенных зонах подвижного скотоводства в виде «раннего кочевничества» на его дальнейшее развитие

⁹⁷ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 34.

⁹⁸ См. А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. ВЯ, 1966, № 3.

и распространение с еще большей силой стали действовать социальные и политические факторы. Скотоводы стали быстро расселяться. Как отмечал Маркс, большие необитаемые пространства являются главным условием их существования⁹⁹. Становление кочевничества сопровождалось возникновением сплоченной военно-кочевой социальной организации. Война становилась постоянным промыслом¹⁰⁰. В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния и вовлекали в орбиту кочевничества все новые группы населения. Мог развернуться как бы «целной процесс» распространения кочевничества, вовлечения в него разрозненных и политически разъединенных полуоседлых и оседлых племен. Таким образом, кочевничество могло распространяться и в областях, где первоначально не было условий для его возникновения. Но там, где существовали или появились условия для ведения достаточно продуктивного земледелия, кочевничество не имело перспектив для развития.

Распространение и развитие кочевничества привели к большим социально-экономическим и политическим последствиям. Значительно усилились процессы имущественной и социальной дифференциации, обмен и т. п. Маркс писал, что «кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»¹⁰¹. Частые столкновения с населением оседло-земледельческих областей, в свою очередь, приводили к усилению подвижности степного населения.

На конец I тыс. до н. э. и первые века нашей эры приходится последний этап раннего кочевничества, после чего начинается складываться развитая фаза кочевого скотоводства. Ни археологические, ни письменные источники не дают достаточно полной картины хозяйства и общественной структуры скотоводческих племен того времени. Но и те немногие данные, которыми мы располагаем, исключительно важны для понимания дальнейшей истории развития кочевничества в Азии.

Огромную роль в истории народов Азии, а впоследствии и Европы, в конце I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. сыграли хунны, завоевавшие и покорившие множество народов и оказавшие на них значительное этническое и культурное влияние.

Археологически хунну и хуннское время в Азии изучены еще мало. Лучше других известны хуннские памятники Восточной Сибири. Происхождение хунну было сложным, так же как и их эт-

⁹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724.

¹⁰⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164. К. Маркс отмечал: «... Война — это один из самых первобытных видов труда...» (К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24).

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 99.

нический состав. Существует предположение, что в III в. до н. э. в Центральной Азии на основе культуры «плиточных могил» складывается союз племен хунну. При этом одни группы хунну были подвижными, другие довольно оседлыми. В III—I вв. до н. э. они имели 3—4 городка¹⁰². Впрочем, вопрос о кочевничестве и оседлости у хунну остается весьма дискуссионным.

Памятники хунну изучались в Забайкалье и в МНР. Раскапывались как рядовые могилы, так и захоронения предводителей¹⁰³. Рядовые могилы были подкурганными, облицовывались камнем, или сооружалась деревянная погребальная камера в виде сруба, или хоронили в гробах. Захоронения содержали разнообразные предметы: железные изделия, части срубу, предметы вооружения, украшения, керамику, китайские монеты¹⁰⁴. Судя по остеологическим находкам, преобладало конское доголовье. Разводился также крупный и мелкий рогатый скот, верблюды. Известную роль в хозяйственной деятельности играли также земледелие и охота, обнаружены семена проса, литые чугунные зернотерки, следы оросительных каналов¹⁰⁵.

Были обследованы многие сотни курганов, но по инвентарю и богатству захоронений погребения знатных лиц мало отличались от погребений рядовых хунну¹⁰⁶.

Деревянные конструкции погребальных сооружений показывают высокое развитие плотничьего дела у хунну. С большим совершенством выполнены гробы и срубы из погребальных камер. Весьма вероятно, что погребальные сооружения для знатных покойников выполнялись китайскими мастерами. Следует отметить, что описанный в Шы-Цзи погребальный обряд хунну соответствует тому, что было встречено при археологических раскопках¹⁰⁷.

Кочевое жилище хунну, известное из описаний китайских хроник, не засвидетельствовано археологическими данными. Зато обнаружены постоянные жилища. На Иволгинском городище вскрыты полуземлянки, в плане прямоугольные или квадратные, со стенами из сырцового кирпича, обмазанными, как и пол, глиной.

¹⁰² См. С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН СССР, сер. ист.-фил., в. 4, 1947; его же. Древние города Монголии. СА, 1952, № 2, стр. 91; Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 43.

¹⁰³ См. С. А. Теплоухов. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925; С. И. Руденко. Культура хунну и Ноин-улинский курган. М.—Л., 1962; Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на р. Хуни-Гол (1954—1957 гг.). МАС. М., 1962; его же. Умард Хунну. Улан-Батор, 1961 (на монг. яз.), см. рец. С. Вайнштейна и В. Волкова: СЭ, 1962, № 2.

¹⁰⁴ См. Ц. Доржсурэн. Раскопки могил... МАС, 1962, стр. 38, его же. Умард Хунну...

¹⁰⁵ См. Ц. Доржсурэн. Умард Хунну...

¹⁰⁶ См. С. И. Руденко. Культура хунну..., стр. 6.

¹⁰⁷ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950.

Кровля на столбах, деревянная, крытая берестой и дерном. Отапливались землянки очагами и канами. Весьма вероятно, что полужемлянками пользовались китайские перебежчики и отдельные группы оседлых хунну, а знать и основная часть хунну жили обычно в кочевых жилищах. Кроме того, хуннская знать имела также большие, богато украшенные изнутри бревенчатые дома. Об искусстве сооружения этих домов свидетельствуют погребальные камеры нойнулинских курганов. Обстановка хуннских жилищ и утварь показывают значительное влияние оседлой культуры. Например, лаковые столики для еды, чашечки, палочки для еды и т. п.¹⁰⁸

Основными средствами передвижения служили верховые лошади. В захоронениях найдены наборы конских узд. Они были ремennыми и состояли из оголовья, ремня переносья, налобного и подшейного ремней. Нащечные ремни продевались в роговые или железные псалии. К кольцам удила с одной стороны привязывался конец ремennого повода, с другой стороны — конец ремня чумбура. Верховые седла состояли, очевидно, из подушек и не имели ни деревянного каркаса, ни стремян. Деревянный каркас имелся во вьючном седле. Вьючились преимущественно крупный рогатый скот, Располагали хунну также колесным транспортом. Они пользовались легкими двухколесными китайскими повозками и массивными четырехколесными телегами, в которые впрягались быки¹⁰⁹. Орудия труда хунну были довольно разнообразными: ножи, поперечно- и продольно-лезвийные топоры, коловороты, сверла, струги, пилы, тесла, долота и др. С их помощью хуннские мастера изготавливали самые различные предметы быта из дерева, кости, металла. Выделывались кожи и меха; были распространены прядение и ткачество шерстяных тканей, выделка войлоков. Высокого искусства достигли аппликация и вышивки. Выделывалась глиняная лепная керамика¹¹⁰.

Сведения письменных источников о степных кочевниках Центральной и Восточной Азии вплоть до первых веков. II тыс. до н. э. весьма отрывочны и малодостоверны. Основываясь на сообщениях Сыма-Цяня, некоторые историки относят возникновение хуннской державы к XIII в. до н. э. С конца I тыс. до н. э., когда хуннские переселения и завоевательные походы, продолжавшиеся и в первых веках нашей эры, оказали огромное влияние на судьбы многих азиатских и европейских народов, известия о хунну появляются во множестве, и их имя постоянно встречается на страницах хроник и исторических сочинений того времени. В обширной литературе о хунну, возникшей в последнем столетии, эти известия тщательно исследовались и на их основании оказалось возможным

¹⁰⁸ См. С. И. Руденко. Культура хунну..., стр. 30, 31, 35, 36 и сл.

¹⁰⁹ См. там же, стр. 48, 49, 50, 51.

¹¹⁰ См. там же, стр. 52, 53, 54, 55, 59, 60.

воссоздать сравнительно полную картину политической истории хунну, их переселений и взаимоотношений с другими народами. В значительно худшем положении находится изучение хозяйства хунну, исследование их общественных отношений. Те немногие и весьма краткие характеристики этих явлений, которые можно почерпнуть из сообщений источников, недостаточны для воссоздания хода развития хозяйства и общественной организации хунну, и неудивительно, что по этим проблемам в литературе имеются различные суждения.

Прежде чем рассматривать сообщения источников о хозяйстве и быте хунну, надо хотя бы кратко остановиться на степени их достоверности. Как отмечалось, некоторые известия восточных и западных источников о погребальном обряде и некоторых других сторонах быта нашли подтверждение в данных археологии. Во многом достоверны, очевидно, описания хозяйства хунну в восточных хрониках, составленных со слов очевидцев. Но есть некоторые обстоятельства, заставляющие с осторожностью воспринимать эти свидетельства полностью на веру. Дело в том, что китайцы, побывавшие среди хунну, не ставили себе задачу показать исчерпывающую картину хозяйственной и общественной жизни хуннского народа и лишь кратко сообщали о том, что они видели в непосредственном окружении тех хуннских предводителей, у которых они бывали. Жизнь же основных масс непосредственных производителей, тем более в глубине степей, оставалась малоизвестной даже весьма осведомленным путешественникам. Это ясно видно из того, что все описания быта относятся, как правило, только к южным группам хунну, граничащим с Китаем, и испытывавшим на себе уже в течение веков влияние соседнего земледельческого населения. Сложность этнического состава хунну заставляет предполагать, что они формировались из групп с различным хозяйственно-бытовым укладом. Самые из них северные, как это подтверждается и источниками, были представлены таежными охотниками-скотоводами; самые южные, близкие к земледельческим областям Китая, включали в себя, очевидно, группы довольно оседлого населения.

Таким образом, при характеристике хозяйства хунну следует, во-первых, учитывать различия изначально составлявших это хозяйство укладов и, во-вторых, сильнейшее многовековое влияние земледельческого хозяйства на многие группы южных хунну. Естественно, что трудно требовать от наблюдателей хунну учета всех этих сложных факторов. К тому же в значительной мере влияли субъективные взгляды китайцев, а впоследствии и западных авторов, судивших о хунну с позиций господствовавших в Китае, Южной Европе и т. п. социальных отношений. Пренебрежение этими обстоятельствами и использование сообщений древних источников без должной исторической критики приводит зачастую к тому, что одни явления из хозяйственной и социальной истории хунну сильно архаизируются, а другие модернизируются.

Рассмотрение сведений источников о хозяйстве хунну следует начать с показаний китайских хроник, восходящих к наиболее древним из доступных для нас этапов истории хунну. О древнейших, еще легендарных временах истории хунну в исторических записках Шы-Цзи сообщается, что хунну обитали за пределами Китая и жили там кочевой жизнью, переходя со своим скотом с одного пастбища на другое. Их стада состояли преимущественно из лошадей, держали также крупный и мелкий рогатый скот, разводили верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород¹¹¹. Скотоводство хунну вели кочевое, кочуя с места на место, «смотря по приволью в воде и траве». В исторических записках прямо отмечается, что у хунну нет ни городов, ни оседлости, ни земледелия. Однако наряду с этим говорится, что у «каждого есть определенный участок земли»¹¹². Такое противоречие в сообщениях может объясняться лишь тем, что под земледелием летописец имел в виду товарное зерновое хозяйство; возделывание же небольших участков, на которых скотоводы разводили в небольшом количестве овощи, бахчевые культуры, земледелием в полном смысле этого слова не считалось. И действительно, судя по этнографическим данным о скотоводческих народах Средней Азии в XIX в., такие огороды в степи не имели для кочевого и полукочевого населения большого хозяйственного значения. В связи с этим представляется недостаточно обоснованными предположения некоторых авторов о широком распространении у хунну в первой половине I в. н. э. земледелия¹¹³.

Сходные сведения сообщают китайские хроники о хозяйстве хунну и для более позднего времени (последних двух веков до н. э.). Население степей Восточной и Центральной Азии было в ту эпоху весьма многочисленным. Это видно хотя бы из того обстоятельства, что один шаньюй Модэ располагал войском в 300 тыс. человек¹¹⁴. Для рассматриваемого времени характерны тесные хозяйственные связи хунну с оседлыми земледельческими народами. Широкий обмен продуктами скотоводства, с одной стороны, и земледелия и ремесла — с другой, несомненно, оказывал большое влияние не только на экономику, но и на общественную структуру кочевников, особенно на семью племенной верхушки и предводителей.

Китайские источники изобилуют сведениями о товарах, посылаемых в подарок или в обмен хунну. Так, в одном из мирных договоров между Китаем и хунну говорится, что страна последних лежит в северной стороне, где рано наступают сильные морозы. Поэтому Китай обязывается ежегодно посылать недостаю-

¹¹¹ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 39.

¹¹² Там же, стр. 40.

¹¹³ См. Л. Н. Гумилев. Некоторые вопросы истории хуннов. ВДИ, 1960, № 4, стр. 122 и сл.; А. Н. Бернштам. Очерк истории хуннов...; Ц. Доржсурэн. Умард Хунну...

¹¹⁴ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 49.

щие им продукты земледелия: просо, белый рис, хлопчатник, а также ремесленные изделия (парчу, шелк и т. д.)¹¹⁵.

Из сообщений китайских хроник о военных столкновениях с хунну можно почерпнуть сведения о значительном поголовье их скота и составе стад. Так, например, во время войн I в. до н. э. только один китайский отряд захватил в походе 72 года у хунну до 10 тыс. голов скота (в их числе лошадей, волов, овец). Множество лошадей, быков, овец захватили и другие отряды¹¹⁶. В дальнейшем походе китайцы захватили в области стойбища крупного хуннского предводителя Лули-князя, 39 тыс. пленных и до 700 тыс. голов лошадей, быков, овец, ослов, верблюдов¹¹⁷. Эти данные свидетельствуют о большой многолюдности в степях на рубежах нашей эры и значительном поголовье скота. Наряду со скотоводством немалую роль в хозяйстве хунну играла и охота. Это видно из слов хроники о том, что в начале 40-х годов I в. до н. э. шаньюй Хуханье приводил как довод в пользу необходимости переселения на север, от границ Китая, отсутствие охотничьей добычи: птиц и зверей¹¹⁸. Шы-гу пишет: «близ укрепленной границы уже не было ни пищи, ни зверей, и посему нечего было промыслять на охоте...»¹¹⁹.

Сведений о земледелии у хунну можно найти довольно мало. Как уже не раз отмечалось многими авторами, хунну получали значительную часть необходимого им зерна от китайцев, что весьма способствовало развитию между ними обменных отношений, и хунну очень ценили базары, где происходила торговля с приезжими из земледельческих областей купцами.

Известны памятники «ранних кочевников» хуннской эпохи в Туве, которая вошла на рубеже III—II вв. до н. э. в состав северных окраин кочевой империи Модэ (206—174). Археологические раскопки в окрестностях г. Сынь-Чюрек, могильника Кокэль и в других местностях позволили выделить сынь-чюрекскую культуру, сочетающую местные, тувинские и пришлые гуннские черты¹²⁰.

В захоронениях обнаружены пробы и разнообразные изделия, в том числе китайские. В числе оружия были луки, стрелы в колчанах, деревянные модели мечей и кинжалов, копыя и дротики

¹¹⁵ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 60.

¹¹⁶ См. там же, стр. 81.

¹¹⁷ См. там же, стр. 82.

¹¹⁸ См. там же, стр. 91.

¹¹⁹ Там же, стр. 92, сн. 1.

¹²⁰ См. С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. УЗ ТНИИЯЛИ, в. 2. Кызыл, 1954; его же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956—1975 гг. УЗ ТНИИЯЛИ, в. 6. Кызыл, 1958; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль... конца I тыс. до н. э. — I в. н. э. ТТКАЭЭ, т. 2, 1966; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы...; А. Д. Грач. Археологические раскопки... ТТКАЭЭ, т. 2, 1966.

с железными наконечниками, бытовая утварь, украшения, изделия из дерева, довольно многочисленная керамика¹²¹. В могилы клали мясо овцы. Из преобладания костей мелкого рогатого скота, отсутствия в курганах больших срубов делается предположение о подвижности хозяйства в степях. Скотоводство сочеталось там с охотой и земледелием¹²². Подвижность хозяйства можно усмотреть и в господствовавшем типе жилищ—войлочной юрте¹²³. В сыпчюрекское время в Туву проникают алтайские тюрки, что видно из появления обычая захоронения с конем¹²⁴.

Под властью хунну оказался и Алтай, где на шибинском этапе продолжал бытовать тот же хозяйственно-культурный уклад, что и в древнейшую эпоху раннего кочевничества¹²⁵.

Интересные памятники раннего кочевничества рассматриваемого времени (очевидно, усуней) обнаружены на востоке Средней Азии, в Таласской долине. Там были исследованы Кенкольский могильник¹²⁶, курганы Таш-Тобе, Там-Башат и другие памятники¹²⁷. Это были горные и предгорные племена, основой хозяйства которых было скотоводство. Имелись, очевидно, и элементы оседлости, что видно из находок сырцовых кирпичей. Многие находки свидетельствуют о широких торговых связях¹²⁸.

Культуры рассматриваемого этапа эпохи ранних кочевников представлены и в других областях Средней Азии и Казахстана.

Памятники еще малоизученных групп ранних кочевников обнаружены в могильниках Тюлейкен, Чакмак, Чак, Кайрагач, Кара-Мойнок и других на юге Ошской области¹²⁹, в Фергане¹³⁰.

Довольно богато памятниками кочевников гуннского времени Семиречье, где выделяются культуры, связанные с усунями¹³¹.

¹²¹ См. С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль..., стр. 255, 257, табл. IV.

¹²² См. там же, стр. 257; С. И. Вайнштейн. Тува в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения классового общества. ИТ, т. 1, стр. 39, 40.

¹²³ ИТ, т. 1, стр. 46.

¹²⁴ Там же, стр. 35—54; «Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры...», стр. 75.

¹²⁵ См. С. В. Киселев. Древняя история...; М. П. Грязнов. Памятники маймирского этапа..., стр. 9 и сл.; С. И. Вайнштейн. Тува в период разложения первобытно-общинного строя. ИТ, т. 1, стр. 34, 35 и сл.

¹²⁶ См. А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940; И. Кожамбердыев. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК, 80, 1960.

¹²⁷ См. И. Кожамбердыев. Катакомбные памятники Таласской долины. АПТД. Фрунзе, 1963.

¹²⁸ См. там же, стр. 77.

¹²⁹ См. Ю. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской обл. Фрунзе, 1960, стр. 68.

¹³⁰ См. А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 11.

¹³¹ См. М. Воеводский, М. П. Грязнов. Усунские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4); А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. Историко-археологические очерки... МИА, 26, 1952; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней...

Родственные усуням Семиречья группы расселялись в рассматриваемое время в Южном Казахстане. Исследованы поселения и курганные могилы (III в. до н. э.— III в. н. э.), где было найдено оружие, керамика, кости овцы, мотыги, остатки растительной пищи в горшках¹³². Скотоводство было скорее всего отгонным: в горах располагались зимники; летние и весенние пастбища в Муюнкумах и Бетпак-Дале. Подвижность едва ли была значительной, что видно из состояния земледелия.

Памятники «ранних кочевников» II в. до н. э.— I в. н. э. обнаружены в Южном Таджикистане. Они связываются с кушанами, двигавшимися в Индию¹³³. Главный вид находок в Тулхарском могильнике в Бишкентской долине: керамика, изготовленная на гончарном круге, и кости барана. Посуда довольно сложных форм: кувшины, бокалы, горшки, миски, фляги, вазы. Кроме того, найдены предметы вооружения, бытовые предметы¹³⁴. Было высказано предположение, что население, которому принадлежал Тулхарский могильник, было кочевым¹³⁵. Однако найденный там инвентарь, и прежде всего керамика, свидетельствуют о значительной оседлости, при которой могло вестись в лучшем случае отгонное скотоводство.

Завершается эпоха «ранних кочевников» в послехуннское и раннетюркское время.

Как известно, с распадом империи хунну на ее месте возникает несколько новых объединений полуоседлого и полукочевого облика. В V в. в Центральной Азии господствуют жуань-жуани. Во второй половине VI в. в предгорьях Южного Алтая сложился союз Тюкю, вышедший из хуннского племенного объединения. В 551—552 гг. тюрки разгромили жуань-жуаней и создали собственную империю — каганат (551—744 гг.). Его границы простирались от Восточного Прикаспия до Дальнего Востока. На рубежах VI и VII вв. каганат распался на западный и восточный. В 745 г. каганат пал под ударами уйгуров. В 758 г. уйгуры разбили енисейских кыргызов, которые отплатили им за поражение в 840 г.¹³⁶. С IX по XII в. просуществовало крупное племенное объединение древних кыргызов¹³⁷. Большую роль в X—XIII вв. играла Киданьская империя¹³⁸. В X—XII вв. складывались тюрк-

¹³² См. А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Труды АН КазССР, т. 14, 1962, стр. 97, 98, 99.

¹³³ См. А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966.

¹³⁴ См. там же, стр. 88, 101, 111.

¹³⁵ См. там же, стр. 161.

¹³⁶ См. С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964.

¹³⁷ См. Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. УЗ ХНИИЯЛИ, VIII, 1960.

¹³⁸ См. Л. Л. Викторова. К вопросу о кочевом укладе в Киданьской империи. МПОЭВГО, в. 1. Л., 1961; Х. Перлээ. Собственно монгольские племена в период Киданьской империи. ТМКВ (XXV), т. 5. М., 1960; Х. Перлээ. Киданьские города и поселения на территории МНР. МАС. М., 1962.

ские племенные союзы в Средней Азии и Казахстане (огузы, сельджуки и др.)¹³⁹. Политические события в степях Азии находились в теснейшей связи с событиями в оседлых государствах: Китае, в Средней Азии и пр. Часть кочевников во время завоевательных походов оседала в оазисах, обращаясь к земледелию. Кочевники и обитатели оазисов находились в постоянных и тесных экономических и культурных связях, что накладывало и на тех и на других значительный отпечаток.

В Центральной Азии и Южной Сибири складываются в полехунинское время области расселения тюркских и монгольских племен, причем какая-то часть их жила сравнительно оседло¹⁴⁰. Впрочем, этот вопрос окончательно еще не решен, и не исключена возможность, что центры оседлости отчасти были связаны и с китайской колонизацией¹⁴¹. Тюркские племена Центральной Азии и Южной Сибири были, очевидно, главным образом кочевыми, что видно из погребальных памятников, содержащих обычно захоронение с конем, вооружение и бытовые предметы кочевников, но у некоторых племен, особенно у кыргызов, значительную роль в хозяйстве играло земледелие¹⁴².

Важные свидетельства о социально-экономическом строе орхон-енисейских тюрков содержат китайские летописи¹⁴³. О кочевых тукюз (туцзюэ), или тугю, сообщают хроники¹⁴⁴. В хрониках Чжоушю и Суйшю говорится: «...тугюесцы, следуя за травой и водой, занимаются звероловством, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах»¹⁴⁵. В другом месте хроники их занятия обрисовываются еще определенной. Говорится, что тугю жили в войлочных юртах, перекочевывали с места на место в поисках хороших пастбищ и воды, занимались скотоводством и охотой, ели мясо, пили кумыс, изготавливали одежду

¹³⁹ См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914; его же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927; А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века. КСИИМК, 28, 1949.

¹⁴⁰ См. С. В. Киселев. Монголия в древности; его же. Древние города Монголии; Х. Парлээ. К истории древнейших городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3; Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. УЗ ЛГУ, № 256, сер. вост. наук, в. 7, 1958; Н. Сэр-Оджав. Археологические исследования в МНР...

¹⁴¹ По сообщению хроники Юань-ши (XII в.), среди части сравнительно оседлого населения были и ремесленники из Китая.

¹⁴² См. Л. А. Евтухова. Кыргызское поселение у с. М. Копены. КСИИМК, XVI, 1947; ее же. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; ее же. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2; А. А. Гаврилова. Могилы поздних кочевников у г. Сухани на Енисее. СА, 1964, № 2; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. ИТ, т. 1; его же. О южных границах... ЗХНИИЯЛИ, в. VIII, 1960.

¹⁴³ См. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VII вв. Л., 1946.

¹⁴⁴ См. Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 69.

¹⁴⁵ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 274.

из меха и шерсти. Из оружия они употребляли роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли, палаши¹⁴⁶.

Судя по дани, которую тугю платили Китаю, они разводили главным образом лошадей, овец, верблюдов, быков. Так, например, в 588 г. в Китай было отправлено 10 тыс. голов лошадей, 20 тыс. голов овец, по 500 голов верблюдов и быков¹⁴⁷. Поголовье скота было у тугю, вероятно, весьма значительным, так как только в одном сражении в 619 г., как сообщается в хронике, китайцы захватили у них 10 тыс. голов быков и овец¹⁴⁸.

В китайских хрониках постоянно подчеркивается отсталость хозяйства тугю. Но наряду с этим отмечаются тесные и постоянные экономические и политические связи тугю с китайцами, что должно было, конечно, оказывать на них весьма сильное влияние. Одним из важных в этом смысле факторов были торговые сношения, прерывавшиеся только во время военных действий. Как только война сменялась миром, торговля вновь возрождалась. При этом тугю были, очевидно, заинтересованы в торговле еще больше, чем китайцы, так как хроники отмечают, что одним из пунктов при заключении мирных договоров была просьба вождей тугю об открытии рынков на границах Китая для меновой торговли¹⁴⁹.

Хозяйство кыргызов отличалось от хозяйства тугю (хагас). Значительное развитие земледелия, вызванная им оседлость делали кыргызов мало похожими на их соседей. Вот что говорится о них в хронике династии Тан относительно середины V в. н. э.: «Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами, хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне (примечание Н. Я. Бичурина: в апреле и октябре. — Г. М.). Вино квасят из каши. Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного. Лошади плотны и рослы. Есть верблюды и коровы; но более коров и овец. Богатые землепашцы водят их по несколько тысяч голов». О кыргызах говорится также, что они выплавляли железо, делали из него оружие и вывозили его постоянно к тугю. Жилищами им служили палатки, обтянутые войлоком¹⁵⁰.

Немногие свидетельства о хозяйстве тугю и других племен Монголии и Южной Сибири содержатся в рунах древних тюрок. Открытые еще в XVII в. руны неоднократно рассматривались в исторических исследованиях, и изучение их продолжается по сей день¹⁵¹. Древнетюркская письменность получила распространение в Центральной и Средней Азии, Южной Сибири в середине VI в. н. э. и представлена главным образом историко-биографи-

¹⁴⁶ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 229.

¹⁴⁷ Там же, стр. 239, 240.

¹⁴⁸ См. там же, стр. 246.

¹⁴⁹ См. там же, стр. 240.

¹⁵⁰ См. там же, стр. 351, 352.

¹⁵¹ См. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок...; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники...; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.

ческими текстами, эпитафиями, памятными надписями, магическими и религиозными текстами и метками на бытовых предметах¹⁵². К сожалению, тексты довольно отрывочны и не всегда могут быть однозначно истолкованы.

Все, что говорится в текстах о хозяйстве, связано исключительно с кочевым военно-скотоводческим бытом, свидетельствует о больших стадах лошадей, рогатого скота. Никаких указаний на наличие земледельческой оседлости в рунах нет.

Значительное число памятников, связанных с тюрками, обнаружено в Туве¹⁵³. Исследовались там также поселения¹⁵⁴. Было установлено, что проникновение тюрков в Туву произошло в начале второй половины I тыс. после победы тугю над жуань-жуанями. В это время широкое распространение получил обряд захоронения с конем¹⁵⁵. Тюркские племена в Западной Туве вели, очевидно, в значительной мере кочевое хозяйство, их стада состояли главным образом из овец и лошадей. Некоторые племена разводили там также крупный рогатый скот для вьючного и тележного транспорта. Зимой и летом животные содержались на пастбищах. Обнаружены данные, свидетельствующие о земледелии и развитых домашних производствах у тувинцев¹⁵⁶. В эпоху древнетюркского каганата у тюркских племен появляется письменность, новые виды конской упряжи, оружия, одежды¹⁵⁷. В могильнике Кокэль обнаружено древнейшее в Центральной Азии седло с деревянным остовом¹⁵⁸. К VI в. относится появление стремян¹⁵⁹. Употребление стремян и седла с жесткой основой сделало верховую езду значительно более удобной и позволило в начале VII в. взять на вооружение саблю¹⁶⁰. Кочевники смогли легко преодолеть

¹⁵² См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951; его же. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

¹⁵³ См. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата. ВМУ, сер. IX, ист. науки, 1960; С. И. Вайнштейн. Курганы и стела... УЗ ТНИИЯЛИ, X. Кызыл, 1963; его же. Памятники 2-й половины I тыс. в Западной Туве. ТТКАЭЭ, в. 2, 1966; его же. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дисс. М., 1969; Л. Г. Нечаева. Погребения с трупоожожением в могильнике Тора-Тал-Артын. ТТКАЭЭ, в. 2, 1966; А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. ТТКАЭЭ, в. 1, 1966; его же. Археологические раскопки...

¹⁵⁴ См. С. И. Вайнштейн. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, VII, 1959; Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959; № 3; его же. Памятники мусульманского средневековья... СА, 1963, № 2.

¹⁵⁵ См. С. И. Вайнштейн. Памятники ... СА, 1963, № 2, стр. 292, 293.

¹⁵⁶ См. Л. П. Потапов, А. Д. Грач. Период ранних феодальных отношений в Туве. ИТ, т. 1, стр. 66, 84, 90; А. Д. Грач. Археологические раскопки...

¹⁵⁷ См. С. И. Вайнштейн. Курганы и стела...; его же. Некоторые вопросы истории..., стр. 61.

¹⁵⁸ См. С. И. Вайнштейн. Памятники... ТТКАЭЭ, 2, 1966, стр. 320.

¹⁵⁹ См. С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории..., стр. 62 и сл.

¹⁶⁰ См. Л. А. Евтухова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 111—112; С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории..., стр. 74.

вать значительные расстояния и имели в бою перевес над врагами. В уйгурское время в Туве основным занятием населения продолжали оставаться экстенсивное скотоводство и земледелие¹⁶¹, так же как и под властью древних кыргызов¹⁶².

Хозяйство на Алтае в тюркское время развивалось в условиях горной страны несколько своеобразно и не было чисто кочевым¹⁶³. Раскопки захоронений VI—VII вв. в могильнике Кудыргэ показали, что это были погребения с конем, содержавшие предметы конского убора, остатки оружия, бытовые предметы, обрывки одежды, украшения, металлические предметы, небольшое количество глиняной посуды¹⁶⁴.

Судя по многим данным, важное место среди занятий алтайского населения занимала добыча железа, значительная часть которого шла на вывоз. Широкое распространение имело также поливное земледелие, известное по древним оросительным системам (степи Тóтб, подножие Чуйских Альп и долина Б. и М. Ильгумена). При этом многие земли, не засеваемые в наше время, в древности распахивались¹⁶⁵.

Большого развития у алтайских племен достигает коневодство и наездничество. Археологические материалы содержат сложный и совершенный набор конской сбруи¹⁶⁶.

Но ни развитие коневодство, ни развитое животноводство еще не могут свидетельствовать о кочевом характере общества алтайских тюрков. Трудно совместить кочевничество с широким металлургическим производством и поливным земледелием. В лучшем случае их хозяйство можно назвать полуоседлым и только отдельные группы занимались, возможно, полукочевым скотоводством.

В VI—VIII вв. алтайские племена (теле) занимались преимущественно скотоводством. Главным животным была лошадь. Разводили также овец, быков, одомашненных яков, коз и верблюдов. Возможно, в небольших количествах скоту заготавливали на зиму корм. Важную роль играла охота. Судя по находкам в захороне-

¹⁶¹ См. Л. Р. Кызласов. Тува в составе Уйгурского каганата. ИТ, т. 1, стр. 134.

¹⁶² См. Л. Р. Кызласов. Тува в составе государства древних кыргызов. ИТ, т. 1, стр. 153.

¹⁶³ См. М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. МПИС, в. 2, Новосибирск, 1930; А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков...; С. В. Киселев. Древняя история...; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.

¹⁶⁴ См. А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., стр. 22—36.

¹⁶⁵ См. С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 495—496. Подчеркивая большое развитие земледелия на Алтае до VI в., С. В. Киселев далее противоречит себе, когда, говоря об эпохе VI—X вв., пишет: «Сложнее вопрос об алтайском земледелии. В предшествующий период, вплоть до начала нашей эры, оно если и имелось, то занимало весьма скромное место в системе хозяйства» (там же, стр. 512).

¹⁶⁶ См. А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., стр. 28.

ниях, появляется сложный усовершенствованный лук. Значительное место в хозяйстве продолжало занимать земледелие. Обнаружен ряд оросительных систем, датируемых VI—X вв., на Среднем и Южном Алтае: в Курайской долине, долине р. Урсула и в других местах. Об усовершенствовании земледелия свидетельствуют находки ручных жерновов, значительно более совершенных, чем прежние зернотерки. Сохраняется достаточно развитое металлургическое производство и ремесла, в частности кузнечество. Жилищем алтайцам служили айлы, разборные юрты, возможно, и срубные шестиугольные юрты¹⁶⁷.

Совокупность археологических данных о хозяйстве и быте алтайских теле в VI—X вв. позволяет полагать, что часть их была полукочевой, а часть полуседлой. И в недалеком прошлом население Алтая имело различные хозяйственные уклады, например, полукошечники — казахи и полуседлые скотоводы-охотники—алтайцы. Такое же положение могло существовать и в древности. Но проводить прямые аналогии между теле VI—X вв. и обитателями Алтая XVIII—XIX вв. нельзя. Орошаемое земледелие, металлургия, развитые ремесла делали теле значительно более оседлыми, чем позднее население Алтая.

Коротко следует остановиться на уйгурах. На своей древней родине, на Орхоне, они были в значительной мере скотоводами. В хронике Вейшу содержатся некоторые сведения о хозяйстве древних уйгуров и их быте. Там говорится, что уйгуры постоянно кочевали в поисках хороших пастбищ и воды, домашний скот у них такой же, как и у жужан. В отличие от своих соседей уйгуры использовали при перекочевках телеги на высоких колесах со множеством спиц¹⁶⁸. Но археологические данные показывают, что рассматриваемый народ занимался также земледелием, добывал и обрабатывал железо¹⁶⁹. На Орхоне возникает столица уйгуров — город Карабалгасун и другие оседлые поселения. Вокруг столицы сооружается оросительная система, начинается оседание кочевников¹⁷⁰. После завоевания уйгурами Восточного Притяньшанья, где основой хозяйства издавна было земледелие, большая их часть перешла к оседлости¹⁷¹.

Могильные памятники кочевников широко разбросаны в горно-степной полосе Средней Азии, Казахстана, Приуралья и далее на западе. Они очерчивают область распространения скотоводческих племен, позволяют выделять этнические и хронологические группы, но почти не содержат материалы для характеристики типов и форм хозяйства, облика кочевого скотоводства.

¹⁶⁷ См. С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 505, 506, 510, 511, 512, 513.

¹⁶⁸ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 216, 1.

¹⁶⁹ См. Х. Перлээ. К истории древних городов...; Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.,—Л., 1966.

¹⁷⁰ См. Д. И. Тихонов. Хозяйство..., стр. 29, 30.

¹⁷¹ См. там же, стр. 34, 64.

Ряд памятников тюркского времени был исследован в Киргизии¹⁷². В могильниках Таласской долины (Терскол, Кызылсай и др.) были обнаружены погребения времени тюркского каганата, в которых содержались захоронения с конем, конская сбруя, оружие, глиняная посуда, обгорелые зерна полбы¹⁷³. В Мрясимовских курганах обнаружены захоронения, сходные по обряду с гузскими, описанными Ибн-Фадланом¹⁷⁴.

Значительное число тюркских погребений с конем исследовано в Казахстане¹⁷⁵. Погребение с конем встречено в Узбекистане¹⁷⁶. Много средневековых захоронений исследовано в Туркмении, но данных по хозяйству они не содержали¹⁷⁷.

Известны находки захоронений кочевников предмонгольского времени в Южном Приуралье. В Ново-Кумакском могильнике в двух курганах были обнаружены предметы конского снаряжения и другие предметы. Керамики захоронения не содержали¹⁷⁸. Кочевнические захоронения предмонгольского времени обнаружены также на Кавказе¹⁷⁹.

О социальной структуре древнего кочевничества в источниках можно найти очень немногие данные. Отдельные сведения восточных хроник о кочевых народах, своеобразные характеристики, нередко очень образны и, очевидно, представляют собой свидетельства непосредственных наблюдений послов, путешественников и других лиц, посещавших кочевую степь. Однако сведения эти крайне фрагментарны и трудно проверить их достоверность. Как всегда, пользуясь материалом хроник о народах с иным, чем в земледельческих государствах, социальным и хозяйственно-бытовым укладом, приходится сталкиваться с субъективностью летописцев. Порожденная определенными условиями, эта субъективность существенно влияла на восприятие и трактовку наблюдаемых летописцами явлений, необычных с точки зрения привычных, понятных им социально-экономических отношений.

¹⁷² См. А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. ТКАЭЭ, т. 2. М., 1952; Я. А. Шерр. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, 1961, № 1.

¹⁷³ См. Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. АПТД, стр. 79, 91, 92, 149.

¹⁷⁴ См. там же, стр. 153.

¹⁷⁵ См. Г. А. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья р. Или. ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, Алма-Ата, 1956; М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959; А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры. ТИИАЭ АН КазССР, 1959.

¹⁷⁶ См. В. И. Скришевский. Погребение с конем сер. I тыс. н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. ТМНУ, в. 1. Ташкент, 1951.

¹⁷⁷ См. Г. Е. Марков. Средневековое кладбище Ак-Депе. ТИИАЭ АН ТССР, в. 5. Ашхабад, 1959; С. П. Поляков. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973.

¹⁷⁸ См. М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник... МИА, 115, 1962, стр. 227, 228.

¹⁷⁹ См. К. Х. Кушнарева, А. Л. Якобсон. Основные проблемы и итоги работ Азербайджанской экспедиции. КСИА, 108, 1966.

Рассмотрение свидетельств хроник об общественном строе кочевников позволяет выявить интересную особенность изложений событий в хрониках. Говоря о народах, обитавших в сходных условиях и имевших похожие между собой формы хозяйства, летописцы довольно одинаково описывали их общественные отношения. При этом достаточно ярко подмечались особенности, свойственные племенам с выраженными кочевыми скотоводческими традициями и народам, уже знакомым с земледелием, перешедшим уже в какой-то степени к полуоседлости. Правда, такие различия в оценках менее заметны при описаниях верхушки кочевых народов. В этих сообщениях обычно превалирует субъективный взгляд их авторов. Однако, когда речь идет о рядовых скотоводах, их взаимоотношениях со своими вождями (особенно в момент бурных политических событий), эти свидетельства, очевидно, можно считать более близкими к истине.

Немного можно почерпнуть в источниках об общественных отношениях у хунну в конце первого тысячелетия до нашей эры и в первые века нашей эры. Как свидетельствуют хроники Шицзи и Цяньханьшу, в ходе постоянных войн и междоусобных столкновений у хунну сложилась своеобразная военно-племенная организация общества, возглавляемая верховным вождем шаньюем, который управлял с помощью своих ближайших родственников. Так было, в частности, в эпоху известного шаньюя Модэ в конце III в. до н. э. По показаниям хронистов, власть шаньюев была в принципе наследственной. По обычаю отцу наследовал старший сын, но в условиях постоянных войн и междоусобиц частыми были насильственные захваты власти. Каждый родственник шаньюя, занимавший определенное положение в иерархической системе военной организации хунну, возглавлял какую-то племенную группу, выставлявшую строго определенное количество войск. Высшими вождями у хунну после шаньюя были Восточный и Западный Чжуки-князь, Восточный и Западный Лули-князь, Восточный и Западный предводитель, Восточный и Западный великий Дуюй, Восточный и Западный великий Данху и т. д. Наследник престола занимал должность Восточного Чжуки-князя. Вожди от Восточного Чжуки-князя и до Данху распоряжались 10 тыс. конницы каждый, прочие командовали несколькими тысячами конницы. Всего у хунну насчитывалось 24 старейшины. Каждому старейшине подчинялись тысячники, сотники, десятники¹⁸⁰. В примечании к переводу хроники Н. Я. Бичурин высказывает мнение, что из ее текста можно сделать вывод о том, что у хунну не существовало наследственных уделов, а каждый старейшина распоряжался какой-то частью хуннского народа в соответствии со своей должностью,

¹⁸⁰ См. Н. Я. Бичурин. "Собрание сведений...", стр. 48, 49. Трудно сказать, насколько эта система отвечала действительному положению вещей. Легенды сообщают о таком же стройном порядке, строгой племенной номенклатуре у тюрков XI—XVII вв. (например, туркмен). В действительности такой системы у них не существовало.

и подчиненное ему население кочевало на выделенных им пастбищах. После смерти старейшины на его место назначался новый родственник шаньюя¹⁸¹.

Хроники не содержат данных, которые позволили бы заключить, какую играла роль в обществе хунну племенная структура и в каком соотношении с военной организацией она находилась. Можно только предполагать, что у хунну военная структура имела свою племенную основу, а поэтому и может быть названа военно-племенной.

У хунну существовало имущественное расслоение: шаньюи и их приближенные имели значительные стада, получали большую часть военной добычи. Каким же было имущественное расслоение среди основной массы кочевников-скотоводов, источники ничего достоверного не сообщают. Такие характеристики, как «сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками последних. Молодых и крепких уважают; устаревших и слабых мало почитают»¹⁸², не дают конкретного представления об имущественных различиях. Значительным источником имущественного неравенства у хунну была военная добыча. Хронист сообщает, что «кто на сражении отрубил голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина и ему же предоставляется все полученное в добычу. Пленные и мужчины и женщины поступают в неволю»¹⁸³. Приближенные шаньюев накапливали значительные богатства в виде имущества и невольников, что видно из обряда похорон, когда вместе с умершим предводителем насильственно хоронили до нескольких сот человек «соумирающих»¹⁸⁴.

Из текста хроник явствует, что значительные изменения в обществе хунну происходили вследствие постоянных войн, особенно в эпоху возвышения хунну при Модэ. Большое влияние на верхушку хунну оказывали связи с Китаем. Предметы роскоши, шедшие из Китая к хунну, торгово-меновые отношения, китайские титулы, которые присваивались императорами хуннским предводителям, — все это и многое другое подрывало традиционные обычаи, привычные устои и приводило к некоторому сближению хуннской верхушки с феодальным Китаем. Характерно, что другие кочевые народы, расселявшиеся недалеко от хунну, менее могущественные и потому получавшие от Китая меньше подачек, в большей степени сохраняли многие свои древние кочевые обычаи.

В свете сказанного интересно описание в Хоуханьшу общественных порядков и общественной организации у соседних с хунну народов. По поводу организации власти у ухуаней в хронике говорится: «Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами; наследственного преемства у них

¹⁸¹ См. Н. Я. Бичурип. Собрание сведений..., стр. 49 и прим. 4.

¹⁸² Там же, стр. 40.

¹⁸³ Там же, стр. 50.

¹⁸⁴ Там же.

нет»¹⁸⁵. Об общественной же организации сообщается: «Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину (Н. Я. Бичурин переводит в примечании термин «община» более удачным — «аймак». — Г. М.) ... постоянных прозваний не имеют; а имя сильного старейшины обращают в прозвание»¹⁸⁶. Особенно важно место в хронике, где рисуются общественные отношения у ухуаней: «От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и лечется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение»¹⁸⁷. Вместе с тем у ухуаней существовали, судя по некоторым данным хроники, достаточно ярко выраженные имущественные различия.

Некоторые сведения об общественной организации уйгуров сообщает хроника Вэйшу. Так, там говорится, что у уйгуров «не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину»¹⁸⁸.

Обычаи племенной демократии существовали и у тугу в конце VI в. н. э., о чем свидетельствует такое замечание в хронике Таншу: «Тугуеские ратники пренебрегают и наградами, и наказаниями, мало уважают начальников и по большей части не соблюдают порядка»¹⁸⁹. Вместе с тем хроники сообщают о могущественных ханах у тугу, находившихся в тесных сношениях с китайским двором. Выше уже отмечалось, что существовала мезовая торговля между тугу и Китаем, которая, конечно, оказывала на кочевников сильнейшее влияние и способствовала у них возрастанию имущественных различий. Особенно велико было китайское влияние на верхушку общества тугу.

Кроме того, Таншу, сообщает о структуре власти у древних кыргызов. Их глава, называемый Ажо, управлял своим народом посредством довольно развитого чиновничьего аппарата, организованного, по-видимому, не без китайского влияния¹⁹⁰. Такая сложная организация власти несколько не удивляет, если сопоставить ее с данными хроники об оседлости и земледелии у кыргызов. Значительного развития у них достигло и имущественное расслоение, что особенно заметно по данным о калыме: богатые платили калым в размере 100—1000 голов лошадей и овец¹⁹¹.

Важным видом источников по рассматриваемой проблеме являются древнетюркские рунические тексты. Анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что скот находился в частной собственности семей, и главным богатством считались животные и домашнее имущество. Имелась имущественная дифференциация. Вот, например, что говорится в надписи на памятнике из Суджи:

¹⁸⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 142.

¹⁸⁶ Там же, стр. 142, 143.

¹⁸⁷ Там же, стр. 143.

¹⁸⁸ Там же, стр. 215.

¹⁸⁹ Там же, стр. 232.

¹⁹⁰ См. там же, стр. 352, 353.

¹⁹¹ См. там же, стр. 353.

«Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота было у меня без числа»¹⁹². Но, отмечая богатство скотом, имуществен, рабами, борьбу за них, авторы текстов ни словом не оговариваются о владении землей, борьбе за землю. Вот что говорится, в частности, в надписи хану Могилян: «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил. Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся и разбежался...»¹⁹³. В надписи Тоньюкуку говорится: «Мы сразились. Небо оказало (нам) милость, и мы рассеяли (их): они упали в реку. На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли (т. е. подчинились нам)»¹⁹⁴. В надписях, посвященных Кюль-Тегину, Кули-Чуру, и в других текстах всюду говорится о подчинении кочевников (как и земледельцев), использовании их военной силы, грабеже, но не о захвате земли.

Богатые скотоводы называются в текстах бегами или баями. Бегами и баями называли и предводителей. Им противостоял простой народ «будун»¹⁹⁵.

В обществе древних тюрков существовала привилегированная прослойка скорее всего военных предводителей, носивших титулы: бога, бег, ичреги, йалабач, йарган, кан (хан), катун, кунчуй (кит.), тархан, тегин, тутук, чур, шад, ыпал и др. Но какова была роль этих предводителей в обществе, что означали их звания, в текстах не объясняется¹⁹⁶.

Общественная организация древних тюрков имела племенную форму. Семьи группировались в небольшие племенные подразделения «огус», а те, в свою очередь, в более крупные племенные группы или племена «будун». С совокупность племенных групп составляла «эль»¹⁹⁷. Эта организация была, возможно, не очень прочной, о чем свидетельствуют слова Бильге-кагана, призывавшего народ к единству: «Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины ... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно»¹⁹⁸.

¹⁹² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 77.

¹⁹³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 9.

¹⁹⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 66.

¹⁹⁵ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисеика, стр. 98, 99.

¹⁹⁶ Следует подчеркнуть, что титулы у кочевых скотоводов чаще всего не были связаны с реальной властью. Например, у южных туркмен в середине XIX в. любой мог присвоить титул хана и т. п. Для того чтобы утвердить за собой этот или какой-либо другой титул, достаточно было быть щедрым хозяином (см. П. М. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб., 1884 и др.).

¹⁹⁷ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков..., стр. 98.

¹⁹⁸ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники... (проблема общественной организации древних кочевников подробнее рассмотрена в главе VI — «Некоторые теоретические проблемы кочевничества»).

Глава II

МОНГОЛЫ

История возникновения империи Чингиз-хана, завоевательных походов монголов и последующие исторические события широко отражены в научной литературе, и нет нужды останавливаться на этом вопросе¹. Известно, что древние разрозненные монгольские племена обитали на обширных пространствах Центральной Азии, ведя постоянную борьбу между собой и с соседями. Весьма вероятно, что объединительные тенденции в обществе монголов наметились еще до Чингиз-хана: об этом говорит само возникновение крупных политических объединений керейтов, меркитов и др. Но лишь Темучин, известный позднее как Чингиз-хан, сумел огнем и мечом преодолеть центробежные тенденции в монгольском обществе, прекратить междоусобия. Создав сильную армию, он обрушил ее на Китай, Среднеазиатские владения, а затем двинул свои войска далеко на запад. Завоевательные походы монголов продолжались и при первых преемниках Чингиз-хана. В Китае, Иране, Среднеазиатских владениях утвердились династии из дома Чингиза. В завоеванных областях предводители монголов и часть воинов составили привилегированную господствующую прослойку общества и начали постепенно сливаться с господствующими классами покоренных государств, порывая со степными кочевыми традициями.

Большая часть монгольских воинов возвратилась в родные степи, где продолжали обитать их соплеменники, занимавшиеся традиционным кочевым скотоводством. Таким образом, в эпоху рас-

¹ См. В. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. ЗВОРАО, X, 1896; его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, чч. I—II. СПб., 1898—1900; Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин—Петербург—Москва, 1922; его же. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957; его же. История Джунгарского ханства. М., 1964; «История Монгольской Народной Республики». М., 1954; Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970; и др.

цвета монгольской империи ее население состояло как бы из двух частей: покоренных земледельческих областей, где часть монголов воспринимала господствовавшие в земледельческих местностях социально-экономические отношения, и кочевой степи, в которой сохранялось кочевничество, менее затронутое внешними влияниями. Возникновение империи и завоевательные походы отразились и на положении в кочевой степи. Расселение отдельных групп монголов, их общественная организация и социальные отношения претерпели изменения. Однако основа хозяйства — кочевое скотоводство — осталась старой².

Значительные ценности переправлялись из завоеванных стран в Монголию. Но рядовые скотоводы-монголы, продолжавшие кочевать в степях Центральной Азии, ничего не получили от кровавых побед их полководцев. В бесконечных войнах гибли лучшие воины монгольского войска. Уход части монголов на запад и оседание их в покоренных странах приводили к еще большему сокращению населения Монголии, ослабляли страну. Награбленные ценности находились преимущественно в руках военных предводителей и не способствовали развитию степного хозяйства. Как справедливо отмечается в «Истории Монгольской Народной Республики», завоевания не только не принесли никаких выгод, но и ослабили монгольский народ, оставшийся в Монголии. Монголия по-прежнему была отсталой скотоводческой страной³.

Уже во второй половине XIII в. начал сказываться процесс разложения империи, выражавшийся в возобновлении междоусобных войн и обособления отдельных частей страны — улусов, которые не имели между собой прочных политических связей.

В годы правления Хубилая (1260—1294) развернулась ожесточенная междоусобная борьба между различными группировками монгольских военных предводителей, претендовавших на власть. Эта борьба то затихала, то разгоралась, продолжаясь и при преемниках Хубилая. Бесконечная распря военных предводителей особенно сказывалась на состоянии монгольского хозяйства, разрушая производительные силы, и приводила к обнищанию скотоводов. В 60-х годах XIV в. пала монгольская династия Юань в Китае, а в 1380 г. монголы потерпели сокрушительное поражение в Куликовской битве. Эти важнейшие события ознаменовали распад монгольской империи. Отделение Китая от Монголии резко сократило связи между этими странами. Налаживанию этих связей препятствовали непрерывные войны, во время которых то монголы вторгались в Китай, то китайцы нападали на Монголию. В результате уменьшения экономических связей между районами страны создавались большие трудности для степного хозяйства, лишившегося рынка сбыта и источников поступления хлеба и изделий ремесленников.

² См. «История Монгольской Народной Республики».

³ См. там же, стр. 102.

Конец XIV в. характеризовался для Монголии политической раздробленностью. Ханская власть над всей Монголией стала номинальной, и главы улусов приобретали значительную самостоятельность. В конце XIV и начале XV в. шли большие междоусобные войны между западными и восточными монголами. К 30-м годам XV в. верх в этой борьбе стали одерживать ойраты, объединившие в 1434 г. под своей властью всю Монголию. В середине XV в. ойратские тайши повели войны с Китаем, вначале для них успешные, но затем в среде ойратов вспыхнули междоусобицы, и Монголия распалась на отдельные владения. На рубеже XV и XVI вв. Монголия вновь временно объединяется под властью Даян-хана, проводившего удачную политику по отношению к Китаю и державшего в подчинении монгольских предводителей. После смерти Даян-хана в 1543 г. Монголия распалась окончательно на отдельные владения. Весь XVI в. прошел в военных столкновениях между Монголией и Китаем. Монголы добивались установления регулярных торговых отношений, Китай всеми способами препятствовал объединению Монголии. К концу XVI в. нападения монголов на Китай стали более редкими, преобладали мирные торговые отношения. В это же время в Монголии начинает развиваться ламаизм.

В начале XVII в. происходят первые столкновения между монголами и маньчжурами, окончившиеся победой последних. Сначала они подчинили себе Южную (Внутреннюю) Монголию еще в 1636 г., а затем, после того как маньчжуры овладели Китаем, и Северную (Внешнюю). В 1691 г. цинской династии подчинились халхасские монголы. В 1696 г. потерпели поражение от маньчжур и ойраты.

С этого времени и до 1911 г. вся Монголия оставалась под властью Китая. Монголией стали управлять китайские наместники узян-цзюни, опиравшиеся на китайские военные и административные власти. Во главе административных единиц были поставлены представители монгольской знати, подчиненные китайским чиновникам.

Монголы не раз восставали против китайских поработителей, однако из-за раздробленности эти выступления успеха не имели. Для укрепления своего могущества китайцы создавали в населенных пунктах Монголии гарнизоны и строго контролировали действия местных властей.

Маньчжурское иго тяжело сказывалось на положении скотоводов, страдавших от жестокой эксплуатации. Военная повинность, обязанность поставлять транспортные средства и т. п. отрывали монголов от хозяйства, отнимали у них значительные средства. Китайское правительство опиралось в своей деятельности не только на представителей светской власти в Монголии, но и на верхушку ламаистской церкви. На состоянии хозяйства Монголии существенно отражался уход многих мужчин в монастыри, где они становились ламами. Закабалению трудящихся Монголии спо-

собствовало и введенное китайцами законодательство, призванное защищать интересы маньчжурской династии и правящих классов. Наряду с обычными многочисленными повинностями (албату) араты (скотоводы-монголы) облагались дополнительными, не менее тяжкими повинностями в пользу правительства Китая (скотом и т. п.), т. е. фактически испытывали двойной гнет.

В XVIII и XIX вв. между Монголией и Китаем велась довольно оживленная торговля, причем китайские купцы добивались возможности беспощадно эксплуатировать аратов любыми средствами, не пренебрегая ни подкупом, ни обманом местных властей. Выгодной для монголов была торговля с русскими, однако китайцы всячески стремились препятствовать ей. Эксплуатация местного населения китайскими торговцами особенно усилилась, когда были ликвидированы ограничения в торговле (к середине XIX в.). Взыскивать с аратов долги китайцам помогали монгольские князья, которые, как и монастыри, принимали участие в финансовых делах китайских фирм в Монголии. Постепенно китайским ростовщикам-откупщикам переходило и право на сбор податей с аратов. Такое положение приводило к разорению трудящегося населения, пагубно сказывалось на состоянии скотоводства в Монголии. Еще больше усилилась эксплуатация в стране в начале XX в., когда Китай оказался в полуколониальной зависимости от империалистических держав. Подати теперь взымались деньгами, что способствовало росту зависимости аратов от китайских купцов и ростовщиков. С конца XIX в. капиталисты Китая приобретают в собственность (за счет погашения налогов) все больше земельных участков.

В начале XX в. развернулась и колонизационная деятельность китайцев, постепенно лишавших скотоводов пастбищ, на которых предприниматели Китая организовывали крупные скотоводческие хозяйства. По мере усиления эксплуатации Монголии возрастало и сопротивление трудящихся угнетению. Росло число вооруженных выступлений аратов против китайских властей и капиталистов. Имели место выступления и против местных властей. К 1911 г. все эти выступления стали общим фронтом борьбы против иноземных угнетателей и своих князей-эксплуататоров. Результат борьбы — свержение господства маньчжур на севере Монголии и образование Автономной Внешней Монголии. Но власть оказалась там в руках князей и лам. 5 ноября 1913 г. была подписана русско-китайская декларация, по которой Китай объявлялся сюзереном Автономной Внешней Монголии. Фактически Монголия оказывалась под протекторатом царской России. Тройственное русско-китайско-монгольское соглашение 1915 г. подтверждало соглашение 1913 г. Предоставление Монголии автономии не принесло аратам заметного облегчения положения, и они продолжали борьбу. Монгольская народная революция 1921 г. и образование самостоятельной Монгольской Народной Республики знаменовали собой установление в Монголии власти народа.

Источники. Большая часть источников описывает быт и общество монголов в то время, когда они совершали завоевательные походы, и новые условия жизни, связи с другими народами во многом изменили их социально-экономические отношения. Известней же о древних монголах сравнительно мало и найти их можно преимущественно в трудах, создававшихся уже после возникновения империи Чингиз-хана, так что на эти данные наложила отпечаток позднейшая литературная традиция. Это относится к такому известному памятнику письменности монголов, как «Сокровенное сказание...», к трудам Рашид ад-Дина и др. Основываясь на данных этих источников, Б. Я. Владимирцов высказал предположение о том, что еще в XII в. монгольские племена разделялись в зависимости от их хозяйства на лесных и степных. Первые, охотники, обитали около озера Байкал, в верховьях Енисея, по Иртышу, а вторые, скотоводы, кочевали по обширным просторам степных и горных пастбищ, от озера Кулун-Тогуир на востоке и до западных отрогов Алтайских гор. На юге их кочевья доходили до Китайской стены⁴. Представляется, однако, что основное ядро монгольского народа обитало все же в степях. Об этом достаточно ясно свидетельствуют и Юань-чао-би-ши и Рашид ад-Дин. «Лесные» народы только в небольшой части были монголами⁵. К тому же источники нередко называли монголами схожие с ними по внешности иноязычные народы, тунгусо-маньчжур и др.

Скотоводство. Монголы-степняки разводили в XII в. овец, лошадей, крупный рогатый скот и верблюдов. Крупный рогатый скот давал молоко, мясо; его ставили также в упряжку⁶. Верблюдов держали только скотоводы, кочевавшие в степях, где они были важным транспортным средством⁷.

Судя по многим сообщениям источников, продуктов скотоводческого хозяйства монголам для пропитания не хватало, и важное значение в их хозяйстве имела охота, бывшая также излюбленным развлечением и считавшаяся хорошей подготовкой для ратных дел.

Недостаточно освещен источниками вопрос о путях кочевания древних монголов в эпоху до Чингиза. Б. Я. Владимирцов, основываясь на свидетельствах середины XIII в., весьма кратко замечает, что и в XI—XII вв. монголы кочевали по определенным путям и районам⁸. Но это соображение высказано в слишком об-

⁴ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 33, 34.

⁵ «Сокровенное сказание Юань чао би ши». Пер. С. А. Козина, т. I. М.—Л., 1941, § 205 (если автор ссылается на ту или иную страницу этой публикации, значит речь идет о всех параграфах текста данной страницы, а если внимание акцентируется на определенную часть текста, то дается только ссылка на интересующий параграф).

⁶ Ср., например, «Сокровенное сказание...», § 100 (говорится о повозке, запряженной коровой).

⁷ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 39.

⁸ См. там же, стр. 41.

щем виде, и следует рассмотреть две проблемы: о наличии у монголов племенных пастбищ и о перекочевках в их границах.

Судя по сообщению источников, передающих рассказы о временах, предшествовавших возведению Темучина на ханский престол, крупные монгольские племена: керейты, меркиты и др.— занимали в каждое данное время определенные области. Так, например, Рашид ад-Дин довольно точно географически локализует области расселения керейтов, джалаириров и др.⁹ По его словам, «их обиталища и становища [йурт] были в определенных местах»¹⁰. Но он же, впрочем, как и другие источники, повествует о частых изменениях в расселении тех или иных племен в первую очередь вследствие войн¹¹.

Таким образом, каждое древнемонгольское племя использовало под свои кочевья вполне определенную территорию, но в ходе истории нередко были случаи переселений племен в новые места.

Немного достоверного можно найти в сообщениях источников о кочевании внутри племенной территории. Б. Я. Владимирцов высказал предположение, что в рассматриваемое время существовала строгая регламентация пастбищ отдельных кочевых групп. Согласиться с этим мнением, однако, нельзя, так как Б. Я. Владимирцов обосновывает его только свидетельством Рубрука, автора, наблюдавшего монголов в эпоху империи¹².

Судя по некоторым сообщениям, перекочевки не были строго регламентированы и пути и места кочеваний избирались семейными группами по собственному усмотрению в пределах свободных пастбищ. Так, например, мать Темучина свободно кочевала со своими детьми там, где хотела, не испрашивая ни у кого разрешения о пастбищах¹³.

Земледелие и прочие занятия. Земледелием монголы почти не занимались¹⁴. Невысокого развития достигли у них домашние производства. Даже в XIII в. их изделия предназначались преимущественно для собственного потребления: кочевые жилища, повозки, седла, предметы вооружения и т. п.¹⁵

Но едва ли хозяйство монголов можно называть натуральным, как это делает Б. Я. Владимирцов¹⁶. Наличие обмена позволяет говорить только о значительных чертах натуральности.

Общественная организация. Основную хозяйственную и социальную ячейку монгольского кочевого общества составляла семья (аил), чаще всего в форме большой или неразделенной.

⁹ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1—2. М.—Л., 1952 (кн. 1, стр. 74, 92 и сл.).

¹⁰ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 92.

¹¹ См. там же, стр. 78, 92 и сл.

¹² См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 43.

¹³ «Сокровенное сказание...», стр. 89.

¹⁴ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 44, 45.

¹⁵ См. там же, стр. 43.

¹⁶ См. там же.

Хотя женатые сыновья хозяйственно несколько обособлялись, но продолжали обычно кочевать вместе с отцом или, если его не было, с матерью¹⁷.

Общественная организация монголов имела общинно-племенную структуру. Семьи образовывали кочевые общины «обоқ» (oboq). Кочевые общины соединялись в более крупные племенные подразделения или колена «урук» (uruq)¹⁸, а последние объединялись в племена (irgen)¹⁹.

Как и у других кочевников, племенная структура монголов не была строго определенной и последовательной. Количество промежуточных племенных подразделений между аилами и племенем могло быть различным. Сложными образованиями, состоявшими из колен и подколен, могли быть обоки²⁰.

Сами кочевники, а вслед за ними и источники объясняли развитие племенной организации как следствие разрастания и сегментации исходных больших семей, предполагая, таким образом, в ее основе кровнородственные связи. Но, как показывает анализ сообщений источников, формирование племен и их крупных подразделений происходило не вследствие разрастания и сегментации семей, а иными путями. Кочевые группы часто распадалась, вновь возникали, включая при этом неродственные элементы²¹. Племена и их крупные подразделения сегментировались, сливались с другими племенами или их осколками, что находило отражение в возникновении новых генеалогических структур²². Развитие племенной структуры происходило исторически. Действительное кровное родство существовало только внутри аилов, небольших племенных подразделений. Более крупные элементы общественной организации связывались между собой идеологически легендарными формально-генеалогическими представлениями о родстве. В условиях подвижной жизни родственно-генеалогический принцип объяснения общественных связей был важнейшим и, пожалуй, единственно возможным способом осознания реального хозяйственного и политического единства.

Племенная система монголов, которую можно рассматривать как совокупность генеалогическо-иерархически взаимосвязанных кочевых групп — общин, была в целом формой хозяйственной, военной и политической организации. При этом, однако, генеалогическая племенная структура не всегда полностью совпадала с существующими элементами общинно-племенной организации. Хотя генеалогическо-племенная структура исторически и развивалась,

¹⁷ «Сокровенное сказание...», стр. 74.

¹⁸ Ср. там же и стр. 11.

¹⁹ Там же, стр. 11, 46, 47, 49 и др.

²⁰ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 59—60.

²¹ См., например, легенду об образовании племенного подразделения чжоуренд («Сокровенное сказание...», стр. 44).

²² «Сокровенное сказание...», стр. 72, 73, 144 и др.; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 59.

но медленно. Существенные изменения в ней чаще всего наступали как следствие крупных этнических и военно-политических коллизий. В каждый данный момент генеалогическо-племенная структура выглядела скорее как окостеневшая традиционная схема, неспособная достаточно гибко перестраиваться соответственно изменяющимся потребностям военной и хозяйственной организации. Недостаточная гибкость генеалогической организации возмещалась практически тем, что в рамках общинно-племенной структуры появлялись элементы хозяйственно-военной организации, не совпадавшие с традиционной структурой. При этом эти два вида структур не противоречили одна другой, а дополняли друг друга. Судьба внегенеалогических или, вернее, межгенеалогических структурных элементов могла быть различной. Они могли со временем отмирать или включаться в генеалогическую структуру. Генеалогическая структура нередко не совпадала с военной организацией в эпохи крупных войн (см. раздел «Эпоха империи»). Обычным явлением были хозяйственные объединения, не обязательно представлявшие собой элементы традиционной генеалогически-племенной структуры, так как выпас стад в разных природных и политических условиях требовал разной организации скотоводческих групп. Как следует из сообщений источников, в рассматриваемое время практиковалось кочевание объединений айлов (boluq oboq)²³. Сообщения об отдельно кочующих айлах встречаются редко²⁴. Так, например, мать Темучина, Олуэн-учжин, кочевала одна со своими сыновьями только потому, что соплеменники бросили их и откочевали. При этом в «Сокровенном сказании...» содержится прямое осуждение таких откочетов, отражающее, очевидно, традиционный взгляд. Олуэн-учжин говорит, обращаясь к родственникам. «Да, видно вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения»²⁵.

При частых военных столкновениях небольшие группы скотоводов подвергались серьезной опасности. В связи с этим у древних монголов были распространены военно-кочевые объединения — курени²⁶.

Курени включали в себя порой целые племенные подразделения²⁷. Во главе куреня — племенного подразделения — стоял старейшина или военный вождь, причем каждый курень обладал значительной политической самостоятельностью. Их предводители вели войны, заключали союзы и т. п.

О происхождении куренной формы организации высказывались

²³ «Сокровенное сказание...», стр. 44 (монгольский текст) и др.; ср. с «оба» у туркмен и курдов.

²⁴ «Сокровенное сказание...», стр. 81, 85, 93; ср. «Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане (Юань-чао-би-ши)». ТЧРДМвП, т. IV. СПб., 1866, стр. 24.

²⁵ «Сокровенное сказание...», стр. 70, 72.

²⁶ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 86—87.

²⁷ Ср. сопоставление терминов племя и курень: «Сокровенное сказание...», стр. 129.

разные взгляды. Рашид ад-Дин полагал, что она возникла из военной необходимости. Кочевая группа устраивала на стоянке лагерь (курень), ограждавшийся от нападения врагов кольцом из повозок. В центре располагался старейшина²⁸. Б. Я. Владимирцов считал, что объединение айлов в курени вызывалось хозяйственными и военными потребностями. При этом сами кочевники могли жить куренями, а стада содержать айлами²⁹. Оригинальная точка зрения по рассматриваемому вопросу была высказана С. А. Плетневой. По ее мнению, кочевание куренями возникло в эпоху, когда происходил «бурный распад родо-племенных отношений, когда новая аристократия всячески старалась создать авторитет центральной власти князя-хана, этот последний выполнял функции не только военачальника и администратора, но и жреца. Вполне вероятно, что именно в это время планировка княжеской ставки стала подобна планировке капища, посвященному богу неба Тенгри-хану». Таким образом, С. А. Плетнева полагает, что прообразом куреня было святилище³⁰.

Существенные возражения вызывают характеристики общественных процессов в эпоху, в которую, по мнению этого же автора, происходило возникновение куренной формы организации. Нельзя согласиться и с тем, что возникновение этой формы было следствием сознательной деятельности определенного социального слоя и копировало религиозно-культурные сооружения. Начиная свою работу цитатой из Рашид ад-Дина о форме куреня, С. А. Плетнева не приводит следующей после цитаты фразы автора, где дается рациональное объяснение причин построения куренного лагеря³¹. Следует отметить, что элементы общественной организации, аналогичные куренной, существовали у всех кочевых скотоводов во все эпохи их истории. Таким образом, это явление, широко распространенное, и объяснение его следует искать не в идеологически-религиозной сфере, а в хозяйственной и военной организации кочевников, обусловленной политической и военной ситуацией, условиями природной среды, транспортными средствами и видами скота. Однако многое здесь остается неясным. Данные источников не дают возможности установить характер взаимоотношений племенной системы обоков и куреней; постоянно велось кочевание куренями или оно практиковалось только при военной опасности. Последнее предположение находит подтверждение в свидетельствах источников, подчеркивающих военный характер куренной организации, а также в аналогиях с другими кочевыми народами.

Б. Я. Владимирцов высказал предположение о том, что в эпоху, непосредственно предшествовавшую сложению империи, про-

²⁸ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 86—87.

²⁹ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 37, 38.

³⁰ См. С. А. Плетнева. О построении кочевнического лагеря-вежи. СА, 1964, № 3, стр. 133.

³¹ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 87.

исходило разложение куренной и складывание айльной системы кочевания, а следовательно, и разложение этого элемента общественной организации. При этом он считал, что предполагаемый им процесс имел значительные социальные последствия, связанные с переходом от родового строя к феодальному³². Но свидетельствами источников этот исторический процесс не подтверждается. Есть данные о том, что курени существовали и в позднейшее время³³.

Думается, что куренная и айльная организация не исключали друг друга. Бытование той или другой формы было связано с политическим положением, и это подтверждается данными о монголах вплоть до начала XX в., хотя термин «курень» и вышел из употребления. Такой же точки зрения о куренном и айльном кочевании придерживаются и некоторые другие исследователи. Так, Л. Н. Гумилев считает, что обе системы сменяли друг друга на протяжении веков и отнюдь не связаны с развитием или разложением родового строя³⁴.

Исследование общественной организации монголов показывает что ее происхождение связано с возникновением кочевничества. Она не была пережитком первобытнородовой структуры, как это полагают некоторые авторы³⁵, и при сходстве некоторых элементов и применяемой в литературе терминологии имела качественно отличную от первобытности социальную основу, ибо покоилась на иных видах общественных связей. К. Маркс, недвусмысленно назвал кочующие общины обществом спутников: «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (Reisegesellschaft), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»³⁶. Совершенно определенно выдвигается здесь на первый план не родственный характер связей или тем более не родовое начало, а хозяйственная основа как первопричина, обуславливающая общинную организацию кочевников. Следовательно, не какие-то традиции родового строя, а вполне реальная насущно необходимая потребность вызывала к жизни общинно-племенную организацию, единственно возможную в условиях кочевничества.

Собственность на средства производства. Источники свидетель-

³² См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 86.

³³ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 87, 88. Чань-чунь описывал ставку-орду ханши, очень напоминающую курень (Си ю Цзи или описание путешествий на запад. ТЧРДМвП, т. IV. 1866, стр. 287, 291—292).

Б. Я. Владимирцов не считал возможным трактовать это описание как курень (см. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 45), однако такой формально-филологический подход к термину не способствует выяснению сущности явления.

³⁴ См. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1964, стр. 71.

³⁵ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 46 и сл.

³⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24.

ствуют, что стада скота — основное имущество и богатство монголов — находились в частной семейной собственности. Так, например, в «Сокровенном сказании...» рассказывается о разделе сыновьями Алан-Гоа скота, принадлежавшего до этого всей семье, о размере стада семьи Темучина³⁷ и т. п. Никаких упоминаний о племенной собственности на скот или хотя бы пережитках подобного явления источники не содержат.

Выше, когда рассматривался вопрос о кочевании монголов, уже отмечалось, что крупные племенные группы пользовались более или менее определенными пастбищными областями, которые, однако, в связи с различными обстоятельствами, в первую очередь военными, нередко изменялись. Группы скотоводов и отдельные хозяйства могли, судя по данным источников, пасти свой скот и кочевать по племенной территории без каких-либо ограничений, лишь бы одно хозяйство не мешало другому. Нередко из-за лучших мест вспыхивали ссоры, и если стороны не приходили к согласию, то кому-то приходилось искать себе новые пастбища. Семьи и группы хозяйств могли выходить за пределы условной «племенной территории», но там они оказывались слишком далеко оторванными от сородичей и не могли рассчитывать на их помощь в случае опасности.

Распределение и использование пастбищ и угодий, перекочевки производились в соответствии с решением большинства членов кочевых групп, а не по усмотрению и воле старейшин и т. п. предводителей. Так, в «Сокровенном сказании...» приводится любопытный рассказ о том, как предводитель племенной группы Хорилартай-Мерген, нойон Хори-Тумайский из-за ссор со своими соплеменниками по поводу пользования звероловными угодьями выделился в отдельное племенное подразделение — обок и откочевал из родных мест³⁸. Источник сообщает, что боярин (нойон) из улуса Хоритумадун был вынужден откочевать, так как его община наложила запрет на ловлю соболей и белок в урочище³⁹. Конечно, если бы предводители обладали возможностью распоряжаться пастбищами и угодьями, нойон не оказался бы вынужденным перебираться на новые места. Характерно здесь то, что спор вышел не из-за пастбищ, их было, очевидно, вполне достаточно, а из-за звероловных угодий. И вообще в многочисленных сообщениях источников о междоусобицах среди монголов или о столкновениях с другими народами ни разу причиной враждебных отношений не называется борьба из-за пастбищ. Но во всех случаях речь идет о захвате скота, угодий, о подчинении людей.

Сказанное позволяет заключить, что под «племенной территорией» у древних монголов можно понимать совокупность пастбищ,

³⁷ «Сокровенное сказание...», § 23, 90 и др.

³⁸ «Сокровенное сказание...», стр. 79—80.

³⁹ «Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане...». ТЧРДМВП, т. IV, 1866, стр. 24.

на которых племя пасло свои стада в данное время. В этом смысле надо, очевидно, понимать и монгольский *putug*, и тюркский *yurt*. Племенная территория защищалась силой оружия от вражеских посягательств, но в силу постоянных столкновений между отдельными племенами и группами племен часто то или иное племя оказывалось вытесненным со своей племенной территории и вынужденным искать новые пастбища. Борьба шла с переменным успехом, поэтому большая часть племен оказывалась время от времени в движении. Все это делало «племенную территорию» явлением весьма подвижным, а «собственность» племен на кочевья достаточно условной. Это было скорее владение, пользование. Вместе с тем весьма вероятно, что некоторые крупные монгольские племена довольно долго кочевали на одних и тех же пастбищах, пока они не были, наконец, завоеваны Чингизом, и поэтому у них должны были сложиться достаточно устойчивые традиции сезонных перекочевков.

Кочевья и пути перекочевков отдельных семей устанавливались по собственному желанию и определялись хозяйственной необходимостью: скот одних семей не должен был мешать стадам других. Ни о каких иных ограничениях или регламентации кочевания семей источники не сообщают. Итак, сведения в целом позволяют говорить о племенном владении и общинном пользовании пастбищами.

Водные источники, как и пастбища, использовались всеми аилами и куренями, кочевавшими по землям своего племени. Воды, очевидно, хватало, во всяком случае в источниках нет свидетельств о столкновениях между племенами или племенными подразделениями из-за воды.

Домашнее имущество составляло собственность семьи, причем распоряжались им их главы. По обычаю женившиеся сыновья начинали вести самостоятельное хозяйство, получая при выделе некоторую часть семейного скота и иного имущества, а юрта, утварь и остаток стада наследовались младшим сыном, который и, женившись, продолжал жить с родителями⁴⁰. При этом в равной степени законными считались как дети от первой жены, так и от других жен.

Общественная структура. Общество древних монголов представлено в сообщениях источников дифференцированным в социальном и имущественном отношениях на рядовых общинников, старейшин и предводителей, зависимых и рабов. Существовала прослойка зажиточных скотоводов.

Основными производителями в монгольском обществе были сами владельцы стад—свободные общинники. Скот пас Темучин со своими братьями, этим же занимался сын зажиточного скотовода Наху-Баяна, Боорчу и т. д.⁴¹.

⁴⁰ См. Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй..., стр. 54—55.

⁴¹ «Сокровенное сказание...», стр. 90, 91.

Существовало строгое разделение труда. Мужчины занимались воинскими делами, пасли скот; женщины — домашними промыслами, готовили пищу и т. д.

Старейшины и предводители возглавляли племенные группы, курени, айльные объединения, вооруженные отряды. Положение предводителя и старейшины могло как наследоваться, так и быть приобретенным, особенно в бурные эпохи межплеменных войн.

Анализ форм собственности на основные средства производства у древних монголов показывает, что предводители и старейшины не были собственниками пастбищ и угодий и пользовались ими наряду со своими соплеменниками. Власть предводителей над ними была в мирное время незначительной, что подтверждается многими свидетельствами. Уже отмечался случай, когда кочевая группа вопреки воле нойона наложила запрет на охоту, и старейшина не нашел иного выхода, как откочевать с близкими ему людьми, выделившись из своего племенного подразделения в отдельный обок.

В преданиях о предках Темучина, один из них — Бадончар — так характеризует одно из монгольских племенных подразделений: «...люди, что стоят на речке Тунгелик, живут все равны: нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта»⁴² (в другом варианте летописи, по его же словам, «у тех людей, что на берегу реки Тунгэли, нет головы, которая правила бы ими; у них больше и малый равны; легко прибрать их»)⁴³. Демократические традиции заметны и в тех частях «Сокровенного сказания...», где описывается племенное подразделение Тайджиут, из которого происходил Чингиз-хан.

Источники рисуют быт предводителей очень простым, ничем особенно не отличающимся от быта рядового общинника. Так, например, по словам хроники, монгольские хаганы зачастую в одиночку провожали в дальние переезды своих дочерей, выдаваемых замуж. В такой поездке был взят в плен Ашбагай-хаган⁴⁴. В одиночку ездил жениться и возвращался с молодой женой меркитский Эке-Чиледу⁴⁵. Даже такие известные предводители, как Есугай-Баатур, отправлялись преследовать врагов в сопровождении одних своих братьев⁴⁶. Запросто путешествовали по степе Есугай-Баатур со своим сыном Темучином⁴⁷. Оставив Темучина у унгиратов в «зятях», он поехал домой один и был по дороге отравлен татарами⁴⁸. Весьма демократичными были в то время и выборы

⁴² «Сокровенное сказание...», стр. 59.

⁴³ «Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане...». ТЧРДМвП, т. IV, 1866, стр. 29.

⁴⁴ «Сокровенное сказание...», стр. 59.

⁴⁵ Там же, стр. 54, 55.

⁴⁶ Там же, стр. 54.

⁴⁷ Там же, стр. 61.

⁴⁸ Там же.

новых хаганов и предводителей, причем наследственность соблюдалась совсем не обязательно. Это касается также выборов Темучина в ханы⁴⁹. Возможно, что у отдельных, наиболее энергичных предводителей появлялась постоянная вооруженная сила, как-то: «охранная стража» (турхаут) у Таргутай-Кирилтуха, одного из старейшин тайчиудцев, откуда происходил и Темучин⁵⁰. Однако при чтении описания столкновения тайчиудцев с семьей Темучина возникает сомнение в достоверности того места летописи, где говорится об «охранной страже» Таргутая-Кирилтуха. В военных действиях принимают участие воины племенного подразделения вовсе не как чья-то стража, а как племенное ополчение, выполняющее не волю своего предводителя, а общее решение. Таргутай-Кирилтух похож в данном случае больше на первого среди равных, авторитетного старейшину, а вовсе не хана. Весьма характерно в этом смысле место летописи, где рассказывается, как сын крупного предводителя Чжамухи — Тайчар угнал табун у Джочи-Дармалы и последнему пришлось отбивать табун одному, так как его товарищи не осмелились сопровождать его в погоне⁵¹. Джочи убил в погоне Тайчара, и это событие послужило началом войны между Джамухой и Чингизом. При этом интересно рассмотреть, какими силами располагали стороны. Летопись говорит, что у Джамухи было три тьмы войска, что должно было бы соответствовать 30 тыс. человек. Но уже одно только описание битвы заставляет усомниться в таком количестве войск. Кроме того, о войске Чингиза сказано, что оно было набрано из 13 куреней и также составило 3 тьмы⁵². Совершенно невероятно, чтобы из 13 куреней, пускай даже очень крупных, можно было набрать 30 тыс. воинов. Поэтому либо в летописи завышена численность войск, либо, что вполне вероятно, тьма не обязательно должна была насчитывать 10 000 человек. О том, что численность войск при межплеменных столкновениях зачастую была невелика, видно хотя бы из меркитского похода на Темучина, в котором принимало участие 300 человек⁵³. Для того чтобы собрать войско для нападения на татар, Чингизу и его союзнику Тоорил-хану пришлось рассылать приглашения дружественным им племенным подразделениям⁵⁴.

Рассмотренные данные показывают, что во времена межплеменных столкновений и войн влияние и власть предводителей возрастали. Но и здесь все зависело от личности и удачливости предводителя. Неудачливый вождь быстро лишался союзников и в лучшем случае с ним оставались воины его племенного подразделения (у Б. Я. Владимирцова есть блестящие описания, воссоздающие

⁴⁹ «Сокровенное сказание...», стр. 52, 57, 123.

⁵⁰ Там же, стр. 79.

⁵¹ Там же, стр. 128.

⁵² Там же, стр. 129.

⁵³ Там же, стр. 111.

⁵⁴ Там же, § 133.

собираемый образ предводителя населения степей; показывает он и как возникал этот слой общества).

Б. Я. Владимирцов отмечает, что монгольские предводители наряду с названием «нойон» (господин) обозначаются также характерными прозвищами, показывающими происхождение их влияния и авторитета: например, «баатур» (богатырь), «мерген» (стрелок) и др.⁵⁵ Баатуrom-удальцом был, например, отец Чингиза. Б. Я. Владимирцов говорит о нем: «...удалец из родов степной аристократии, который сумел отделаться от тех, кто ему мешал, и собрать вокруг себя тех, кто ему был нужен»⁵⁶. И далее: «Очевидно, все держалось личностью баатура и тем, что ему содействовали его ближайшие родичи, прежде всего его родные братья». Как только Иесугей умер, созданное им объединение распалось, даже угнали скот у его вдовы⁵⁷. Любопытна и другая характеристика сущности монгольских предводителей, данная Б. Я. Владимирцовым: «Титул хана принимали порой и вожди совсем мелких объединений, состоявших из нескольких ветвей разных родов...». Если нельзя никоим образом монгольское племя (irgen) признавать государством, то тем более нельзя тогдашних монгольских хаанов считать государями, царями, ханами и т. д. Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью. Власть древнемонгольского хаана была властью захватнической.

«Власть» и «права» древнемонгольского хана до известной степени напоминают то, что обычно является прерогативой атамана разбойничьей шайки. «Древне-монгольский хаан и ставился, главным образом, на время войны, т. е. для наездов, набегов, разбоя»⁵⁸.

Обобщая данные о вождях у монголов и об образовании политических объединений, Б. Я. Владимирцов приходит к выводу: «Весь процесс этот можно охарактеризовать, как образование степной родовой аристократии, выросшей на почве индивидуалистического кочевого хозяйства, выросшей из борьбы с хозяйственно слабыми группами»⁵⁹. При этом выделение «степной аристократии» сопровождалось, по его мнению, подчинением зависимых слоев населения. Отношения между ними этот автор рассматривает на примере того, как хаан Хабул «во внимание к его (старшего сына.— Г. М.) старшинству, выбрав из народа смелых, сильных, твердых и искусных в стрельбe из лука людей, дал ему в свиту»⁶⁰. Но достаточно вспомнить характеристику предводителей монголов, данную Б. Я. Владимирцовым, как возникает сомнение о том, что свита сына Хабула (не следует забывать и о стиле

⁵⁵ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 74.

⁵⁶ Там же, стр. 75.

⁵⁷ См. там же, стр. 76.

⁵⁸ Там же, стр. 80.

⁵⁹ Там же, стр. 74.

⁶⁰ Там же, стр. 72.

источника) состояла из зависимых общинников. Скорее это была часть вооруженного ополчения племенной группы, признающей того или иного хаана военным предводителем лишь до поры до времени, не более⁶¹. Не склонен был переоценивать роль этих предводителей народа как «степной аристократии» и крупный исследователь монголов Г. Е. Грумм-Гржимайло⁶². Подавляющую часть древнемонгольского общества составляли свободные араты. Они вели самостоятельное скотоводческое хозяйство, и из их числа формировалось племенное ополчение.

Источники содержат данные о наличии среди монголов какого-то неполноправного слоя, называемого «унаган богол». Б. Я. Владимирцов видит в них вассалов «какого-либо рода или дома»⁶³. При этом он считает, что эту категорию общества не следует рассматривать как «рабов» или «крепостных рабов», так как они сохраняли свое имущество, «пользовались известной личной свободой, но все результаты их труда шли их господам»⁶⁴.

Рассмотрим положение унаган-богол по сообщениям источников, а также насколько широко была распространена эта прослойка в монгольском обществе.

Надо отметить, что известия о служении унаган-богол относятся главным образом или к эпохе Чингиз-хана, или к еще более позднему времени. Источники отмечают существование отношений унаган-богол и в древнемонгольское время, но не сообщают, в чем они состояли. Значительная часть данных об этих отношениях связана с легендарными сюжетами генеалогического родства и не отражает реальных отношений. О том, что понятие «унаган-богол» не всегда имело реальное значение, а существовало в генеалогических схемах как отражение предания, свидетельствует один из рассказов Рашид ад-Дина о происхождении монголов. По легенде все монголы разделялись по своему происхождению на две группы племен: к первой относились потомки Алан-гоа, называемые нирун — люди особо уважаемые; ко второй — все прочие монголы, именуемые дарлекин. Как указывает Рашид ад-Дин, «монгольское племя, которое в настоящее время называют утэгу-богол⁶⁵, в эпоху Чингиз-хана обобщали с этим племенем (дарлекинами. — Г. М.). Значение [наименования] утэгу-богол то, что они [дарлекины] являются рабами и потомками рабов предков Чингиз-хана.

⁶¹ Примерно так же оценивает роль предводителей в обществе древних тюрков Л. Н. Гумилев (Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 27, 58, 59, 60).

⁶² См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 1—3. Л., 1926, стр. 408.

⁶³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 64.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Термины трактуются так: «боол», «богол» — раб; «утэгу-богол» — древние рабы (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 15, прим. 2). В переводе И. Н. Березина вместо «утэгу-богол» — «онгу-бугул» (Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашида ад-Дина. ТВОАО, т. V. СПб., 1858, стр. 11).

Некоторые [из них] во время Чингиз-хана оказали последнему похвальные услуги и [тем самым] утвердили [свои] права [на его благодарность]. По этой причине их называют утэгу-богол»⁶⁶. Смысл сообщения не полностью ясен. Во всяком случае, речь идет здесь совершенно очевидно не о реальных отношениях, существовавших в конце XII и начале XIII в., а лишь о легендарной генеалогической традиции, так как нет никаких указаний на то, чтобы в начале XIII в. целое племя или даже значительная группа племен служила унаган-боголами каким-то привилегированным племенам-нирунам. К такому выводу приводит анализ хотя бы тех мест «Сокровенного сказания...», где описываются детские и юношеские годы Чингиз-хана⁶⁷. Весьма вероятно, что летописец хотел польстить царствующему монгольскому дому, зачислив большее число монгольских племен в разряд рабов предков Чингиз-хана.

Все сообщения источников, на которые ссылается Б. Я. Владимирцов, пытаясь доказать, что отношения унаган-богол имели характер вассалитета, — все эти сообщения либо вообще не связаны с этим институтом, либо касаются не целого слоя общества, а отдельных лиц. Так, он полагает, что пример того, как «родовичи» добывали себе «крепостных вассалов — *unagan bogol*», можно усмотреть в свидетельстве «Сокровенного сказания...», где описывается, как предок Чингиз-хана, Бодончар, подчинил со своими братьями группу кочевников по р. Онон⁶⁸. Однако в летописи ничего не сказано о возникновении отношений унаган-богол⁶⁹. Также неубедительна ссылка на свидетельство «Сокровенного сказания...» о легендарной традиции отношений унаган-богол племени джалаир по отношению к племенному подразделению борджигин (если, конечно, эта легенда не была соответственно обработана уже после возникновения монгольской империи для возвеличивания предков Чингиз-хана). Б. Я. Владимирцов относит к числу унаган-богол и одного из членов этого племени — Джочи Джармала. Последний кочевал отдельным стойбищем, с табунами коней по поводу которых Б. Я. Владимирцов без какого-либо основания высказывает предположение, что они могли быть собственностью Чингиза⁷⁰. Сообщаемые в легенде сведения никак не соответствуют тому, что Б. Я. Владимирцов вкладывает в понятие унаган-богол⁷¹.

Не находит фактического подтверждения и предположение Б. Я. Владимирцова о том, что унаган-боголы «должны были кочевать со своими владельцами или образовывать по их указаниям курени и айлы, позволяя своим господам удобно вести большое

⁶⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 15.

⁶⁷ «Сокровенное сказание...», стр. 69 и сл.

⁶⁸ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 66, 67.

⁶⁹ «Сокровенное сказание...», стр. 35 и сл.

⁷⁰ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 67.

⁷¹ «Сокровенное сказание...», стр. 128.

скотоводческое хозяйство»⁷². К этому выводу он приходит, ссылаясь на показания Рашид ад-Дина и «Сокровенного сказания...». Однако в тексте, на который ссылается Б. Я. Владимирцов, хотя и говорится о зависимости отдельных людей, но ничего не сообщается об унаган-боголах как прослойке или классе общества⁷³.

Б. Я. Владимирцов порой сам противоречит своему взгляду на унаган-богол как на крепостных вассалов. Так, он пишет: «Часто отношения между владельцами и ипаган bogol настолько сглаживались, что начинали напоминать отношения двух союзных близких родов. Владельческий род, если он был другой кости, брал у своих ипаган bogol девушек в жены и давал своим девушкам; из среды ипаган bogol выходили сподвижники и друзья членов владетельного рода»⁷⁴. Это высказывание значительно отличается от другого, которым Б. Я. Владимирцов характеризует «отношения между родом владельческим и родом ипаган bogol как отношения сюзерена, сеньора и крепостных вассалов. Древнемонгольские ипаган bogol были крепостными вассалами, которые не могли свободно расторгать связи, скреплявшие их с владельческим родом»⁷⁵. Это утверждение противоречит свидетельствам, которыми пестрят хроники о непрерывных откочевках отдельных групп из своих племенных подразделений и присоединении их к другим племенам⁷⁶.

В целом следует отметить, что в связи с весьма отрывочными данными источников, описывавших к тому же положение цел в начале XIII в. и в более раннее время (с точки зрения порядков, уже сложившихся в монгольской империи), трудно установить истинный характер института унаган-богол, хозяйственное и общественное положение людей в этом состоянии. В одних случаях отношения унаган-богол вообще реально не проявлялись и отражались лишь в генеалогических легендах⁷⁷, в других — это была временная военная зависимость одних племенных групп от других; наконец, отношения эти могли также иметь связи с домашним рабством, о чем, собственно, и свидетельствует этот термин. Некоторая неясность в трактовке данного термина даже непосредственно в источниках позволяет сделать вывод о том, что большого распространения и значительного практического значения отношения унаган-богол в рассматриваемое время не имели.

⁷² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 65.

⁷³ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 85, 87—88; «Сокровенное сказание...», стр. 15 и сл.; стр. 81—88, 118—122, 128—131.

⁷⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 65.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См., например, Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 9, 17, 19, 22 и др.; «Сокровенное сказание...», стр. 9, 11, 24, 44 и др.

⁷⁷ Так, Рашид ад-Дин считает необходимым особо упомянуть тех, кто полностью придерживался всего того, что установлено обычаем утгу-богол. Это состояние, полагает он, будучи добровольным, было связано лишь с некоторыми чисто внешними формальностями (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 15).

Рассмотрим теперь, что говорят о других категориях зависимых слоев общества источники. В них часто упоминаются «рабы» и «прислужники». Следует отметить, что термин «раб» в том смысле, в каком он понимался монголами и другими кочевниками, не соответствовал аналогичному толкованию понятия, принятому в античном мире⁷⁸. Рабами называли и завоеванное кочевое население, и царей покоренных областей. Подобно этому термину толковались и прочие, обозначающие какие-либо другие формы зависимости. Кроме того, все письменные источники, которыми мы располагаем, появились в эпоху, наступившую после возникновения империи Чингиз-хана. Поэтому понятно, что термины и понятия, соответствовавшие второй четверти XIII в. и более позднему времени, переносились составителями летописей и на более раннее время. Насколько же эти термины условны, видно из многих свидетельств, наиболее важные и показательные из которых анализируются ниже. Так, Чингиз-хан сказал своему приближенному Томию: «...за то, что предки твои были домашними рабами у моих прапрадедов и дворниками у моих прадедов, я чествую тебя именем брата»⁷⁹. Уже сама мотивировка побратимства, приводимая Чингиз-ханом, противоречит нашим представлениям о рабстве. Чингиз-хан, несомненно, довольно хорошо представлял себе действительное рабство и едва ли стал бы называть братом настоящего раба. Из отрывка ясно, что речь здесь может идти скорее всего о соратниках, близких людях, отнюдь не низкого происхождения, которые и по старой дружбе, и по своему положению могли стать побратимами великого хаана. А кроме того, из «Сокровенного сказания» известно, что ни Томинь, ни его родственники не находились в услужении семье Темучина в его детстве, так что ни о каком рабстве практически речи быть не может. В «Сокровенном сказании...», правда, есть упоминание о том, что люди из полоненной монгольской группы стали слугами-холопами при табуне и кухне⁸⁰, но чтобы подобные явления были широко распространены, никаких данных нет. При этом следует учесть частые межплеменные столкновения до объединения Чингизом монгольских племен, причем столкновения происходили с переменным успехом, так что временно покоренной могла оказаться то одна, то другая племенная группа. Поэтому представляется, что при наличии в отдельных случаях домашнего рабства основная масса монгольского общества состояла еще в начале XIII в. из свободных кочевников-скотоводов. В связи с этим, возможно, и не впол-

⁷⁸ Как отмечалось, такую же точку зрения относительно понимания термина «раб» применительно к древнетюркскому обществу высказал Л. Н. Гумилев (см. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 54).

⁷⁹ «Старинное китайское сказание о Чингиз-хане». Пер. Палладия. ВС, т. I. СПб., 1877, стр. 173.

⁸⁰ «Сокровенное сказание...», § 39.

не точен перевод «черных голов» как «холопских»⁸¹; «черные головы» скорее просто рядовые общинники.

В обществе монголов до создания ими империи существовала эксплуатация чужого труда, прежде всего домашней прислуги и в меньшей степени пастухов. До начала завоевательных походов монголов их семьи в среднем не располагали большим поголовьем скота. А раз так, то труд зависимых или рабов не был особенно нужен, и со скотом вполне управлялись младшие члены семьи.

Б. Я. Владимирцов, исследуя общественный строй монголов в древности, высказал предположение о том, что у них имели распространение первобытнообщинные, родовые отношения⁸². В ходе сложения империи родовые отношения, как он полагал, стали разлагаться и в эпоху империи сохранились лишь в виде отдельных пережитков. Свою точку зрения Б. Я. Владимирцов формулировал не вполне последовательно. Так, если в одном месте своей работы он рассматривал господство родовых отношений с известными оговорками: «Древний монгольский род, родовое монгольское общество XI—XII вв. были очень далеки от состояния примитивного родового быта...»⁸³, то в других местах он же прямо говорит: «...монгольский род — овох — являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанном на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным, с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий»⁸⁴. И еще более категорически: «Во всех этих чертах нет ничего особенного и оригинального, что бы выделяло древних монголов из ряда других народов, живущих или живших родовым строем»⁸⁵. Второй раздел первой главы Б. Я. Владимирцов озаглавил «Родовой строй древнего монгольского общества»⁸⁶.

Рассмотренные выше данные не дают оснований столь архаизировать монгольское общество до эпохи складывания империи. Формы собственности у монголов, судя по древнейшим сообщениям по этому вопросу (впрочем, как и о других народах-скотоводах Центральной Азии, обитавших там задолго до рубежа I и II тыс. н. э.), не имели ничего общего с родовыми первобытнообщинными. Частная собственность на скот порождала имущественное неравенство, усугублявшееся частыми военными столкновениями, обогащавшими в первую очередь военных предводителей. Нет данных о существовании родовой собственности, производства, потребления. Существовало социальное неравенство.

Свои взгляды на родовой строй у древних монголов Б. Я. Владимирцов пытался обосновать наличием «родовых» связей в об-

⁸¹ «Сокровенное сказание...», § 123.

⁸² См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 62, 63.

⁸³ Там же, стр. 58.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, стр. 64.

щественной организации и некоторых «пережиточных» явлений⁸⁷.

Если рассматривать черты, свойственные общественной организации кочевников в целом, то окажется, что эти «родовые связи» свойственны отнюдь не одним древним монголам, а всем кочевникам вплоть до наших дней. И связи эти не родовые, а родственные, причем они реальны только в рамках небольших племенных подразделений. Как отмечалось, племена и крупные их подразделения складывались исторически и, как правило, состояли из разноплеменных по происхождению элементов. Также было и в древнемонгольском обществе. Идеологическое осознание единства в условиях подвижной жизни возможно лишь на основе признания общности происхождения и родства, обычно легендарного.

Что касается «пережитков» родового строя у древних монголов в области общественной и семейной организации (агнатные и когнатные отношения, наследование и т. п.), то эти явления свойственны не только древним монголам, а всем кочевникам, в том числе и в наше время. В связи с длительностью и устойчивостью их бытования эти явления следует рассматривать не как пережиточные, а как свойственные кочевничеству как таковому.

Рассматривая дальнейшее развитие общественных отношений у монголов, Б. Я. Владимирцов и его последователи исходили из предположения, что новые общественные отношения возникали у них вследствие разложения родового строя. Если отказать от гипотезы господства или переживания родовых отношений у древних монголов, то и дальнейшая картина их исторического развития окажется существенно иной.

Изложенное позволяет заключить, что общество монголов до возникновения империи не было родовым. Сопоставляя историю монголов с историей хунну, можно предположить, что разложение первобытных отношений произошло у кочевых народов в отдаленные времена и так называемые «родовые пережитки» в действительности были явлениями, свойственными хозяйственной и общественной организациям кочевничества. В рассматриваемый период в обществе древних монголов существовало социальное расслоение, но оно не было связано с монопольной собственностью какого-то класса на средства производства (все общинники были ими наделены) и не определялось зависимостью скотоводов от своих предводителей. Функции организаторов давали предводителям известные преимущества, но основную вооруженную силу монголов составлял народ, и вожди были лишь первыми

⁸⁷ Эту точку зрения в известной мере заимствовали и некоторые современные авторы. Так, Л. П. Лашук отмечает: «Обозревая... социальные образования кочевников и полукочевников Евразии, мы неизбежно приходим к выводу, что... известные нам социальные организмы тюрок и монголов соответствуют определенным этапам их исторического движения от первобытнообщинного строя к феодальному и от него к современности» (Л. П. Лашук. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. СЭ, 1967, № 4, стр. 29).

среди равных. Между племенами возникала военная зависимость, но она была временной и не затрагивала производственных отношений.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Значительно больше сведений о хозяйстве и общественной структуре монголов сообщают источники относительно эпохи возникновения империи Чингиз-хана и поры расцвета.

Опустошительные завоевательные походы монголов, грозная опасность, которую они являли,— все это и многое другое привлекало пристальное внимание соседних народов. Известны многочисленные попытки представителей западных держав и даже церкви вступить в контакт с монголами, выяснить причины их могущества и по возможности извлечь максимум выгод из этих связей и контактов. Путешественники проникали далеко в их владения, и описания увиденного и услышанного дают важнейший материал для изучения истории монголов. Описывали последних и ученые покоренных монголами стран. Наконец, сведения о быте монголов обнаруживаются в различных преданиях и хрониках. Однако исторический материал о монголах нельзя использовать без серьезного источниковедческого анализа. Послы и путешественники направлялись чаще всего к дворам монгольских ханов. Проводники вели путешествующих от одной ставки владетельных предводителей к другой, а поэтому повседневную жизнь простых скотоводов-монголов послы и путешественники в основном наблюдали отрывочно. Главным объектом наблюдений оказывалась жизнь военачальников, ханов и их окружения, их многочисленные кочующие дворы, войска с семьями. Но едва ли эти группы монголов, оторванные от их традиционного, привычного быта, жившие в несколько искусственных условиях военно-кочевой жизни, имели те же формы хозяйства, что и жители степей. Несомненно, что новая среда и быт, сложившиеся в военных походах, наконец, иные условия для развития социально-экономических отношений появившиеся в ходе образования монгольской империи, — все это порождало отличия от прежнего скотоводческого быта и прежде всего среди предводителей и их окружения, к которым и было обращено в первую очередь внимание западных путешественников.

Трудности возникают также при использовании данных восточных хронистов. Будучи жителями земледельческих областей, они рассматривали завоевателей со всей точки зрения земледельцев и часто находились под влиянием определенной литературной традиции. К тому же хронисты эти в первую очередь имели возможность наблюдать жизнь именно монгольской верхушки. Представители последней, появляясь в земледельческой полосе вре-

менно или оседая здесь постоянно, в той или иной степени испытывали сильнейшее воздействие социально-экономического уклада и особенностей жизни в покоренных ими областях.

Занятия. Все сообщения источников рисуют быт монголов в эпоху возникновения и расцвета империи как кочевой, скотоводческий. Об этом свидетельствуют «Сокровенное сказание», послы и путешественники. По словам Плано Карпини, монголы постоянно кочевали и были богаты скотом⁸⁸. Как кочевников описывает монголов Гильом Рубрук⁸⁹, об этом же говорит и Марко Поло⁹⁰. По наблюдениям путешественника Чань-Чуня, многие степные области были в то время довольно многолюдными: «... по всем сторонам, вдали, виднелись людские обиталища, состоявшие из черных телег и белых юрт; жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища. Питались кочевники молоком, одевались в меховое платье и жили в войлочных юртах»⁹¹.

Сложение империи ознаменовалось непрерывными войнами, что наложило сильный отпечаток на быт и занятия монголов. Много внимания уделялось военному делу, оружию. Но большая часть воинов была плохо вооружена. Рубрук писал: «... как я полагаю, татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцири. Я видел, как им доставляли из Персии железные панцири и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу, вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные»⁹².

Скотоводство. Стада монголов состояли из разнообразных видов скота. Как пишет Карпини, монголы разводили верблюдов, быков, овец, коз и лошадей, но свиней не держали. По его же словам, вьючного скота у монголов такое количество, как ни у одного другого народа на свете⁹³.

Путешественники описывали, как кочевали предводители монголов в завоеванных странах. Так, Плано Карпини пишет, что вдоль Днепра, со стороны России, «кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци...». По Дону «кочует некий князь по имени Картак, женатый на сестре Бату...». Вдоль Волги «переходит с места на место Бату, а по Яику... переходят с места на место два тысячника, один — с одной стороны реки, другой — с другой стороны». Карпини подчеркивает, что «все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы»⁹⁴. Тот же автор подробно описывает

⁸⁸ См. П л а н о К а р п и н и. История монголов. М., 1957, стр. 28, 70 и др.

⁸⁹ См. Г и л ь о м д е Р у б р у к. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 91.

⁹⁰ См. М а р к о П о л о. Книга. М., 1955, стр. 88.

⁹¹ «С и ю Ц з и или описание путешествия...». ТЧРДМвП, т. IV. СПб., 1866, стр. 285—286.

⁹² Г и л ь о м д е Р у б р у к. Путешествие..., стр. 186.

⁹³ См. П л а н о К а р п и н и. История монголов, стр. 28.

⁹⁴ П л а н о К а р п и н и. История монголов, стр. 70.

кочевые жилища монголов. Судя по его словам, это круглые в плане кибитки (ставки), «изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и куда бы они не шли, на войну или в другие места, они всегда перевозят их с собой»⁹⁵.

Сходным образом описывает кочевание монгольских предводителей в восточнорусских степях Гильом Рубрук. Все монгольские предводители, у которых был Рубрук, кочевали со своими приближенными в меридиональном направлении, нигде подолгу не останавливаясь. Как отмечает Рубрук, монгольские предводители перекочевывали с семьями и подчиненными, причем «зимой они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбищ, но лишенных воды, они пасут стада зимой, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды»⁹⁶. Как описывает Рубрук, Бату со своим двором кочевал по восточному берегу Волги, причем с января до августа кочевание направлялось к северу, а с августа начиналось передвижение в южном направлении⁹⁷. Кочевание происходило очень медленно. Рубрук двигался с двором Бату вниз по Волге в течение 5 недель, так что едва ли дневной путь составлял более 10—15 км⁹⁸.

Рубрук сообщает интересные подробности о монгольском кочевом жилище и его убранстве⁹⁹. Кочевали монголы на повозках и верхом целыми общинами. Передвигался такой кочевой поселок очень медленно, «так медленно, как ходит ягненок или бык»¹⁰⁰.

Наблюдения о кочевании монголов сообщает также Марко Поло. Он пишет, что они живут зимой в равнинных теплых местах, где есть пастбища для скота, летом же перекочевывают в более прохладные области, также на равнинах, богатых травой и водой. Монголы, по его описанию имели круглые переносные деревянные жилища, которые легко перевозились с места на место. Как транспортное средство монголы употребляли телеги, крытые

⁹⁵ Плано Карпини. История монголов, стр. 27, 28.

⁹⁶ Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 91.

⁹⁷ См. там же, стр. 118.

⁹⁸ См. там же, стр. 121.

⁹⁹ См. там же, стр. 91, 92.

¹⁰⁰ Там же, стр. 92.

войлоком, в которое впрягались волы или верблюды. На повозках перевозили женщин и детей¹⁰¹.

Марко Поло упоминает о быте монголов на Кавказе. Он о них сообщает так: «Великая Армения... страна большая, и летом приходит сюда толпа левантских татар, потому что все лето здесь привольные пастбища для скота; и живут здесь татары со своими стадами летом, а зимою их нет; большого холода и снега скотина не выносит, и на зиму татары уходят туда, где тепло, есть трава и пастбища для скота»¹⁰².

Некоторые наблюдения о кочевом хозяйстве монголов содержатся в трудах известного средневекового ученого Ибн эль-Атира. Он пишет: «... притом он (народ монголов) не имеет нужды, чтобы шел за ним обоз или припасы; за ними идут овцы, коровы, лошади и другие животные, и он ест их мясо и больше ничего. А животные для верховой езды сами отрывают копытами и едят корни зеленых растений, не знают ячменя; поэтому когда он делает где-нибудь привал, не нуждается ни в чем постороннем»¹⁰³.

Хозяйство некоторых групп монголов, поселившихся в завоеванных областях, начало претерпевать с течением времени изменения. Часть их оседала на землю и переходила к другим видам занятий.

Так, например, армянский хронист Стефан Орбелиани отмечает: «Но скоро мугалы (после похода в западные страны.— Г. М.) оставили свои родные нравы и покинули обычаи отцов»¹⁰⁴. Об этом же говорят и другие источники¹⁰⁵. Прочие продолжали кочевать, но уже в более ограниченных размерах¹⁰⁶.

Значительные изменения произошли в рассматриваемое время и в порядке кочевания. Пастбищные области были поделены между племенами и их подразделениями, и кочевым группам выделялась определенная область. Так, например, при выделении темнику Хорчию в управление племен в их число были включены и лесные народы. Чингиз при этом повелел Хорчию: «... пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу свободных переходов — нечего задумываться!»¹⁰⁷. Кочевание вне от-

¹⁰¹ См. Марко Поло. Книга, стр. 88.

¹⁰² Там же, стр. 50.

¹⁰³ «Выписки из Ибн эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 г.». УЗИАИ, т. 2, 1854, стр. 641.

¹⁰⁴ «История монголов по армянским источникам». Из «Истории Стефана Орбелиани». Пер. К. П. Патканова, кн. 1. СПб., 1873, стр. 32.

¹⁰⁵ «История монголов по армянским источникам». «История Стефана Сюнийского», кн. 1, стр. 57.

¹⁰⁶ «История монголов инока Магакия». Пер. К. П. Патканова. СПб., 1871, стр. 11; «История монголов по армянским источникам». «Из истории Киракоса Гандзакеци», кн. 2. СПб., 1873, стр. 73; «История монголов по армянским источникам», кн. 1. «Из истории Вардана», стр. 5, 13.

¹⁰⁷ «Сохранившееся сказание...», стр. 205.

веденных пастбищ было запрещено¹⁰⁸. Перекочевками руководили военные предводители. Как пишет Рубрук «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»¹⁰⁹. Порядок перекочевки внутри «племенной территории» остался, очевидно, прежним.

Земледелие не получило у монголов большого распространения и в эпоху империи. Как свидетельствует Плано Карпини «хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это»¹¹⁰. Об этом же сообщает Рубрук и при этом добавляет, что «важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляются просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи»¹¹¹.

Нет данных о том, чтобы в рассматриваемое время произошли значительные изменения в области разделения труда в сравнении с предшествующим временем. Так, говоря о домашних занятиях, Плано Карпини сообщает, что, по его наблюдениям, «мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе», «... женщины изготовляли одежду: полушубки, платья, башлыки, сапоги, правили повозками, чинили их, вьючили верблюдов»¹¹².

Наблюдения Плано Карпини подтверждаются свидетельствами Рубрука о том, что мужчины делали луки и стрелы, изготовляли стремена, уздечки, седла, строили дома и повозки, караулили лошадей, доили кобылиц, приготавливали кумыс, охраняли скот, вьючили верблюдов. Овец и коз пасли и доили как мужчины, так и женщины. Последние управляли повозками, устанавливали на них жилища, доили коров, выделявали кожи, изготовляли принадлежности костюма¹¹³.

Городская жизнь была развита слабо¹¹⁴.

Из описаний Рубруком ставки монгольских ханов — Каракорума — видно, что это поселение не было собственно монгольским и его население было иноплеменным. Так, Рубрук указывает, что, «за исключением дворца, он (Каракорум.— Г. М.) уступает даже пригороду св. Дионисия, а монастырь св. Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец». При этом Рубрук подчеркивает, что в городе всего два квартала: «... один саррацинов, в котором бывает базар и многие купцы стекаются туда из-за дво-

¹⁰⁸ «Сокровенное сказание...», стр. 202.

¹⁰⁹ Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 91.

¹¹⁰ Плано Карпини. История монголов, стр. 35, 36.

¹¹¹ Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 98.

¹¹² См. Плано Карпини. История монголов, стр. 36, 37.

¹¹³ См. Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 99, 100, 101.

¹¹⁴ См. там же, стр. 154.

ра... другой квартал катаяев, которые все ремесленники». В городе постоянно обитали некоторые иностранные послы и известное число чиновников. Ханский двор прикочевывал в Каракорум только в определенное время года ¹¹⁵.

Мнение Рубрука об отсутствии собственно монгольских городов подтверждается также путешественником Чан-Чунем, встречавшим на пути в ставку Чингиз-хана только развалины древних городов ¹¹⁶. Одну из резиденций хана, где жила ханша, он описывает как скопище тысячи телег и юрт ¹¹⁷. Встречавшиеся военные поселения были населены ремесленниками из земледельческих областей ¹¹⁸.

Развитие хозяйства монголов в эпоху разложения империи мало освещено источниками. Численно сократившееся и обедневшее вследствие грандиозных завоевательных походов население монгольских степей продолжало заниматься экстенсивным скотоводством. Высказывалось предположение, что по мере разложения империи оно становилось более подвижным ¹¹⁹. Вполне возможно, что в условиях постоянных междоусобиц так оно и было. Но в источниках отсутствуют прямые свидетельства по этому поводу.

По наблюдениям русского путешественника Ивана Петлина, посетившего Монголию в начале XVII в., население разводило лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз. При перекочевках использовались вьючные животные ¹²⁰. Повозки на колесах как средство передвижения источниками больше не упоминаются.

Еще с конца XVI в. и в XVII в. в степях Монголии началось некоторое оживление экономической и культурной жизни, возродились и производительные силы.

С конца XVII в. и начала XVIII в. отмечается постепенное развитие земледелия и торговых связей с Китаем и с Россией ¹²¹. Многие кочевники оседали на землю на юге Монголии, в Бурятии, в Забайкалье. Появились новые категории населения: монголы-горожане, монголы, жившие при монастырях и поселениях, и т. д. ¹²².

Довольно большие изменения произошли за XVIII в. и в хозяйстве монголов. Хотя скотоводство и велось по-прежнему в экстенсивной форме, оно становилось несколько менее подвижным; скота у аратов было немного. Государственные власти устанавливали строгие границы кочевий для отдельных групп населения,

¹¹⁵ См. Гильом де Рубрук, стр. 165.

¹¹⁶ «Си-ю-Цзи или описание путешествия...». ТЧРДМвП, т. IV, СПб., 1866, стр. 289 и сл.

¹¹⁷ Там же, стр. 291.

¹¹⁸ Там же, стр. 293 и прим. к стр. 241.

¹¹⁹ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 129.

¹²⁰ «Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.». ИОРЯС, т. 18, кн. 4. СПб., 1913, стр. 218.

¹²¹ Об этом говорится не только в данном источнике (там же), но и в другом — «Уложение китайской палаты внешних сношений». СПб., 1828.

¹²² См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 191.

чтобы избежать междоусобных столкновений, а это в конечном итоге привело к сокращению амплитуды кочевания. Еще большее распространение с этого времени получило земледелие¹²³.

Общественная и хозяйственная организация. Создание империи сопровождалось значительными изменениями в общественной организации монгольского общества. Объединение враждующих племен и обширные завоевательные походы могли быть осуществлены лишь при условии создания единой системы управления, опирающейся на прочную военную силу. Был создан аппарат централизованной власти, осуществлявший военное командование и управление монголами и завоеванными областями, сочетавший в себе традиционные кочевнические черты и элементы, заимствованные из государственной организации соседних земледельческих народов. Одной из важнейших задач при создании империи было уничтожение племенной раздробленности и создание структуры общества, наиболее отвечающей потребностям мобилизации и организации военных сил. Это удалось достигнуть посредством сочетания племенной организации с военной структурой и подчинения первой последней. Каждое племя и его подразделение целиком или частями составили в соответствии с размером своего ополчения определенную единицу монгольской армии. Войско было поделено на десятки тысяч (тьма — *tümen*), а те, в свою очередь, на тысячи (*minggan*), сотни (*jagan*), десятки (*agban*)¹²⁴. Во главе большей части монгольских племен были поставлены 95 нойянов-тысячников¹²⁵.

При этом подход к распределению племен по военным отрядам был различен: родственные и дружеские племена целиком составляли тьму или тысячу. Племена непокорные, завоеванные разбивались по сотням и десяткам и распределялись по многим войсковым частям. Так, например, при распределении должностей к Чингиз-хану обратился один из его приближенных — Нарин-Тоорил — с просьбой собрать воедино свое племенное подразделение. «Быть по сему», — ответил Чингиз-хан и отдал повеление, чтобы Нарин-Тоорил правил негусами¹²⁶. Покорив же керитов, Чингиз-хан распределил их по сотням среди верных ему монгольских племен¹²⁷. При перечислении тысяч источники называют

¹²³ «Уложение китайской палаты...»; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 128.

¹²⁴ Эта система не была, впрочем, новой. Еще до возникновения империи, во время борьбы с племенем тайджиут, Темучин организовал ополчение дружественных ему племен и их подразделений по туманам, тысячам («хазар») и сотням («садэ»), объединенным в 13 куреней (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 86). Это отмечали также: Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан (изд. 1922 г.), стр. 65; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 415; В. А. Рязановский. Является ли монгольское право правом обычным? Харбин, 1932, стр. 9.

¹²⁵ «Сокровенное сказание...», стр. 202.

¹²⁶ Там же, стр. 218.

¹²⁷ Там же, стр. 186.

обычно племенную их принадлежность. Так, например, «тысяча, состоящая из племени ойрат», «тысяча Балуган-Калджа из племени барулас... тысяча из племени онгут... это племя подчинилось искренне...»¹²⁸; «...племя кият ... составляет один туман ... Тысяча Мукали-гопана ... хан. ему препоручил все войско племени джалаир... всего их... было три тысячи человек...»¹²⁹. Даже тогда, когда составлялись временные сборные отряды, соблюдался тот же принцип. Так, посылая Мукали в область Джурджи, Чингиз «дал ему один туман войска, состоявшего из племени онгут, одну тысячу сборную, четыре тысячи из племени урут, две тысячи из [племени] икирас...» и т. д.¹³⁰. Таким образом, и при новой организации войска-народа большое значение сохраняла племенная организация, и главную часть армии составляло племенное ополчение. При этом, однако, в дальних походах, когда войско, объединенное по принципу воинских соединений, надолго отрывалось от своей производственной основы, жило грабежом и взиманием дани, общинно-племенные связи ослабевали, распадались, уступая место новым формам связей и отношений, во многом заимствовавшим порядки, бытовавшие среди покоренных оседлых народов. В связи с этим должны были возникать различия в общественной организации монголов, участвовавших в завоевательных походах, и у населения, оставшегося в Монголии.

Сочетание военной и племенной организации не привело к уничтожению последней. Как отмечал Б. Я. Владимирцов, с разбивкой монголов на военно-административные группы «не разрушался родовой строй», а получал лишь правильную военную организацию¹³¹.

Как и в прежние времена, основной ячейкой общества оставался аил. Аилы объединялись в обоки, обоки — в племена. Б. Я. Владимирцов высказал предположение, что с созданием империи исчезла куренная организация¹³². Однако сообщения источников опровергают это мнение. Так, Рашид ад-Дин после описания древних куреней говорит: «И в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они [монголы] тоже располагаются в таком же виде для того, чтобы враги и чужие не проникли внутрь стана»¹³³. По сообщению того же автора, Чингиз-хан, его дети, нукеры и лица из эмиров, потомки эмиров и личная охрана (казиктан) вошли во второй курень¹³⁴. У тайджиутов курени заведательствованы в 80-х годах XIII в.¹³⁵. В дальнейшем термин

¹²⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 260.

¹²⁹ Там же, стр. 270, а также стр. 271 и сл.

¹³⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 179.

¹³¹ См. Б. Я. Владимирцов. Чингиз-хан (изд. 1922 г.), стр. 76.

¹³² См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 38.

¹³³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 86, 87.

¹³⁴ См. там же, стр. 86.

¹³⁵ См. там же, стр. 120.

«курень» становится редким, хотя эта форма организации полностью не исчезает ¹³⁶.

С окончанием завоевательных походов монголы возвращались на родину к традиционным занятиям, и по мере распада империи ослабевала централизованная военная организация, и структура общества, подчиняясь требованиям мирной жизни, приобретала наряду с военной и общинно-кочевую организацию. По словам Б. Я. Владимирцова, монголы после смерти Чингиз-хана либо растворились среди народов завоеванных культурных стран «или впали опять в то состояние, в котором они пребывали до рождения их гениального вождя», так как «цивилизацию нельзя было совместить с кочевым бытом» ¹³⁷.

В эпоху Хубилая все области, находившиеся под властью монголов, разбивались на уделы (аймак), управлявшиеся наследственными предводителями. При этом аймаки могли быть сотенными и тысячными. Структура общественной организации того времени выглядела следующим образом: 1) малое семейство (бага-эругэ); 2) 25 малых семейств составляли одно большое семейство (йэкэ-эругэ); 3) 25 больших семейств составляли «ведение даруги»; 4) два участка (ими заведовали даруги) составляли сотенный аймак; 5) 10 сотенных аймаков входили в тысячный аймак; 6) 10 тысячных аймаков составляли оток, а 10 отоков — «моджи» ¹³⁸. Сопоставление этой структуры с общественной организацией более раннего и более позднего времени позволяет предположить, что в ее основе лежит членение по племенам и их подразделениям, восходящим частично к древней эпохе, а частично вновь сформировавшимся во время складывания и разложения империи. К рассматриваемому времени относится одно из первых упоминаний термина «хотон» как элемента общественной организации ¹³⁹, получившего впоследствии широкое распространение.

Как можно заключить из сообщений источников, и в XVI—XVII вв. общественная организация монголов основывалась на военно-племенной структуре. Группы семей объединялись в кочевые общины (некоторые источники называют их хотонами) ¹⁴⁰, представлявшими собой скорее всего самые мелкие племенные подразделения. Перечисляя области Монголии и их правителей, источники постоянно подчеркивают племенную принадлежность обитавших там монголов и перечисляют генеалогии родства ¹⁴¹.

¹³⁶ А. М. Позднеев упоминает термин «курень» — монастырское поселение в виде круга (см. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. I. СПб., 1896, стр. 13).

¹³⁷ Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан (изд. 1922 г.), стр. 160.

¹³⁸ «Монголо-ойратские законы 1640 г.». Текст, пер., прим. К. Ф. Голстунского. СПб., 1880, стр. 103.

¹³⁹ «Алтан-Тобчи. Монгольская летопись первого ламы Голсана Гамбоева». ТВОАО, ч. 6. СПб., 1858, стр. 153.

¹⁴⁰ «Монголо-ойратские законы...», стр. 60, 64.

¹⁴¹ «Шара-Туджи. Монгольская летопись XVII в.». М.—Л., 1957, стр. 160, 166—168 и др.

Так, например, в летописи говорится о западных монголах: «Дурбэй ойраты . . . в нынешнее время имеют шесть омоков»¹⁴². Таким образом, не только мелкие кочевые группы, но и более крупные объединения строились по принципу племенной организации, сохранившей зачастую облик военной структуры¹⁴³. Вытеснение у монголов к началу XVII в. организации по туменам, тысячам и т. д. племенной организацией по омокам отмечает И. Я. Златкин¹⁴⁴. Однако его взгляды относительно омоков, а в связи с этим и на историю развития племенной организации противоречивы и спорны. Сначала он прямо утверждает, что, по свидетельству источников, к началу XVII в. омоки «полностью вытеснили традиционные тумены, тысячи» и т. д.¹⁴⁵. Затем, следуя за Б. Я. Владимирцовым, И. Я. Златкин высказывает предположение, что возникновение омоков происходило в условиях родового строя¹⁴⁶, а «когда завершился процесс консолидации монгольской народности, поглотившей и растворившей остатки бывлой родо-племенной организации общества . . .», омок-род превратился к XVII в. в омок-семью¹⁴⁷, а поэтому «авторам монгольских и калмыцких исторических сочинений XVII—XIX вв. просто нечего было говорить об омоках, ибо в их время таких омоков уже не было, да и память о них в народе уже стала стираться, а то и вовсе стерлась»¹⁴⁸. Таким образом, в одном месте говорится, что омоки полностью вытеснили прежние элементы общественной организации, в другом, что источникам нечего было о них говорить. Но откуда же взялись омоки в XVII в.? Да к тому же известно, что и в XIX в. у западных монголов племенная организация еще функционировала. Рассматриваемый автор считает, что омок с XVII в. следует рассматривать как семьи. Но как же могла семейная организация вытеснить десяти тысячную, тысячную и т. п. структуру? Все эти вопросы возникают вследствие неверного понимания И. Я. Златкиным сущности племенной организации. Уже отмечалось, что представление о ней как о пережитке родового строя противоречит действительности, так как она является для кочевничества закономерным явлением. Ни у монголов, ни у других кочевников племенная организация сама по себе не распадалась. Она могла видоизменяться вследствие подчинения военной структуре. Могла и исчезнуть, но только в том случае, когда ее вытесняла введенная извне административно-территориальная система. Так произошло с общественной организацией значительной

¹⁴² «Шара-Туджи. Монгольская летопись XVII в.», стр. 168.

¹⁴³ «Монголо-ойратские законы...»; В. А. Рязановский. Монгольское право и сравнительное правоведение. ИЮФ, т. 7. Харбин, 1929, стр. 288.

¹⁴⁴ См. И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 73.

¹⁴⁵ См. там же.

¹⁴⁶ См. там же.

¹⁴⁷ См. там же, стр. 76, 77.

¹⁴⁸ Там же, стр. 76.

части монголов, покоренных в конце XVII в. маньчжурами¹⁴⁹. Из всех звеньев былой племенной организации у них продолжали функционировать только кочевые группы, связанные совместным кочеванием и общими хозяйственными интересами. Но и в этих группах исчезали прежние родственные, генеалогические связи, вытеснявшиеся соседскими отношениями. И только у некоторых групп западных и северных монголов племенная организация сохранялась.

Собственность на средства производства. Источники, описывающие эпоху возникновения и расцвета империи, прямо ничего не говорят о собственности у монголов на скот¹⁵⁰. Но уже одно то, что этот вопрос не заслуживал с точки зрения современников того, чтобы рассматривать его специально, именно эта особенность и свидетельствует, что отношения собственности на скот не изменились по сравнению с прошлым. Нормы права и позднейшие этнографические наблюдения показывают, что и после распада империи скот находился, как и прежде, в собственности семей аратов, т. е. был семейной собственностью. Иных взглядов по данной проблеме придерживался Б. Я. Владимирцов. Так, допуская, что скот был личной собственностью кочевников, он считал необходимым сделать «существенные оговорки». По его мнению, вожди монголов держали в руках все «орудия производства кочевого натурального хозяйства», и «раз простой монгол должен был кочевать согласно распоряжениям своего сеньора, обязан был останавливаться там, где ему укажут, и переходить на новые пастбища тоже в зависимости от воли своего господина, то можно сказать, что он более походил на пастуха чужих стад, чем на самостоятельного хозяина»¹⁵¹.

Но ни в одном сообщении источников нет данных, которые подтверждали бы, что все рядовые монголы были пастухами чужих стад. Ничем не может быть подтверждено и предположение о том, что организаторские функции предводителей делали их владельцами стад.

Письменные памятники монголов и сообщения восточных авторов мало говорят о поземельных отношениях у монголов в рассматриваемую эпоху. Земля, как и все прочее: люди, их жизнь и имущество, — всецело находилась во власти главы империи. Но это общее для восточных деспотий положение, существовавшее у разных народов, стоявших на различном уровне общественного развития, еще не свидетельствует само по себе о каких-то определенных формах поземельных и связанных с ними производственных отношений.

Как полагал В. Я. Владимирцов, «наши источники определен-

¹⁴⁹ «Шара-Туджи...», стр. 105; «Монгольская летопись «Эрдений эрихэ» с 1636 по 1736 г.». Пер., комм. А. Позднеева. СПб., 1883, стр. 81.

¹⁵⁰ Это отметил еще Б. Я. Владимирцов (см. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 113).

¹⁵¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 113.

но указывают, что *putug* (*yurt*), т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину — поуап, или царевичу — *köbe-gip*¹⁵². Но источники как раз таких указаний не содержат, что он вынужден признать, говоря: «Внимание кочевника, конечно, сосредоточено на людях, потому что *putug* мог быть найден и другой...»¹⁵³, и что источники, часто упоминая о том, что «Чингизхан уделил из покоренных народов часть», редко упоминают о юрте¹⁵⁴.

Не имея возможности опереться на прямые свидетельства, рассматриваемый автор прибегает к такому рассуждению: «Раз сеньор владел людьми, то, естественно, должен был владеть землей, на которой они могли бы жить-кочевать»¹⁵⁵, но утверждение о том, что сеньор владел людьми, еще само по себе требует доказательств.

Видя, очевидно, что эта аргументация ненадежна, Б. Я. Владимирцов, а вслед за ним и многие его последователи пытаются найти обоснование предположения о феодальном праве у монголов на землю в руководящей роли предводителей при кочевании¹⁵⁶. Б. Я. Владимирцов пишет: «В древне-монгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что поуап, т. е. феодальный сеньор, царевич или «тысячник», руководил кочеванием зависящих от него людей (*ulus*), направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья (*belciger*~*belci'er*) и указывая стоянки в определенных местах предоставленного ему нутука-юрта»¹⁵⁷.

Что же можно найти в сообщениях источников относительно рассматриваемой проблемы? «Сокровенное сказание...» подробно перечисляет все нововведения Чингиз-хана, но не говорит о каких-либо изменениях в условиях пользования пастбищами или закреплении земли за сеньорами¹⁵⁸. Даже в оседлых областях управители улусов не считались прямыми или косвенными владельцами земель, и поборы с оседлого населения взимали чиновники хаана.

Свое предположение о том, что раз предводители руководили кочеванием в определенной области, они были и феодальными собственниками земли, Б. Я. Владимирцов основывает на словах Рубрука о том, что всякий начальник знает границы пастбищ, которыми пользовались подчиненные ему скотоводы, и места кочевий в разные времена года¹⁵⁹. Это наблюдение интересно, но еще

¹⁵² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 111.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См. там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ См. там же, стр. 112.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ «Сокровенное сказание...» (см. разделы, посвященные устройству империи Чингиз-ханом).

¹⁵⁹ См. Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 91.

не свидетельствует о собственности предводителя на пастбища. К тому же монгольские источники иначе рисуют наделение кочевников пастбищами. Так, Огодай-хан повелел, чтобы от каждой тысячи были избраны особые нунтуучины, которые бы и разделили земельно-водные угодья¹⁶⁰. Ни о каком наделении сеньоров землей в феодальное владение нет и речи. О том же свидетельствует сообщение о Хубилай-хаане, который «некоторым другим из тех войск дал безмерно много мест для зимних стойбищ и летовок ... Они составляют огромное войско, которое заняло все степи и горы зимовок и летовок»¹⁶¹. Чингиз-хан, перечисляя в обращении к Джочи свои заслуги, говорит: «Я для вас приобрел так много государств и войск...»¹⁶². О земле — пастбищах — он при этом ничего не говорит. Отмечая свойства «плохих народов», Чингиз-хан сказал, что их грабят, кони и табуны их не обретают покоя¹⁶³. Надо полагать, что если бы у монголов существовали иные, чем у других кочевых народов, поземельные отношения, Чингиз-хан, несомненно, назвал бы их в числе плохих установлений. Во всех многочисленных упоминаниях летописей о войнах всегда говорится только о захвате людей, скота, имущества¹⁶⁴.

И. Я. Златкин полагает, что Б. Я. Владимирцов исчерпывающе доказал свою гипотезу и «едва ли есть необходимость в новых доказательствах, подтверждающих тезис Б. Я. Владимирцова о том, что в Монголии уже в XIII в. сложилась монополия собственности феодалов на землю, на пастбищные территории»¹⁶⁵. Тем не менее И. Я. Златкин все же ищет такие доказательства. Заслуживает внимание его обращение к сообщению летописи, в котором говорится о наделении Чингиз-ханом дарханскими правами на меркитские земли по Селенге своего сподвижника Сархан-Шира¹⁶⁶. Действительно, еще К. Маркс рассматривал дарханские права как *вид* феодальных прав, порожденных условиями воинственной жизни¹⁶⁷. Но высказывание К. Маркса свидетельствует одновременно и о том, что, говоря о появлении этого вида прав, он вовсе не рассматривал социально-экономические отношения у монголов в целом как феодальные. И действительно, дарханное право не составляло основы общественных отношений у монголов, не было всеобъемлющей системой и, в частности, в области землепользования. Из сообщений хроник видно, что дарханскими правами наделялись только отдельные сподвижники Чингиз-хана, причем нет оснований считать, что это сопровождалось появлением нового вида земельной собственности.

¹⁶⁰ «Сокровенное сказание...», стр. 279.

¹⁶¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 279.

¹⁶² Там же, стр. 178.

¹⁶³ См. там же, стр. 259.

¹⁶⁴ Об этом речь идет там же, на стр. 152.

¹⁶⁵ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 84.

¹⁶⁶ См. там же.

¹⁶⁷ См. К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938, стр. 220.

И. Я. Златкин утверждает, что рассмотренное повеление хаана свидетельствует о том, что здесь переуступалась часть личной собственности другому лицу, т. е. дархану¹⁶⁸. Но текст летописи противоречит этому мнению. Там не только не говорится о передаче кочевий в собственность, но и во владение. Речь идет только о пользовании: «Занимайте же своим кочевьем Селенгу, меркитскую землю, и будьте ее невозбратными, дарханскими пользователями»¹⁶⁹. Хаан перечислил привилегии и права, даваемые в связи с дарханством: освобождение от взыскания за 9 проступков, право непосредственного обращения к владыке, право брать себе военную и охотничью добычу, не отдавая доли хаану. Но о собственности на землю или установлении отношений поземельной зависимости между дарханами и кочевавшим по Селенге населением повеление ничего не говорит. Очевидно, дарханство не предусматривало установление таких отношений.

И. Я. Златкин ссылается на места летописи, где сообщается о назначении предводителями «уделов»¹⁷⁰. Но никакой новой аргументации (по сравнению с приводимой Б. Я. Владимирцовым) он не находит, и нет оснований полагать, что помимо военно-административных функций предводители наделялись еще правами феодальной собственности на землю.

Надо полагать, что основная цель регламентации кочевьев и перекочевков состояла не в установлении феодальной земельной собственности, а в стремлении воспрепятствовать межплеменным столкновениям и самовольным перекочевкам отдельных групп, которые были препятствием для мобилизации военных сил и строгой армейской организации. Устанавливаемые отношения военного господства — подчинения не влекли появления иерархической земельной собственности, бессмысленной в условиях кочевничества, и не имели специфических феодальных черт. Таким образом, можно полагать, что усиление Чингиз-ханом регламентации пользования пастбищами имело не социально-экономическую, а военную основу. Как известно, с распадом империи эта регламентация сократилась, а у некоторых кочевников и вовсе исчезла.

Мало данных удается обнаружить о собственности на основные средства производства у монголов в эпохи, последовавшие после распада империи. Ни в одном из источников нет сведений о том, чтобы произошли изменения в отношении собственности на скот. Не отмечают этого и законодательные акты. Б. Я. Владимирцов, развивая высказанное ранее предположение, считал, что и в это время собственность монгольских аратов на скот была относительной и что представляла из себя завуалированное владение сеньора. В подтверждение своей точки зрения Б. Я. Владимирцов ссылается на то, что подчиненные выплачивали за своего

¹⁶⁸ См. И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 85.

¹⁶⁹ «Сокровенное сказание...», стр. 219.

¹⁷⁰ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 85.

предводителя штрафы, отдавали известное количество скота в виде даров и т. п.¹⁷¹. Подобная аргументация представляется неубедительной. Известно, что частная собственность не исключает ренты, выплаты налогов и т. д., что нисколько не делает ее условной. Араты предоставляли своим предводителям только какую-то часть прибавочного продукта скотоводческого хозяйства, распоряжаясь основной частью стада на правах собственности.

Рассмотрение правовых норм, кодифицированных в законодательстве 1640 г., показывает, что в отношении скота, как и домашнего имущества, все монголы признавались на равных основаниях собственниками стад и виновные несли ответственность за кражу скота. Нанесенный хозяину ущерб возмещался не «сеньору», а лично его владельцу¹⁷². При этом штрафы были одинаковы, чьему бы стаду не был нанесен ущерб.

Вопреки распространенному мнению представляется, что и в рассматриваемое время пастбища не составляли феодальной собственности в областях, где кочевали монголы. Об этом свидетельствуют в первую очередь данные летописей и нормы права. Особенно интересен в этом отношении свод монголо-ойратских законов, принятых на сейме князей в 1640 г. В его основе лежало обычное право, отражавшее традиционные юридические нормы. Однако свод законов подготавливался и принимался представителями верхушки монгольского общества, имевшими полную возможность включить в законодательство статьи, гарантировавшие их социально-экономические привилегии. И, как показывает анализ статей свода законов, многие из них отражают интересы господствующей прослойки, но не в отношении скота и земли. В своде законов скрупулезно рассматриваются права и обязанности предводителей и рядовых скотоводов, отношения по скоту, имуществу и т. д. Но относительно земли можно найти только одно установление, связанное с наложением взыскания за охоту в заповедных местах, которыми пользовались князья¹⁷³. Уже одно то, что составители кодекса сочли необходимым внести в него пункт о заповедных охотничьих местах, ничего не говоря о пастбищах, свидетельствует, что как обычное право, так и господствующая прослойка не рассматривали землю как чью-то собственность и не видели необходимости законодательно ее фиксировать. В законах отсутствуют какие-либо юридические нормы, определяющие землепользование и землевладение, и, за исключением отмеченной выше статьи, нет ограничений или запрещений в связи с использованием земель. Законы определяют наказания за нарушение привилегий и имущественных прав. Но наказаний или установлений, связанных с землей, в нем нет.

В хрониках можно найти много сообщений о присвоении пред-

¹⁷¹ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 162.

¹⁷² «Монголо-ойратские законы...», стр. 37, 44, 48, 49, 51.

¹⁷³ Там же, стр. 40.

водителям почетных титулов и званий и т. п., но нет известий о наделении землей или о таковых просьбах¹⁷⁴. Любопытно сообщение летописи об установлении матерью Бату Мункэ Даян-хагана, Сэцэн Мандухай «порядка» у завоеванных дурбэн-ойратов. Перечисляется все, в чем должна была проявляться их зависимость, но поземельные отношения при этом не упоминаются¹⁷⁵.

Б. Я. Владимирцов, развивая свою гипотезу о феодальных отношениях у монголов, рассматривает в ее свете и поземельные отношения в исследуемую эпоху. По его словам, «земля, пастбищные территории с разными угодьями, *nutug*, на котором кочуют, находились во владении и в распоряжении феодального владельца»¹⁷⁶. Чем же аргументирует свои взгляды Б. Я. Владимирцов? Ни одного прямого свидетельства источников или соответствующего положения из законодательных актов он не приводит. Как одно из доказательств, якобы подтверждающих его мнение по этому вопросу, приводит Б. Я. Владимирцов высказывание из хроники: один из предводителей монголов, делая предложение удювешей ханше, говорит: «Буду хранить твой огонь, буду указывать тебе кочевья»¹⁷⁷. Из этих слов Б. Я. Владимирцов делает вывод: «Эта краткая фраза знаменательна потому, что отмечает самое важное для кочевника: возможность распоряжаться и руководить кочеванием. Кто имеет возможность распоряжаться по своему усмотрению пастбищными территориями, тот и является у кочевников владельцем (*ejen*) земельных угодий (*nutug*)»¹⁷⁸. Едва ли, однако, можно из этого вполне естественного обращения жениха к своей невесте делать столь далеко идущие заключения о поземельных отношениях.

Наличие феодальных поземельных отношений у монголов тот же автор усматривает в обращении одного из предводителей к китайскому императору «дать землю хорошую пастбищами и водой». Но, во-первых, речь идет здесь не о внутренних монгольских делах, а об отношениях с Китаем, а, во-вторых, предводитель выступает с просьбой лишь как представитель кочевой группы, и нет никаких оснований полагать, что земля переходила в его личное владение.

И. Я. Златкин считает: «Тот факт, что феодальные владения во всей Монголии в XVI—XVII вв. были наследственной собственностью правящих омаков, настолько очевиден и общеизвестен, что едва ли есть необходимость увеличивать число доказательств»¹⁷⁹. Думается, однако, что в свете рассмотренных выше фактов такое категорическое утверждение несколько преждевременно. Развитие феодальных земельных отношений в рассматриваемую эпоху тот

¹⁷⁴ Об этом см., например, «Шара-Туджи...», стр. 149.

¹⁷⁵ Там же, стр. 148.

¹⁷⁶ Б. Я. Владимирцов. *Общественный строй...*, стр. 160.

¹⁷⁷ Там же, стр. 161.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ И. Я. Златкин. *История Джунгарского ханства*, стр. 87.

же автор связывает с превращением условных пожизненных пожалований «хуби» в наследственную собственность «умчи» правителей ханств и княжеств¹⁸⁰. Предлагаемая схема, перенесенная вслед за Б. Я. Владимирцовым из истории западноевропейского феодализма на кочевничество, обнаруживает, однако, весьма слабые звенья. Все рассуждения И. Я. Златкина о феодально-поземельном характере «хуби» и «умчи» не имеют прочного фактического обоснования. О сущности этих институтов известно очень мало¹⁸¹. Скорее всего они были формами военно-кочевой организации и соответствующей ей социальной субординации. С ней, а не с феодальной собственностью были связаны поземельные отношения, специфические для кочевников и отличные от отношений, развивавшихся в земледельческих странах.

Не более убедительна аргументация И. Я. Златкина в отношении господства феодальных поземельных отношений в Джаунгарском ханстве. По его мнению, монголо-ойратские законы имели «целью укрепить феодально-крепостнические порядки...»¹⁸². Но, как было показано выше, их анализ приводит к противоположному выводу, по крайней мере в вопросе, касающемся поземельных отношений, не нашедших отражения в этих законах. И. Я. Златкин приводит много примеров, которые должны, как он считает, доказывать господство феодальной земельной собственности в Джунгарии¹⁸³. Они касаются междоусобных войн, наследования власти предводителя и т. п. Но ни в одном из рассмотренных им свидетельств не говорится о собственности на землю, а лишь об отношениях господства—подчинения, свойственных военно-кочевым отношениям. И. Я. Златкин вынужден признать, что в Монголии до конца XIX в. не существовало купли-продажи и аренды земли. Собственность же феодалов на землю «проявлялась в форме монопольного права владельных князей распоряжаться кочевьями»¹⁸⁴. Если бы такое монополитное право существовало, оно обязательно нашло бы отражение в законодательстве, принятом на сейме князей, в свидетельствах хроник, путешественников. Но ни законы, ни другие источники не говорят о нем. Из этнографических наблюдений известно, что кочевание нуждается в правильной организации и всегда есть лицо, руководящее кочеванием. Но эта руководящая роль дает в лучшем случае некоторые привилегии в выборе пастбищ для собственного стада, не создавая земельной собственности¹⁸⁵. Известно, что в рассматриваемую эпоху происходили переселения крупных кочевых объединений на значительное расстояние. При этом они оставляли свои кочевья, переходили на новые. Единственную воен-

¹⁸⁰ См. И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 86.

¹⁸¹ См., например, «Шара-Туджи...», стр. 95.

¹⁸² И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 231.

¹⁸³ См. там же, стр. 390 и сл.

¹⁸⁴ Там же, стр. 397.

¹⁸⁵ Об этом см. в других главах данной работы.

ную силу кочевых групп составляло племенное ополчение. Если следовать за рассуждениями И. Я. Златкина, то придется признать, что как на старых местах расселения, так и на новых рядовые скотоводы сами закрепились себя и обращали свои кочевья в феодальные владения. История монголов этого времени не знает случаев выступления рядовых скотоводов против существовавших правил землепользования. А такие выступления легко было осуществить во время междоусобных войн, когда, по словам И. Я. Златкина, «основы феодального правопорядка на какое-то время оказались нарушенными...»¹⁸⁶. Но правила землепользования оставались неизменными, так как они основывались не на феодальном праве, а определялись спецификой кочевничества, выражавшейся в общинно-кочевом пользовании пастбищами. Это не препятствовало, впрочем, тому, что в рамках этой системы предводители пользовались многими привилегиями в пользовании пастбищами.

Социальная структура. Социальная структура монгольской империи, под властью которой объединились народы, стоявшие на разных уровнях хозяйственного и общественного развития, была очень сложна. Столь же сложна она была и после подчинения монголов маньчжурами. Исследование всего ее многообразия не входит в задачи настоящей работы, что позволяет ограничиться исследованием кочевого населения.

Возникновение империи сопровождалось значительными изменениями в монгольском обществе. Резко усилились имущественная и социальная дифференциация, возросли противоречия между различными социальными слоями. Ослабились традиции общинно-кочевой демократии. Большое воздействие на общественные отношения у степных кочевников оказали порядки, распространенные в покоренных земледельческих областях.

Чингиз-хан превратил монгольское общество в монолитную военную организацию, и это изменило отношения между предводителями и воинами-кочевниками. Возник значительный привилегированный слой, наделенный военно-организаторской властью. По законам империи каждый начальник, безоговорочно подчиняясь воле вышестоящего предводителя, обязан был требовать то же самое от своих подчиненных. Сложилась новая привилегированная прослойка.

Как в организационном, так и общественном отношениях империя представляла собой пирамиду. Верховная власть принадлежала хаану и наследовалась членами его семьи. Из их числа назначались правители улусов¹⁸⁷. Правителям улусов были подчинены темники, тысячники и т. д. вплоть до десятков и рядовых воинов. Во главе большинства монгольских племен были поставлены, как говорилось, 95 нойонов-тысячников¹⁸⁸.

¹⁸⁶ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 394.

¹⁸⁷ «Сокровенное сказание...», стр. 242 и сл.

¹⁸⁸ Там же, стр. 202.

Состав привилегированной прослойки оказался довольно сложным. Частично в нее вошли предводители старых племен и их подразделений. Но одновременно к власти пришло много новых людей из числа простых кочевников, оказавших в свое время хаану важные услуги. Так, например, в «Сокровенном сказании» говорится, что Чингиз-хан «тысячу же поручил также и в ведение овечьего пастуха Дегая, приказав набрать ее с разных концов»¹⁸⁹, далее сообщается, что начальствование над тысячей было поручено плотнику Гучугуру и т. д.¹⁹⁰.

Как отмечалось, военные предводители наделялись также некоторыми функциями, связанными с организацией кочевания¹⁹¹. Во время войн предводители получали большую в сравнении со своими подчиненными долю добычи. Но в мирное время назначение начальником над монгольскими отрядами было, очевидно, делом более почетным, чем выгодным, что видно из слов сподвижника Чингиз-хана Ишги-Хутуху, просившего для себя как особой милости управления земледельческой областью: «Неблагоугодно ли будет кагану выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?»¹⁹².

Предводители при Чингиз-хане не составляли, очевидно, замкнутого сословия и назначались хааном по способностям. Социальный характер военачальников и предводителей виден из слов Чингиз-хана. «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и целое владение мулк; каждый, кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман; он сможет выстроить их к бою»¹⁹³.

Предводители легко смещались со своих должностей за проступки и на их место ставили нового начальника, причем могли поставить постороннее лицо, родственника смещенного или, наконец, кого-либо из рядовых всадников¹⁹⁴. Чингиз-хан говорил: «Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, и из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы поступим с эмирами сотен и тысяч и эмиром-темником»¹⁹⁵.

Власть предводителей всех рангов строго регламентировалась установлениями каана и ее превышение строго каралось. Чингиз-хан ограничивал даже власть своих родственников над эмирами¹⁹⁶.

¹⁸⁹ «Сокровенное сказание...», стр. 222.

¹⁹⁰ Там же, стр. 223.

¹⁹¹ См. Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 91.

¹⁹² «Сокровенное сказание...», стр. 203.

¹⁹³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 260.

¹⁹⁴ См. там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ См. там же, стр. 278.

Б. Я. Владимирцов полагал, что военные предводители составляли господствовавший феодальный слой монгольской империи¹⁹⁷. Однако данные источников заставляют высказать сомнения в том, что военных предводителей можно рассматривать как феодальное сословие. Это видно хотя бы из билика Чингиз-хана о том, кто достоин занимать какое место в обществе: «... Тех, кто были мудрыми и храбрыми, он сделал эмирами войск, а тех, кого он нашел проворными и ловкими, поручив им стан [урук], сделал заведующими табунами... невежд же, дав им плети, послал пасти скот»¹⁹⁸. Здесь нет и речи о существовании или о создании сословной иерархии, вассальных отношений, феодальной зависимости. Это же видно и из других слов Чингиз-хана, где он, характеризуя качества, необходимые предводителю, не связывает их с сословным происхождением: «Достоин же быть таковым лишь тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы его войско голодало и испытывало жажду, а скот тошал»¹⁹⁹.

Весьма важное место летописи, где приводится так называемый «назидательный рассказ» — заповедь Чингиз-хана об устройстве империи. Там нет ни слова о создании сословной иерархии или установлении феодальной зависимости скотоводов от предводителей. Речь идет только о военной субординации и личных свойствах, необходимых предводителем всех рангов²⁰⁰.

Вместе с тем среди монголов появилась своеобразная прослойка тарханов, напоминающая дворянство, не наделенная, однако, всеми видами сословных привилегий и прав, присущих дворянству, и прежде всего землей и людьми. Первоначально тарханами называли вольноотпущенников-рабов²⁰¹. Затем этим званием награждали за особые заслуги. Летопись повествует: «Все тарханы, которые ныне известны, как-то Хорезми-тархан, Туган-тархан и Садак-тархан, принадлежат к потомству... Кишилика и... Бадая. С той поры и доныне они, их племя и их род [кабиле] стали и есть тарханами и старшими эмирами»²⁰². Тарханство было дано за заслуги Боорчи-нойану²⁰³ и др. К. Маркс считал, что этот вид феодальных прав возникал у всех полудивилизованных народов в результате воинственного образа жизни²⁰⁴. Но право тарханства не лежало в основе общественных отношений монголов, и им наделялись только отдельные лица.

¹⁹⁷ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 87 и сл.

¹⁹⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 259 (см. далее стр. 95).

¹⁹⁹ Там же, стр. 262.

²⁰⁰ См. там же, стр. 260.

²⁰¹ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 171, прим. 1; стр. 188, прим. 8.

²⁰² Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 124.

²⁰³ См. там же, стр. 265.

²⁰⁴ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 220.

Усиление военной организации увеличило расслоение рядовых общинников. Некоторые из них стали предводителями, часть их вошла в состав привилегированных отрядов гвардии кешихтен, турхах, в которую входили соединения кебтеунов, хорчинов, турхаутов²⁰⁵. Поступление в гвардию не было связано с привилегированным происхождением, что видно из слов Чингиз-хана, повелевшего не препятствовать вступлению в нее рядовых кочевников²⁰⁶.

В условиях постоянных войн сложился слой профессиональных воинов-дружинников (нукер). Дружины нукеров находились в подчинении хаана, багатуров и других военных предводителей. Дружины в отличие от ополчения собирались из разноплеменных воинов и содержались своими предводителями²⁰⁷. Б. Я. Владимирцов, проводя аналогии с средневековой Западной Европой, полагал, что в эпоху сложения империи нукеры были важным общественным слоем, развитие которого ускорило распад родовых отношений и сплосковывало становлению «кочевого феодализма». По его словам, «нукерство знаменует дальнейшее разложение родового быта и закабаление простого народа, который в конце концов, и должен был содержать эти аристократические шайки»²⁰⁸. Но доказательства Б. Я. Владимирцова очень шатки. Так, например, стремясь обосновать свою точку зрения о роли нукерства, он ссылается на высказывание Чингиз-хана о тех, кто способен быть предводителем²⁰⁹. Но Чингиз-хан ничего не говорил здесь о нукерах, поэтому его слова никак не могут «поддержать» точку зрения Б. Я. Владимирцова²¹⁰.

Сообщения летописей бесспорно свидетельствуют о том, что в годы борьбы Чингиз-хана со своими противниками, подчинения их и создания империи основной его военной силой были не нукеры, а племенное ополчение. Для примера можно взять обстоятельство войны с меркитами, когда сторонники Темучина собирали войска из улусного ополчения²¹¹. Особую роль дружин в эпоху, непосредственно предшествовавшую возникновению империи, Б. Я. Владимирцов усматривал в том, что, опираясь на них, военные предводители поработали рядовых скотоводов, подчиняли себе племена, что приводило к установлению новых социально-экономических отношений. Но все сведения об исторических событиях этого времени говорят о том, что борьба за власть велась между разными группами племенных предводителей, а вовсе не между старым слоем племенных предводителей и каким-то нарождающимся слоем военных вождей, противопоставлявших воен-

²⁰⁵ «Сокровенное сказание...», стр. 224, 225, 226.

²⁰⁶ Там же, стр. 224.

²⁰⁷ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 91 и сл.

²⁰⁸ Там же, стр. 95.

²⁰⁹ См. там же, стр. 93.

²¹⁰ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 264.

²¹¹ «Сокровенное сказание...», стр. 106 и сл.

ной силе племен силу дружинников. Во всех случаях борьба за власть велась в рамках племенной организации, и опирался ли предводитель на ополчение своего племени или на набранную из разных племен дружину, цель была одна: стать племенным вождем или еще больше укрепить свои позиции как племенного предводителя, подчинить и использовать вооруженную силу соседних племен. С этим вопросом связана дискуссия между В. В. Бартольд и Б. Я. Владимирцовым по поводу борьбы в монгольском обществе между «демократическим» и «аристократическим» началами, в ходе которой Б. Я. Владимирцов опроверг взгляд В. В. Бартольда и убедительно показал, что борьба Чингиза с его противниками не являлась отражением борьбы за власть разных социальных прослоек, а была лишь соперничеством отдельных личностей из одной социальной прослойки племенных предводителей²¹². Во всех военных столкновениях основную роль играло племенное ополчение. Чингиз-хан был избран ханом не как предводитель дружины, а как глава группировки племен. И впоследствии подавляющая часть воинских частей его армии состояла из ополчения одного или нескольких племенных подразделений, подчиненных их племенным предводителям²¹³. Так утверждают факты. Предположение Б. Я. Владимирцова о том, что Чингиз-хан использовал давний институт нукерства для создания правильной системы вассалитета, «гениально угадал протекавший тогда в монгольском обществе процесс феодализации и использовал в своих целях самую живую и жизненную силу—нукеров»²¹⁴, остается неподтвержденным данными источников.

Судя по их данным, нукерство не имело такого большого значения и распространения, как полагал Б. Я. Владимирцов, находилось не в противоречии, а дополняло племенное ополчение, и развитие этого института не привело к принципиально новым социально-экономическим явлениям в монгольском обществе.

Основной слой непосредственных производителей составляли, как и прежде, кочевники-скотоводы, которые вели самостоятельное хозяйство. Их положение сильно изменилось вследствие возникновения империи, так как одной из их главных обязанностей стало несение военной службы. К сожалению, источники почти ничего не сообщают об изменениях в хозяйственной жизни монголов. Подчиненные армейской дисциплине, они были вынуждены уделять значительную часть времени военной службе, что не могло не сказываться отрицательно на скотоводческом хозяйстве. Однако из сообщений источников не видно, чтобы военная организация внесла коренные изменения в сферу экономических отношений. Как и раньше, подавляющее большинство семей вело са-

²¹² См. В. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. ЗВОРАО, X, 1896, стр. 111; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 83 и сл.

²¹³ «Сокровенное сказание...», стр. 207, 208 и др.

²¹⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 103.

мостоятельное хозяйство. Вместе с тем после завоевания монголами новых стран их высшие предводители обзавелись большими стадами скота, за которыми ухаживали пастухи. Но число их в целом было невелико, и самостоятельной социальной прослойки они не составляли.

Хозяйственные повинности скотоводов были довольно неопределенными и порождались общей деспотической системой. Поэтому Плано Карпини не без основания, очевидно, заявлял, что «император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личною их они располагают во всем, как им будет угодно»²¹⁵. Однако подобный произвол не составлял еще определенной социально-экономической системы, которую Б. Я. Владимирцов усматривал в собственности верхушки общества на средства производства и получении сеньорами-феодалами прибавочной стоимости от непосредственных производителей²¹⁶.

Из сообщений источников известно, что население обеспечивало предводителей, собиравшихся на курултай, продовольствием²¹⁷. Однако происходили они не так часто, к тому же это было старым монгольским обычаем. Известны случаи, когда по повелению Чингиз-хапа предоставлялось продовольствие тем или иным предводителям²¹⁸. Но и это были отдельные случаи, также основанные на давней традиции купчур²¹⁹. Но были и постоянные повинности, о которых говорится в повелении Огодай-хана, пытавшегося их упорядочить. К ним относится государственная продовольственная повинность «шулен»: один двухгодовалый баран со стада; одна овца от каждой сотни в пользу бедных; «питьевая» повинность «ундан»: выделялись специальные стада дойных кобыл, за которыми должны были смотреть надсмотрщики — унгучины. Была введена ямская служба²²⁰. Но ни о каких повинностях в пользу «сеньоров», о чем много говорит Б. Я. Владимирцов²²¹, источники, в том числе и «повеление» Огодая, регламентировавшего повинности, не упоминают.

Как полагал Б. Я. Владимирцов, в эпоху империи значительно усилилась крепостная зависимость аратов от своих предводителей, причем они становились крепостными вассалами не только «рода», но и определенных лиц²²². Судя по данным источников, эти предположения преувеличивают действительное развитие института унаган-богол и рабства²²³. Подчиненные силой оружия кочевые

²¹⁵ Плано Карпини. История монголов, стр. 23.

²¹⁶ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 114.

²¹⁷ См. Плано Карпини. История монголов.

²¹⁸ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 110.

²¹⁹ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 135 и прим. 1.

²²⁰ «Сокровенное сказание...», стр. 279, 280.

²²¹ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 114.

²²² См. там же, стр. 8, и сл.

²²³ В «Сборнике летописей», на который ссылается Б. Я. Владимирцов, на самом деле ничего не говорится о «крепостных вассалах» — «унаган-боголах». В более раннем переводе И. Н. Березина сказано, что некоторые племена были

группы и отдельные лица не становились каким-то особым слоем общества с новыми социальными и экономическими чертами. Они продолжали вести свое традиционное хозяйство прежним образом, и их подчинение проявлялось главным образом в том, что их вооруженное ополчение уже не могло выступать по своему усмотрению на стороне различных враждующих группировок, а включалось в состав вооруженных сил империи. Сказанное подтверждается многими сообщениями источников. Так, например, обстояло дело с одним из наиболее враждебных Чингизу племен — татарами. После победы над ними Чингиз-хан отдал приказ об их поголовном истреблении. Однако часть татар все же уцелела, и вместо того чтобы стать рабами, «из этого татарского народа как во время Чингиз-хана, так и после него некоторые стали великими и уважаемыми эмирами и доверенными государства в ордах высокопоставленных монголов; к ним применялось положение унгу-богульства. После того до нынешнего дня в каждой орде и в каждом улусе из них появлялись великие эмиры. Иной раз им давали девушек из рода Чингиз-хана и от них высватывали невест. В каждом улусе также существует из того племени много народа, который не стал эмирами, а присоединился к монгольскому войску...»²²⁴. Нарисованная Рашид ад-Дином картина судьбы покоренного племени далека от положения рабов или крепостных, эксплуатируемого слоя или класса общества. Таким же, как у татар, было положение и у других покоренных Чингиз-ханом племен — катакин салджиут, тайджиут и др.²²⁵. В числе других племенных групп, описываемых Рашид ад-Дином, им упоминается племенное подразделение Даритай-Отчигина, враждовавшее с Чингиз-ханом. В конце концов оно было подчинено и оказалось на положении рабов. «Чингиз-хан отдал его (сына Даритая — Тайнал-ее. — Г. М.) вместе с двумястами мужчин, которые были его подчиненными, своему племяннику по брату Элджидай-нойону, и они были на положении [дар мартабэ] его рабов. До настоящего времени его уруг находится с уругом Элджидай-нойона»²²⁶.

отданы Дижда-нойону «в рабство» (Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид эд-Дина. ТВОАО, т. V. СПб., 1858, стр. 91 «Введение»). В новейшем переводе (1952 г.) говорится о «порабощении», «рабстве» (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 185). При этом «порабощенные» были родичами Чингиз-хана, в связи с чем сообщение о рабстве приобретает своеобразный оттенок. Неубедительна и другая ссылка на эту публикацию сочинения Рашид ад-Дина. Б. Я. Владимирцов отмечает места текста, где говорится, что Чингиз-хан сделал рабами своих противников Даритай-Отчигина и Тайнал-ее. Но ниже, в том же сообщении летописи говорится, как один из «порабощенных», Бурган, был посажен за стол вместе с царевичами (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 48). Судя по смыслу этих сообщений, между Чингиз-ханом и побежденными им племенами устанавливались отношения главным образом военно-политической зависимости.

²²⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 107.

²²⁵ См. там же, стр. 106.

²²⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 48.

Однако здесь же Рашид ад-Дин говорит, что из числа этого уруга впоследствии было много высокопоставленных лиц²²⁷. Источник называет рабами и слугами Чингиз-хана многих близких его родственников: дядей, двоюродных братьев, сражавшихся в свое время на стороне его врагов, а затем покоренных²²⁸. Их положение не имело ничего общего с тем, что понимается обычно под рабовладельческими или крепостническими отношениями.

Против взглядов Б. Я. Владимирцова о превращении унаган-богол в эпоху империи в крепостных вассалов говорят его собственные выводы о судьбах этого института в первой четверти XIII в. По его словам, «крепостные вассалы с течением времени перестали почти отличаться от других родов, «свободных», подчинившихся только какому-нибудь аристократическому вождю, хану, баатуру, нояну и т. д.»²²⁹. Таким образом, по Б. Я. Владимирцову, с развитием феодальных отношений класс зависимых «крепостных вассалов» распадался, и в эпоху Чингиз-хана вассалитет возникал на почве служения военным вождям в качестве нукеров или в качестве приверженцев, согласившихся признавать власть и известные права ханов, ноянов. Однако помимо того, что источники ничего не сообщают об этом процессе, его существование было бы невозможно объяснить и с позиций общепризнанных закономерностей развития феодализма. Кроме того, источники если и дают сведения, то только о подчинении воинов, и не отражают возникновения каких-либо иных видов зависимости, в частности социально-экономической зависимости.

Таким образом (и это следует особо подчеркнуть), состояние «рабства», положение унаган-богол и т. п. у монголов, особенно когда речь идет о целых племенных группах, не означало превращения этих непосредственных производителей в эксплуатируемый класс. Интересующие нас отношения по характеру являлись скорее результатом военной зависимости, связанной с исполнением военных обязанностей. Поэтому характер этих отношений едва ли можно непосредственно сопоставлять с характером отношений и самими отношениями в Европе, сложившимися там в средние века у земледельческих народов, как делает это Б. Я. Владимирцов²³⁰.

Наряду с «военнообязанной» зависимостью целых племенных подразделений в монгольском обществе в эпоху сложения империи существовало и личное рабство — зависимость отдельных людей в виде как бы патриархального рабства. В эпоху походов Чингиз-хана эта прослойка значительно увеличилась, и в первую очередь при дворах знатных монголов. В «Сокровенном сказании...» приводится интересный рассказ о конском пастухе Бадае и его това-

²²⁷ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 48.

²²⁸ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 16.

²²⁹ Там же, стр. 96.

²³⁰ Там же, стр. 69, 70.

рище Кишлихе, «крепостных» или «домашних» знатного монгола²³¹. Но и эти «крепостные» или «домашние» не были не только основной, но и вообще значительной прослойкой непосредственных производителей монгольского общества.

Завоевательные походы монголов, новая их военная организация и другое — все это привело к возникновению сильного имущественного неравенства. Все путешественники, посещавшие монгольских предводителей, отмечали богатство и пышность их кочевых дворов, охраняемых многочисленной стражей. Рубрук пишет, что богатый монгол имел по 100—200 повозок с сундуками. Каждая из 26 жен Бату имела по 200 повозок²³².

Введение налога для поддержания бедных, хотя и основанного на традиции, все же показывает, что уже в это время имущественное расслоение зашло настолько далеко, что существовал довольно большой слой неимущих скотоводов.

Если кратко суммировать сказанное выше, то можно отметить, что за пределами власти самого каана существовали главным образом отношения военной иерархии и субординации. Все были «рабами» владыки, каждый по своим способностям мог быть возведен на любой командный пост или низведен в рядовые. В рамках этой военной иерархии, охватившей весь монгольский народ, существовали отношения, связанные с феодальным укладом — тарханство. Но все скотоводы-воины были лично свободны, хозяйственно самостоятельны, повинуюсь при этом общей военной дисциплине и субординации.

Значительными изменениями в социальной структуре монголов знаменовались эпохи разложения империи и междоусобных войн, возникновения Джунгарского ханства и подчинения монголов маньчжурами.

Империя распалась не сразу, а постепенно, вследствие длительных междоусобных войн. Поэтому общественные институты и социальные отношения сохраняли еще некоторое время, во всяком случае до конца XIV в., традиционные черты, сложившиеся в годы правления Чингиз-хана и его первых преемников.

Реконструировать общественную структуру монголов в XV—XVI вв. очень трудно. Свидетельства об этой эпохе можно найти только в сообщениях относительно поздних источников конца XVI в., лапидарно перечислявших политические события и династийные генеалогии.

Однако и по этим, столь скудным данным можно все же заключить, что с распадом империи разрушились централизованный военно-административный аппарат и единая политическая орга-

²³¹ «Сокровенное сказание...», стр. 169 и сл. (В новейшем переводе «Сокровенного сказания...» говорится о «крепостных», а в переводе Палладия (стр. 86) они же называются «домашними». ТЧРДМвП. СПб., 1866, т. IV, стр. 86). Термин «крепостные» употреблен здесь, очевидно, в связи с концепцией Б. Я. Владимирцова.

²³² См. Гильом де Рубрук. Путешествие..., стр. 92.

низация, в связи с чем окончилось безраздельное господство «золотого рода» Чингиз-хана. Правда, и в дальнейшем значительная часть ханов, правителей улусов, возводила свое происхождение к «золотому роду», но с течением времени это правило стало нарушаться²³³.

Распадение единой военно-административной системы управления привело к тому, что отдельные племенные группы стали значительно самостоятельнее. Их предводители, опиравшиеся только на военную силу племенного ополчения и поддержку родственников, не имели уже прежних возможностей принуждения соплеменников и были вынуждены считаться в какой-то степени с их интересами. При этом, судя по сообщениям хроник, большая часть предводителей походила скорее всего на предводителей разбойничьих шаек²³⁴.

Значительно больше сведений о социальной структуре монголов можно найти относительно XVII и XVIII вв. Как отмечалось выше, анализ юридических и исторических документов показывает, что одна часть средств производства — скот — находилась в это время в семейной собственности, а другая — пастбища — в общинно-кочевом владении. Государственная, сословно-монополярная, частная и т. п. собственность на землю отсутствовала. При этом имели место случаи захвата лучших участков пастбищ в личное пользование для нужд своего хозяйства представителями привилегированной части общества, что не приводило, однако, к появлению новых видов поземельных и производственных отношений.

В социальном и имущественном отношениях общество монголов было, как и ранее, резко дифференцировано, но в новых политических условиях это расслоение приобрело некоторые специфические черты.

Привилегированную прослойку общества составляли предводители кочевых объединений и входивших в них подразделений (главные князья, князья, управители отоков, предводители 40 кибиток дэмчел, зайсанги, старшины хотонов, дарханы)²³⁵, духовенство и наиболее зажиточные скотоводы. Предводители осуществляли военное и административное руководство соплеменниками и выступали от их имени в качестве внешнеполитических представителей при сношениях с соседями. Благодаря этим функциям предводители обладали значительной властью над народом, основывавшейся на традиции и законе, и большими возможностями творить произвол. Власть предводителей была по традиции наследственной, но замкнутого сословия они все же не представляли, и их власть ограничивалась общинно-кочевыми демократическими обычаями. Несмотря на своеобразие традиционного стиля хронистов, стремившихся представить в своих произведениях воз-

²³³ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 147.

²³⁴ См., например, «Алтан-Тобчи...». ТВОАО, ч. 6. СПб., 1858, стр. 160 и сл.

²³⁵ «Монголо-ойратские законы...», стр. 38, 39, 43, 70.

дей в виде неограниченных повелителей, они нередко повествуют о фактах, свидетельствующих об общинно-кочевой демократии. Показательно в этом смысле место хроники, где рассказывается о том, как один из приближенных Даян-хагана, Уд-Болот, взял у него на воспитание сына. Последний ему не понравился, и Уд-Болот, без ведома хагана, взял у него на воспитание другого сына, мотивировав это тем, что у первого сына хагана нрав заносчивый, «а поведение халхасцев, не имеющих начальника, жестоко. Как бы мне твоему подданному-албату, о котором заботишься, из-за того потом не было плохо»²³⁶. Любопытна здесь характеристика общественного порядка у халхасцев и их взаимоотношений с Уд-Болотом. Не лишены интереса и слова хагана, оправдывавшего поступок Уд-Болота: «Пусть возьмет! Он ведь не сделает его рабом»²³⁷.

Важнейшим источником, описывающим общественные отношения у восточных и западных монголов, являются законы 1640 г., принятые, как отмечалось, сеймом князей, имевших полную возможность отразить в них свои социальные интересы. И законы отражают их, но одновременно рисуют и своеобразие положения господствующего слоя и его взаимоотношений с народом. Одной из важнейших задач, стоявших перед сеймом князей и нашедших отражение в принятом законодательстве, была стабилизация политического положения, прекращение усобиц и некоторая координация действий. Прямо этому посвящались статьи закона, воспрещавшие взаимные нападения, грабежи, угон скота и т. п.²³⁸.

На укрепление сложившихся территориальных общностей направлены законы, воспрещающие самовольный переход скотоводов из одной местности в другую²³⁹. Как это следует из повеления Галдана-Хунг-Тайджи, предводители всех рангов выполняли в первую очередь военно-административные функции, не являясь собственниками ни своих соплеменников, ни их средств производства. По словам повеления, «управляющий каждым отоком (поколением народа) должен внушать дэмчям каждых 40 кибиток, чтобы дэмчи собирали своих людей (т. е. имели их всегда в своем виду); если дэмчей не будут собирать, взявши девяток (штраф.— Г. М.), лишать их звания дэмчя. Если управляющий отоком такого распоряжения не делал, то (взыскание) да будет на управляющем отоком»²⁴⁰. Дэмчи и управляющие отоками обязывались заботиться о бедных. «Кто мог призреть, но не призрел и вследствие этого человек умер — поступать по закону об убийстве»²⁴¹.

²³⁶ «Шара-Туджи...», стр. 162.

²³⁷ Там же.

²³⁸ «Монголо-ойратские законы...», стр. 36, 37.

²³⁹ Там же, стр. 37, 45, 54.

²⁴⁰ Там же, стр. 57.

²⁴¹ Там же, стр. 58.

Рассматриваемое повеление свидетельствует о том, что закрепление кочевников за определенными территориально-племенными группами не было установлением крепостной зависимости кочевников от предводителей, а имело целью административное упорядочение. В нем говорится: «Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собой смешавшихся, должны собирать; если они без отоков (не входят в состав отока), то водворяются в отоки; если они без аймаков, то водворяются в аймаки. Люди, считающие это (распоряжение) неправильным, пусть скажут, что неправильно, и выскажут свои мысли; считающие же справедливым, должны теперь же заявить. Если не заявят здесь, а впоследствии будут заявлять говоря: «вот как было бы», между тем как весь народ признает это справедливым, то я буду гневаться...»²⁴². А вот как определяется роль предводителей в этой системе упорядоченного расселения: «Если какие-либо люди, живущие в определенном им отоке, переменят (место жительства), то за людей целого аймака с управляющего им (аймаком) должно взять девяток. Кто, не послушавшись слов управляющего (аймаком), отделится от своего аймака и переменит (место пребывания), с того взять девяток»²⁴³. И далее: «... со старшины 40 (юрт, т. е. аймака), кочующих в числе 40 (юрт), отдельно от своей части, взыскать четырехгодовалого верблюда и присоединить их к своей части. За людей, кочующих отдельно не в числе 40 (юрт, т. е. аймаком), взыскивать по четырехлетней лошади с (каждого) хотона и присоединить к их 40 (юртам, т. е. аймаку): если кто, кочуя таким образом отдельно, лишится чего-либо от внешнего неприятеля, то зайсанга их устранил от народа (от управления)»²⁴⁴. Эти строки закона свидетельствуют о том, что запрещение кочевникам переходить произвольно из одних хотонов и аймаков в другие рассматривалось не как право предводителей — зайсангов и т. п. на крепостную зависимость от них соплеменников, а как необходимость соблюдения признаваемого «всем народом» административно-территориального порядка расселения. Старшины аймаков, хотонов и т. п. выступают как предводители, обязанные руководить исполнением закона и отвечающие за его нарушение своим личным имуществом. В таком же свете рисует роль предводителей-зайсангов русский путешественник, посетивший Джунгарию в первой четверти XVIII в., несомненно хорошо знакомый с феодальными порядками у себя на родине²⁴⁵.

Интересные данные дает анализ постановлений о штрафах в законах 1640 г. В имущественном отношении все монголы признавались равными перед законом, что видно из статей, посвященных наказаниям за кражу, нанесение ущерба скоту, домашнему

²⁴² «Монголо-ойратские законы...», стр. 58.

²⁴³ Там же, стр. 59.

²⁴⁴ Там же, стр. 70.

²⁴⁵ «Посольство к зюнгарскому хану Хун-Тайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Унковского и путевой журнал его за 1722/24 гг.». ЗРГОПОЭ, т. 10, в. 2. СПб., 1887, стр. 24.

имуществу и др. Независимо от того, к какому социальному слою принадлежали истец и ответчик, наказание назначалось одинаковое²⁴⁶. При краже женщин закон различал у кого кто украден (жена или дочь); штраф назначался в соответствии с социальным положением пострадавшей. Однако социальное положение вора законом не дифференцировалось, что наряду с другими данными свидетельствует об отсутствии замкнутой сословной системы.

Наказывая за побои, увечья, оскорбления, законы предусматривали определенную дифференциацию в зависимости от социального положения потерпевшего. Но при этом в первую очередь она была направлена на закрепление военно-административного господства — подчинения и имела много своеобразных черт. Князя и предводители не несли ответственности за нанесение оскорблений, побоев и т. д. только в том случае, если их действия были связаны с исполнением служебных функций и являлись карой за нарушение закона²⁴⁷. Но если побои и т. п. были нанесены предводителем «по высокомерию», эти действия были по закону наказуемы штрафом²⁴⁸. За оскорбление главного князя полагалось «разорение имущества», за оскорбление прочих предводителей — штраф. При этом наказание было одинаковым, к какому бы социальному слою не относился ответчик²⁴⁹. Заслуживает внимания то обстоятельство, что штрафы за оскорбления и даже увечья, нанесенные предводителям разных категорий, за исключением главного князя, не были особенно высокими в сравнении с наказаниями за другие виды преступлений. Так, за побои, нанесенные малым князьям, назначался штраф в 3 десятка голов скота. Но такое же наказание назначалось тому, кто побьет родителей, учителя, если невестка побьет свекра²⁵⁰. Плевок в лицо знатному человеку, удар по голове, нанесенный его лошади, и насильственное стаскивание с лошади наказывались по совокупности штрафом: лошадь и две овцы²⁵¹. За кражу же лат и панциря налагался значительно более высокий штраф — 10 девятков²⁵². Размеры и виды штрафов весьма показательны при оценке состояния общественных отношений у монголов. Они свидетельствуют о том, что предводители рассматривались в первую очередь как должностные лица, как военно-кочевая администрация, но не как собственники средств производства, как сеньоры-владельцы крепостных. Это прямо отмечает повеление Галдана-Хун-Тайджи: «...Каждый человек должен поступать, по словам зайсанга (т. е. быть в послушании); если зайсанг сам будет поступать против справедливости князя и общества, то не должно поступать

²⁴⁶ «Монголо-ойратские законы...», стр. 37, 44, 47, 51.

²⁴⁷ Там же, стр. 39, 40.

²⁴⁸ Там же, стр. 40.

²⁴⁹ Там же, стр. 39.

²⁵⁰ Там же, стр. 40.

²⁵¹ Там же, стр. 50.

²⁵² Там же, стр. 44.

по словам такого зайсанга и следует объявить (об этом) князю и обществу»²⁵³. Действия предводителей по отношению к подведомственному населению регулировались законом в свете административных функций, и закон прямо называет их «управителями» и расценивает их социальный статус с патриархальных позиций — как отношения отца с сыном, что видно из размеров штрафов.

Кочевники — непосредственные производители — несли повинности в пользу князей и предводителей. Кочевые группы были обязаны предоставлять для разъездов управителей транспорт из трех подвод²⁵⁴. Существовали регламентированные повинности в пользу предводителей при военных походах, которым позволялось «... пользоваться лошадьми для переезда, вьючными животными, работниками и теми приношениями, которые следует дать иноземцам; кроме же этого, по своему желанию, ничем пользоваться не должны»²⁵⁵. Когда дэмчен (40 кибиток) устраивал пир, хозяйства, входившие в такую кочевую группу, были обязаны давать для него 4 головы крупного рогатого скота и 5 баранов; когда устраивал пир шуленга (20 кибиток) он получал от подчиненных 3 головы крупного рогатого скота и 4 барана. Но одновременно закон обязывал соплеменников оказывать помощь и рядовым скотоводам. В случае свадьбы в расходах на нее должны были участвовать 10 хозяйств²⁵⁶. Население изготовляло на свои средства вооружение: каждые 40 кибиток оплачивали затраты на изготовление пары лат²⁵⁷. Существовали и другие виды повинностей, в частности кибиточная.

У монголов бытовали некоторые виды личной зависимости. Так, если дочь князя выходила замуж, ей должны были дать в услужение девушку²⁵⁸, с этого времени занимавшую промежуточное положение между рабыней и крепостной; кроме того, имелись и рабы, используемые в домашнем хозяйстве, однако их было довольно мало. Их жизнь охранялась законом, за убийство этих лиц налагался штраф²⁵⁹.

Хроники упоминают также об отношениях «албату». Судя по применению термина, он имел самый общий характер и означал не какие-либо конкретные виды зависимости, а лишь признание подданства, подчиненности. Упомянутый Уд-Болот, взявший без разрешения Даян-хагана на воспитание второго сына, называл себя албату хагана²⁶⁰.

И. Я. Златкин утверждает, что у монголов, и в частности у джунгаров, существовали развитые феодальные отношения. Но

²⁵³ «Монголо-ойратские законы...», стр. 70.

²⁵⁴ Там же, стр. 39.

²⁵⁵ Там же, стр. 70.

²⁵⁶ Там же, стр. 43.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же, стр. 56.

²⁵⁹ Там же, стр. 41.

²⁶⁰ «Шара-Туджи...», стр. 162.

он не находит аргументированных доказательств по этому вопросу в источниках, а поэтому все «доказательства» сводит к праву предводителей распоряжаться кочеванием²⁶¹ или к захвату предводителями в личное пользование отдельных участков пастбищ²⁶².

Иначе развивалось княжеское и монастырское землевладение в местах, где распространялась оседлость. Но эти сложные вопросы требуют специального изучения, хотя в рассматриваемое время они касались лишь отдельных групп населения, причем населения часто по происхождению немонгольского.

Положение монгольских предводителей и их взаимоотношения с рядовыми кочевниками нельзя рассматривать изолированно от взаимоотношений с соседними государствами. Предводители выступали как внешнеполитические представители, во многих случаях имели возможность опереться на силу и авторитет государственной власти, особенно после подчинения монголов маньчжурами. Поэтому прав Б. Я. Владимирцов, когда он говорит, что общественные отношения в монгольском обществе зависели в послеюаньское время в немалой степени от двухсторонних отношений с Китаем и что эти связи укрепляли авторитет и влияние каанов в народе как представителей в этих сношениях²⁶³.

Таким образом, в целом можно заключить, что при наличии значительного социального и имущественного расслоения, определенных форм зависимости, социально-экономические отношения в монгольской степи в рассматриваемое время существенно отличались от распространенных в средневековой Европе.

Характерно, что, рассматривая общественные отношения у монголов, ясу и давая оценку праву тарханов, К. Маркс отмечал, что «этот вид *феодальных прав* возникает у всех полудивилизованных народов в результате воинственного образа жизни...»²⁶⁴. Из высказывания следует, во-первых, что Маркс не рассматривал общество монголов в целом как феодальное, а, во-вторых, связывал возникновение этого вида феодальных прав не со всей социально-экономической системой, а только с военным образом жизни. Все, что уже сказано, позволяет заключить: феодальные отношения в послеюаньское время были лишь одним из укладов общего комплекса социально-экономических отношений.

Отношения господства — подчинения в монгольском обществе основывались на военно-кочевой административной иерархии, а не на сословной монопольной собственности на орудия и средства производства. При частых войнах и переселениях последняя неизбежно нарушалась бы, вызывая сильные общественные потрясе-

²⁶¹ См. И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 397 и сл.

²⁶² См. там же.

²⁶³ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй..., стр. 152.

²⁶⁴ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 220.

ния. Такие потрясения, однако, не известны, как не отмечены и восстания непосредственных производителей против господствовавшего слоя общества в связи с условиями землепользования или зависимости.

НОВОЕ ВРЕМЯ

В течение XIX и начале XX в. вплоть до народной революции 1921 г. монгольский народ испытывал жесточайший гнет со стороны маньчжурских поработителей, китайского и иностранного капитала, предводителей духовенства и богачей. Разорение монгольского хозяйства купцами и ростовщиками усугубляли поборы, взимаемые китайскими и местными властями; этот процесс обострился в связи с китайской колонизацией лучших областей Монголии, прервавшейся только после революции 1911 г.

Однако проследить развитие этих многосторонних процессов на протяжении всего рассматриваемого времени не представляется возможным из-за отсутствия необходимого фактического материала. Источники мало сообщают о хозяйстве и общественной организации монголов в первой половине XIX в., немного данных можно найти и относительно второй половины этого столетия. Нескольким больше сообщений источников касается начала XX в. Судя по имеющимся свидетельствам, основным направлением хозяйства монголов в новейшее время оставалось экстенсивное скотоводство, но постепенно все большее распространение стало получать земледелие.

Скотоводство. Виды скота. По сведениям источника первой четверти XIX в., монголы разводили в основном овец и рогатый скот, а бедняки — коз: «... козы — удел недостаточных»²⁶⁵. Во второй половине XIX в. монголы также разводили больше всего баранов, лошадей, верблюдов, рогатый скот, меньше коз. Верблюдоводство имело наибольшее распространение в Халхе, коневодство — в Цахаре, разведение коз — в Алашане. В большем или меньшем количестве повсюду держали овец и коров и только в Кукуноре вместо коров разводили яков. Наибольшее развитие скотоводство имело в Халхе, редкий халхасец не владел несколькими стадами баранов²⁶⁶. Верблюдов держали только двугорбых²⁶⁷. Некоторые группы монголов содержали в небольшом числе ослов²⁶⁸.

²⁶⁵ Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., ч. I. СПб., 1824, стр. 78.

²⁶⁶ См. Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, т. I. СПб., 1875, стр. 39, 40.

²⁶⁷ См. там же, стр. 84.

²⁶⁸ См. Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893, стр. 108.

Сравнительно благополучное состояние монгольского скотоводства, отмечаемое источником еще в начале третьей четверти XIX в., резко ухудшилось в 80-х годах XIX в. С 1880 г. начались сильные падежи скота. Особенно тяжелой оказалась зима 1891/92 г. Множество скота погибло от холодов и снежных бурь, народ обеднел, положение усугубилось тяжелыми поборами китайского правительства. Скот отбирали не только у аратов, но даже с монастырского ведомства было собрано 14 тыс. лошадей²⁶⁹.

В начале XX в. скотоводческое хозяйство монголов не оправилось еще от понесенного ущерба, причем на восстановление сказывались и все возраставшие поборы китайских властей. Несмотря на то, что в лучшем положении находилось хозяйство северо-западных монголов-дербетов. Они разводили овец, коз, коров, сарлыков (яков), лошадей, верблюдов. Последние использовались как транспорт при перекочевках; коров и сарлыков держали как молочных животных. Верблюжья и овечья шерсть являлась главным предметом торговли с русскими и китайскими купцами²⁷⁰.

В Центральной Монголии разводили в это время главным образом овец, рогатый скот и лошадей. При этом главным направлением скотоводства было овцеводство как товарная отрасль хозяйства. Важной отраслью скотоводства называется также разведение коз²⁷¹, в прошлом мало распространенное. Транспортных животных — двугорбых верблюдов, лошадей — в значительном количестве имели только зажиточные хозяйства²⁷². Такие же данные сообщают и другие исследователи, посетившие монголов в начале XIX в.²⁷³. По наблюдениям А. П. Беннигсена, хозяйство монголов даже в начале XX в. сильно страдало от падежа скота и в среднем на человека приходилось (голов): 1 лошадь, 0,97 крупного рогатого скота, 8 мелкого рогатого скота и 0,2 верблюда²⁷⁴. По подсчетам А. Бурдукова в Баитском хошуне на человека приходилось в среднем по 1 лошади, 1 корове, по 10 баранов, 0,5 верблюда²⁷⁵, т. е. примерно такое же количество.

По данным источников не претерпели особых изменений основные направления монгольского скотоводства и в 20-х годах XX в. Так, относительно уже упоминавшегося Кобдосского округа можно найти сообщения, что кочевавшие там скотоводы разводи-

²⁶⁹ См. А. М. Позднеев. Монголия, ее экономическое положение, торговля, промышленность. СПб., 1896, стр. 2, 4.

²⁷⁰ См. Б. Я. Владимирцов. Поездка к Кобдосским дербетам летом 1908 г. ИРГО, т. 46, в. 8—10, 1911, стр. 335.

²⁷¹ «Московская торговая экспедиция в Монголию». М., 1912, стр. 171, 241, 250.

²⁷² «Московская торговая экспедиция...», стр. 257, 265.

²⁷³ См. А. П. Беннигсен. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912, стр. 12; Д. Каррутерс. Неведомая Монголия. Пг., 1914, стр. 158; А. Бурдуков. Очерк Баитского хошуна князя Тюмы Баир-Гуна. Томск, 1915, стр. 8; И. Майский. Современная Монголия. Иркутск, 1921, стр. 109—114.

²⁷⁴ См. А. П. Беннигсен. Несколько данных..., стр. 12.

²⁷⁵ См. А. Бурдуков. Очерк Баитского хошуна..., стр. 8.

ли главным образом овец, в основном маток. На втором месте по товарности находился крупный рогатый скот²⁷⁶. Дархаты занимались скотоводством и в небольших размерах рыболовством. Разводили они сарлыков разных пород, лошадей, верблюдов, последних, впрочем, было мало, только самые зажиточные имели по 5—6 голов; много овец и коз. Для перевозки домашнего имущества использовались быки²⁷⁷.

Особенно сильно было развито скотоводство в степной Монголии в сомонах Дашинчемен, Баян, Дэлгерхан, Цаган-ова²⁷⁸. Поголовье скота было там выше, чем в других областях Монголии. По позднейшим данным, отражающим в известной мере положение в первой четверти XX в., там на одно хозяйство приходилось в среднем от 30 до 200 голов. Численно преобладали овцы, но держали также много коров, лошадей, верблюдов, яков, коз. В целом основным направлением хозяйства было разведение овец, но в южных сомонах количество овец несколько сокращалось, зато было больше верблюдов, чем на севере (0,6—10% всего стада). Крупный рогатый скот разводился в большом количестве на севере в лесной зоне (14% всего стада), а в степях сомонов Баян и Цаганово он составлял всего 1,4% поголовья. Лошадей было в двух последних сомонах 7—20% поголовья стада. Яков держали сравнительно немного, только в горных сомонах²⁷⁹.

Кочевание. Показания очевидцев, наблюдавших монгольское хозяйство, свидетельствуют о разнообразии представленных в нем форм и способов кочевания в зависимости от условий окружающей среды. Имеющийся фактический материал не дает возможности подробно их описать, поэтому можно лишь наметить наиболее распространенные приемы кочевания.

Существенное влияние на кочевание монголов в рассматриваемое время оказало разграничение кочевий между отдельными скотоводческими группами, осуществленное китайскими властями, что привело к значительному сокращению расстояний, на которые велось кочевание, и появление большей оседлости.

Так, источник сообщает: «Монгольские степи не имеют естественного разграничения; поэтому во внутренних и внешних джасаках проведены межи и границы для кочевья и их пастбищ...»²⁸⁰. Но официальное размежевание пастбищ не всегда получало практическое осуществление, так как кочевые хозяйства часто не могли прокормить свой скот на собственных пастбищах.

²⁷⁶ См. Н. А. Долгушин. Материалы к изучению скотоводства на юге Байн-Чиндомани-ула аймака МНР. Л., 1933, стр. 10, 36.

²⁷⁷ См. Г. Д. Санжеев. Дархаты. Л., 1930, стр. 30, 31, 32.

²⁷⁸ См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация кочевников степной Монголии в начале и середине XX в. «Архив кафедры этнографии МГУ», 1956 г. {Рукопись}.

²⁷⁹ См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 14—17.

²⁸⁰ Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. ЗРГОП, т. 22, № 1. М., стр. 51.

Некоторые общие сведения о кочевании монголов уже во второй половине XIX в. сообщает М. В. Певцов. Он пишет, что в отличие от киргизов монголы кочевали и зимой (хотя и реже, и на меньшие расстояния, чем летом). Скот находился круглый год под открытым небом, и только для баранов и коз сооружали при длительных стоянках ограды из камней, куда животных загоняли на ночь. Зимние перекочевки были необходимы из-за бедности пастбищ. При этом зимой скот часто угоняли в безводные места, где летом пастьба невозможна и трава сохранялась, и гоняли скот на водопой на дальние расстояния: крупный — через 2 дня, мелкий — через день или ежедневно. Если выпадал снег, скот на водопой не гоняли²⁸¹. Группы хозяйств, пользовавшихся более или менее постоянными местами зимовок, оставляли специальные участки для зимней пастьбы с густой высокой травой. В местностях, где было дерево, из него сооружали зимние, круглые в плане загоны для скота (хашан)²⁸².

Кобдосские дербеты в начале XX в. производили за год четыре основные перекочевки: зимнюю, весеннюю, летнюю, осеннюю. Зиму они проводили около рек Бокон-морен, Кобдо, озера Цаган-нур. Места эти укрыты от ветров и малоснежны. Зимние пастбища находились в безводных местностях, где летом пастбища не использовались. При наличии снега скот в поении не нуждался. Лучшие участки пастбищ отводились овцам, так как им труднее, чем другим животным, добывать корм. При больших снегах скот тебеневал. Под зимники предпочитались пастбища с высокой травой, которую снег не заносил. Для защиты скота от буранов и волков сооружались из камней загоны — «хошанники». Заготовка сена почти не производилась. Лошадей в это время года соединяли без различия пола и возраста в табуны и отгоняли под присмотром пастухов на дальние пастбища. У юрт зимой оставались только кобылы с жеребятами и разъездные лошади.

На весенние пастбища откочевывали в конце февраля, по мере таяния снегов, передвигаясь постепенно вверх по склонам гор. Когда появлялись насекомые, уходили в горные долины, где источниками воды служили горные ключи или верховья рек. Хозяйства, имевшие запашки, кочевали к озеру Усва-нур, где обрабатывали и засевали поля, после чего спешили отправиться со скотом в горы на летние пастбища. Хозяйства, не занимавшиеся земледелием, прямо с зимовок кочевали в горы.

Выход на летники происходил примерно в конце мая, и кочевники оставались на них до середины августа. Крупный рогатый скот и лошадей, наиболее требовательных к корму, пасли на пастбищах в долинах. Лошадей при этом содержали в косяках по 20—30 маток и жеребца-производителя. Овцы и козы паслись

²⁸¹ См. М. В. Певцов. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951, стр. 110.

²⁸² См. Я. П. Дубров. Экспедиция к берегам р. Селенги. ИВСОРО, 1884, т. XV, № 1—2, стр. 59; см. стр. 5; продолжения этой статьи в № 3—4 (там же).

по склонам долин; яков отгоняли на высокогорные луга. Осенью скот пасся в тех же местах, что и весной²⁸³. Зажиточные скотоводы, имевшие многочисленные стада, пасли каждый вид животных по отдельности и отправляли их на летники прямо с зимников, даже в том случае, если сами обрабатывали на весенниках поля. Менее зажиточные скотоводы скот на летниках пасли, не отгоняя один его вид далеко от другого. Но при перекочевках гнали его так же, как и зажиточные, отдельными стадами по видам²⁸⁴.

Осенью хозяйства, занимавшиеся земледелием, возвращались на свои поля, где собирали урожай, после чего шли на зимник. Остальные медленно двигались по осенним пастбищам и приходили на зимник в то же время, что и хозяйства, собравшие урожай.

Скотоводы Северо-Западной Монголии — дархаты — не практиковали промежуточной весенней и осенней пастьбы скота. Зимой дархаты пасли свой скот в горах и на их склонах, подкармливая сушеной рыбой, особенно в январе и феврале. На зимниках они сооружали хлевы для молодняка. Прочий скот находился под открытым небом. Зимний выпас длился с конца сентября по май. Лето дархаты проводили на равнине. Сенокосение было у них в 1920-х годах мало распространено. В августе они приезжали к зимникам, где находились их сенокосные угодья, и заготавливали не более 10 возов на хозяйство²⁸⁵.

В Центральной и Северной Монголии наиболее густое кочевое население находилось по берегам рек и озер, в пустынных местностях населения было мало. Особенно много кочевников сосредоточивалось около рек и озер летом. Поздней осенью кочевники снимались с мест и покидали вытравленные пастбища. Их путь лежал в степи и на плоскогорья, где было мало снега и достаточно корма для скота. На зимниках население рассредоточивалось, и одна юрта располагалась от другой на большом расстоянии. Монголы, обитавшие в горных местностях, отправлялись на лето на альпийские пастбища.

На летниках скот находился с мая до октября, часть скота паслась у небогатых хозяев без присмотра, и только богатые нанимали пастухов. Овец и коз пасли дети или старики²⁸⁶. В начале зимы скот пасли на худших пастбищах, оставляя лучшие для середины и конца зимы; нередко в начале зимы скот отгоняли на некоторое время на дальние пастбища. В тех местах, где зимних пастбищ было мало, пастьба на них скота строго распределялась по месяцам, неделям и даже дням, чтобы корма хватило до весны. Зимой стада разбивали на небольшие группы, овец пасли не более 50 голов вместе. В долинах р. Селенги и других рек население стало постепенно все в больших размерах заниматься заготовкой сена.

²⁸³ См. Н. А. Долгушина. Материалы..., стр. 7, 8, 55.

²⁸⁴ См. Б. Я. Владимирцов. Поездка..., стр. 330, 336.

²⁸⁵ См. Г. Д. Санжеев. Дархаты, стр. 31.

²⁸⁶ «Московская торговая экспедиция...», стр. 170, 171, 172, 246.

К 1910 г. расстояния, на которые кочевали монголы, особенно бедные, стали совсем короткими, а иногда сокращались до 0,5 км, и только более зажиточные кочевали на несколько десятков верст²⁸⁷. Часть хозяйства жила круглый год почти на одном месте по речным долинам, сосредоточиваясь вокруг главы своей кочевой группы, перегоняя скот в течение года по окрестным пастбищам. Иногда центром, вокруг которого сосредоточивалось население, был буддийский монастырь²⁸⁸.

А. Бурдуков, изучавший население Байтского хошуна, описывает распространенную там форму кочевания. Кочевья хошуна располагались по северным и южным склонам Хан-Кокосского хребта и тянулись узкой полосой с юга на север, шириной 10—15 верст и протяженностью 60—70 верст. Зимовали байты в горных ущельях, где проводили ноябрь, декабрь, а иногда и январь. Из стволов лиственницы сооружались загоны для скота. В конце января скот перегоняли на склоны гор и пасли его там до начала марта. В марте начиналось кочевание по Харбуинской степи, по берегам рек. Осенью, в октябре, откочевывали вновь в предгорья, и зимой в степи населения не было²⁸⁹. Примерно также описывает кочевание монголов Н. Б. Балодон²⁹⁰.

Как можно судить по этнографическим данным, способы кочевания скотоводов Центральной Монголии мало изменились в течение начала и первой половины XX в. Можно выделить три типа кочевания в соответствующих природных условиях: в горно-лесной, степной и пустынной зонах. Кочевание велось обычно на пастбищах в пределах границ сомона, к которым принадлежали те или иные хозяйства. На территории своей административной единицы каждое аратское хозяйство имело обычно постоянную зимовку и постоянные зимние пастбища. В менее определенных границах за каждым хозяйством закреплялись весенние пастбища, где сооружались постройки для скота. Но в некоторых местностях в связи с особенностями природных условий: различным в разные годы снежным покровом и т. п.— зимние стоянки могли меняться. Так, например, в южных багах (мелких административных единицах) Баян-сомона места расположения зимников были непостоянными. В Дашинчемен-сомоне зимние и весенние стоянки были более определенными, последние даже охранялись от потрав летом и осенью. В засушливые годы араты пользовались зачастую пастбищами в чужих багах или даже сомонах. Так, например, араты Делгерхан-сомона летом кочевали часто на пастбищах соседних Бурен- и Эрден-сомонов, так как на территории Делгерхан-сомона мало источников воды.

При распространенном у большей части монголов степном типе кочевания и встречающемся на севере вертикальном, в Цент-

²⁸⁷ «Московская торговая экспедиция...», стр. 246—247, 249, 257, 262, 265.

²⁸⁸ См. Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, стр. 159.

²⁸⁹ См. А. Бурдуков. Очерк Байтского хошуна..., стр. 1, 3, 6.

²⁹⁰ См. Н. Б. Балодон. К вопросу о хотонах. СМ, 1938, № 2, стр. 77.

ральной Монголии практиковались по преимуществу четыре сезонные перекочевки. Впрочем, это не было всеобщим правилом, и встречались отступления.

Большую часть года занимала зимовка (увулжэ), которая длилась 4—5 месяцев, с ноября по апрель. Для зимников выбирались защищенные от ветра места, богатые травой, но лишенные воды, что мешало их летнему использованию, но не препятствовало при наличии снега зимнему. Зимовки располагались преимущественно в границах сомонов, к которым приписаны хозяйства, но встречались и за их пределами. Так, в Баян-сомоне 5—6 багов кочевали обычно зимой в Нялга-сомоне. В южных, степных сомонах зимнее кочевание за пределами своего сомона имело широкое распространение, так как на открытых пространствах зимовки устраивать неудобно. Особенно часто зимовали за пределами своего сомона в годы неурожая трав²⁹¹. В плохую погоду зимой скот перегоняли на защищенные от холодных ветров южные склоны гор и долин. Когда теплело, скот перегоняли на открытые места. Истощенный скот не гоняли на пастбища, а содержали вместе с молодняком в загоне или юрте и кормили сеном. Разделение пастбищ для разного вида скота строго не соблюдалось. Когда было мало снега, скот поили из колодцев: крупный рогатый — через 2—3 дня, верблюдов — через 4—10 дней. Мелкий скот и лошади довольствовались снегом. Для истощенных животных снег растапливали в котлах. Зимой скот доили только в виде исключения. Доеение начиналось с февраля, когда овцы и козы начинали давать приплод.

Когда в долинах показывалась первая трава, начиналась перекочевка на первые весенние стоянки (хаваржа) — на ровные места, чтобы не пасти истощенный за зиму скот на склонах. Под весенние стоянки выбирались предпочтительно пастбища по пологим склонам гор и на склонах долин. В сомонах, где мало источников воды, весной стремились использовать удаленные пастбища и поили скот талой водой, которой при сочной траве нужно немного. В Баян-сомоне большинство населения перекочевывало весной в местности, где есть колодцы, которые летом пересыхают. Весеннюю стоянку, пока животные еще не окрепли, старались выбрать в защищенных от ветра местах. На севере степной зоны, как, например, в Дашиндчелен-сомоне, весенние стоянки каждого хозяйства были довольно постоянны, на них сооружались постройки. На юге весной скот пасли в разных местах, перекочевывая по нескольку раз. Чем лучше весна и мельче хозяйство, тем дольше можно оставаться на одном месте²⁹².

Для летнего кочевания (зуслан) необходимы не только хорошие пастбища, но и устойчивые источники водопоя. Почти каж-

²⁹¹ См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 17—20, 30—32.

²⁹² См. там же, стр. 32, 33, 34, 35.

дое лето места летников менялись. Особенно это характерно для южных степных местностей, где часты засухи и приходилось отгонять скот на пастбища чужих сомонов. Так, например, в Делгерхан-сомоне ежегодно 67 хозяйств из 6 бага кочевали летом в Эрдэн-Цант-сомоне, где летники расположены в долинах рек и по берегам озер. Построек на летниках не сооружали, за исключением разборных загонов, которые перевозились при перекочевках.

Особых забот летом требовала пастыба овец. Их доение начиналось с марта и кончалось в середине июля, когда все молоко отдавалось молодняку, чтобы он набрался сил на зиму. В конце июня овец стригли. Верблюды не требовали летом особого ухода, паслись без надзора и их собирали только при перекочевках. С конца июня до сентября доили кобылиц и из их молока делали кумыс. Часть лошадей использовали для верховой езды.

Продолжительность и число летних перекочевок бывали очень различными, зависели от погоды, состояния пастбищ, зажиточности хозяйств. Чем больше скота, тем чаще приходилось кочевать. Дальность перекочевок колебалась от 10—15 до 150 км.

При выборе осенних стоянок (намарта) руководствовались примерно теми же соображениями, что и весной. Искали места, укрытые от ветра, недалеко от зимника. Продолжительность осенней пастыбы скота составляла 30—50 дней. За это время 2—4 раза меняли стоянку. Направления сезонных кочеваний в разных природно-географических зонах и в зависимости от времени года менялись. В горах весь год кочевание ведется в вертикальном направлении, пути перекочевок и кочевья довольно постоянны. Часть степных скотоводов, зимующих в горах, кочевала в вертикальном направлении весной и осенью. Их летнее кочевание, как и кочевание прочих скотоводов, происходило в горизонтальной плоскости, по степи. Кочевые пути и кочевья степняков изменчивы, араты стремятся в места, где в данном году меньше аилов и лучше пастбища²⁹³.

КОЧЕВАНИЕ У МОНГОЛОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ²⁹⁴

Аилы	Количество голов скота (штук)	Вид кочевания	Кочевание (в км)
Чойдог	14	годовое	2,5
Дамба	24	то же	3
Балдан	72	»	10
Энхетур	42	»	7—8
Дорчготов	19	»	6
Лоусандорч	240	»	250
Намжин	200	»	300

²⁹³ См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 35—40.

²⁹⁴ С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 41.

Общий путь, который проходили кочевники за год, колебался в горно-лесной зоне от 3—4 до 30 км, в степях — от 20 до 70, а в отдельных случаях и более километров (в зависимости от состоятельности хозяйств).

Как отмечали наблюдатели, у монголов не существовало принудительного регулирования и руководства кочеванием в хошунах со стороны предводителей и князей. Кочевание велось по традиционным путям и пастбищам, но зависело также от климатических условий сезона и года и от личного желания кочевников²⁹⁵. Князь подавал своим примером только как бы сигнал к началу сезонной перекочевки. Но передвижения князя не имели «абсолютного значения: монголы лишь в общем и целом соотносят с ними свои движения, довольно часто бывают исключения, с которыми ни один князь не имеет ни силы, ни желания бороться»²⁹⁶. При этом, если пример князя регулировал в какой-то мере начало сезонных перекочетов, то в пределах сезонных пастбищ (летних, зимних и т. п.) все предоставлено всецело «на усмотрение отдельных семей»²⁹⁷. При таком нерегулируемом кочевании пастбища использовались нерационально, что имело отрицательные последствия для хозяйства²⁹⁸.

Хозяйственные организации скотоводов. В целях более рационального ведения хозяйства монгольские араты практиковали постоянные и сезонные объединения, которые различались в зависимости от общественного слоя населения и той или иной местности страны.

Самой мелкой хозяйственной единицей у монголов в XIX и начале XX в. был аил — кочевая семья. Аилы не кочевали обычно поодиночке, а объединялись в группы, которые и составляли основные хозяйственные ячейки в монгольском обществе. Авторы XIX в. называют их иногда «улус». Улусы насчитывали 5—8, реже 8—12 юрт, хозяева которых были связаны между собой близким родством. Кочевое поселение одного улуса отстояло обычно от других поселений не менее чем на 0,5 км, но эти расстояния бывали и значительно большими²⁹⁹. Но чаще такие объединения называют «хотоном»³⁰⁰. Впрочем, кочевые группы из 4—10 юрт,

²⁹⁵ См. И. Майский. Современная Монголия, стр. 115. В настоящей работе используется главным образом первое издание этого труда. Существует второе издание книги (И. М. Майский. Монголия накануне революции. М., 1959). Однако первое более полно и содержит многие важные наблюдения и выводы, опущенные или измененные во втором издании. Надо полагать, что книга, написанная по свежим впечатлениям, соответствующим, кстати, наблюдениям и более ранних авторов, является источником более надежным, чем вторая редакция, вышедшая в свет 38 лет спустя и испытавшая несомненное влияние некоторых распространенных в монголистике концепций.

²⁹⁶ И. Майский. Современная Монголия, стр. 115.

²⁹⁷ Там же, стр. 116.

²⁹⁸ См. там же.

²⁹⁹ См. М. В. Певцов. Путешествия..., стр. 109, 110.

³⁰⁰ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 207.

состоявшие из хозяйства главы и хозяйств выделенных женатых сыновей и родственников, назывались также и аилами³⁰¹. Такое объединение представляло из себя нечто вроде большой кочевой семьи. Как предполагается, хотонный способ кочевания имеет у монголов древние традиции и восходит к куренному кочеванию³⁰². Наряду с хотонами, неродственными по составу, были широко распространены такие же объединения родственников. Но родство не всегда было кровным. Часто хотоны составлялись из главы зажиточного аила и его приемных детей, наделенных им скотом и выделенных в самостоятельные аилы³⁰³.

В основе хотонного принципа объединения лежали в первую очередь хозяйственные соображения. Кочевать отдельными аилами было неудобно и нецелесообразно. Аилы хотона совместно пасли скот, помогали друг другу при перекочевках и разных хозяйственных работах³⁰⁴. Количество аилов, составлявших хотон, могло быть в зависимости от их состоятельности весьма различным и колебалось от 3 до 10³⁰⁵. Но не все аилы объединялись в хотоны. Наиболее состоятельные кочевали индивидуально. Кроме того, состав хотонов был не весь год одинаков. Летом и осенью состав хотонов был наиболее постоянен, зимой они дробились, так как пасти вместе много скота трудно. Переход аила из одного хотона в другой мог происходить беспрепятственно, но, как правило, хотоны были устойчивыми объединениями, и их основной состав сохранялся неизменным длительное время³⁰⁶. Наиболее по-

Горно-лесная зона

Сезон	Сомон	% индивид. включая аилов	% хотонов из 2 аилов	% хотонов из 3—4 аилов	% хотонов из 5—6 аилов	% хотонов из 7—10 аилов	% хотонов из 11—13 аилов
Зима	Баянзурх	29,8	21,2	35,6	10,5	2,9	—
	Бат-Улзийт	13,7	18,1	43,6	17,2	7,0	0,4
	Ботцэнгэл	8,4	18,1	32,9	20,9	12,4	7,3
Лето	Баянзурх	28,8	19,8	26,8	17,3	7,3	—
	Бат-Улзийт	13,3	19,3	35,8	15,9	11,7	4,0
	Ботцэнгэл	6,6	15,8	38,4	19,8	19,4	

³⁰¹ «Московская торговая экспедиция...», стр. 172; А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 151, 475.

³⁰² Это отмечает С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 43.

³⁰³ См. Н. Б. Балодон. К вопросу о хотонах. СМ, 1938, № 2, стр. 77.

³⁰⁴ Это отмечает С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 43.

³⁰⁵ См. Н. Б. Балодон. К вопросу о хотонах. СМ, 1938, № 2, стр. 78, 79, 80 и сл.

³⁰⁶ См. там же, СМ, 1938, № 2, стр. 78.

Степная зона

Сезон	Сомон	% недвижим. козюющих айлов	% хотонов из 2 айлов	% хотонов из 3—4 айлов	% хотонов из 5—6 айлов	% хотонов из 7—10 айлов	% хотонов из 11—13 айлов
Лето	Дашинглэн	17,9	14,0	41,1	19,8	7,2	—
	Зун-Улзийт	9,1	34,1	51,2	5,6	—	—
	Цабан-ово	10,0	38,0	46,7	5,3	—	—
Зима	Дашинглэн	15,1	15,9	33,3	25,0	9,8	0,9
	Зун-Улзийт	17,2	19,8	34,5	27,0	6,9	—
	Цабан-ово	21,8	42,2	33,1	2,9	—	—

стоянный в течение года состав был у хотонов, кочевавших в горно-лесной зоне. Более подвержен был сезонным колебаниям состав хотонов степной зоны. В подтверждение сказанному можно сослаться на цифры ³⁰⁷.

В зависимости от имущественного положения существовало два основных типа хотонов: объединение нескольких самостоятельных хозяйств; хотон, в который входили 1—2 богатых и несколько бедняцких хозяйств ³⁰⁸.

Можно привести примеры ведения айлами хозяйства в хотонах. Так, в одном из хотонов, состоявшем из 3 айлов, один аил был значительно зажиточнее двух других. Хозяйства были неродственными, кочевали вместе много лет, совместно выпасая скот: летом — в горах, зимой — у их подножия. Транспортными животными располагал только богатый аил, и ими пользовались при перекочевке все члены хотона, за что оказывали их владельцу различные услуги ³⁰⁹. Другой хотон состоял из 5 айлов — частью родственных, частью из других сомонов. Кочевали вместе 2—3 года. Один из хозяев был опытным скотоводом и руководил кочеванием. Летом, осенью и зимой пасли вместе весь скот, выделяя по очереди пастухов. И только весной, во время окота, айлы пасли скот индивидуально ³¹⁰. Хотон третий состоял из 10 хозяйств. Весь год, за исключением весны, скот пасли вместе, выделяя по очереди пастухов, независимо от количества скота. Весной образовывали временно два малых хотона, пасших скот в 2—3 км друг от друга ³¹¹.

³⁰⁷ См. В. И. Ковалева. Природные условия и расселение кочевников. Канд. дисс. М., 1951, стр. 71, 169.

³⁰⁸ См. Н. Б. Балодон. К вопросу о хотонах. СМ, 1938, № 2, стр. 77.

³⁰⁹ См. там же, стр. 78.

³¹⁰ См. там же, стр. 79.

³¹¹ См. там же, стр. 81.

Бытование в горно-лесной зоне более крупных и более устойчивых по составу хотонов, чем на юге, исследователи объясняют благоприятными природными условиями, хорошими пастбищами, где могли пастись вместе большие стада. На скудных южных пастбищах выпас в одном месте больших стад невозможен, так как это заставило бы непрерывно кочевать, что неблагоприятно сказывалось на животных и неудобно скотоводам³¹². Поэтому в степной зоне преобладали хотоны из 2—4 айлов.

Помимо хотонов в горно-лесной зоне существовала еще одна малоизученная разновидность хозяйственных объединений — «сахалт». Известно только, что сахалт состоял из нескольких айлов, пасших скот поблизости (на расстоянии 500—600 м) друг от друга и помогавших друг другу по хозяйству. Однако более подробные сведения о сахалтах отсутствуют³¹³.

Дербеты Северо-Западной Монголии не создавали больших хозяйственных объединений и кочевали либо отдельными айлами, либо небольшими группами в 2—4 хозяйства. В отличие от них их астраханские соплеменники-калмыки кочевали, за исключением очень богатых людей, хотонами³¹⁴. Можно привести некоторые сведения о состоянии хотонов в начале XX в. В это время преобладали хотоны трех типов: 1 — состоящие из айлов близких родственников; 2 — состоящие из неродственных айлов, неодинаковых по зажиточности; 3 — временные хотоны, состоявшие из хозяйственно самостоятельных семей.

Предполагается, что хотоны 1-го типа по происхождению были самые древние и постепенно отмирали. Во главе такого хотона стоял старейшина «ах» — самый старший и опытный человек. Ах распоряжался перекочевками хотона, всей хозяйственной жизнью, без его согласия не кололи даже скот. После смерти такого старейшины главой хотона нередко становился его старший сын. Исполнение обязанностей главы хотона не связывалось с экономическими или какими-либо иными преимуществами³¹⁵.

В начале XX в. чаще всего встречались хотоны 2-го типа, основанные на экономической и трудовой взаимопомощи. Такие хотоны состояли из нескольких богатых хозяйств, располагавших всеми видами скота, и хозяйств бедняков, имевших мало дойных и транспортных животных. До революции, когда существовали очень богатые хозяйства, отношения между владельцами таких хозяйств и бедняками строились на эксплуатации последних. После революции, когда крупнейшие хозяйства были ликвидированы и эксплуатация запрещена законом, стали преобладать отношения взаимопомощи: более зажиточные помогают остальным членам хотона молочными и транспортными животными, взамен чего пользуются помощью этих соседей по хотону в хозяйстве. Одна-

³¹² См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 49.

³¹³ См. там же.

³¹⁴ См. Б. Я. Владимирцов. Поездка..., стр. 335.

³¹⁵ См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 52, 53.

ко при сравнительно небольших размерах стад уход за ними не требует большого труда, и помощь не принимает характера эксплуатации³¹⁶.

Хотоны 3-го типа — временный хотон—возникают обычно летом или во время работ, связанных со скотоводством, когда требуется взаимная помощь. Такие хотоны быстро распадаются³¹⁷.

Земледелие и прочие занятия. Как уже отмечалось, скотоводство не было единственным занятием монголов и на протяжении рассматриваемого времени все большую роль в нем начинало играть земледелие. Причины этого явления отчасти вскрывает А. М. Позднеев. Он пишет по этому поводу: «С недавнего времени монголы и сами принялись за хлебопашество, в общем же количество распахиваемых ими земель ныне уже значительно превышает китайские. Ближайшим поводом к этому переходу из пастушеского быта в земледельческий были для монголов страшные падежи скота, периодически повторявшиеся в течение трех лет, начиная с 1880 г.». Другой причиной, побуждавшей монголов к земледелию, были высокие цены на хлеб в русских пограничных областях. Для того чтобы пробудить у монголов интерес к земледелию, некоторые русские купцы устанавливали повышенные оптовые цены на монгольский хлеб³¹⁸. Значительное увеличение оседлости монголов в Ордосе наблюдал в 80-х годах XIX в. Г. Н. Потанин. По его словам, кочевой быт сделал там значительные уступки оседлости, многие сооружали мазанки. Возделывали просо, коноплю, немного гречиху³¹⁹. В Центральной Монголии, в Халхе, земледелие в конце XIX в. не получило еще большого распространения. Хлеб там еще не пекли, но иногда ели лепешки. Зато много земли стали возделывать под зерновые культуры на юго-востоке страны³²⁰. То же подтверждают и материалы Московской торговой экспедиции, где отмечается, что в Центральной Монголии земледельцев еще мало; больше их в северо-западных областях, где земледелием занимались как подспорьем к скотоводству. В отличие от интенсивного земледелия у китайцев (с внесением удобрений) монголы возделывали залежные земли, сеяли пшеницу, ячмень. Хозяйства, занимавшиеся извозом, сеяли также овес и просо для корма лошадям³²¹. При этом китайские власти и купцы не одобряли развитие в Монголии земледелия³²². Значительное развитие земледелия отмечалось исследователями у кобдосских дербетов. По наблюдениям Б. Я. Владимирцова, оно было у них хотя и побочным, но все же весьма существенным для хозяйства занятием, и им занималась

³¹⁶ См. С. Бадамхатан. Хозяйство и общественная организация..., стр. 54.

³¹⁷ См. там же, стр. 56.

³¹⁸ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 2.

³¹⁹ См. Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина..., стр. 108, 109.

³²⁰ См. М. В. Певцов. Путешествия..., стр. 117.

³²¹ «Московская торговая экспедиция...», стр. 230, 231, 234.

³²² См. А. П. Беннигсен. Несколько данных..., стр. 12.

значительная часть населения. Этот же автор пишет, что хлебопашество «не изменило кочевой жизни и не создало оседлых поселений. Зато хлебопашество нормировало кочевание: пашни могут существовать только в нескольких пунктах, поэтому кочевание следует строить так, чтобы попадать к пашням во время вспашки, посева, уборки хлебов. Сеют просо и пшеницу; на отдельную семью приходится незначительная запашка. Орошают поле арыками. Сена не собирают вовсе»³²³.

* * *

Прочие занятия не играли большой роли в хозяйстве. Дербеты-бедняки охотились³²⁴. В степях добывали сурков, шкуры которых шли на продажу. Из домашних производств имело распространение изготовление кож, различного войлока, седел, сбруи, иногда ножей. Многие монголы занимались транспортировкой караванов, что давало хороший доход³²⁵.

Торговля внутри степи была преимущественно меновая. Торговцами были большей частью китайские купцы³²⁶. Китайцы снабжали монголов хлебом, табаком, седлами, платками и др., взамен получали быков, лошадей, овец и пр.³²⁷. С начала XX в. из Монголии начали вывозить пшеницу. С этого же времени стало значительно возрастать денежное обращение.

Общественная организация. Завоевание монголов маньчжурами привело к значительным изменениям в их общественной организации. Была введена военно-территориальная система административного деления и управления, в соответствии с которой одни области находились во владении князей и военных властей, другие — церкви. Верховная власть осуществлялась Пекином и китайскими наместниками. Княжества (аймаки) представляли собой в военном отношении обычно корпуса, подразделявшиеся на дивизии (хошун)³²⁸. Так, области Внутренней Монголии составляли 6 корпусов, подразделявшихся на 49 дивизий³²⁹. Халха состояла из 4 княжеств-аймаков, образовывавших 4 корпуса, подразделенных на 86 дивизий³³⁰. Кобдосские дербеты вместе с хойтами и байтами составляли 2 аймака³³¹ и т. д. В каждом княжестве имелся военачальник, командовавший всеми его вооруженными силами³³². Дивизией управлял хошунный дзасак, но фактически

³²³ Б. Я. Владимирцов. Поездка..., стр. 335, 336.

³²⁴ См. там же, стр. 336.

³²⁵ См. Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, стр. 40.

³²⁶ См. там же.

³²⁷ «Путешествие Г. Фриче по Монголии». ИРГО, в. X, № 8. СПб., 1873, стр. 259.

³²⁸ См. М. В. Певцов. Путешествия..., стр. 109, 110.

³²⁹ «Уложение китайской палаты...», стр. 1.

³³⁰ Там же, стр. 6 и сл.; Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895, стр. 53.

³³¹ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 199.

³³² «Уложение китайской палаты...», § 119.

всеми делами хошуна ведали их помощники, чиновники (тусалакчи), возглавлявшие хошунные управления (тамга)³³³. Области, подчиненные церковной администрации, подлежали ведению духовного лица. Так, в Западной Монголии область духовного управления (шаби) возглавлялась представителем церкви, находившимся на положении хошунного дзасака³³⁴.

Хошуны подразделялись на сумуны (эскадроны), которые должны были выставлять 150 всадников, в связи с чем они объединяли по 150—200 юрт³³⁵.

Основной хозяйственно-территориальной ячейкой были кочевые группы (бак), состоявшие из 50—60 юрт. Во главе бака стоял выборный старшина (дарга), подчиненный хошунному правлению (тамга). В некоторых хошунах эти группы назывались «оток». Бак подразделялся на «десятки» с выборным старейшиной во главе. При этом «десяток» мог состоять из 15—25 юрт³³⁶.

Хошуны и сумуны были очень различными по числу входивших в них баков. Так, в начале XX в. в хошуне Барят-шири-гуна их было 5; в хошуне Чин-Ачиту-вана — 6; хошуне Цецен-вана — 36 и т. д. Сумун мог состоять из одного или нескольких баков³³⁷.

В шаби-областях, находившихся под духовным управлением, не было деления на сумуны, а кочевые территориальные группы назывались «оток»³³⁸. Во главе их также стояли выборные старейшины дарга³³⁹.

Интересна проблема, связанная с судьбами племенного строя у монголов в рассматриваемое время.

Известно, что у западных монголов и у некоторых их северных групп племенная организация сохранилась в какой-то степени и в начале XX в. Так, население хошуна Тюмы Баир-Гуна подразделялось на 6 «костей» (племенных подразделений): цорос, булгудур, хасчут, цамхад, цагахгут, тонкоруд³⁴⁰. Имелись племенные подразделения дербетов: кошиктян, котчинер, тунтун и др.³⁴¹, дархатов³⁴² и др.

В отношении прочих монголов распространено мнение, что у них племенная структура уже разложилась к эпохе маньчжурского завоевания. Однако до конца этот вопрос не представляется ясным, так как многие авторы второй половины XIX и даже на-

³³³ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 395.

³³⁴ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 284.

³³⁵ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 15, 401; И. Майский. Современная Монголия, стр. 271.

³³⁶ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 15, 151; И. Майский. Современная Монголия, стр. 271.

³³⁷ См. там же.

³³⁸ Там же; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, ч. 1, стр. 292.

³³⁹ См. там же.

³⁴⁰ См. А. Бурдуков. Очерк Байтского хошуна..., стр. 7.

³⁴¹ См. Б. Я. Владимирцов. Поездка..., стр. 334.

³⁴² См. Г. Д. Санджеев. Дархаты, стр. 35.

чала XX в. отмечают у халхасцев и других групп Центральной Монголии сохранение некоторых элементов традиционного племенного деления³⁴³.

Собственность на средства производства. Право собственности и пользования основными средствами производства у монголов в XIX—XX вв. определялось, как и у других кочевых народов, попадавших в зависимость к централизованным государствам, частично законодательно.

Что касается собственности на скот, то она, судя по свидетельствам источников и отсутствию в ее отношении законодательных постановлений, оставалась, как и прежде, семейной³⁴⁴. То, что она не претерпела какие-то существенные изменения при власти маньчжуров, видно и из того, что в ходе народной революции не было произведено никаких преобразований в формах собственности на это средство производства³⁴⁵. По мере постепенного возрастания товарности монгольского хозяйства к началу нашего века значительное количество скота стало концентрироваться в собственности богатых хозяев, церкви и т. п. Однако подавляющее большинство семей кочевников продолжало иметь в своей собственности скот, являвшийся предметом свободной купли-продажи.

Земля в Монголии была объявлена завоевателями государственной собственностью. Каждой военно-административной единице выделялись определенные пастбища, пользование которыми предоставлялось хошунам и кочевым общинам. При этом границы хошунных пастбищ зачастую нарушались, особенно в годы неурожая трав. Но в целом они все же обычно соблюдались. Например, согласно источнику начала XX в. «кочевка в районе своего старшинства происходит только в пределах территории, которая старшине и обычаем закреплена за его айлом. Перекочевывать же в соседнее старшинство можно только с разрешения дзангина этого старшинства. Кочевка по этому хошуну разрешается, а переход из одного хошуна в другой допускается с совета и согласия между собой князей хошунов и бывает лишь в случаях сильных недородов в одном из соседних хошунов». И далее: «Летние, а особенно зимние пастбища каждого айла огораживаются от соседних межами — по рекам, хребтам гор — кучами камней»³⁴⁶.

Правители аймаков и хошунов, как и многие другие предводители, являлись чиновниками китайского государства и имели в силу этого большую власть над подчиненным им населением. Но

³⁴³ Об этом пишут: Шишмарев. Сведения о Халхасских владениях. ЗСОРГО, 1864, № 7, стр. 71; А. Болобан. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Б. м., 1914, стр. 8; Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина..., ч. 1, стр. 103 (см. 2); И. Майский. Современная Монголия, стр. 12, *прил.*

³⁴⁴ См. И. Майский. Современная Монголия, стр. 115, 121, 122.

³⁴⁵ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия.... т. 2, стр. 771 и сл.

³⁴⁶ «Московская торговая экспедиция...», стр. 246.

ни юридически, ни практически они не были ни собственниками, ни владельцами пастбищных земель. Как и богатейшие скотоводы, они могли захватывать в личное пользование лучшие их участки, но все прочие пастбища оставались в общинном владении, существовавшем в рамках государственной земельной собственности. Что порядок землепользования был именно таков, подтверждают многочисленные свидетельства путешественников, наблюдавших Монголию в XIX — начале XX в. Кроме того, по наблюдениям Н. Я. Бичурина, посетившего Монголию в начале XIX в., монголы постоянно кочевали в поисках хороших пастбищ, свободно переходя с места на место и даже из хошуна в хошун³⁴⁷.

По словам Я. П. Дуброва, изучавшего Северную Монголию в 80-х годах XIX в., «монголы прежде были чужды всякого понятия о ценности земли, чужды понимания неотъемлемости прав на нее одного только лишь какого-нибудь улуса, живущего в известной местности. Скот урянхайцев свободно ходил летом и зимой по земле дархатов, а дархатцев по земле аринцев, и никому из монголов не приходило в голову, что можно воспретить, положим дархатам, пускать скот в кочевья урянхайцев. Скандал может быть только во время бескормицы. С этого года (т. е. с 1883 г.— Г. М.) урянхайцы потребовали с алтайских скотопрогонов картонную плату за выпас скота в их зимних кочевьях. Это новое»³⁴⁸. Тот же автор описывает новые порядки, возникшие на севере Монголии в пользовании землей князьями-управителями. По его наблюдениям, «есть участки степи, принадлежащие нойену, где никто не имеет права кочевать. Нойен же свободно пасет скот на общинных пастбищах. Присвоение князьями земли началось недавно. Лет 10 назад не было случаев захвата земель. Теперь князья и тайджи, пользуясь общинной землей, захватывают в собственность пастбища... У бурят в Тункинском крае тоже был случай захвата общинной земли, но ее отдали обратно. Но и у монголов пока это еще редкость»³⁴⁹.

С конца XIX в. предводители монголов начали не только захват лучших пастбищ в личное пользование, но с расширением колонизации китайцев князья стали сдавать переселенцам общинные земли в аренду. Эту особенность отмечает, в частности, Г. Н. Потанин³⁵⁰. Но возможность эта стала практически осуществляться только после официального разрешения китайским правительством колонизации. Китайцы получили также право покупки земель у монгольских хошунов³⁵¹.

Но в центральных, основных скотоводческих областях Монголии сохранялись и в начале XX в. сильные общинные традиции

³⁴⁷ См. Н. Я. Бичурин. Заметки о монголах. СПб., 1828, стр. 71.

³⁴⁸ Я. П. Дубров. Экспедиция к берегам р. Селенги ИВСОРО, 1884, т. XV, № 1—2, стр. 59.

³⁴⁹ Продолжение статьи см. ИВСОРО, 1884, т. XV, № 5—6, стр. 7.

³⁵⁰ См. Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина..., стр. 109.

³⁵¹ «Московская торговая экспедиция...», стр. 182.

в землепользовании. Во многих местностях Центральной Монголии не существовало деления пастбищ на участки, и кочевание велось свободно по всей степи³⁵². По наблюдениям Д. Каррутерса, во многих местностях Монголии существовала в рассматриваемое время «полная свобода кочевания»³⁵³. Заслуживает внимания мнение И. Майского, считавшего, что «земля является общественной собственностью» (выделено автором.— Г. М.), которой фактически распоряжаются хошуны. Ни князья, ни высшие ламы, ни сам Богдо-Гоген не имеют особых, только им принадлежащих участков. Все пасут свой скот на равных основаниях»³⁵⁴. То же самое И. М. Майский говорит и в другом месте своей работы: «...В смысле кочевков, князь по общему правилу не имеет никаких привилегий: его скот пасется наряду со скотом его подданных»³⁵⁵.

Господствовавший в Монголии порядок землевладения и землепользования отразился также в правилах распределения платы за арендованные у хошунов земли. Так, согласно китайскому законодательству из сумм, поступавших за аренду пахотных участков, принадлежавших дивизии горлосских монголов, довольно высокое вознаграждение выплачивалось князю, правителю дивизии и офицерам в соответствии с их рангом. Но по 2 лана серебра в год получали также каждый рядовой и каждое семейство кочевников³⁵⁶.

При аренде земли китайцами они уплачивали за нее тем хозяйствам или общинам, которым эта земля принадлежала³⁵⁷.

Таким образом, законодательство рассматривало всех монголов-скотоводов как владельцев пастбищ и земель, на которых они кочевали. К сказанному можно еще добавить, что при спорах, возникавших из-за пастбищ, князья выступали не как их собственники, а как представители администрации, выносившие решение в пользу той или иной кочевой группы³⁵⁸.

Отсутствие в Монголии в рассматриваемое время монопольной собственности на землю какого-либо сословия или класса подтверждается также важнейшими политическими и законодательными актами, изданными при образовании МНР. Так, в постановлении

³⁵² «Московская торговая экспедиция...», стр. 246.

³⁵³ Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, стр. 223.

³⁵⁴ И. Майский. Современная Монголия, стр. 114. Нельзя не отметить, что в изд. 2 книги, появившейся спустя 40 лет после поездки ее автора в Монголию и через 38 лет после появления изд. 1, И. М. Майский описывает землевладение в Монголии совершенно иначе. Так, он говорит, что «князья, высшие ламы и сам Богдо-Гоген выступали в роли монопольных распорядителей, т. е. фактических собственников всей земли в принадлежащих им владениях» (И. М. Майский. Монголия накануне революции, 1959, стр. 119). Трудно сказать, чем вызвано такое значительное различие в оценках, но русские авторы конца XIX и начала XX в. описывали землевладение в Монголии таким же, как оно описано в изд. 1 труда И. М. Майского.

³⁵⁵ И. Майский. Современная Монголия, стр. 269.

³⁵⁶ «Уложение китайской палаты...», § 84.

³⁵⁷ Там же, § 179.

³⁵⁸ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 288, 289.

ЦК Народной партии от 3 июня 1924 г. было провозглашено создание Монгольской Народной Республики и в числе прочих пунктов определен порядок земельной собственности: «В осуществление подлинной власти народа по управлению государством и закреплению вышеобъявленного государственного строя подтверждаются следующие начала: а) вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства в пределах территории Монгольской Народной Республики, согласно существующему обычному бытовому порядку Монголии, соответствующему принципам установленного строя, являются народным достоянием; частная собственность на них не допускается...»³⁵⁹. Таким образом, постановление прямо отмечает, что устанавливаемый порядок собственности на землю соответствует существующему «бытовому порядку».

Уже одно то, что источники конца XIX в. отмечают захваты предводителями участков пастбищ в личное пользование как новое явление, показывает, что они не являлись ни юридическими, ни практическими собственниками земли. А из смысла цитированного выше постановления вытекает, что эти захваты не привели к сложению новой системы землепользования, которую было бы необходимо отменить революционному правительству. Представляется, что рассматриваемые процессы захвата земель можно сопоставить в какой-то степени с «огораживанием» в Англии в XVI—первой половине XVII в., приведшем там к формированию частной капиталистической собственности³⁶⁰. Но главным источником развития частной земельной собственности в Монголии в конце XIX в. была аренда и покупка земельных участков китайцами. Однако процесс этот получил распространение в немногих, отдельных областях Монголии и был прерван в ходе освобождения монголов от ига маньчжурской династии.

Имущественное расслоение. Какова степень имущественного расслоения среди монголов в первой половине XIX в., источники не сообщают. Много говорится о богатстве князей, которому противопоставляется имущественное положение всей массы аратов. Источники второй половины XIX в. сообщают более подробные сведения по интересующему нас вопросу.

Еще в 70-х годах XIX в. редкий халхасец, по словам Н. Пржевальского, не владел несколькими сотнями баранов³⁶¹. В 80-х годах XIX в., когда, как отмечалось выше, поголовье скота у монголов резко сократилось, значительно увеличилась имущественная дифференциация, появилось много бедных и бесскотных хозяйств. Сильное обеднение монголов в это время и усиление поборов со

³⁵⁹ Цит. по: Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 2, стр. 771.

О политических событиях этого времени см.: «История Монгольской Народной Республики», стр. 319.

³⁶⁰ Ср. К. Маркс. Капитал, т. I, глава 24; е го же. Капитал, т. III, глава 47.

³⁶¹ См. Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, стр. 40.

стороны китайских властей отмечал и М. В. Певцов³⁶². Несмотря на стихийные бедствия, поборы со стороны китайских властей не только не сократились, а даже возросли, что способствовало еще большему обнищанию аратов³⁶³. Дифференциация имущественного положения возрастала также в связи с развитием товарно-денежных отношений. Я. П. Дубров, также отмечавший обеднение монголов, наблюдал значительное имущественное расслоение среди аратов и наличие среди них большой прослойки бесскотных хозяйств, которым приходилось добывать средства к жизни охотой на сурков. Найти применение своему труду в скотоводстве было нелегко, так как «богачи и состоятельный класс мало имеют нужды в рабочей силе, нанимаемых только кормят. Поэтому обедневшие уже не могут поправиться. Соседи не помогают бедняку»³⁶⁴.

Большое влияние на имущественное расслоение оказывала деятельность китайских торговцев и ростовщиков. Немалая часть монголов оказывалась в ростовщической кабале, что приводило к разорению их хозяйства³⁶⁵. Целые хошуны оказывались должниками китайцев³⁶⁶. Как отмечают источники, до 1911—1912 гг. многие халхасцы только номинально владели скотом, составлявшим в действительности китайскую собственность. Это получалось вследствие того, что китайцы кредитовали кочевников под скот, а когда те не могли расплатиться с долгами, становились собственниками скота, а кочевники превращались в даровых пастухов у китайцев. При несостоятельности отдельного хозяйства за него отвечали по закону их хошуны³⁶⁷.

Богатейшими скотоводами были князья и тайджи. Так, например, бедным хошунным дзасаком считался Ма-Гун, кочевье которого состояло из 10 юрт, 10 тыс. овец, 300 лошадей, 300 быков³⁶⁸.

В начале XX в. беднейшие айлы, которые вели все же самостоятельное скотоводческое хозяйство, имели по 10—20 овец, 2—3 коровы, 1—2 лошади. Средние по зажиточности семьи располагали стадами в 100—150 овец, 20—30 голов крупного рогатого скота, 20—30 лошадей³⁶⁹.

Яркая характеристика имущественного расслоения Монголии содержится в переписи 1918 г. Так, например, в аймаке Цеценхана на одно аратское хозяйство приходилось в среднем 36,4 головы скота, а на княжеское — 2751,3; в аймаке Тушату-хана — 60,7 и 1146,5; в аймаке Сайн-Ноинхана — 74,6 и 3709,4 и т. д.³⁷⁰.

³⁶² См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 34.

³⁶³ См. М. В. Певцов. Монголия..., стр. 121.

³⁶⁴ Я. П. Дубров. Экспедиция к берегам р. Селенги. ИВСОРГО, 1884, т. XV, № 3—4, стр. 13, 19.

³⁶⁵ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 419.

³⁶⁶ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 2, стр. 424.

³⁶⁷ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, в. 1, стр. 353.

³⁶⁸ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 60.

³⁶⁹ «Московская торговая экспедиция...», стр. 172.

³⁷⁰ См. И. М. Майский. Монголия накануне революции, стр. 309 и сл.

Имущественное расслоение в хотонах порождало эксплуатацию. Причем последняя выступала чаще всего в скрытом виде, под видом соседской взаимопомощи. Особенно характерны были также отношения в хотонах, состоявших из зажиточных семей и бедняков. Труд последних эксплуатировался не в виде найма, а как «услуги» за предоставление рабочих волов, верблюдов для перекочевки, лошадей для поездок, иногда молочных продуктов. Бедняки «в благодарность» помогали при охране и пастыбе стад, скотоводческих работах. Сами зажиточные хозяева также принимали участие в этих работах, но бедняки вкладывали труда больше³⁷¹.

Общественная структура. Общественная структура монгольского общества была в рассматриваемое время резко дифференцированной и весьма сложной по составу. В ее привилегированный слой входили князья и их родственники, высшее ламаистское духовенство, офицерство и чиновники. Имелась прослойка зажиточных скотоводов. Непосредственные производители распадалась на свободных общинников-скотоводов, представлявших собой податное население, рядовых воинов и группы полузависимого и зависимого населения. При этом каждая из перечисленных групп также была неоднородна по составу.

Высший слой привилегированной части общества составляли так называемые князья и их родственники, занимавшие высшие военные и административные должности в Монголии, и верхушка духовенства.

Сейм князей управлял аймаками. Князья стояли во главе хошунов. Из их числа назначались военачальники: аймачные корпусные командиры (дзянт-дзюнь), командиры дивизий. Во второй половине XIX в. в Монголии насчитывалось до 200 князей и значительное число их родственников, занимавших важнейшие чиновничьи и офицерские посты³⁷².

По происхождению и по должности князья разделялись на 6 ступеней и получали в соответствии со своим рангом жалованье от правительства. Высшей княжеской степенью была должность цинь-ван, далее следовали ван, бэйле, бэйсе, туше-гун, гун³⁷³. Все эти должностные титулы имели китайское и маньчжурское происхождение.

Князья рассматривались китайским законодательством как государственные военные и гражданские чиновники, ведавшие делами внутреннего управления и сбором налогов. Как государственных чиновников рисуют князей и наблюдатели монголов того времени³⁷⁴.

³⁷¹ См. Н. Б. Балодон. К вопросу о хотонах. СМ, 1938, № 2, стр. 77, 78—81.

³⁷² См. Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, стр. 59, 60.

³⁷³ «Уложение китайской палаты...», § 14; И. Майский. Современная Монголия, стр. 26.

³⁷⁴ См., например, А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 19, 372; его же. Монголия и монголы, т. 2, стр. 419; И. Майский. Современная Монголия, стр. 25.

За исключением Кобдосского округа, во всех областях Монголии княжеская должность передавалась по наследству, однако при обязательном условии утверждения кандидата в князья императорским правительством. Первым кандидатом считался старший сын прежнего князя. При отсутствии прямого наследника должность мог получить один из родственников³⁷⁵.

Во главе хошуна кобдосских мингантов находился до 1911 г. чиновник окурдай; хошуна кобдосских олетов — чиновник ухэрида, назначавшийся китайским губернатором (амбанем) в Кобдо. После 1911 г. глав хошунов стали назначать представители монгольского правительства³⁷⁶.

Несмотря на наследственную преемственность должности большей части монгольских князей, их положение определялось в первую очередь тем, что они были государственными чиновниками. После смерти князя населению хошуна приходилось предпринимать дорого стоящие хлопоты по утверждению нового, особенно в тех случаях, когда отсутствовали прямые наследники. Так, например, после смерти правителя хошуна Цзаньян-хорль у него не осталось детей. Имелись близкие родственники, но хошун был так беден, что не мог начать хлопоты. Вследствие этого в течение 8-ми лет хошун не имел князя и управлялся сменявшимися правителями канцелярии хошуна³⁷⁷. Известно много случаев, когда хошуны оставались на долгое время без правителей-князей³⁷⁸. В случае, если возникали споры о наследовании должности, их разбирала сейма князей, но решающее слово оставалось за амбанем и императорским двором³⁷⁹.

По китайскому законодательству князья и прочие члены военной и гражданской администрации могли смещаться по старости, болезням, упущениям по службе, что производилось по указанию Пекина³⁸⁰. Так, по сообщению А. Позднеева, «в прошлом году пекинское правительство сменило князя... Мэрген-вана за «неспособность» к управлению и назначило дзасаном старшего сына его»³⁸¹. Известно много случаев, когда должностных лиц из числа монголов смещали амбаны³⁸². Нередки были случаи увольнения с должностей князей — правителей джасаков за злоупотребления, вымогательства. Оставляли князья-джасаки должность и по собственному желанию. Так, например, правитель хошуна Да-цин-ван, насчитывавший под своим началом 70 латников-воинов и 200 юрт, заболел и послал в Пекин прошение об отстав-

³⁷⁵ «Уложение китайской палаты...», § 38—41; А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 615; его же. Монголия и монголы, т. 2, стр. 418, 419; Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 256.

³⁷⁶ См. Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 2, стр. 252, 256.

³⁷⁷ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 615.

³⁷⁸ См. там же, стр. 418.

³⁷⁹ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 2, стр. 419.

³⁸⁰ «Уложение китайской палаты...», § 69, 112, 115, 119.

³⁸¹ А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 619.

³⁸² См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 2, стр. 419, 438.

ке³⁸³. Другой правитель хошуна джасак Цэрен-Дондаб обратился к пекинскому правительству после сильного падежа скота (когда он не смог выплатить налоги) с просьбой, чтобы на его место назначили другого джасака, более молодого, который смог бы «лучше сдерживать народ, управлять им и подыскивать ему средства к жизни»³⁸⁴.

Таковыми же правами и обязанностями, как и хошунного джасака, китайское законодательство наделяло помощников князей тайцзы, который «во всем подвергается равной с ним ответственности»³⁸⁵.

Во второй половине XIX в. монгольские вооруженные силы не имели большого значения для Китая и их армия пришла в значительный упадок. В связи с этим функции князей свелись главным образом к делам гражданского управления и сбору налогов. Князья назначали и увольняли чиновников хошуна, за исключением правителя канцелярии тусалакчи, впрочем, с ведения аймачного сейма и высшей администрации. Решали судебные дела³⁸⁶. За службу они получали жалованье из Пекина, а также взимали в свою пользу подати с хошуна натурой или деньгами. И. М. Майский приводит следующие примеры податей, взыскивавшихся князьями на свои нужды: князь Барян-Шири-гун имел право на 360 баранов и 1 место кирпичного чая в год; князь Эрдени-гун взимал ежегодно в свою пользу 7 коров, 60 баранов, 7 мест кирпичного чая; князь Донджи-гун — 4 коровы, 59 баранов, 10 мест кирпичного чая³⁸⁷. Князья могли собирать чрезвычайные поборы с населения при перекочевках, вступлении в брак, поездках к императорскому двору по лошади с 10 юрт, а также получать с приписанных к ним хозяйств, имевших не менее 5 голов крупного рогатого скота, по барану и с 20 овец по одной в год³⁸⁸.

Обычными были злоупотребления со стороны князей при взимании податей. Впрочем, как отмечает И. М. Майский, некоторые богатые князья покрывали свои расходы в значительной мере за счет фондов от собственных хозяйств и взимали подати не в полном размере³⁸⁹.

Китайское законодательство предусматривало и другие виды привилегий для княжеского сословия. Так, «для разных домашних прислуг и других употреблений при домах монгольских ханов, князей... признано за благо назначить каждому известное число служителей». Князьям I степени назначалось, например, 60 человек. От 6 до 10 семей поселялись при кладбищах высших кня-

³⁸³ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 205.

³⁸⁴ Там же, стр. 18.

³⁸⁵ «Уложение китайской палаты...», § 114.

³⁸⁶ См. И. Майский. Современная Монголия, стр. 267, 268.

³⁸⁷ См. там же, стр. 268.

³⁸⁸ «Уложение китайской палаты...», § 196; Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, стр. 62.

³⁸⁹ См. И. Майский. Современная Монголия, стр. 268.

зей³⁹⁰, причем в отношении последних имелись известные ограничения: «В число сего рода семейств не должно включать из их придворных чиновников ниже таких людей, которые были в походах против неприятелей»³⁹¹. При замужестве дочерей маньчжурских и монгольских князей им давалось (в зависимости от ранга) в приданое от 3 до 5 семей и 8 горничных³⁹². Но маньчжурские князья не могли получать при браках монгольских дворовых людей³⁹³.

По богатству и положению монгольские князья сильно различались. Так, по наблюдениям Б. Я. Владимирцова, в некоторых местностях «князья живут и кочуют как простые люди, только с большими удобствами... Ханские дети проводят свое время как и все состоятельные дербеты: наблюдают за своими стадами, объезжают коней, развлекаются»³⁹⁴. Княжеское сословие в Халхе не было строго замкнутым, что видно из того, что князья зачастую женились на девушках, происходивших из податного сословия³⁹⁵.

К средней и низшей прослойке привилегированной части монгольского общества принадлежали младшие сыновья князей (тайцзи, дайжи), подразделявшиеся на 4 класса³⁹⁶. Когда сыну князя исполнилось 18 лет, ему испрашивалось в Пекине утверждение и подтверждение титула тайджи. Этот титул давал право носить на шапке белый шарик и пользоваться некоторыми привилегиями, связанными с титулом³⁹⁷. Многие тайджи служили чиновниками, но так как они были довольно многочисленны — только в одном обследованном хошуне их насчитывалось 800 человек, — то значительная их часть не имела государственных должностей. В таком случае они возглавляли кочующие айлы и вели скотоводческое хозяйство, как и прочее население³⁹⁸. Так, например, тайджи Гомбо-дорджи возглавлял аил из двух кибиток и сам занимался хозяйством³⁹⁹.

Звание тайджи переходило по наследству, но только одному наследнику. Прочие родственники тайджи считались рядовыми податными лицами. Вместе со званием наследовались и приписанные к тайджи дворовые люди. При усыновлении тайджи детей те могли наследовать по завещанию часть его имущества и считаться после смерти приемного отца родственниками его семьи. А. Позднеев описывает следующий интересный случай. Тайджи Дамдин

³⁹⁰ «Уложение китайской палаты...». § 458.

³⁹¹ Там же, § 460.

³⁹² Там же, § 479.

³⁹³ Там же, § 480.

³⁹⁴ Б. Я. Владимирцов. Поездка... стр. 337, 338.

³⁹⁵ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 2, стр. 417.

³⁹⁶ См. «Уложение китайской палаты...», § 24, 42, 49; Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, стр. 59, 60.

³⁹⁷ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 16.

³⁹⁸ См. там же, стр. 17, 401; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 411.

³⁹⁹ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 422.

усыновил мальчика из числа своей дворни (хамджилга) и хотел завещать ему часть имущества. Но этот акт должны были утвердить китайские власти. Между тем мальчик вел себя плохо, и брат умершего тайджи, унаследовавший его звание, подал просьбу властям, чтобы усыновленного вообще исключили из числа дворни: «Пусть выключат его из наших родовых хамджилга и припишут снова в сумун...»⁴⁰⁰.

Тайджи входили в податное сословие и уплачивали налоги. Но они пользовались некоторыми льготами, которые распространялись и на судебные дела — они не подвергались пыткам⁴⁰¹.

Тайджи могли быть лишены своего достоинства, если их уличали в воровстве или других проступках, но их дети сохраняли право на наследование звания⁴⁰².

У некоторых групп монголов, как, например, у кобдосских дербетов, звание тайджи отсутствовало⁴⁰³.

К средним слоям привилегированной части общества относились офицеры монгольских воинских частей. Их должности были наследственными и переходили старшему сыну или ближайшему родственнику. Но прочие их родственники не пользовались привилегиями. Так, А. Позднеев приводит пример, когда старший брат был офицером, дзангином (начальником) караула, а младший — рядовым солдатом⁴⁰⁴. Офицеры имели право держать дворовых людей. Так, командир эскадрона имел хамджилга⁴⁰⁵.

В привилегированную часть общества монголов входила также прослойка среднего и мелкого чиновничества, состоявшая частично из тайджи, частично из рядовых общинников. Особенно влиятельными среди них были правители хошунных канцелярий (тамга) — тусалакчи. Они не входили в какое-либо сословие и отправляли свою должность по очереди, получая от хошуна вознаграждение за службу пищей, квартирой, освещением. Тусалакчи могли быть как тайджи, так и рядовыми общинниками. Должность тусалакчи имела большое значение, так как практически они ведали всеми делами хошуна, особенно в отсутствие князя⁴⁰⁶. Существовали и другие категории мелких чиновников — писцы и т. д., происходившие обычно из податного сословия.

В привилегированную прослойку входили лица, носившие почетное звание дарханов. Согласно китайскому законодательству «тех из монголов, которые пришли в подданство, следуя за своими князьями, или оказали услуги в военное время, служба вожатыми

⁴⁰⁰ А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 423.

⁴⁰¹ См. там же, стр. 19; И. Майский. Современная Монголия, стр. 26; И. М. Майский. Монголия накануне революции, стр. 39.

⁴⁰² «Уложение китайской палаты...», § 58.

⁴⁰³ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 2, стр. 205.

⁴⁰⁴ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 355.

⁴⁰⁵ «Уложение китайской палаты...», § 458.

⁴⁰⁶ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 395; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 411.

в степях, и за то получили наследственное достоинство дархан, считать в одних степенях с прочими монгольскими чиновниками...» Смотря по заслугам, дарханство могло быть личным, передаваться определенному числу поколений потомков или потомственным⁴⁰⁷. Дархан, служивший на чиновничьей должности, получал прибавку к жалованью⁴⁰⁸. Как отмечают источники, присвоение дарханства очень редкое явление. Как исключение, описывается случай, когда чиновник-цзалан за хорошую службу и услуги хошуну получил от сейма князей Чалхи дарханство, которое давало самому дархану и одному поколению его потомков освобождение от всех податей и повинностей, и ему предоставлялось право кочевать, где он хочет. Звание дархана утверждалось императором⁴⁰⁹.

В 1924 г., в ходе народной революции, все титулы и почетные наследственные звания были отменены⁴¹⁰.

Как отмечалось, к верхушке привилегированного общества отнесли глава ламаистской церкви в Монголии и настоятели крупнейших монастырей. Богдо-Гоген и ламы получали подати от приписанного к духовному ведомству населения (шабинаров) и владели громадными стадами скота, постоянно пополняемыми духовными вкладами⁴¹¹. В связи с этим церковь владела огромными богатствами, которые преумножались практикой отдачи скота на выпас: «Скот... монастырское казначейство не содержит в своих отдельных стадах и табунах, а раздает на хранение различным богатым монголам в количестве от 50 до 100 голов в одни руки. Платы за такое хранение скота не полагается, но принявший скот на хранение может производить на нем свои работы, причем заработанная скотом плата одною своею половиною доставляется монастырю, а другая половина идет в пользу скотохранителя»⁴¹².

Из общего числа монахов-лам к привилегированным слоям общества относились не более одной трети. Все прочие ламы жили в своих кочевьях, где занимались хозяйством наравне с прочим населением: «Большинство же лам живет в «миру», занимается хозяйством, даже женится и имеет семьи, ограничивая свою связь с «небесным» миром бритьем головы, ношением желто-красной ламской одежды, да появлением в монастырях в дни больших праздников»⁴¹³.

Основная часть монголов-кочевников состояла из лично-свободного податного населения. Все военнообязанные считались латниками монгольских отрядов. Это нашло отражение в китайском

⁴⁰⁷ «Уложение китайской палаты...», § 24.

⁴⁰⁸ Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, стр. 167.

⁴⁰⁹ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 618, 619.

⁴¹⁰ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 2, стр. 772.

⁴¹¹ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 384.

⁴¹² А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 4; «Московская торговая экспедиция...», стр. 175.

⁴¹³ И. Майский. Современная Монголия, стр. 27.

законодательстве, где указывалось, что при составлении подушных ведомостей надлежит «писать прозвание старшего в роде и его чин, буде имеет; если же не имеет, то писать просто такой-то рядовой...»⁴¹⁴. В первом издании своей работы («Современная Монголия») И. М. Майский характеризовал монгольских аратов как главных плательщиков податей и исполнителей повинностей: воинской, почтовой, — эти последние и были основной движущей силой монгольского народного хозяйства»⁴¹⁵. В таком же духе описывали аратов и прочие наблюдатели монголов второй половины XIX и начала XX в. Во втором издании своей книги И. М. Майский значительно расширяет эту характеристику, внося в нее выводы, не подкрепляемые фактическими данными и противоречащие как его собственным наблюдениям, изложенным в первом издании его книги, так и наблюдениям других авторов. Он пишет об аратах: «Закон и обычай запрещали им покидать своих господ, принуждая их кочевать в пределах владений последних, вносить им подати и нести в их пользу все повинности. Фактически они были крепостными своих господ, самовольный уход от которых карался законом». И далее: «Следует, однако, заметить, что в описываемое время узы феодальной зависимости монгольского крестьянства стали значительно более слабыми, чем в давно прошедшие времена», что связывается И. М. Майским с обеднением князей и обнищанием крестьян⁴¹⁶. Заслуживает внимания то, как аргументируются его взгляды: «В более или менее отдаленном прошлом в Монголии, по-видимому, тоже существовало крепостное право в общеупотребительном значении этого слова. По крайней мере, от стариков монголов мне приходилось слышать рассказы о старинных временах, когда князья рассматривали крестьян как свою собственность»⁴¹⁷. Это «по-видимому» Майского и туманные ссылки на сообщения стариков о «старинных временах» без указания, к какому слою аратов принадлежали информаторы, весьма характерны для второго издания книги И. М. Майского. Как в первом ее издании, так и в сообщениях других авторов положение аратов описывается совершенно иначе. Монгольские кочевники, находившиеся в ведении хошуновых управлений, приписывались к определенным административно-территориальным единицам: сумонам, бакам, что преследовало фискальные и военные цели. Из состава сумона должен был комплектоваться эскадрон из 150 воинов, для чего три семьи выставляли и вооружали одного латника⁴¹⁸. Из эскадронов формировались полки и дивизии. В рамках хошунов законодательством устанавливалась круговая порука по сбору налогов, в связи

⁴¹⁴ «Уложение китайской палаты...», § 156.

⁴¹⁵ И. М а й с к и й. Современная Монголия, стр. 26.

⁴¹⁶ См. И. М. М а й с к и й. Монголия накануне революции, стр. 40, 41.

⁴¹⁷ Там же, стр. 41.

⁴¹⁸ «Уложение китайской палаты...», § 116; Н. П р ж е в а л ь с к и й. Монголия и страна тангутов, стр. 60, 62.

с чем предводители были заинтересованы в поддержании численного состава подведомственных им групп. Одной из обязанностей предводителей-чиновников было наблюдение за пребыванием подчиненных в составе своих хошунов и сумонов, за что они несли ответственность перед своими начальниками и китайской администрацией.

Для перехода семьи кочевников или бака в другую административную группу требовалось разрешение хошунных управлений. Беглых монголов полагалось по законодательству возвращать в свои дивизии, взыскивая одновременно с их хошунных и т. п. начальников как за упущение по службе⁴¹⁹. Впрочем, случаи самовольного ухода кочевых семей из одного хошуна в другой были очень часты, особенно при отсутствии травы на пастбищах и падежа скота⁴²⁰.

Интересны в связи с характеристикой социального положения аратов приведенные выше слова джасака Цэрен-Дондоба, определявшего функции правителя как обязанности «сдерживать народ, управлять им и подыскивать ему средства к жизни»⁴²¹.

Порядок закрепления аратов за хошунами иллюстрирует случай, наблюдавшийся А. М. Позднеевым в Монголии. Один монгол был командирован из своего хошуна на почтовую станцию, где познакомился с девушкой из другого хошуна. После окончания службы он отправился к ней домой, где они поженились. Когда родился сын, они решили вернуться в хошун мужа. Джасак не задерживал жену, но не хотел отдавать им их сына как податного его хошуна. Родители подали жалобу в аймачное управление, и последовало решение причислить ребенка в джасак отца⁴²². Рассмотренный пример свидетельствует, что ни по закону, ни фактически араты не считались собственностью управителя, а лишь податными хошунов и других (с точки зрения административной) единиц. При этом на женщин порядок приписки вообще не распространялся, а перевод мужчины из джасака в джасак мог осуществляться по решению соответствующих властей, так как они были ответственны за выполнение хошунами государственных податей и повинностей.

Крайне разорительными для кочевников были налоги и повинности (алба). Их составляли как регулярные, так и чрезвычайные поборы, из которых, по мнению наблюдателей, от 1/3 до 1/2 раскрадывалось⁴²³. Существовало до 17 родов албы, из которых одной из наиболее обременительных для населения была уртонная (подводная, ямщицкая) повинность⁴²⁴. Как отмечалось, при несении

⁴¹⁹ «Уложение китайской палаты...», § 95, 162.

⁴²⁰ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 18.

⁴²¹ Там же.

⁴²² См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 2, стр. 427.

⁴²³ См. И. Майский. Современная Монголия, стр. 284, 285.

⁴²⁴ См. там же; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 382, 383, 384.

государственных повинностей хошуны отвечали круговой порукой. Постоянные злоупотребления имели место при взимании описанных выше чрезвычайных повинностей в пользу князей. Размер албы назначался зачастую произвольно, собирали ее нерегулярно. Поэтому, как отмечал И. М. Майский, «сами по себе вовсе не такие уж значительные подати и повинности ложились на плечи населения столь непосильным бременем»⁴²⁵.

К числу податного населения принадлежали также шабинары, группы скотоводов, причисленные к духовному управлению. Они подчинялись церковной администрации и не несли государственной и военной повинностей. Так, например, в хошуне Цэ-ца-саки (Северная Халха) кочевали шабинары, подчиненные двум духовным лицам: хутухта и хошуна. Они управлялись чиновниками шанцзотбами и не подлежали ведению хошуна. Встречались группы шабинаров, кочевавшие не на хошунных землях, а на пастбищах, приписанных к монастырям. Так, в той же Северной Халхе некоторое количество шабинаров находилось при духовной организации хурень, разделенной на 10 аймаков, где было 20 кумирен, 300 лам и хубилган. Наконец, часть шабинаров исполняла обязанности пастухов при монастырских стадах.

Взамен военной службы, государственных и местных повинностей шабинары уплачивали подати в пользу духовных управлений и лам, которые по некоторым свидетельствам были ниже, чем у хошунных монголов. Так, например, в управлениях Илагухсана-хутухты подать уплачивали только состоятельные хозяйства, с бедняков она не взималась. Размер подати составлял не более 10 овец в год со стада в 100 голов. Подать шла на содержание управлений и уплату долгов хутухты⁴²⁶. Скот, принадлежавший верхновному ламе Богдо-Гогену, пасли шабинары, освобожденные от всех податей. При этом они могли пользоваться всеми продуктами, получаемыми от скотоводства, за исключением приплода⁴²⁷.

Довольно сложно определить социальный статус шабинаров. В первом издании своей книги И. М. Майский не затрагивает эту проблему, а во втором прямо называет их крепостными⁴²⁸. Но эту точку зрения он ничем не аргументирует, кроме ссылки на маньчжурские законы. В этих законах, однако, отсутствуют указания, которые бы позволили рассматривать шабинаров как крепостных. Из некоторых свидетельств видно, что не всегда было ясно, чьему ведомству подчиняются те или иные группы или семьи кочевников, в связи с чем происходили споры между светскими и церковными властями, разрешавшиеся судебным решением, принимав-

⁴²⁵ И. М. Майский. Современная Монголия, стр. 285.

⁴²⁶ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. 1, стр. 15, 49, 378, 384.

⁴²⁷ См. там же, стр. 384.

⁴²⁸ Ср. И. М. Майский. Современная Монголия, стр. 26, 27; И. М. Майский. Монголия накануне революции, стр. 42.

шимся депутатами хошунного и духовного ведомства⁴²⁹. Судя по некоторым свидетельствам, можно заключить, что связи шабинаров с духовными ведомствами, к которым они были приписаны, не были неразрывными. Так, например, после смерти Илагухсан-хутухты многие шабинары откочевали с монастырских земель и вернулись в свои хошунные управления⁴³⁰.

Известное число кочевников представляло собой лично-зависимое население (хамджилга): дворовых людей князей и их родственников, офицеров, чиновников⁴³¹. При этом количество хамджилга было весьма различным в разных хошунах⁴³². Рассматриваемое сословие появилось в Монголии только на рубеже XVII и XVIII вв., после завоевания страны маньчжурами, установившими его законодательным путем⁴³³. Было постановлено, что «для разных домашних прислуг и других употреблений при домах монгольских ханов, князей ... признано за благо назначить каждому известное число слугителей»⁴³⁴. Самое большое число дворни — 60 семей — получали князья I степени⁴³⁵. Как отмечалось выше, хамджилга давались в приданое дочерям представителей высшего сословия, поселялись для охраны кладбищ князей⁴³⁶. Статьи китайского законодательства показывают, что хамджилга рассматривались не столько как лично зависимые определенного лица, сколько как атрибуты его должности. Это же можно заключить из наблюдений русских путешественников⁴³⁷. Заслуживает внимания характеристика хамджилга И. М. Майским в первом издании его труда. Он пишет: «Во избежание недоразумений считаю необходимым замечать, что, нынешнее положение монгольских «крепостных» весьма мало напоминает положение «крепостных» в дореформенной России. В более или менее отдаленном прошлом в Монголии, по-видимому, тоже существовало крепостное право в общеупотребительном значении этого слова... Однако все это было очень давно, так давно, что слышанные мной рассказы стариков более походят на смутные предания и кошмарные легенды, чем на события недавнего времени. В наши дни положение «крепостного» в сущности очень мало отличается от положения «свободного обывателя». Его зависимость от князя или дворянина выражается главным образом в том, что он обязан личной службой своему господину (обычно крепостные по очереди дежурят в ставке своего хозяина) и нередко уплачивает за него сделанные им долги. За то крепостной пользуется известными по-

⁴²⁹ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. I, стр. 379.

⁴³⁰ См. там же, стр. 378.

⁴³¹ См. И. Майский. Современная Монголия, стр. 26.

⁴³² См. И. М. Майский. Монголия накануне революции, стр. 43.

⁴³³ См. там же.

⁴³⁴ «Уложение китайской палаты...», § 458; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 290.

⁴³⁵ «Уложение китайской палаты...», § 458.

⁴³⁶ Там же, § 460, 479.

⁴³⁷ См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. I, стр. 68 и сл.

датными льготами и не несет воинской повинности»⁴³⁸. Примерно так же характеризует хамджилга И. М. Майский и во втором издании своей книги⁴³⁹.

Более подробно обрисовать социальную сущность хамджилга не представляется возможным из-за отсутствия фактических данных.

Некоторое представление о социальном составе монголов в рассматриваемое время дают данные переписи, опубликованные И. М. Майским. В сводном виде они дают следующую картину⁴⁴⁰.

Социальная принадлежность	Численность	К итогу в %
Князья	205	0,1
Дворяне	13 274	5,6
Свободные обыватели	62 048	26,2
Крепостные	39 389	16,6
Монахи	105 577	44,5
Вне сословий	16 915	7,0

Однако по многим причинам эти цифры не дают достаточной характеристики социальной структуры кочевников-монголов. В таблице отсутствует подразделение монголов по роду их занятий, степени оседлости. В связи с этим в число крепостных входит, очевидно, значительный процент земледельческого населения⁴⁴¹. Остается неясным, куда отнесены шабинары — «к свободным обывателям» или к крепостным. А это весьма важно при решении вопроса о социальной структуре. Наконец, неудачно отнесение всех лам в одну категорию. Как отмечалось, не менее двух их третей было занято в качестве непосредственных производителей в собственных хозяйствах.

Анализ социальных отношений в Монголии будет более законченным, если отметим развивающееся имущественное расслоение в Монголии на рубежах нашего века, в процессе которого имущественная и социальная дифференциация приводила к выделению из скотоводов зажиточных и бедных групп населения. О зажиточных аратах источники, по существу, ничего не сообщают. О бедняцких хозяйствах можно найти некоторые данные. Разоряемые поборами своих правителей и долговой ростовщической кабалой китайцев, они лишались скота и оказывались вынужденными либо искать себе новых занятий — переходить главным образом к земледелию или работать по найму у зажиточных хозяев. По наблюдениям, относящимся к началу нашего века, «гуны и тайджи сгруппировывают возле себя голытьбу и обращают ее в

⁴³⁸ И. Майский. Современная Монголия, стр. 26, 27.

⁴³⁹ См. И. М. Майский. Монголия накануне революции, стр. 41.

⁴⁴⁰ См. там же, стр. 42.

⁴⁴¹ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 3, стр. 274.

даровых слуг, рабов, только кормят их»⁴⁴². Многие кочевники, лишившиеся скота, отправлялись в города, где превращались в деклассированный элемент и жили подаением.

Большое значение при исследовании общественной структуры Монголии в рассматриваемое время имеет анализ политики Народной партии в ходе революции и первых постановлений Временного народно-революционного правительства. Этот анализ показывает, какие силы боролись в стране и какие формы социально-экономических отношений были ликвидированы в ходе революционной борьбы.

После того как 13 марта 1921 г. было избрано Временное народно-революционное правительство, началось проведение в жизнь платформы народно-революционной партии. Она предусматривала на первых порах организацию правительственного аппарата, а также отмену крепостной зависимости и албы; введение местного самоуправления и уничтожение административно-судебных прав князей и духовных властей; ликвидацию института наследственной княжеской власти⁴⁴³.

Рассмотренные выше данные показывают, что общество монголов в XIX — начале XX в. было не только резко дифференцированным с точки зрения социальной, но и многоукладным. В областях Монголии, где развивалось земледелие, господствовали, очевидно, феодальные отношения. В условиях военно-феодального порядка и введенного Китаем в Монголии законодательства общественные отношения среди кочевых монголов имели даннический, феодальный облик. Князья и тайджи образовывали наследственное сословие, обладавшее исключительным правом занимать основные военно-административные должности, и владели крепостными дворовыми людьми. Феодальным сословием были и хамджилга. Вместе с тем многие признаки, характеризующие князей и тайджи, имели военно-бюрократический и патриархальный облик. Так, обладая наследственной привилегией занимать высшие военно-административные должности, князья и тайджи пользовались различными правами и льготами (главным образом только в связи с занимаемой ими должностью). Свою власть над населением они осуществляли как чиновники китайского государства. При этом должности были как юридически, так и практически сменяемыми. Князья и тайджи не были собственниками средств производства кочевого податного населения. Этот вывод подтверждается изложенными выше наблюдениями очевидцев, а также первыми постановлениями МНР, где прямо указывалось, что существовавший до создания республики бытовой порядок в отношении средств производства соответствовал принципам вновь установленного строя, т. е. феодальная собственность на

⁴⁴² Я. П. Дубров. Экспедиция к берегам р. Селенги. ИВСОРОГО, 1884, т. XV, № 5—6, стр. 7.

⁴⁴³ См. Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия..., т. 2, стр. 768, 769.

средства производства отсутствовала. В связи с этим едва ли можно назвать поборы, взимавшиеся князьями-правителями с населения в свою пользу, феодальной рентой.

Сложным по характеру было личное хозяйство князей и тайджи. Владея большими стадами скота, они вели его как силами членов своих семей и хамджилга, так и используя наемный труд.

Как феодальными, так и нефеодальными, кочевническими чертами характеризовались общественные отношения слоя лично свободных скотоводов, подчиненных хошунным управлениям. В какой-то степени по аналогии их можно сопоставить с государственными крестьянами дореформенной России. Однако в связи с тем, что лично-свободные скотоводы составляли основную массу непосредственных производителей, а поместное крестьянство практически отсутствовало, их роль в общественной структуре монголов была существенно иной, чем русских государственных крестьян.

Несколько более выраженный феодальный характер имели социальные отношения в местностях, подчиненных церковной администрации. Шабинары, освобожденные от воинской повинности и государственных и местных налогов, выплачивали подати духовным властям. Но и здесь церковь не была собственником средств производства основной части населения. Часть шабинаров напоминала по положению хамджилга и пасла монастырские стада. Но большая часть монастырского скота отдавалась на выпас зажиточным скотоводам.

Весьма сложен вопрос о дарханах. Данных о них мало, и можно лишь констатировать, что они пользовались личными и наследственными льготами, касающимися налогового обложения и свободы кочевания.

Вследствие развития товарно-денежных отношений и имущественной дифференциации происходило социальное расслоение в среде непосредственных производителей. Усиливалась прослойка богатых скотоводов. Наряду с этим процессом многие хозяйства лишались скота, и их члены шли работать по найму или переходили к земледелию и другим видам занятий.

В условиях военно-феодального порядка, установленного Китаем, которому оказалась подчиненной большая часть кочевых монголов, их существующие общественные отношения приобрели облик феодальных. Но в рассматриваемой системе общественных отношений отсутствовали характерная для феодализма экономическая база и в известной степени и соответствующие производственные отношения. Такая же система общественной организации могла существовать и при подчинении кочевников рабовладельческим или иным государствам. Во всяком случае, совокупность социально-экономических отношений у кочевых монголов значительно отличалась от систем феодальных отношений, известных у земледельческих народов Европы и государств Востока. Общественные отношения складывались из нескольких укладов,

и прежде всего даннического, феодального, патриархального и зарождавшегося капиталистического.

Все сказанное в этой главе касается только монголов, которые вели кочевой образ жизни. Комплексная же и целостная характеристика общественных отношений в Монголии не является задачей данной работы и требует специального исследования.

Области, занимаемые ныне казахами, с глубокой древности были населены кочевыми народами. Не вдаваясь в сложную проблему этногенеза казахов, следует отметить, что как народность они сложились в послемонгольское время, в XV—XVI вв. Обширная область их формирования весьма разнообразна по природно-климатическим условиям, что отразилось в специфике хозяйственного развития северных, центральных и южных групп казахов. Так, на юге ареала их расселения раньше, чем в прочих областях Казахстана, получило распространение земледелие. Наиболее кочевыми были центральные и некоторые западные группы казахов. Своеобразно было скотоводческое хозяйство Северного Казахстана.

Как предки казахов, так и они сами в ходе их формирования как этнической общности находились в многосторонних экономических и политических связях с соседями, что также способствовало возникновению в разных местностях определенной специфики в хозяйстве и общественной структуре.

Начиная с XVII и особенно в XVIII в. казахи начали испытывать все большее влияние со стороны России. Устанавливались торговые и политические связи. Еще в XVI в. ставился вопрос о принятии казахов в русское подданство. В XVII в. в Западном Казахстане основываются первые русские города — Гурьев и будущий Уральск. В сложной политической обстановке в XVIII в., когда казахам грозило порабощение джунгарами, среди них началось движение за присоединение к России, имевшее реальную основу во все укрепляющихся экономических и политических связях. В 1726 г. хан Младшего жуза Абулхайр первым обратился к царскому правительству с просьбой о принятии русского подданства. В 1731 г. эта просьба была удовлетворена. В 1740 г. русское подданство принял Средний жуз. В 1801 г. из числа казахов —

подданных России — образовался Букеевский жуз, а в 1846 г. принял русское подданство и Старший жуз.

Таким образом, процесс присоединения казахов к России длился более столетия. При этом на первых порах принятие той или иной группой казахов русского подданства еще не влекло за собой непосредственного вмешательства царской администрации в их хозяйственную и социальную жизнь, что находило, в частности, отражение в том, что казахскими делами ведало министерство иностранных дел. Но по мере укрепления связей казахов с Россией царские власти стали уже вмешиваться в их дела, вводить новые административные порядки. Затем начались колониционная деятельность и изъятие у местного населения земель для переселенцев из России.

Развитие хозяйства, общественной организации и социальных отношений в эпоху, по которым имеются свидетельства источников, прошло ряд этапов. Первый из них — это время до начала присоединения казахов к России, включающий и начальный этап присоединения, когда хозяйственные и общественные отношения казахов еще не испытывали прямого воздействия со стороны царской администрации. Второй этап связан со все возрастающим непосредственным воздействием царской администрации на внутренние дела казахов и охватывает большую часть XIX в. На его пороге, в 1799 г., в Младшем жузе был создан ханский совет, что внесло первые изменения в структуру административного управления казахов. В 1822 г. был введен «Устав о сибирских киргизах» и упразднена ханская власть в Среднем жузе. В 1824 г. ханская власть была упразднена в Младшем жузе, а в 1845 г. — и в Букеевском.

В конце XIX в. в Казахстане получают широкое распространение новые социально-экономические явления, связанные с развитием капиталистических отношений, сокращением кочевничества и вовлечением значительной части казахов в сферу экономического и социального влияния царской России. Эту эпоху вплоть до Октябрьской социалистической революции можно отнести к третьему этапу.

Следует также отметить, что степень освещенности этих этапов историческими источниками очень неравномерна. До XVIII в. данные о хозяйственной и общественной структуре казахов почти отсутствуют. Авторы и архивные источники XVIII в. дают представление о социальной структуре общества казахов, мало затрагивая вопросы их хозяйственной жизни. И только по мере укрепления русско-казахских отношений в XIX в. появляются многочисленные и разнообразные свидетельства, довольно полно характеризующие хозяйственные и социальные отношения у этого народа. Но и в свидетельствах XIX и даже начала XX в. много пробелов, в связи с чем у одних групп населения развитие рассматриваемых явлений может быть прослежено относительно детально, у других — только фрагментарно.

Занятия. В письменных источниках можно найти немного сведений о хозяйстве и формах общественной организации казахов в XVIII в. Путешественники, посещавшие казахов, описывают их как народ преимущественно скотоводческий, кочевой, который с земледелием знаком лишь в немногих областях¹. Скотоводство казахов основывалось, по наблюдениям И. Г. Георги, на разведении лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота, овец и коз. При этом крупный рогатый скот появился у казахов довольно поздно: стада были отняты у калмыков, когда последние переселялись из Поволжья в Китай². Позднее появление у казахов крупного рогатого скота подтверждается и многими позднейшими авторами. Так, например, Л. Мейер, основываясь на данных расспроса, отмечает, что казахи на Сырдарье заимствовали крупный рогатый скот у каракалпаков, а в степях Центрального Казахстана — у калмыков³. Основными направлениями казахского скотоводческого хозяйства были мясное и молочное, однако И. Г. Георги нашел, кроме того, и каракулеводство. Он отмечает, что разведение каракулевых овец «ведется только при малых стадах, или у богатых людей»⁴.

Кочевание. Первые свидетельства о способах кочевания казахов появляются только в конце XVIII в. Так, в одном русском официальном докладе того времени отмечается, что казахи не имели постоянных для каждой кочевой группы пастбищ и «места занимают ими ... ни по наследству, ни по общему согласию, но самопроизвольно». Далее указывается, что «перекочевав на оных зиму, возвращаются в степь, не дав знать, будут ли паки на зиму на те же места, от сего, кто прежде прибудет, тот и занимает лутчее кочевье, другие ж, опоздав, не находят уже своих выгод и, злобствуя на первых, выжигают траву...»⁵. Несколько более поздний источник писал о кочевании казахов следующее: «Киргизцы во время общей перекочевки имеют таковой порядок, что все роды

¹ См. Бланкеннагель. Путевые заметки о Хиве в 1793—1794 гг. ВРГО, 1858, ч. 22, стр. 92.

² См. И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 126, 127.

³ См. Л. Мейер. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства, т. 10. СПб., 1865, стр. 139.

⁴ И. Г. Георги. Описание..., стр. 128.

⁵ Представление ген.-майора Я. Боувсра императрице Екатерине II о положении дел в Средней Азии, 1795 г. см. Сб. 2, стр. 145. В этой главе некоторые сборники документов и публикации даны под номерами: «Казахско-русские отношения в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1961 (Сб. 1); «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.». Алма-Ата, 1964 (Сб. 2); «Казахстан в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969 (Сб. 3); «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл.», т. V. Ташкент, 1896 (Сб. 4); «Материалы Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. АН СССР. Комиссия экспедиционных исследований, в. 3. Л., 1927 (Сб. 5); «Казаки». «Антропологические очерки», в. 11. Л., 1927 (Сб. 6); «Казаки», в. 15. Л., 1930 (Сб. 7).

переходят как бы в одной параллели с тем, дабы не потерять выгодные места для пастбищ, могущие легко быть заняты неурочными киргизцами...». «В зимние месяцы они уже не перекочевывают; но, зарывая кибитки свои в снег, остаются надолго в непременных местах, для чего и урочище они избирают более к югу в густом камыше и около границ российских в привольных лесах»⁶. В отношении весеннего кочевания в том же документе говорится, что «в сие время начинают они опять скочевывать в середину степи и к привольным паствам», а осенью «начинают они опять удаляться к югу или искать удобного места, дабы укрыться от преследующей стужи. Кочевья их, рассеянные летом по разным местам, начинают соединяться...»⁷. Как видно из этих свидетельств, кочевание казахов в XVIII в., как и позднее, было меридиональным, и эта традиция оказалась в их хозяйстве весьма устойчивой. Интересные наблюдения о кочевании одной из наиболее изолированных групп казахов, адаевцев, были сделаны переводчиком Турпаевым, посланным в 1834 г. из Ново-Алексеевского укрепления до Хивы и посетившим Мангышлакские степи. Расселенные там казахи-адаевцы кочевали аулами в меридиональном направлении от колодца к колодцу. В зависимости от наличия воды и состояния пастбищ аулы могли быть больше или меньше. Так, около двух пресных колодцев Чангол и Басар находились 2 аула, каждый по 10 кибиток. В урочище Бешчингра было 5 колодцев, в их окрестностях располагалось 20 кибиток скотоводов, имевших 28 тыс. голов рогатого скота. Например, в местности Джангил-кудук был один колодец с плохой водой, но около него стояли 4 кибитки. Наконец, у большого колодца Артагали пасли скот 20 хозяйств, имевших 2 тыс. голов скота. Хозяева поили свой скот по очереди, с утра до полуночи. Население степей, через которые ехал Турпаев, было довольно редким, об этом говорило то, что на его пути встречалось много колодцев, около которых не было скотоводов⁸.

Земледелие. В XVIII в. большая часть казахов земледелием не занималась. Источник того времени свидетельствует: «И все оные орды кочевныя, хлеба не пашут, а довольствуются скотом»⁹. Наблюдатели казахов нач. XIX в. сообщают, что в их время земледелие имело известное распространение только на южных границах степей, по Сырдарье и ее притокам, причем оно велось по образу бухарского. Казахи брались за плуг лишь в том случае, когда хозяйство лишалось скота. Полученный урожай немедленно

⁶ Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановым, 1803 г. Сб. 2, стр. 158.

⁷ Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановым, 1803 г. Сб. 2, стр. 158.

⁸ Дневник переводчика-армянина Турпаева, посланного в 1834 г. из Ново-Алексеевского укрепления в Хиву. ЗРГОпОЭ, т. 1. СПб., 1867, стр. 114—116.

⁹ Из журнала М. Тевкелева, 1731—1733 гг. Сб. 1, стр. 62.

выменивался на скот, а земледелие забрасывалось¹⁰. К началу XIX в. земледелие получило распространение в районах, близких к местам расселения русских.

Уже во второй половине XVIII в. казахское хозяйство начало испытывать значительное влияние русской экономики, причем в первую очередь это сказывалось на расширении товарно-денежных отношений, на развитии обмена казахами своего скота на различные товары, крупу, хлеб¹¹. Весьма характерны следующие данные: если в 1745 г. казахи выменяли в Оренбурге 562 лошади и 3963 барана, то в 1785 г. от них было получено 2470 лошадей и 221 485 баранов. В 1763—1766 гг. казахи получили в обмен на скот 48 348 пуд. хлеба¹², причем торговля велась преимущественно в населенных пунктах, расположенных по русским оборонительным линиям. Обмену способствовала отмена торговой пошлины.

Общественная организация. Самыми крупными единицами общественной организации казахов в рассматриваемое время были орды-жузы. Жузы распадались на племена, колена, роды, которые составляли аулы или группы аулов — аймаки¹³. В других источниках подразделения жузов называются отделениями и родами¹⁴. Как сообщает М. Тевкелев, в XVIII в. у казахов было три жуза: Малый, Средний и Старший, или Большой. Первый распался на крупные племена алчин и жедгиру. В составе алчин было два отдела: Каракисяк и Байулы, объединявшие 18 племенных подразделений («роды»). В жедгиру входило 7 «родов».

Малый жуз кочевал в Бареуках, по верховьям рек Орь и Илек, по Яику, до Гурьева и Каспийского моря.

Во второй жуз входили 4 племена: арчин (16 родов), найман (11), кипчак (9), увак и гирей (7 родов). Кочевал Средний жуз по рекам Тобол, Ишим, в верховьях Иртыша и на урочище Куктав.

Третий, Старший жуз включал 10 племен или «родов». В состав их названий входил этнический термин «буйсюн» (например: *ботбоиоуйсюн*, *чермоуйсюн* и т. д.). В составе Старшего жуза кочевало также племя конград (по происхождению из Среднего жуза).

Кочевья Старшего жуза располагались на востоке и юго-востоке областей расселения казахов¹⁵. Каждый жуз имел относительно постоянную область кочевания. Но их границы были до-

¹⁰ «Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь». ВЕ, ч. 89. М., 1816, стр. 112, 115.

¹¹ Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 576; Представление ген.-майора А. Тевкелева, 1759 г. Сб. 1, стр. 602.

¹² История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 247.

¹³ См. И. Г. Георги. Описание..., стр. 124.

¹⁴ «Извлечение из описания экспедиции...». ВЕ, ч. 89, 1816.

¹⁵ См. А. Тевкелев. Донесение в Коллегию иностранных дел, 1748 г. Сб. 1, стр. 406—408.

вольно неопределенны, и кочевые группы, принадлежавшие к одному жузу, могли кочевать и на землях других жузов, как это видно на примере конградов.

Общих для всех жузов органов власти не существовало. Каждый жуз был политическим образованием, возглавлявшимся выборным ханом. Но жузы не представляли собой организационного единства и были аморфны в структурном отношении.

Племена, как и жузы, не были централизованными образованиями.

Наиболее сплоченными организационно были племенные подразделения, кочевые группы (называемые в литературе родом), возглавлявшиеся баями и асакалами. Их единство основывалось на общих хозяйственных, военных, политических и прочих интересах, совместном использовании пастбищ. Идеологически оно осознавалось как общность происхождения от единых предков. Генеалогические связи признавались и между высшими структурными единицами общественной организации казахов, но там они были слабее, «родство» считалось более далеким.

Как отмечал хороший знаток казахского быта П. П. Румянцев, «вся экономическая и социальная жизнь сосредоточивалась в роде: сородичи вместе кочевали и пасли свой скот, вместе устраивали баранты, вместе отбивали нападения врагов, вместе отправляли празднества и обряды... Вне рода киргиз был беспомощен, он терял свою независимость и в лучшем случае делался слугой хана... теленгутом», и далее: «...Родовая община помимо общего происхождения, определялась общим кочеванием, общей защитой от нападений и грабежа враждебных родов, и общими барантами»¹⁶.

Собственность на средства производства. Одно из главных средств производства — скот, как и домашнее имущество, составляли, по свидетельству всех наблюдавших казахов, частную семейную собственность¹⁷.

Пастбища, как и в позднейшие времена, не являлись частной собственностью и ими пользовались в границах расселения жуза входившие в него группы скотоводов. При этом пути кочевания и места сезонных пастбищ определялись обычаям, правом первого захвата, личной договоренностью, правом сильного. Это подтверждается многими сообщениями источников того времени. Так, в русских официальных документах, отражавших наблюдения царских чиновников и сообщения казахов, прямо говорилось, что «места занимаются ими... ни по наследству, ни по общему согласию, но самопроизвольно»¹⁸.

¹⁶ П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 16, 52.

¹⁷ «Извлечение из описания экспедиции...». ВЕ, ч. 89, 1816, стр. 302; Н. П. Рычков. Дневные записки путешественника капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772, стр. 32 и др.

¹⁸ Представление ген.-майора Я. Боувера... Сб. 2, стр. 145.

По наблюдениям И. Г. Георги, для соблюдения порядка при перекочевках аймаки нередко предварительно договаривались между собой о пастбищах¹⁹. П. П. Румянцев, основывавшийся на данных неопубликованных документов, писал, что «при полном господстве кочевого быта, признаки землепользования, собственно говоря, отсутствуют. Киргизы и лето и зиму перегоняли скот с места на место, переноса с собою и свои жилища-юрты. В это время земли были так много, что прав собственности на нее не существовало, и если между определенными родами происходили споры за право кочевания на известной территории, то дело шло не о земле, а исключительно о водных источниках, которыми степь не богата и которые поэтому ценятся весьма высоко... Первым признаком права на определенное землепользование явился «коун», т. е. скотский помет на стойбище. Коун давал право данной родовой группе становиться на том же месте и на будущий год. Но никаких определенных границ землепользования вокруг коуна все же не существовало»²⁰.

Общественная структура. Наблюдения русских путешественников и чиновников, сведения, полученные ими путем опроса местного населения, дают важный материал о социальной структуре казахов до времени, когда она претерпела значительные изменения вследствие вхождения этого народа в состав царской России.

В XVIII и начале XIX в. общество казахов состояло из привилегированной прослойки, рядовых кочевников-скотоводов — основной массы непосредственных производителей — и небольшого числа зависимого населения, главным образом рабов, захваченных в набегах на соседние области. В состав привилегированной прослойки входили наследственное сословие «белая кость» (*ак-суйек*, или *торе*) и племенные старшины, военные предводители, относившиеся, как и все рядовые кочевники, к «черной кости» (*карасуйек*)²¹.

Представители «белой кости» считались потомками Чингизхана и носили титул султанов. Из их числа избирались ханы жузов и предводители крупных племен и их подразделений. Так, источник XVIII в. указывает: «В Киргиз-кайсацкой орде в ханы выбираютца из салтанов, которые из детей ханских, киргиз-кайсацкой старшиною вольными голосами, а из старшин в ханы не выбирают»²². Крупный русский сановник И. Неплюев, хорошо знакомый с жизнью казахов, весьма образно описывал способы достижения ханской власти: «... через одни интриги и военное их искусство одни над другими преуспевают, почему и титул ханский достают, как то и Абулхайр-хан, сперва чрез несколько лет знатным наездником и вожею был, ханство себе получил... Кого из

¹⁹ См. И. Г. Георги. Описание..., стр. 131.

²⁰ П. П. Румянцев. Киргизский народ..., стр. 52.

²¹ См. М. Бижанов. Социальные категории казахского общества XVIII в. в трудах русских ученых. Сб. 3, стр. 160 и сл.

²² Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 99.

таких салтанов старшины и народ выберут, тот бывает и хан, а власть и почтение ево зависит не от ханства, но паче от ево ума в народных делах и проворства в поступках»²³.

Как свидетельствуют источники, до середины XVIII в. в выборах ханов принимали участие широкие слои населения. Но с течением времени наметилась тенденция к ограничению круга избирателей. Так, относительно выборов ханом Нурали в 1748 г. наблюдавший их переводчик Гуляев сообщает, что производились они «не так, как прежде у них оно бывало публично, но токмо выбранными изо всех родов десятого человеками знатными биями, да и то в ханской кибитке»²⁴. По традиции ханская власть не наследовалась. Согласно источнику избрание Нурали, сына хана Абулхаира ханом произошло по рекомендации царских властей²⁵.

Множество данных содержат источники о функциях ханов и их роли в общественных делах. В связи с тем, что этот вопрос тесно связан с дискуссионной проблемой общественного строя казахов, ему следует уделить особое внимание, для чего необходимо привести значительное число свидетельств современников.

Даже формально ханы не были единоличными правителями своих жузов. Обычно в каждом из них одними кочевыми группами управлял хан, другими — султаны или старшины. Так, в Среднем жузе с 1739 г. был хан Абулмалебет, управлявший частью аргинцев и тарактинцами. Другую часть аргинцев возглавлял Аблай-султан. С 1742 по 1748 г. по приглашению керейцев их возглавлял султан Ерали. У найманов было 2 предводителя: Кучек-хан Турсунов и Батан-султан²⁶. При этом власть ханов была, по свидетельствам хорошо осведомленных наблюдателей того времени, довольно слабой. Это отмечалось даже в отношении такого известного и влиятельного хана, как Тевке. В одном из документов о нем говорится: «...Тевке-хан был... у киргисцев в великом почтении; однако, хотя почитали, а никакого от него, по их обычаю, страха не имели, и ево никакой власти не было...»²⁷. Еще в большей мере это было характерно для более поздних ханов. По словам самих казахов, «из древних-де лет имеетца обычай, что ханы без совету старшин ничего не повинны чинить...»²⁸. Весьма показательна в этом смысле характеристика М. Тевкелевым Абулхаир-хана: «Токмо над всеми первенство имеет вышеозначенный Абулхаир-хан, который без согласия прочих ханов и салтанов и кизгиз-кайсацкой орды ничего делать

²³ Донесение И. Неплюева об убийстве хана Абулхаира султаном Бараком, 1748 г. Сб. 1, стр. 393.

²⁴ «История Казахской ССР», т. 1, стр. 260.

²⁵ Донесение А. Тевкелева в Коллегию иностранных дел, 1748 г. Сб. 1, стр. 408.

²⁶ См. М. Бижанов. Социальные категории... Сб. 3, стр. 161.

²⁷ Описание родо-племенного состава казахов Младшего жуза. Сост. М. Тевкелев. Сб. 1, стр. 406.

²⁸ Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 53.

не может». И далее: «...Киргиз-кайсаки, хотя и подданными ему именуются, но не токмо ему, [но] и прежде бывшим ханам никогда послушны не бывали»²⁹. Таким же образом оценивают источники власть и прочих хановъ: «Киргиз-кайсацкая орда, никому не подвластная, многонародная и военная... В тех ордах не столько ханы власть имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливатца не допускают и грамотных в ханов не выбирают...»³⁰. Во время переговоров И. Неплюева с Нурали-ханом последний обещал принять меры к выполнению требований русских властей. Неплюев пишет по этому поводу: «Однако все такая обещания их были не в такой силе, чтоб то силою над киргизцами производить... известно, что киргиз-кайсацкий народ степной и своевольный и к невольному-де исполнению их принуждать никаких способов у них нет, и тако-де силою между ими чинить ничего не могут...»³¹.

По словам И. Неплюева, было общеизвестно, «какая слабая власть киргиз-кайсацких ханов в народе их. Они перед другими салтанами, кроме предпочтения во власти своей, почти никаких преимуществ не имеют и по состоянию народному усилиться и абсолютными зделаться им не только трудно, но и невозможно...»³². Даже в судебных делах, где ханы выступали по обычаям в качестве арбитров, они не были в состоянии настоять на выполнении их решения: «...а неволю никто никого ни же хан в суд привести не может, и в таком случае, ежели кто кого обидел, а добровольно разделаться не хочет, тогда за обидимаго ево род весь вступится и станут брать баранту»³³. Прекрасные знатоки казахской жизни А. Тевкелев и Н. Рычков писали о ханской власти: «Рассуждая о ханах киргиз-кайсацких, нужно мнится и о народном их правлении сие донести, что оно во всех трех ордах только конфузно, что по нынешнему ево состоянию ни с какою формою правления сравнить невозможно: весь народ ни о каких политических законах не знает и общих интересов не понимает, за общее добро все почитают они одну только вольность и безопасность. Отчего они... не только старшинам, но и владельцам своим прямо не подчиняются, разве тогда, когда их влечет к тому лакомство их или какой-нибудь другой собственный интерес, кто каков сам, тот таких старшин и батырей, то есть наездников, и держится... Таким образом, в народных делах, хотя они обыкновенно на ханов и салтанов и на старшин иногда и слагаются, но, не имея от них страху и не признавая над собой властей их по установлению их, в том только

²⁹ Из журнала М. Тевкелева..., стр. 99.

³⁰ Из представления начальника Оренбургской экспедиции И. Кириллова на имя императрицы Анны, 1734 г. Сб. 1, стр. 107.

³¹ Из переговоров И. Неплюева с ханом Нурали, 1749 г. Сб. 1, стр. 451.

³² Донесение И. Неплюева об убийстве хана Абулхаира султаном Бараканом, 1748 г. Сб. 1, стр. 393.

³³ Описание родо-племенного состава казахов Младшего жуза, 1748 г. Сб. 1, стр. 406.

исполняют, что с их видами сходно, а принуждать их и самим ханам невозможно потому, что не только штрафовать, но и под караул посадить никого не могут, да и не кем (разрядка всюду моя. — Г. М.), вся сила ханов состоит в рассудке их...»³⁴. Бессилые ханов в народе объяснялось в значительной мере тем, что они не располагали ни аппаратом власти, ни вооруженными силами, отделенными от народа. Они могли опираться только на своих родственников и сторонников. Это положение подтверждает и источник: «... чем больше кто из них имеет своего роду, тем больше его могущество, потому что он в случае нужды может употребить силу семьи своей вместо правосудия и обороны»³⁵.

Особенно ярко иллюстрируют положение ханской власти у казахов события, связанные с принятием Младшим жузом русского подданства. Как известно, хан Абулхаир обратился с просьбой к царскому правительству о принятии русского подданства от собственного лица и от имени некоторых старшин. Многие старшины были против этой просьбы и до тех пор, пока Абулхаиру и прикомандированному к нему царскому чиновнику М. Тевкелеву не удалось их убедить, вопрос о принятии подданства не мог быть решен положительно. «...Хан ему, Тевкелеву, начал говорить, что он, хан, просил себе протекции всероссийской без согласия других ханов и салтанов, и киргисских старшин, один, и то, что без согласия оных просил, имеет суждение, но как бы то его намерение в совершенное желание привести»³⁶.

Содержание переговоров Абулхаира с Тевкелевым свидетельствует о том, что хан не имел власти заставить старшин поддержать его просьбу перед царским правительством и считал, что цель может быть достигнута только путем их подкупа. Так, по его словам, «и сперва же надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умягчились. А ежели-де знатные старшина на то склоняются, и киргис-кайсацкие народы от старшин остатить не могут». «И многократно тем он, Абулхаир-хан, ему, Тевкелеву, подтверждал, чтоб всеконечно он, Тевкелев, их, старшин, дарил, понежа киргис-кайсацкая орда — люди дикия, вдруг их в путь наставить невозможно...»³⁷. Этот совет Абулхаир повторял неоднократно: «И он, хан... ему, Тевкелеву, сказал, ежели-де знатные старшина подарками удовольствованы будут, то-де никакой опасности не будет, и в подданство всероссийское привести их будет не трудно»³⁸. Следуя этим советам, Тевкелев привез подарки, после чего «будучая в ханской кибитке старшина начала между собою делить с великим криком и дракою, и били

³⁴ Представление ген.-майора А. Тевкелева и коллежского советника Н. Рычкова Коллегии иностранных дел, 1759 г. Сб. 1, стр. 583.

³⁵ Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 23.

³⁶ Из журнала М. Тевкелева..., Сб. 1, стр. 49.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 50.

плетьями и саблями до крови»³⁹. Даже тогда, когда жизни Тевкелева угрожала опасность от нападений враждебных групп казахов, хан не смог обеспечить ему действенной защиты, и по совету Абулхаира Тевкелев сблизился со старшиной Букенбайбатыром, который не раз выручал его потом со своим отрядом⁴⁰. Слабость ханской власти отмечалась и известным путешественником И. Г. Георги. По его наблюдениям, «и самому хану оказывается честь и повиновение больше по старшинам, которые бьют отчастья его братья»⁴¹. А в полном смысле слова подчиненными ханам были только группы скотоводов, постоянно кочевавшие вместе с ними⁴². Этого не отрицали сами ханы, тем более таково было мнение самих кочевников. Показательны слова сыновей предводителя небольшой племенной группы байгара, обращенные к ограбленным им путешественникам Гладышеву и Муравину, когда те пытались объяснить казахам, что все они русские подданные: «...в подданстве-де обретается один Абулхаирхан, чего ради и сына своего в Россию отдал, а за то подарки получает. А мы-де не в подданстве»⁴³. Сами путешественники писали о хане: «...Абулхаирхан... а по малосилию своему и тамошних степных людей непослушанию, всех боится, ибо никаких представлений его не слушают, а делают, что захотят сами»⁴⁴. Аналогичные наблюдения принадлежат Н. Рычкову: «Если есть нужда склонить к чему-нибудь киргизов, то надлежит к тому согласить не столь самого хана, сколько начальников многолюдных семей»⁴⁵. Бланкеннагель говорит: «...сила у них все решает; наисильнейший не только бывает прав, но в большее еще тем приходит уважение... сам хан их ничего не значит и подданные поступают с ним, как кто к нему расположен»⁴⁶. Характерно, что знаток казахов В. Григорьев, издавший и комментировавший труд Бланкеннагеля, живо откликается на его слова и замечает, что «так действительно было во время Бланкеннагеля, да те же понятия царят и теперь (в середине XIX в. — Г. М.) в их родах, отдаленных от Оренбургской линии... В особенности верно замечание о бессилии ханов»⁴⁷. Ханы, как, впрочем, и другие предводители, не были неограниченными повелителями над жизнью и имуществом своих подданных. Н. Рычков наблюдал, как хан, нанесящий увечье простому человеку, был присужден по обычному праву к уплате выкупа — куна⁴⁸. И по образу жизни ханы не многим

³⁹ Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 51.

⁴⁰ Там же, стр. 51, 54.

⁴¹ И. Г. Георги. Описание..., стр. 124.

⁴² См. там же, стр. 131.

⁴³ Д. Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1840—1841 гг. СПб., 1851, стр. 8.

⁴⁴ Там же, стр. 17.

⁴⁵ Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 23.

⁴⁶ Бланкеннагель. Путевые заметки..., стр. 92, 93.

⁴⁷ Там же, см. прим. к стр. 110.

⁴⁸ См. Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 25.

отличались от обычных богатых кочевников. Если их значение возрастало во время крупных военных предприятий или при внешнеполитических сношениях, то «в остальное время он (хан. — Г. М.) жил, окруженный рабами и теленгутами, и пас свои стада, как и любой другой богатый и почтенный киргиз»⁴⁹. Таким образом, одной из основных функций ханской власти были внешнеполитические сношения, но и здесь, как это видно на примере Абулхаира-хана, ханы зависели в своих решениях от влиятельных старшин.

Судя по всем имеющимся данным, казахские ханы не взимали с кочевого населения налоги. Как сообщил Тевкелеву Букенбай-батыр, «а от кочевых киргис-кайсаков ханом збору никакова не збираетца, и не положено, и только тем довольствуется, разве мало хто что с воли даст, и в неволе взяты ни с кого ничего не могут»⁵⁰. Это же подтверждается и в других документах того времени: «...оной киргис-кайсацкий народ... никогда и никому податей не плачивал»⁵¹.

Описанное состояние власти правителей казахов было, очевидно, одной из существенных причин, толкавших их на сближение с царской Россией, на чей авторитет они рассчитывали опираться. Это предположение находит подтверждение в словах самих ханов. Так, Абулхаир заявлял: «...он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными ни жадной не имеет... И ныне... он, хан, не имеет себе оборонителя и избрал, яко лутшее есть, иметь подданство великого монарха... и лутче... убиен будет, нежели страмно живот терпеть»⁵². По мнению Тевкелева, желание Абулхаир-хана вступить в подданство России было вызвано надеждой получить таким путем власть над народом⁵³.

Стремление ханов опереться на военную силу России отмечал и И. Неплюев, который писал: «Хан говорил, что он владелец самого легкомысленного народа и, не имея довольной своей силы к содержанию оногo, всегда принужден к стыду один он оставаться, того ради просил, чтобы ему, хану, для твердого содержания дать военных людей...»⁵⁴. Другой мерой, который, по мнению ханов, можно было укрепить их власть, было содержание заложников из числа старшин: «А он, хан... еще в прошлом году представлял, что народ его не слушает, и для того просил, чтобы ему дать войско и от каждого бы роду по два человека старшин в аманаты в Орску захватить...»⁵⁵. По словам Абулхаира, «а ежели-де

⁴⁹ П. П. Румянцев. Киргизский народ..., стр. 19.

⁵⁰ Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 62.

⁵¹ Описание родо-племенного состава казахов Младшего жуза, 1748 г. Сб. 1, стр. 576.

⁵² Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 53.

⁵³ Там же, стр. 99.

⁵⁴ Из переговоров И. Неплюева с Абулхаиром, 1742 г. Сб. 1, стр. 236.

⁵⁵ Из донесения начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева, 1743 г. Сб. 1, стр. 306.

стариков противных всех уходить, а вместо их определять повелено будет указом (царским. — Г. М.) из молодых, то будет оным определенным молодым старшинам великий страх, а доброжелательным покой»⁵⁶. О том же просил у русского правительства и хан Нурали⁵⁷. В известной мере эти просьбы удовлетворялись. Для поддержания авторитета ханов им выплачивалось жалованье от правительства. Наконец, с принятием казахами русского подданства ханы стали утверждаться, причем их подданным предписывалось оказывать им повиновение. Такое распоряжение содержалось, например, в жалованной грамоте императрицы Елизаветы султану Нурали, где было сказано, что ему вручается власть над народом⁵⁸. Но все эти меры не приводили к желаемым последствиям, и укрепить власть ханов не удавалось. Об этом свидетельствуют сообщения источников конца XVIII в., описывавших «неудобства, Среднюю киргиз-кайсацкую орду угнетающие: 1-е к начальству нет повиновения... Во многих случаях начальники их прибегают к российскому начальству, которые тоже, не имея достаточных способов, нередко оставляют их без просимого удовлетворения...»⁵⁹.

Не спасло положение и введение в Младшем жузе в 1799 г. Ханского совета, наделенного значительными полномочиями. И в начале XIX в. источники продолжали сообщать о недостаточном авторитете ханской власти в народе. Так, в одном из документов этого времени говорится: «Сохраняя обыкновение предков, имеют они в Средней и Малой орде своих ханов, также в каждой волости султанов и старшин, но все оные с званием своим не поддерживают власти над киргиз-кайсахами. Они по роду их происхождения хотя и делают им некоторое личное уважение, но далеки совсем от беспредельного повиновения. Часто те, которые избыточнее в имени и могущественней в семействе, своими... поступками руководствуют умами многих, не ощущая над собой власти султанов»⁶⁰.

В конце концов царское правительство приняло решение упразднить ханские должности. В 1822 г. это было осуществлено в Среднем жузе, в 1824 г. — в Младшем жузе, в 1845 г. — в Букеевской орде. В Старшей орде ханская власть была уничтожена еще раньше правителями Ташкента⁶¹.

Сословие султанов не было однородным по социальному положению. Некоторая часть их представляла собой предводителей племен и их подразделений. Источник свидетельствует: «Не только колена, но и роды или аймаки избирают себе старейшин из

⁵⁶ Сб. 1, стр. 81.

⁵⁷ Прошение хана Нурали, 1749 г. Сб. 1, стр. 498.

⁵⁸ Сб. 1, стр. 444.

⁵⁹ Представление ген.-майора Я. Боувера императрице Екатерине II... Сб. 2, стр. 145.

⁶⁰ Из журнала чиновников Кольванских заводов Поспелова и Бурнашева, 1802 г. Сб. 2, стр. 149.

⁶¹ Представление ген.-майора Я. Боувера... Сб. 2, стр. 145.

знатнейших и самых богатых дворян»⁶². Более подробную характеристику султанов дает один из русских документов начала XIX в.: «Султаны, происходя от ханских детей и быв прежде народными руководителями, в сие время также вверглись в пренебрежение, ибо звание таковое, будучи наследственно всему мужскому полу, в течение перемен сих сделало их в киргизцах большое количество; а через то и поныне пользуются они одними только именами их»⁶³. Это сообщение несколько неточно. Как и во многих более поздних свидетельствах высказывается мысль, что в прошлом ханы и султаны были более влиятельными и престиж их упал вследствие присоединения казахов к России. Как это видно из рассмотренных выше данных, ни ханы, ни султаны не имели реальной власти над народом и в начале XVIII в.

Значительная часть лиц, относящихся к султанскому сословию, не занимала должностей предводителей. И хотя они номинально и причислялись к «белой кости», но сословными привилегиями они не пользовались. Это подтверждается хотя бы таким сообщением: «...и в Средней и Меньшей ордах, кроме владетельных ханов и салтанов, безместных есть довольно,... салтанов киризцы не токмо претков, но и самих мало знают»⁶⁴. О том, что султаны, как и ханы, не обладали ни средствами, ни возможностями навязывать свою волю старейшинам и народу, уже отмечалось выше. Можно привести еще следующее свидетельство И. Георги: «Да и такие определения, которые сделаны с общего согласия аймакских начальников, исполняются народом токмо по толку, по колику они ему угодны; и могут нарушаться всяким частным человеком»⁶⁵. Как и ханы, султаны не взымали с населения регулярных поборов: «Начальникам их нет ни малейшего жалованья; да и повиновение малым чем больше оказывается против того, какое бы и без начальства изъявлено им было по богатству их»⁶⁶. Последняя фраза рассматриваемого сообщения весьма существенна, так как показывает, что у казахов действительная власть над народом связывалась не столько с сословным происхождением, сколько с богатством. Наиболее, пожалуй, краткая и исчерпывающая характеристика власти ханов и султанов у казахов принадлежит Н. Рычкову, который называл их «мнимые начальники»⁶⁷.

К привилегированной прослойке казахского общества относились также «тарханы». Этот древний по происхождению институт имел известное распространение среди казахов, и значение его определялось русскими источниками как «тархан» — «значит

⁶² И. Г. Георги. Описание..., стр. 124.

⁶³ Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановым, 1803 г. Сб. 2, стр. 157.

⁶⁴ Сообщение А. Тевкелева в Коллегию иностранных дел, 1748 г. Сб. 1, стр. 405.

⁶⁵ И. Г. Георги. Описание..., стр. 124.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 20.

ничто иное, как служилого и от податей свободного человека...»⁶⁸. Тарханы относились к числу «черной кости» и зачастую возглавляли племенные подразделения, иногда довольно крупные, до 1000 кибиток⁶⁹. Некоторые влиятельные тарханы не уступали по общественному положению даже ханам⁷⁰. Право тарханства, как правило, не наследовалось⁷¹.

Важное место среди привилегированной части общества казахов занимали предводители племенных подразделений — «бии». Они принадлежали к «черной кости» и не могли быть избраны на высшие административные должности, принадлежавшие по традиции представителям «белой кости». Тем не менее по влиянию они не уступали ханам и султанам.

Бии ведали административными и хозяйственными вопросами, судебными делами. По свидетельству хорошо осведомленного источника, «если есть нужда склонить к чему-нибудь киргизов, то надлежит к тому согласить не столько самого хана, сколько начальников многолюдных семей»⁷². То же самое говорил хан Абулхаир Тевкелеву⁷³. Бии избирались обычно из числа зажиточных и уважаемых скотоводов. Их влияние на соплеменников основывалось на богатстве, знании и исполнении установлений обычного права, хозяйственной опытности.

Выполняя функции предводителей, бии опирались на общественное мнение и поддержку соплеменников. Поэтому их решения имели преимущественно рекомендательный характер и исполнялись в том случае, если с ними соглашались их подчиненные. Это проявлялось и в их судебной власти. Бии, назначая суд, не могли заставить ответчика явиться на него: «Когда же уличаемый виновник не явился к суду, и бии принудить его к сему были бессильны, то с согласия поверенных полагалось угонять скот тайно, объявляя об оном встречающимся киргисцам»⁷⁴. Исполнение решения суда биев возлагалось на потерпевшую сторону.

Общественные дела решались биями не единолично, а на совете представителей своего племенного подразделения: «Старейшина рода не предпринимает ничего без совета старейшин отделений. На совете присутствуют и говорят все батыры и зажиточные киргизы»⁷⁵.

Помимо биев, руководивших крупными племенными группами, существовали старейшины «аксакалы» мелких племенных под-

⁶⁸ Из донесения начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева о присвоении тарханского звания батыру Джанибеку. Сб. 1, стр. 253.

⁶⁹ См. Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 20.

⁷⁰ Там же, стр. 18.

⁷¹ См. М. Бижазов. Социальные категории... Сб. 3, стр. 163.

⁷² Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 23.

⁷³ Из журнала М. Тевкелева... Сб. 1, стр. 50 и сл.

⁷⁴ Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановым... Сб. 2, стр. 158.

⁷⁵ «Извлечение из описания экспедиции...». ВЕ, ч. 88, 1814, стр. 136.

разделений⁷⁶. Но источники сообщают о них мало, и установить значение их в общественной структуре не представляется возможным.

Заметную роль в общественных делах играли в рассматриваемое время военные предводители-батыры. Батыры не составляли сословия или обособленного общественного слоя⁷⁷. Батыром называли любого храброго и опытного воина, прославившегося в набегах и сражениях. Положение батыра определялось только военной удачей, богатством, числом добровольных сторонников и не связывалось с несением каких-либо административных функций⁷⁸. Многие известные батыры обладали не меньшим влиянием, чем бии: «Часто батыры, имея на своей стороне многих киргизов, противятся старшинам и решают дела по-своему»⁷⁹. Батыры собирали отряды для грабительных нападений на соседей, на караваны или для защиты караванов, отпора врагам⁸⁰. В эти отряды шла молодежь из небогатых семей. Зажиточные скотоводы редко принимали участие в подобных предприятиях, так как «богатый киргизец страшится быть злодеем потому, что страшится единственного наказания — потери имения»⁸¹.

По наблюдениям и свидетельствам современников в течение XVIII в. происходило постепенное усиление влияния военных предводителей, что можно, очевидно, связать с дальнейшим ослаблением власти ханов и султанов. Как следует из источника начала XIX в., «народную же доверенность получают ныне храбрые только наездники, успешные грабители и богатые семьянины, почему родоначальники, солтаны и хан, не имея сил обуздать своевольтва и привести народ к себе в повиновении, с частью семей своих приближались к линии под покровительство России, а роды, разделяясь с новыми биями, удалились в степи, где и живут теперь без всякого согласия»⁸².

Военные предводители, как и бии, не взыскивали со своих соплеменников каких-либо регулярных податей. Их богатство основывалось на собственном хозяйстве, военной добыче, эксплуатации труда бедных родственников и рабов. Помимо племенного ополчения они не располагали силой, опираясь на которую они могли бы осуществлять внеэкономическую эксплуатацию.

Одним из важнейших признаков, определявших место человека или семьи в общественной структуре казахов, в рассматриваемое время было богатство. Богатыми скотоводами-баями были ханы, значительная часть султанов, биев, батыров. Вместе с тем

⁷⁶ См. М. Бижанов. Социальные категории... Сб. 3, стр. 165.

⁷⁷ Ср. там же, стр. 166.

⁷⁸ См. И. Г. Георги. Описание..., стр. 124.

⁷⁹ «Извлечение из описания экспедиции...». ВЕ, ч. 88, 1814, стр. 137.

⁸⁰ См. Бланкенгагель. Путевые заметки..., стр. 92.

⁸¹ «Извлечение из описания экспедиции...». ВЕ, ч. 88, 1814, стр. 302.

⁸² Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановым... Сб. 2, стр. 157.

было много баев, не занимавших почетные посты, но тоже принадлежавших к привилегированной прослойке. Источники отмечали очень сильное имущественное неравенство, и, как следствие, и общественное. Встречались хозяйства, владевшие до 20 тыс. лошадей и таким же числом овец⁸³. В Малом жузе считались средними по достатку хозяйства, имевшие по 30—50 лошадей, 15—25 голов крупного рогатого скота, сотни овец, несколько верблюдов и 20—25 коз. Богатые обладали табунами по 1 тыс. лошадей, по 300 верблюдов, 3—4 тыс. голов крупного рогатого скота, до 2 тыс. овец и более тысячи коз. Встречались баи, имевшие по 5 тыс. лошадей и много другого скота⁸⁴. Товарность хозяйств баев, ведших торговлю с Россией, неуклонно росла⁸⁵.

Скотоводческое хозяйство не требует до определенного уровня его развития привлечения рабочих рук помимо труда членов собственной семьи. Даже довольно зажиточные скотоводы не применяли постороннего труда для ухода за скотом⁸⁶. Но баи, владевшие тысячными стадами, нуждались в рабочей силе. Труд рабов как малозффективный при скотоводческом хозяйстве применялся в незначительной мере (баи эксплуатировали главным образом труд своих соплеменников). Эта эксплуатация основывалась на чисто экономических отношениях. «Поелику не всяк может иметь довольно для табунов своих число невольников, то богатые надеются скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотом своих благодетелей»⁸⁷.

Отдача скота на выпас была одной из наиболее распространенных форм эксплуатации и весьма выгодной баям. Бедняки пользовались при этом продуктами, получаемыми от животных. Но в случае гибели скота взявший его на выпас был обязан возместить потерю, даже если это вело к разорению собственного хозяйства. Так, «богатый человек делает посредством таковых благодетелей табуны свои как будто вечными»⁸⁸. Баи не составляли замкнутого сословия. Потеря скота вследствие стихийных бедствий или грабежа превращала бая в бедняка. И наоборот, разбогатевший в набеге или иным образом скотовод становился баем. Это обстоятельство отмечалось многими источниками. Так, в одном из сообщений, касающихся взаимоотношений привилегированного слоя населения и рядовых скотоводов, говорится: «С народом обходятся они по-братски; и по елику все равно вольные люди, и всяк как скоро разбогатеет, становится так же знатен; то простые люди почитают знатных не за велико... и исполняют такие только их приказания, которые покажутся им

⁸³ См. Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 32.

⁸⁴ См. И. Г. Георги. Описание..., стр. 126.

⁸⁵ «Извлечение из описания экспедиции...». ВЕ, ч. 88, 1814, стр. 302.

⁸⁶ См. Н. П. Рычков. Дневные записки..., стр. 32.

⁸⁷ И. Г. Георги. Описание..., стр. 131.

⁸⁸ Там же.

полезными»⁸⁹. В какой-то степени все это находило отражение и в бытовой жизни: «Знатные и богатые живут точно так же как и простолюдины. Отличаются большим числом юрт для жен, а в походе провозатыми»⁹⁰.

Как эти свидетельства, так и многие другие, отмеченные выше, показывают, что у казахов в рассматриваемое время богатство рассматривалось как понятие, равноценное знатности.

В связи с этим баи оказывали большое влияние как на племенных и военных предводителей, так и на народ. По мере укрепления связей России с Казахстаном это влияние еще больше усиливалось. И когда царским законодательством была введена местная выборная администрация, она оказалась целиком под влиянием баев⁹¹.

Наконец, к привилегированной части казахов принадлежали представители наследственного духовенства: «ходжа» и муллы. Часть последних была священнослужителями, часть занимала светские должности, связанные с образовательным цензом (учителя, писари и т. п.)⁹².

Основная масса непосредственных производителей казахов-скотоводов носила название «бухара»⁹³ (*букара*). Почти все они относились к числу «черной кости», за исключением некоторого числа обедневших и безместных султанов.

Рядовые скотоводы разделялись по имущественному положению на несколько прослоек: зажиточную, середняцкую и бедняцкую. Хозяйства, не имевшие достаточного поголовья скота для ведения самостоятельного хозяйства, бедняки, нанимались в услужение к баям. Если в услужение шли к родственникам, то бедняцкие хозяйства назывались «кансы», если к посторонним лицам, то «кирме». Положение последних было более тяжелым⁹⁴. Широкое распространение имели экономические отношения «саун» между баями и бедняками, заключавшиеся в том, что бедняки брали на выпас скот у богачей; «...богатые наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей...»⁹⁵. Часть бедняков нанималась в пастухи к баям (*талшы*). Оседавшие на землю именовались «жатак».

Среди некоторых современных исследователей существует тенденция определять основную массу кочевого казахского населения как полузависимую. Однако эта точка зрения не находит подтверждения в сообщениях источников. Последние подчеркивают сильные общинно-кочевые демократические традиции, ца-

⁸⁹ И. Г. Георги. Описание..., стр. 135.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Этот вопрос подробно рассматривается в кн.: С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.

⁹² См. М. Бижанов. Социальные категории... Сб. 3, стр. 166—168.

⁹³ См. там же, стр. 168.

⁹⁴ См. М. Бижанов. Социальные категории... Сб. 3, стр. 168.

⁹⁵ И. Г. Георги. Описание..., стр. 129.

рившие среди казахов в данное время. Демократические традиции, существовавшие среди казахов, нашли отражение и в официальных документах. Так, обращение к императрице Елизавете, содержавшее просьбу утвердить вновь избранного хана Нурали, было составлено не только от имени правящей верхушки, но и от лица рядовых кочевников. В документе говорится: «Доносим мы, нижеподписавшиеся, киргиз-кайсацких Средней и Меньшей орды бии, батыри и вся знатные и подлые люди...»⁹⁶. Если бы народ не признавался участником в решении общественных дел, то обращение от его лица не имело бы места.

Помимо перечисленных выше социальных слоев казахского общества в нем имелись еще две небольшие по численности прослойки: «тюленгуты» (*теленгуты*) и *рабы*. Социальное положение первых выяснить трудно, так как источники сообщают о них лишь отрывочные данные. Так, известно, что часть их работала в хозяйствах ханов и султанов⁹⁷. Некоторые исследователи полагали, что «тюленгуты»—рабы⁹⁸. Другие отрицают это предположение⁹⁹. Немногие свидетельства источников о тюленгутах позволяют согласиться с высказанной точкой зрения на тюленгутов как на особый, сложный по составу социальный слой. Он формировался из бывших рабов, части беднейших скотоводов, кочевавших вместе с представителями «белой кости». Тюленгуты работали на своих хозяев, выполняли различные их поручения, в том числе и дипломатические¹⁰⁰.

Имелась прослойка и собственно рабов. Главным источником их поступления был захват пленных во время военных столкновений и набегов. Бедные, да обычно и средние по зажиточности казахи не нуждались в рабах и продавали своих пленников. Рабов имели наиболее зажиточные скотоводы, особенно разводившие большие стада каракулевых овец, для чего требовалась рабочая сила¹⁰¹. Но в целом рабство носило скорее патриархальный облик, что подмечалось наблюдателями того времени: «...богатые люди никак не могут обойтись без невольников. Знатным служат одни невольники; да и у самого хана есть оных более 50. Господа обходятся с невольниками будто с родственниками»¹⁰². По мере вхождения казахов в сферу непосредственного влияния русского государства социальная прослойка рабов постепенно отмирала.

Обобщая сказанное о социальной структуре казахов в рас-

⁹⁶ Сб. 1, стр. 408. Эпитет «подлые» принадлежит, очевидно, писарям и переводчикам того времени, придерживавшимся русской бюрократической терминологии.

⁹⁷ Сб. 1, стр. 531.

⁹⁸ Л. А. Словохотов. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905, стр. 48.

⁹⁹ См. М. П. Вяткин. Тюленгуты в XIII в. Изв. Каз. ФАН СССР, сер. ист., в. 1. Алма-Ата, 1940, стр. 20.

¹⁰⁰ См. М. Бижанов. Социальные категории... Сб. 3, стр. 169.

¹⁰¹ См. И. Г. Георги. Описание..., стр. 128.

¹⁰² Там же, стр. 130.

сма­три­вае­мое вре­мя, сле­дует под­чер­кнуть силь­ную диф­фе­рен­ци­ро­ван­ность их об­ще­ства. Его выс­шую прос­лой­ку за­ни­ма­ли пред­ста­ви­тели сос­ло­вия «бе­лой ко­сти», при­ви­ле­гией ко­то­рых было тра­ди­ци­он­ное пра­во за­ни­мать выс­шие вы­бор­ные долж­но­сти глав жу­зов и пле­мен; наи­бо­лее вли­я­тель­ные пред­во­ди­тели круп­ных пле­мен­ных под­раз­де­ле­ний — «бии» и во­ен­ные пред­во­ди­тели — «ба­ты­ры», от­но­сив­шиеся к «чер­ной ко­сти», а так­же бо­га­тей­шие ско­то­во­ды.

Сос­лов­ные при­ви­ле­гии ха­нов и сул­танов и власть биев и ба­ты­ров силь­но огра­ни­чи­ва­лись ко­че­вой де­мо­кра­ти­ей. Ни одна из этих со­ци­аль­ных ка­те­го­рий не об­ла­да­ла мо­но­поль­ной соб­ствен­но­стью на сред­ства про­из­вод­ства и пра­вом взимания на­ло­гов и под­а­тей. В пер­вую оче­редь это объ­яс­ня­ется от­сут­ствием у них ин­стру­мен­та вла­сти, по­сред­ством ко­то­рого они мо­гли осу­ществ­лять вне­эко­но­ми­че­скую экс­плу­ата­цию. Ха­ны и сул­та­ны рас­по­ла­га­ли не­боль­ши­ми от­ря­дами во­ору­жен­ных те­лен­гу­тов, глав­ную же во­ен­ную си­лу со­став­лял во­ору­жен­ный на­род. Оп­ре­де­лен­ное зна­че­ние имела и спе­ци­фика ко­че­вого хо­зяй­ства: «В слу­чае по­пыт­ки ха­на к при­нуж­де­нию или на­си­лию кир­гиз вме­сте со сво­ими со­ро­ди­ча­ми про­сто у­хо­дил от него в дру­гое ме­сто»¹⁰³.

Ос­нов­ные функ­ции ха­н­ской и сул­тан­ской вла­сти — это внеш­не­по­ли­ти­че­ские сно­ше­ния, по­сред­ни­че­ство между пле­ме­нами. Но дей­ство­вать они были вы­нуж­де­ны, со­гласовывая все с мнением вли­я­тель­ных биев и ба­ты­ров и в ка­кой-то мере даже же­ла­ния­ми массы ря­довых ко­че­в­ни­ков.

Бли­же к на­ро­ду сто­я­ли бии и ба­ты­ры, ока­зы­ва­вшие на него за­на­чи­тель­ное вли­я­ние. Их функ­ции были весь­ма раз­но­об­раз­ны и касались хо­зяй­ствен­ных, во­ен­ных, по­ли­ти­че­ских, юри­ди­че­ских и мно­гих дру­гих во­про­сов.

Весь­ма ха­рак­тер­ной чер­той со­ци­аль­ной диф­фе­рен­ци­а­ции каза­хов в рас­сма­три­вае­мое вре­мя было вли­я­ние на нее иму­ще­ствен­ного рас­слое­ния. По­ло­же­ние в об­ще­стве оп­ре­де­ля­лось за­час­тую не столь­ко про­ис­хо­жде­нием или за­ни­мае­мой вы­бор­ной долж­но­стью, сколь­ко бо­гат­ством. Зна­т­ность и бо­гат­ство ста­ли си­но­ни­ма­ми. Ха­ны, бии, ба­ты­ры, баи и про­чие экс­плу­ати­ро­ва­ли со­пле­мен­ни­ков э­ко­но­ми­че­ски.

В низ­шую ка­те­го­рию при­ви­ле­ги­ро­ван­ной ча­сти об­ще­ства входили «бии» не­боль­ших пле­мен­ных под­раз­де­ле­ний, а­са­ка­лы, за­жи­точ­ные ско­то­во­ды, ду­ховен­ство, за­жи­точ­ные без­мест­ные сул­та­ны. Вся эта груп­па за­ни­ма­ла про­ме­жу­точ­ное по­ло­же­ние между верхуш­кой об­ще­ства и ос­нов­ной мас­сой не­по­сред­ствен­ных про­из­во­ди­те­лей.

Послед­нюю со­став­ля­ли лич­но сво­бод­ные, хо­зяй­ствен­но-са­мо­сто­я­тель­ные ско­то­во­ды, по иму­ще­ствен­ному по­ло­же­нию со­став­ля­вшие не­ско­лько груп­п, ха­рак­тер ко­то­рых ус­та­но­вить очень труд­но. На­блю­дав­шееся в рас­сма­три­вае­мое вре­мя ус­и­ле­ние иму­-

¹⁰³ П. П. Ру­мян­це­в. Кир­гиз­ский на­род..., стр. 19.

ществленного расслоения приводило к выделению значительного слоя бедняцких хозяйств, постепенно оседавших на землю и являвшихся объектом жестокой эксплуатации со стороны богатейших скотоводов.

Прослойки теленгутов и рабов были численно незначительны и не играли большой роли в общественной жизни.

КАЗАХИ ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Изменения, происходившие в XVIII и на рубеже XIX в. в хозяйстве и общественной организации казахов, стали еще заметнее в первой половине и середине XIX в., по мере усиления политического и экономического влияния России. Во второй половине XIX в. процессы политического и экономического сближения казахов с Россией продолжались, вызывая все большие перемены в структуре хозяйства и общественной организации казахов. Влияние русских порядков на уклад жизни Казахстана стало особенно сильным после введения в 1868 г. Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. Это положение означало распространение непосредственной власти русской администрации на степное население этих районов¹⁰⁴. Ту же цель преследовали и последующие законодательные акты («Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г., «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской» 1891 г. и др.).

Большие последствия для скотовода-казаха имела переселенческая политика царского правительства. В 1901 г. был опубликован закон об отводе казенных земель частным лицам. В 1904 г. было организовано Переселенческое управление. В том же году был издан закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев». У местных скотоводов для нужд переселенцев изымались лучшие земли, служившие пастбищами, что лишало здешнее коренное население возможности вести кочевое хозяйство. С начала XX в. и в Казахстане отмечается некоторый рост промышленности: строились предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Начался ввоз российского и иностранного капитала, что усиливало товарно-денежные отношения и имущественную дифференциацию; большое влияние на развитие товарного хозяйства в изучаемом нами регионе оказывало строительство сети железных дорог и расширение торгового пароходства.

Как эти, так и многие другие процессы приводили к большим изменениям, а в конечном счете к разложению кочевого скотовод-

¹⁰⁴ См. А. Леонтьев. Обычное право у киргиз. ЮВ, 1890, т. 5, кн. 1—2, стр. 111.

ческого хозяйства. Основные изменения в хозяйстве были связаны с развитием оседлости и земледелия; в общественной организации — с окончательным падением значения племенной структуры и укреплением территориальной общности; в социальной структуре — с дальнейшим усилением имущественного и социального расслоения, с развитием капиталистических отношений.

Но экономические и социальные сдвиги в разных областях Казахстана происходили неравномерно. Прежде всего и заметнее проявлялось новое по соседству с Россией, в Букеевской орде, что была вдоль Уральской линии; медленнее — в Центральном Казахстане, в Прикаспии, где еще и в начале XX в. сохранялись многие традиционные черты в хозяйстве и общественной организации скотоводческих групп.

Хозяйство. Как и на рубеже XVIII—XIX вв., основным занятием большей части казахов в первой половине XIX в. было кочевое и полукочевое скотоводство. Как и прежде, они разводили овец, лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот, коз, причем наиболее развито было овцеводство. Овцы были главным видом товарного скота и выступали как эквивалент при обменно-торговых операциях¹⁰⁵.

Верблюды разводились двугорбые и использовались в основном как транспортное средство¹⁰⁶. В транспортных целях и для получения молока разводили лошадей, которых пасли отдельно тремя табунами: жеребят, мерин, маток. Крупный рогатый скот имел наибольшее распространение в Средней орде, но, как замечает А. Левшин, «киргизы не богаты оным...», так как уход за ним требовал много труда, а выгоды от него незначительны, ибо скот часто страдал от падежей. Казахские коровы были низкорослы, давали мало молока. По словам того же автора, 100 лет назад у казахов вообще не было крупного рогатого скота, и он был заимствован у каракалпаков. Коз держали преимущественно как вожakov стад овец, а также для получения пуха¹⁰⁷. По сообщениям ряда источников, животноводство казахов в рассматриваемое время проявляло тенденцию к некоторому сокращению поголовья скота, что имело в своей основе многие причины. В частности, неблагоприятно сказывались на хозяйстве постоянные междоусобицы и баранты; много скота шло на продажу. По данным Я. В. Ханькова, в Букеевской орде в 1803 г. на кибитку в среднем приходилось 400 голов скота, в 1814 г. — 238, в 1825 г. — 190, в 1839 г. — 155 голов¹⁰⁸. Точных цифр по другим жузам казахов нет, но источники сообщают о повсеместном сокращении поголовья скота.

¹⁰⁵ См. А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсачьих орд и степей. СПб., 1832, стр. 187, 189.

¹⁰⁶ См. там же, стр. 189.

¹⁰⁷ См. А. И. Левшин. Описание..., стр. 191—193.

¹⁰⁸ См. Я. В. Ханьков. Состояние внутренней киргизской орды в 1841 г. ЗРГО, кн. 2. СПб., 1847, стр. 56.

И во второй половине XIX в. в основу хозяйства подавляющего большинства населения казахских степей составляло кочевое скотоводство. Разводили те же, что и раньше, виды и породы скота. Так, Л. Мейер, как и другие авторы, находил, что главный вид скота у казахов — овцы; рогатый же скот наименее важен в хозяйстве. Но здесь же он отмечал, что «в последнее время», т. е. с конца 50-х годов XIX в., рогатый скот стал приобретать все большее хозяйственное значение, так как с водворением спокойствия в степи не стало быстрых перекочевков, которым мешал рогатый скот¹⁰⁹.

По мнению И. Ф. Бларамберга, наблюдавшего жизнь казахов Малой и Букеевской орд, лошади разводились преимущественно скотоводами из племенных групп аргинцев, кирейцев, китлынцеv, кочу-кабаков, причем породы лошадей у групп, кочующих на севере, лучше, чем на юге, где корм более скудный. И. Ф. Бларамберг отмечал, что, за исключением султанов и богачей, лошадей у казахов немного, что зависело, в частности, от частых грабежей и баранты — легче всего было угнать лошадей. По данным того же автора, верблюдов держали преимущественно группы, совершавшие дальние перекочевки: чумекей, джайпас, киреит, дюрт-кара и особенно чиклы, китя и частью адай. Некоторые простые казахи держали по 500 верблюдов. Население, кочевавшее постоянно недалеко от русской оборонительной линии, в верблюдах особенно не нуждалось, да и климат на севере мало подходил для них. Как и прочие авторы, И. Ф. Бларамберг называет овец главным видом скота у казахов, причем говорит, что в глубине степей баранов значительно больше, чем около линии, где их численность сокращалась торговлей. Зато у прилинейных казахов было больше крупного рогатого скота. Коз держали в небольшом количестве¹¹⁰.

По наблюдениям А. К. Гейнса, неоднократно путешествовавшего по Казахстану в 60-х годах XIX в., основным направлением скотоводства на юге степей было верблюдоводство и овцеводство. На севере, где много воды и травы, разводили лошадей, крупный рогатый скот, баранов. Верблюдов разводили преимущественно двугорбых, и только около Арала встречались одnogорбые. Коров было мало, так как преобладало еще кочевническое хозяйство¹¹¹. И только оседавшие хозяйства начинали разводить преимущественно молочный скот¹¹². Для ведения самостоятельного хозяйства, удовлетворявшего потребности семьи, надо было иметь примерно 200—250 баранов и вьючный скот¹¹³.

¹⁰⁹ См. Л. Мейер. Материалы для географии и статистики..., стр. 133, 135.

¹¹⁰ См. И. Ф. Бларамберг. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды. ВСОРИ, т. XIV, ч. 3. СПб., 1852, стр. 98—100.

¹¹¹ См. А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов (далее — СЛТ), т. 1. СПб., 1897, стр. 150, 151, 154.

¹¹² См. там же, стр. 570.

¹¹³ См. там же, стр. 562.

Большие изменения в облике хозяйства населения Казахстана отмечаются всеми авторами, исследовавшими этот край в конце XIX и начале XX вв. Так, в Букеевской орде, где распространение полуседлости приходилось еще на годы правления хана Джангира, в 80-х годах XIX в. все хозяйства располагали постоянными зимовками, где имелись жилые и хозяйственные постройки¹¹⁴.

Хотя и в меньшей степени, оседлость получила распространение также в Северном Казахстане, в частности в Тургайской области¹¹⁵.

Сходным было положение в начале XX в. и в соседней Акмолинской области¹¹⁶.

По данным 1910 г., в Атабасарском уезде Акмолинской области 24,5% населения еще целиком основывало свое хозяйство на скотоводстве. Остальное население также было в той или иной мере связано со скотоводством, приносящим им значительную часть доходов, тогда как земледелие оставалось подсобной отраслью хозяйства.

Много нового по сравнению с прежними временами появилось в казахском хозяйстве присырдарьинских степей. На рубеже XIX и XX вв. кочевниками оставалась там меньшая часть населения, наиболее зажиточная. Большинство же было занято в земледелии, и скотоводство было лишь подсобной отраслью хозяйства. Получило распространение рыболовство. Сходная картина наблюдалась в Перовском уезде, где условия для земледелия были благоприятными и почти все казахские группы имели орошаемые арыками запашки. В урожайные годы присырдарьинские области уже не нуждались в привозном хлебе и только в случае неурожая зерно ввозили из Аулиеатинского и Ходжентского уездов. Менее благоприятные условия для земледелия были в Иргизском и Тургайском уездах, но и там засевались влажные низины¹¹⁷.

Для быта восточных, в частности алтайских, казахов и в начале XX в. продолжала быть характерной полуседлость¹¹⁸.

Наиболее устойчивым было, пожалуй, кочевничество в юго-западных областях Казахстана, но и оно не избежало перемен¹¹⁹.

¹¹⁴ См. А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, в. 1. М., 1889, стр. 56.

¹¹⁵ См. Б. Д. Даулабаев. Рассказ о жизни киргизов Николаевского уезда Тургайской обл. с 1830 по 1880 г. ЗООИРГО, в. IV. Оренбург, 1881, стр. 98.

¹¹⁶ «Киргизское хозяйство в Акмолинской обл.», т. IV. Атабасарский уезд. СПб., 1910, стр. 39.

¹¹⁷ См. И. В. Аничков. Забытый край. Сб. 4, стр. 188—190.

¹¹⁸ См. С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казаков. Сб. 7, стр. 3.

¹¹⁹ См. А. Н. Букейхан. Казаки Адаевского уезда. Сб. 5, стр. 63. Здесь и ниже для характеристики хозяйства и общественных отношений в юго-западных областях Казахстана используются данные авторов, собиравших этнографические материалы уже при Советской власти, в 20-х годах XX в. Эти сведения можно использовать и при анализе изучаемых явлений даже начала XX в., так как до 20-х годов XX в. скотоводческое хозяйство Прикаспия и Приаралья еще слишком незначительно изменилось по сравнению с на-

Отрывочность сведений не позволяет точно установить, каково было на рубеже XIX и XX вв. соотношение между кочевым и оседлым хозяйством всего Казахстана. По некоторым данным, 46,3% всех казахских хозяйств сеяли хлеб, а 4,3% были оседлыми — джатаками. При этом в степных областях скотоводством занимались как зажиточные, так и небогатые хозяйства, тогда как в Туркестане — богачи, а бедняки были преимущественно земледельцами¹²⁰.

Общие изменения в казахском хозяйстве, ставшие очень заметными уже в конце XIX в., не могли не сказаться на составе их стад, формах и способах ведения скотоводства, на годовом скотоводческом цикле. При этом особое влияние на изменения хозяйственных форм оказывало изъятие у кочевников части их пастбищ, и все возраставшее стремление к оседанию. Но эти изменения проявлялись в разных областях Казахстана неодинаково.

Обитатели северо-западных уездов Зауральской степи разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, причем первый, как отмечалось выше, стал распространяться на юге Уральской области только в третьей четверти прошлого века¹²¹. В Северном Казахстане крупный рогатый скот появился также довольно поздно — в 60—70-х годах XIX в. В степях Центрального Казахстана крупного рогатого скота было мало и в середине 90-х годов XIX в.¹²².

На севере Оренбургской степи, богатой водой и травами, широкое распространение имело коневодство, разводили крупный рогатый скот, баранов, так как зимы там снежные, приходилось либо заготавливать сено, либо разгрести снег, чтобы животные могли добыть себе корм. В южной части степи большее распространение имело овцеводство и верблюдоводство. Преобладали двугорбые верблюды и только ближе к Аральскому морю встречались одnogорбые. Крупный рогатый скот держали здесь мало, так как он непригоден для дальних перекочевков¹²³.

В присырдарьинских областях скотоводство переживало в конце XIX в. период упадка после джута 1892 г., когда поголовье скота сократилось наполовину. Из скота содержали больше всего верблюдов, баранов, коз. Коневодство не имело такого распространения, как в Тургайской области. Немного было также крупного рогатого скота. Держали его главным образом городские жители, а также осевшие казахи, содержавшие скот около зимо-

чалом века. По этому вопросу см.: Ф. А. Ф и е л ь с т р у п. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. Сб. 6, стр. 78; С. И. Р у д е н к о. Очерк быта казаков рек Аяла и Сагыз. Сб. 5, стр. 8.

¹²⁰ См. П. П. Р у м я н ц е в. Киргизский народ..., стр. 4, 38.

¹²¹ См. М. А. Л е в а н е в с к и й. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда. «Землеведение», кн. 3. М., 1894, стр. 125.

¹²² См. А. И. Д о б р о м ы с л о в. Скотоводство в Тургайской обл. ТОУАК, в. 25. Оренбург, 1895, стр. 5.

¹²³ См. А. К. Г е й н с. СЛТ, т. 1, стр. 150, 151, 154.

вок¹²⁴. Для оседлого населения крупный рогатый скот был выгоден¹²⁵, но для основной массы кочевников главное богатство составляли верблюды и бараны, причем последние представляли товарную основу хозяйства: масса их шла на продажу в Россию. Значение верблюда как главного в прошлом транспортного средства резко сократилось со строительством Закаспийской железной дороги. Большого количества лошадей присырдарьинские скотоводы не имели, содержание их было делом сложным и их с успехом заменял верблюд, в том числе и в качестве тяговой силы при вспашке¹²⁶.

В первые десятилетия XX в. у кочевников прикаспийских степей Юго-Западного Казахстана имелись (в зависимости от местности) значительные различия в составе стад. Адаи, расселенные в сухих степях к югу от Эмбы, держали главным образом овец и верблюдов, пасшихся весь год на подножном корму. Их северные соседи — тама и алимы, — обитающие в более влажных местностях по рекам Сагыз и Уил, весьма быстро становились оседлыми уже в начале XX в.; основным видом скота у них стали крупные рогатые животные, а верблюды и овцы играли лишь подсобную роль в хозяйстве и паслись в окрестностях зимовок. Переход к оседлости заставил скотоводов заготавливать сено, особенно для крупного рогатого скота и верблюдов, которые могли добывать зимой корм только в хорошие теплые дни. В тех местах, где широко практиковалась запашка, не хватало подножного корма и овцам и их приходилось подкармливать сеном.

В Северо-Восточном Казахстане скотоводы держали лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов. Богатые хозяева имели по 10—15 коров и много лошадей. Последние особо высоко ценились, причем не только из-за молока и как транспортное средство, но главным образом как предмет тщеславия своих владельцев. Богатство человека измерялось табунами лошадей. В связи с тем, что коневодство не имело большого товарного значения, бедные скотоводы лошадей почти не держали, предпочитая им молочный рогатый скот.

Приалтайские казахи разводили больше всего крупный рогатый скот, овец, лошадей и в меньшем количестве верблюдов и коз. Еще в конце XIX в. численно преобладало конское поголовье, но в начале нашего века на первое место по количеству вышел крупный рогатый скот. Вьючными животными при перекочевках служили наряду с верблюдами и лошадьми также быки. У казахов Горного Алтая первыми по значению домашними животными были лошади, овцы и козы. Ценились и коровы, но зимой, при глубоком снеге или гололеде, они часто гибли. В небольшом количестве держали яков (сарлыков) и верблюдов.

¹²⁴ См. И. В. Аничков. Забытый край. Сб. 4, стр. 190.

¹²⁵ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 570.

¹²⁶ См. И. В. Аничков. Забытый край. Сб. 4, стр. 191.

Кочевание. В XIX в. казахи кочевали примерно так же и по тем же путям, что и в прежнее время, но расстояния перекочевков во многих местностях неуклонно сокращались.

И в конце XIX, и начале XX в. существовали, как и прежде, значительные различия в амплитудах, манере и направлениях кочевания в различных областях Казахстана. Меридиональное кочевание сохраняло наибольшее распространение в юго-западных и центральных областях Казахстана. Характерными представителями кочевого скотоводства были прикаспийские и приаральские адаевцы. Из 27 волостей Адаевского уезда 22 были кочевыми¹²⁷. Но и у них развивалась оседлость. Среди осевших адаевцев и родственных им групп в начале XX в. определились 3 типа хозяйств: 1) хозяйства бедные, не кочевавшие вовсе из-за отсутствия скота; 2) средние хозяйства, кочевавшие с немногочисленным скотом около зимовок; 3) зажиточные хозяйства, занимавшиеся к этому времени уже преимущественно земледелием; скот уходил на летовки с пастухами или родственниками.

В связи с переселенческой деятельностью царской администрации, отнимавшей у скотоводов часть их летовочных пастбищ, стали сокращаться кочевые пути приаральских скотоводов¹²⁸.

Кочевание на севере Тургайской области в начале XX в., как и во всех северных областях расселения казахов, велось на малые расстояния¹²⁹. В сходных формах велось кочевание и в Акмолинской области¹³⁰.

Кочевничество присырдарьинских казахов резко сократилось после джута 1892 г. Большая часть волостей стала жить оседло¹³¹.

Население Северо-Восточного Казахстана было в начале XX в. уже преимущественно оседлым¹³². Восточные, приалтайские казахи были в это время большей частью полуоседлыми, а беднейшие жили весь год на зимниках¹³³.

П. П. Румянцев, описывавший казахское скотоводство в начале XX в., отмечал, что в его время значительная часть скотоводов, около 50%, кочевала всего несколько месяцев в году, обычно с мая до сентября. Но зимой почти все уже жили оседло на кстау, причем часть скота содержалась в стойлах. 89,5% скотоводов-казахов заготавливали сено на зиму¹³⁴.

Земледелие. Относительно начала XIX в. появляются данные, свидетельствующие об усилении в Казахстане земледелия. Прили-

¹²⁷ См. А. Н. Букейхан. Казахи Адаевского уезда. Сб. 5, стр. 64.

¹²⁸ См. А. Ашмарин. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки. СК, 1925, № 5—6.

¹²⁹ См. А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской обл.

¹³⁰ «Киргизское хозяйство...», т. IV, стр. 87, 88, 91.

¹³¹ См. И. В. Аничков. Забытый край. Сб. 4.

¹³² См. М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда, ЗСОРГО, 32. Омск, 1906.

¹³³ См. С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казахов. Сб. 7.

¹³⁴ См. П. П. Румянцев. Киргизский народ..., стр. 38, 39.

нейные казахи начали обращаться к властям с просьбами о разрешении заняться земледелием¹³⁵. Впрочем, по мнению А. Левшина, распространено оно было тогда, за исключением части Большой орды, мало. Земледелием занимались главным образом около Ташкента и Туркестана. Пашни казахов располагались по берегам рек и озер. Причем, как подчеркивает А. Левшин, завезены эти пашни были недавно беднейшими людьми. Первыми их учителями земледелия были каракалпаки и ташкентцы. Тот же автор отмечает, что земледелие не делало казахов полностью оседлыми: «Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и отмоловив, они берут с собою нужную часть онога, а остальное зарывают в землю до будущего посева и уходят в другие места»¹³⁶. Отсутствие глубоких земледельческих традиций среди казахов видно также из того, что они «хлеба печеного не едят; и не могут иметь у себя потому, что не имеют печей». Не строят также мечетей¹³⁷. Основными культурами, которые разводили казахи, были яровая рожь, пшеница, ячмень, просо. В небольшом количестве сеяли дыни и арбузы. Земледелие было почти исключительно поливным. Проводили арыки, а также сооружали небольшие водохранилища для вешней воды. По берегам Сырдарьи нередко использовалась древняя оросительная сеть, которую кое-как подновляли. Орошение производилось главным образом самотеком, но иногда пользовались водоподъемными колесами.

Земледельческие орудия были самыми примитивными: соха из дерева с железным сошником; вместо бороны использовали ветви деревьев или хворост, который связывали, а затем привязывали к хвосту рабочего скота. Основной тягловой силой служили верблюды, волю, лошади. Жали маленькими серпами в виде ножей или же стебли просто обрывали руками. Перед началом посева семена раскидывались сначала по земле, а затем поле вспахивалось¹³⁸.

Помимо скотоводства и земледелия казахи промышляли в небольших размерах охотой, причем шкуры нередко шли на продажу.

Одной из типичных групп, занимавшейся в первой половине XIX в. комплексным хозяйством, были некоторые прикаспийские адаевцы. По описанию Г. С. Карелина, совершившего путешествие по Каспийскому морю, «скудные пастбища на Устьурте не обогащают адаевцев. Вообще они бедны; в обильных водоуцельях Туманных гор сеют просо, но мало. Наиболее питаются молоком и от охоты. Ценят муку весьма высоко»¹³⁹.

¹³⁵ Сб. 2, стр. 168.

¹³⁶ А. И. Левшин. Описание..., стр. 200.

¹³⁷ См. там же, стр. 39, 40.

¹³⁸ См. А. И. Левшин. Описание..., стр. 200, 201, 205, 206.

¹³⁹ Г. С. Карелин. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю. ЗРГОПОГ, т. X. СПб., 1883 (путешествие 1832 г.), стр. 484.

В комплекс казахского хозяйства входили также разнообразные домашние производства: кошмоваление, резьба по дереву, вязание и др.; имелись в Казахстане и специалисты-ремесленники: кузнецы, токари по дереву, медники, серебряных дел мастера, но широкого распространения эти занятия не имели¹⁴⁰.

Мероприятия, проведенные русским правительством в 30-е и 40-е годы XIX в., привели к тому, что казахи севера Тургайской области постепенно становятся более оседлыми. В 1833 г. осело на землю целое племенное подразделение таминцев¹⁴¹. Под давлением русских властей прекратилась баранта. Постепенно, сначала казахи, жившие около русской оборонительной линии, а затем и их степные соседи начали заготавливать на зиму сено, по примеру русских устраивать зимние загоны для скота. В 1841 г. появилась первая, постоянная зимовка на берегу Тобола, выстроенная султаном Джантюрином. В 1850 г. казахи заняли под кстау кочевья по р. Аят, русское начальство построило там деревянный дом¹⁴². В 1851 г. казахи заняли под зимовья долину Тобола, устроили там зимнее стойбище, начали заготавливать сено и занялись хлебопашеством. В 1852 г. в окрестностях Тобола на зимниках было уже 10 домов. После 1853 г. земледелием занялись не только бедные, но и богатые¹⁴³.

В 60-е годы XIX в. земледелие получило дальнейшее развитие (в первую очередь у беднейших слоев населения, в местностях, соседних с русскими областями, и по Сырдарье). Сильвергельм сообщал о западных казахах, что хотя они по-прежнему были кочевниками, «быт их, через постоянное сношение с русскими, в особенности прилинейных волостей, значительно улучшается с каждым годом... заводят в кочевьях свои дома и с успехом занимаются хлебопашеством...»¹⁴⁴.

Как полагают И. Завалишин, распространение земледелия на западе и севере Казахстана было связано с ростом населения степи, притоком русских переселенцев, для которых изымались пастбища, что вынуждало скотоводов переходить к земледелию¹⁴⁵. То же самое говорит и А. Артемьев: «Земледелие быстро развивается вследствие увеличения народонаселения и недостатка удобной для скотоводства». По его же данным, в 1854 г. в обследованной им области земледелием занимались 6,7 тыс. семейств; за пятилетие их число возросло более чем в 2 раза¹⁴⁶.

¹⁴⁰ См. А. И. Левшин. Описание..., стр. 206, 214.

¹⁴¹ Сб. 2, стр. 267.

¹⁴² См. Б. Д. Даулбаев. Рассказ о жизни киргизов... ЗООИРГО, в. IV, стр. 113.

¹⁴³ См. там же, стр. 114.

¹⁴⁴ Сильвергельм. Военно-статистическое обозрение Российской империи ВСОРИ, т. 14, ч. 3. СПб., 1852, стр. 47.

¹⁴⁵ См. И. И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. 3. Сибирско-киргизская степь. М., 1867, стр. 106, 102.

¹⁴⁶ См. А. Артемьев. Материалы для статистики России. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. ЖМВД, ч. 38, 1859, т. X, стр. 36.

В Южном Казахстане, по Сырдарье, Яныдарье и другим рекам казахи уже издавна занимались земледелием, используя старинные оросительные системы. Иногда размеры возделываемых площадей на время уменьшались, как, например, в годы восстания Кенисары Касымова, но затем достигали прежних размеров и даже увеличивались. Возделывались просо, пшеница, ячмень, яровая рожь, арбузы, тыква¹⁴⁷, начинали культивировать также хлопчатник и марену¹⁴⁸. А. К. Гейнс считал, что к расширению земледелия повело не только сокращение скотоводства, но и прекращение баранты: «Когда необходимо в прошлом для бедняков хищничество стало трудным, обратились к земледелию»¹⁴⁹. Земледелием занимались преимущественно бедняки-инчи, постоянно жившие около своих пашен, переходивших по наследству от отца к сыну, но также и полуоседлые скотоводы. Зачастую инчи делились своим урожаем с богатыми скотоводами, бравшими с собой их скот при перекочевках¹⁵⁰. Иногда бедняки сеяли для богатых за плату¹⁵¹. Сеять начинали в первой половине мая. Полуоседлые, завершив сев, отправлялись кочевать на 2 месяца. На зимнике они оставляли около полей охрану или навещали их изредка для поливки. Первый раз поля поливали, когда появлялись зеленые ростки, второй — перед колошением. Иногда поливали третий раз — перед жатвой¹⁵².

Так же, как и по Сырдарье, значительное развитие получило в это время земледелие по рекам Урал, Илек, в низовьях рек Ир-гиз, Тургай. Здесь разводили просо, ячмень, пшеницу, в небольших количествах огородные культуры. Земледелием занимались по большей части бедняки¹⁵³. Как сообщал И. Казанцев, русское правительство поддерживало в Сибири казахское земледелие: «Каждому киргизу, который пожелает производить хлебопашество, или иметь на месте хозяйственные заведения, отводится для сего 15 десятин на душу. Султанам и волостным правителям отводится двойная порция»¹⁵⁴. На землях Большой орды земледелие не получило большого распространения во второй половине XIX в.¹⁵⁵.

Хотя многие авторы связывают расширение земледелия с нехваткой пастбищ, эта точка зрения не подтверждается фактами. К земледелию переходили бедняки, лишившиеся скота. Обзаведясь скотом, хозяйство вновь начинало кочевать¹⁵⁶.

Судя по всем данным, распространение земледелия было связано прежде всего с резким возросшим имущественным расслоением

¹⁴⁷ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 164.

¹⁴⁸ См. С. Болотов. С Сыр-Дарьи. РВ, 1866, XII (62), кн. I, стр. 178, 179.

¹⁴⁹ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 163.

¹⁵⁰ См. там же, стр. 375.

¹⁵¹ См. там же, стр. 164.

¹⁵² См. там же, стр. 165, 166.

¹⁵³ См. И. Ф. Бла ра м берг. Земли киргиз-кайсаков..., стр. 101.

¹⁵⁴ И. М. К а з а н ц е в. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867, стр. 16.

¹⁵⁵ См. там же, стр. 8.

¹⁵⁶ См. там же.

и развитием товарных отношений. Земледелием занимались в первую очередь бедные скотом оседлые или полuosедлые казахи-джатаки, отправлявшие свой скот на лето вместе со стадами родственников¹⁵⁷. О том, что любой казах, имеющий достаточное количество скота, лично не занимался земледелием, прямо говорит И. Ф. Бларамберг¹⁵⁸. Этот же автор сообщает, что земледелием занимались также богатые скотоводы, эксплуатировавшие бедняков. Он пишет, что многие зажиточные хозяйства сеют хлеб, используя труд бедняков-байгушей, лишившихся скота и «из-за куска хлеба сделавшихся рабами»¹⁵⁹. О том, что богатые наняли бедняков, говорит и А. Артемьев¹⁶⁰. Подтверждает это также и И. Завалишин, который указывает, что «если богатый киргиз занимается посевами хлебов, то он для всех работ употребляет таких бедняков, которые буквально умирают с голода, и готовы работать из-за дневной пищи»¹⁶¹.

С появлением некоторой оседлости на зимниках и дальнейшим усилением имущественного неравенства связано развитие сенокосничества. В морозные зимы, при сильном гололеде (джут) гибла масса скота. Обеспечить весь скот сеном при существовавшей технике сенокосения было невозможно. Поэтому сено могли запастись для своего маленького стада бедняки, а также те богачи, которые, используя труд последних, заготавливали сено для молодняка и крупного рогатого скота.

По положению об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской кочевники получили право обрабатывать на зимниках землю и сооружать постройки. Эти земли переходили по наследству до тех пор, пока они обрабатывались или существовали постройки¹⁶². Разрешалось также по взаимному соглашению обществ в местах, удобных как для зимовок, так и летовок, отводить участки для хлебопашества и сенокосения. Распределение участков между отдельными лицами представлялось добровольному соглашению по обычаям¹⁶³.

В конце XIX—начале XX в. у казахов процессы оседлости, вытеснения скотоводства земледелием стали все интенсивнее. И только в некоторых местностях скотоводство еще удерживало свои позиции.

В Букеевской орде, несмотря на превращение части кочевых хозяйств в полuosедлые, земледелие не получило распространения¹⁶⁴. Малопродуктивная солончаковая почва, недостаток воды

¹⁵⁷ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов, т. 16, ч. 3. СПб., 1868, стр. 14.

¹⁵⁸ См. И. Ф. Бларамберг. Земли киргиз-кайсаков..., стр. 101.

¹⁵⁹ И. Ф. Бларамберг. Земли киргиз-кайсаков..., стр. 102.

¹⁶⁰ См. А. Артемьев. Несколько заметок... ЖМВД, ч. 38, 1859, стр. 37.

¹⁶¹ И. И. Завалишин. Описание..., т. 3, стр. 54.

¹⁶² «Свод законов...», т. 2. Изд. 1892 г., стр. 125.

¹⁶³ «Свод законов...», т. 2, стр. 128.

¹⁶⁴ См. А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, стр. 62.

не давали возможности развивать хлебопашество. Неблагоприятными были условия для земледелия и в Юго-Западном Казахстане. Южные земли адаев были малопригодны для земледелия¹⁶⁵. На Мангышлаке существовали небольшие запашки, и огороды сколо родников и дождевых ям, но земледелие было здесь чисто подсобной отраслью хозяйства и не могло расширяться из-за отсутствия воды¹⁶⁶. Иначе обстояло дело в орошаемых реками областях Северо-Западного Казахстана, где число земледельцев росло не только за счет местного населения, но и за счет переселявшихся с юга и оседавших адаевцев, алимов и других племен Прикаспия и Приаралья. В Эмбенском уезде земледельцев было больше, чем на юге, но и здесь было мало воды в пересыхающих реках, из которых выводили воду на поля, используя новые арыки и сооружая новые каналы¹⁶⁷. Значительно большее распространение получило земледелие на берегах Сагыза и Уила, где сосредоточивались джатаки-земледельцы. Земледелие было переложным, один участок засевали 1—2 года, после чего его на долгие годы забрасывали. Сеяли просо, огородные культуры¹⁶⁸. По Сырдарье, как и в середине XIX в., земледелием наряду со скотоводством занималась большая часть казахов, причем с увеличением полусоседности запашки расширялись и нужда в привозном хлебе постепенно отпадала¹⁶⁹. Особенно большое развитие получило земледелие в Северном и Северо-Восточном Казахстане уже в последние десятилетия XIX в., когда обедневшие скотоводы обращались к земледелию¹⁷⁰, и в прошлом скотоводческая область начала приобретать земледельческий облик. То же самое происходило и в центральных и восточных частях Казахстана. Так, в Акмолинской области к 1910 г. уже 75% населения в большей или меньшей степени занималось земледелием¹⁷¹.

Обмен. Как и в предшествующие десятилетия, у казахов продолжала развиваться торговля. Велась она почти исключительно в меновой форме и была в связи с дешевизной скота очень выгодна для соседей казахов. Широкие торговые операции начинались обычно в июле, и продолжались до ноября. Казахи привозили на ярмарки для обмена овец, рогатый скот, верблюдов, козий пух, шерсть, шкуры, войлоки, армячину, тулупы, марену¹⁷². Русские и среднеазиатские торговцы выменивали казахам фабричные и ремесленные изделия, причем зачастую казахи получали недоброкачественные товары¹⁷³. Наибольшее значение в казахской торгов-

¹⁶⁵ См. Ф. А. Фиельструп. Скотоводство и кочевание... Сб. 6, стр. 80.

¹⁶⁶ См. А. Н. Букейхан. Казаки Адаевского уезда. Сб. 5.

¹⁶⁷ См. М. А. Леваневский. Очерки..., стр. 43.

¹⁶⁸ См. С. И. Руденко. Очерк быта казахов рек Уила и Сагыза. Сб. 5, стр. 22.

¹⁶⁹ См. И. В. Аничков. Забытый край. Сб. 4, стр. 189.

¹⁷⁰ См. А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской обл., стр. 4.

¹⁷¹ «Киргизское хозяйство...», т. IV, стр. 76.

¹⁷² См. А. И. Левшин. Описание..., стр. 215, 217, 219.

¹⁷³ См. там же, стр. 226.

ле имела продажа овец, наименьшее — рогатого скота¹⁷⁴. Броневский сообщает, что в начале XIX в. казахи еще торговали невольниками¹⁷⁵. В целом же о казахской торговле он говорит, что «киргизы еще мало побуждаются вступать в торговые связи с соседями»¹⁷⁶. Известная натуральность казахского хозяйства подтверждается и наблюдениями А. Левшина. Он описывает свой разговор с зажиточным скотоводом, владельцем 8 тыс. лошадей. На вопрос, почему он не продает часть их, последовал ответ: «Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны, я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат»¹⁷⁷. Но во второй половине XIX в. и в особенности в конце XIX—начале XX в. значение торговли в казахских степях резко возросло, и она стала осуществляться также и в денежной форме.

Общественная организация. В первой половине XIX в. сохранялась прежняя, племенная организация (по жузам, племенам и их подразделениям).

А. Левшин приводит данные о самых мелких, малых ячейках общественной организации казахов, которые он описывает следующим образом: «Киргизы редко кочуют большим числом в одном месте: ибо стадам их тогда бывает тесно; но составляют общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами, и, переходя вместе с одного кочевья на другое, не разлучаются без особенных причин. Такое подвижное селение называют они аул; количество кибиток в оном зависит от случая»¹⁷⁸. Размеры аулов были, очевидно, очень различными — встречались аулы из 5 юрт, а бывали и из 70¹⁷⁹.

Организационные и административные связи казахской племенной структуры были слабыми, вследствие чего кочевые группы имели большую самостоятельность.

Значительные изменения произошли в общественной структуре казахов во второй половине XIX в. вследствие законодательного установления территориально-административного управления. Организация казахов по жузам и племенам отменялась «Временным положением...». Места расселения казахов были разделены на области: Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Уральскую и Тургайскую. Каждая из областей подразделялась, в свою очередь, на уезды, волости и аульные общества. Население волости должно было насчитывать 1—2 тыс. кибиток, ауль-

¹⁷⁴ См. А. И. Левшин. Описание..., стр. 225.

¹⁷⁵ Записки ген.-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды. ОЗ, ч. 42. СПб., 1830, стр. 186.

¹⁷⁶ Там же, стр. 170.

¹⁷⁷ А. И. Левшин. Описание..., стр. 83.

¹⁷⁸ Там же, стр. 24.

¹⁷⁹ Записки ген.-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды. ОЗ, ч. 42, стр. 186.

ного общества 100—200 хозяйств¹⁸⁰. Волости образовывались «поместными удобствами» из аульных обществ, «соседственных по расположению зимовых пастбищ». Аульные общества образовывались из кибитковладельцев, имевших совместное поземельное пользование. Волости заведовались выборными волостными управителями; аульные общества — аульными старшинами, избиравшимися на 3 года¹⁸¹.

Практически волости и аульные общества формировались чаще всего из родственного по племенному признаку групп и хозяйств¹⁸². Но постепенно родственные связи и представление о племенном родстве ослаблялись. Некоторые волости имели смешанный состав. Неоднородными по племенному признаку становились и аулы¹⁸³.

В связи с этим происходило интенсивное разложение небольших племенных подразделений, называемых в литературе обычно «родами». Составляющие их группы аулов и отдельные аулы кочевали часто раздельно от подобных подразделений своих «сородичей», что стало особенно заметно по мере укрепления новой административной системы, введенной правительством. «Родственные» аулы оказывались разбросанными по разным волостям, что насколько не мешало нормальному ходу хозяйственной жизни. Этот частный пример показывает, насколько малосуществен родственный принцип в общественной организации скотоводов.

Из сообщений источников можно заключить, что только в рамках аулов или небольших групп аулов сохранялось в какой-то мере родственное расселение, причем действительных, близких родственников. Но и здесь родственный принцип нарушался, а именно это доказывает, что в основе организации даже таких небольших ячеек кочевого общества, как аул, лежали не столько родственные, сколько хозяйственные соображения. Существенно то, что кочевая форма хозяйства вызвала к жизни объединения скотоводческих семей в виде аулов и дальнейшую группировку их в более крупные объединения. Чем же оформлялось такое объединение—формой родственно-племенных образований, военных или административно-территориальных, — было в конечном счете несущественно и зависело от внешних причин.

В конце XIX и начале XX в. основной социальной и экономической ячейкой казахского общества оставалась семья, являвшаяся собственником скота и пользователем пастбищ. Семьи бывали как большими по размерам, включавшими родственников 2—3 поколений, так и малыми, состоявшими из главы семьи, его

¹⁸⁰ См. И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 73.

¹⁸¹ «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской». «Свод законов...», т. 2, § 57, 58, 62, 63.

¹⁸² См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской обл. Ташкент, 1889, стр. 109.

¹⁸³ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 67, 229 и др.

жены и детей. Полигамные семьи хотя и встречались, но не преобладали, так как выплатить калым за несколько жен и содержать их могли только люди из состоятельных семей. В зависимости от местных традиций, основанных на хозяйственной целесообразности, времени года и т. п., семьи объединялись в большие или меньшие по размерам группы: кочевые или оседлые аулы. У букеевцев еще во второй половине XIX в. встречались большие семьи из 5—10 семей, каждая из которых жила в отдельной кибитке, возглавлявшаяся старшим родственником. В 90-е годы XIX в. они исчезли, и женатые сыновья жили отдельными хозяйствами¹⁸⁴. Также исчезали и многолюдные аулы, и вместо них появились небольшие аулы из 5 и даже 1—2 кибиток¹⁸⁵.

Под воздействием перемен в социально-экономических отношениях и новой административно-территориальной системы управления продолжалось разложение остатков племенной структуры. Так, изменилось значение единиц общественной организации у букеевцев. Формально старая номенклатура еще сохранялась: сеоки (А. Н. Харузин, как и большинство других авторов, переводит их термином «род») подразделялись на тайфе (у этого автора — «отделения»), а последние — на группы атавалас («подотделения»). В начале XX в. сеок как элемент структуры общественной организации утратил свое реальное, первоначальное значение. Объединяющим «началом» стали тайфе и даже атавалас, в рамках которых группировались скотоводы, имеющие общие политические и хозяйственные интересы. Изменения в структуре общественной организации нашли отражение в обычаях, связанных с клейменем скота. В прошлом существовала тамга «рода», имевшая в каждой тайфе некоторые отличия в начертании. В рассматриваемое время «родовые» тамги исчезали, основное начертание тамги принадлежало уже тайфе, и каждая мелкая группа в рамках этой тайфы клеймила животных вариантом этой тамги. Тамга ставилась на левой ляжке лошади. У прочего скота метились уши¹⁸⁶.

А. Н. Харузин полагал, очевидно, вполне справедливо, что «роды» у казахов были «искусственные или свободные», т. е. они образовывались путем объединения вокруг одной большой семьи посторонних, присоединившихся хозяйств. Еще в начале XIX в., когда численность племенных групп букеевцев была, по-видимому, меньше, чем в конце того же столетия, родственниками считали себя члены небольших «родов», браки внутри которых были запрещены. На рубеже XIX и XX вв. родственными считались отношения уже только в рамках тайфы¹⁸⁷. Люди из одного сеока, но из разных тайф взаимно не отвечали за долги или за преступления, связанные с кровной мезью или выплатой возмещения за

¹⁸⁴ См. А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, стр. 110.

¹⁸⁵ Там же, стр. 70.

¹⁸⁶ Там же, стр. 42, 148, 150.

¹⁸⁷ См. там же, стр. 44.

проступок. Был возможен даже переход из одного сеока в другой. Так, например, если зять долго жил вместе с тестем, то мог зачислиться в его «род», причем без соблюдения каких-либо формальностей¹⁸⁸. По мнению А. Н. Харузина, племенное начало и родственные связи в общественной организации казахов, поддерживавшиеся в прошлом кочевым бытом и частыми военными столкновениями, разрушились с водворением мира и распространением полуоседлости и оседлости. Личные интересы стали преобладать над общественными, «роды» потеряли значение как военная организация, стало не нужным представление о родстве в рамках больших групп как осознание единства, стали разрешаться браки внутри «родов»¹⁸⁹. Все эти процессы затронули и организацию аулов: формировались они в конце XIX в. зачастую не только из неродственных семей, но из семей, принадлежавших к разным сеокам. Несомненно, здесь сказалась и замена племенного управления территориальной системой¹⁹⁰. Сокращение размеров аулов было следствием оседлости, на небольших призимовочных пастбищах можно было содержать небольшое число скота. Сказывалось здесь и имущественное расслоение: зачастую возле богатого скотовода жило несколько семей его бедных родственников¹⁹¹.

Авторы, описывавшие северных казахов, почти ничего не сообщают о формах их общественной организации. А. Н. Харузин лишь мельком замечает, что падение племенного строя в Зауральской Малой орде было менее заметно, чем у букеевцев¹⁹². А. И. Добромыслов отмечал, что с введением волостной системы управления аулы казахов Тургайской области стали образовываться из разноплеменного населения, составляясь из хозяйств, относящихся к разным «родам»¹⁹³.

В начале XX в. у казахов Акмолинской области аулы формировались как группы пользователей призимовочных угодий — кстау. При этом они создавались не по родственному признаку, а исходя из хозяйственных и т. п. соображений из представителей разных «родов». Группы, пользовавшиеся постоянно одной зимовкой, могли состоять из одного или нескольких аулов, что зависело от размеров пастбищ¹⁹⁴. При этом многоаульных зимовочных общин было больше, чем одноаульных. По мнению источника, это укрупнение общин на кстау было связано с общим сокращением пастбищных земель в области (из-за наделения землей переселенцев и т. п.)¹⁹⁵. Одновременно отдельные аулы становились меньше

¹⁸⁸ См. А. Н. Харузин. Киргизы Бухеелской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, стр. 44.

¹⁸⁹ См. там же, стр. 41, 42.

¹⁹⁰ См. там же, стр. 42, 43.

¹⁹¹ См. там же, стр. 69, 71.

¹⁹² См. там же, стр. 41, 42.

¹⁹³ См. А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской обл., стр. 323.

¹⁹⁴ «Киргизское хозяйство...», т. IV, стр. 57, 58.

¹⁹⁵ Там же, стр. 60.

(скорее всего за счет дробления больших семей), кстау же становились крупнее¹⁹⁶. Эти процессы происходили уже вне рамок традиционной племенной организации. Возникавшие новые группы не связывались генеалогическим «родством» в новые племенные подразделения, а представляли собой хозяйственно-территориальные образования. Все это приводило к сильному ослаблению родственных и племенных связей¹⁹⁷. Летние кочевые аулы на джайляу складывались либо из близких родственников, либо из дружных соседей по кстау¹⁹⁸.

В большей, пожалуй, степени, чем у других казахов, сохранялись традиционные черты общественной организации у прикаспийского и приаральского населения, оставшегося, как это было показано выше, кочевниками. Однако и у них распространение полуседлости, появление групп джатаков сказывались в разложении племенной структуры. Адаевский кочевой аул не представлял собой в начале XX в. чисто родственное объединение. Его ядро включало чаще всего хозяйства отца и нескольких сыновей, иногда и внуков, нередко к нему примыкали и внуки по женской линии: дети дочерей, отданных замуж в другие аулы и сеоки. Полноправными членами аула были зятья, приемные дети, а также пастухи на срок «кюектенъ коекке», т. е. от времени случки овец до ягнения (около 4—5 месяцев: с 15 октября по 15 марта)¹⁹⁹. Такой аул (по терминологии А. Н. Букейхана «пастушеский») состоял из 2—4 хозяйств и кочевал большую часть года. Хозяйства аула пасли и поили совместно скот, охраняли его, при необходимости помогали друг другу. Богатые аулы состояли зачастую из 2—3 хозяйств близких родственников и наемных сезонных пастухов²⁰⁰. Но в силу особенностей условий для хозяйства в местах кочевания адаевцев «пастушеские аулы», за исключением особо богатых, вынуждены были кочевать не по отдельности, а объединяясь в более крупные группы, называемые А. Н. Букейханом «пастушеские общины». Эти общины включали в себя 2—3 «пастушеских аула», иногда связанных родством. Такая община держалась обычно весь год вместе, а при перекочевках они рыли совместно колодцы, что было бы не под силу одному аулу. Таким образом, кочевая община должна была иметь как раз столько рабочих рук, сколько было необходимо для сооружения за один день колодца, дававшего достаточно воды для поения скота. Часто аулы, входившие в общину, нанимали совместно пастухов для пастьбы табунов лошадей и стад верблюдов²⁰¹. Если минимум числа хозяйств аула и общины определялся числом рабочих рук,

¹⁹⁶ «Киргизское хозяйство...», т. IV, стр. 53.

¹⁹⁷ Там же, стр. 55.

¹⁹⁸ Там же, стр. 37.

¹⁹⁹ См. А. Н. Букейхан. Казаки Адаевского уезда. Сб. 5, стр. 64.

²⁰⁰ См. там же.

²⁰¹ См. там же.

необходимых при строительстве колодцев по путям кочевания, то предел их численности ставился ограниченностью водных источников и отсутствием обильных пастбищ. Поэтому адаи на летовках в отличие от казахов других областей не селились большими группами, а продолжали кочевать небольшими аулами или общинами, часто меняя пастбища²⁰². В случае неблагоприятной погоды или состояния пастбищ аул или община разбивались на группы пастухов и каждая с каким-либо видом скота уходила на время в места, где можно было найти корм. Естественно, что при таком способе ведения хозяйства и племенная структура, и родственные связи, как действительные, так и основанные на мифическом генеалогическом родстве, были еще достаточно прочны. Однако у тех групп адаев, которые переходили к полуоседлости или оседлости на севере своей области кочевания по рекам Илек и Сагыз, племенные связи быстро рыхлелись и обычными были аулы, где около зажиточных хозяйств группировались бедняки самых разных племенных групп²⁰³.

Ослабление племенных связей у приаральских казахов наблюдал А. Ашмарин, указывавший много аулов, где вокруг зажиточного скотовода группировались его бедные родственники, являющиеся, по существу, его батраками²⁰⁴.

В конце XIX в. присырдарьинские казахи все еще сохраняли некоторые черты племенной организации. Группы совместно кочующих хозяйств состояли преимущественно из лиц, связанных принадлежностью к одному племенному подразделению, и из посторонних допускались лишь родственники по женской линии и бедняки, которых нанимали в качестве работников²⁰⁵.

Среди казахского населения Горного Алтая широко бытовали в рассматриваемое время хозяйственные объединения у средних по зажиточности хозяйств. Скотоводы объединялись по нескольким хозяйствам, и чаще всего по 3—4, для совместного выпаса скота. Объединялись из такого расчета, чтобы составилось овечье стадо из 300—500 голов, табун из 40—80 лошадей, стадо из 30—60 коров. Пасли эти стада наемные пастухи. Скотоводческое объединение называлось «аул». Богачи и бедняки не участвовали в подобных объединениях: первые имели достаточно скота, чтобы образовывать численно полноценные стада, вторым это было неудобно, так как пришлось бы объединяться слишком большому числу хозяйств, а для кочевания не было транспорта. Поэтому бедняки предпочитали пасти свой скот в стаде богатых родственников, пользуясь их выючным транспортом при перекочевках, за что расплачивались различными услугами и помощью при пастьбе ско-

²⁰² См. А. Н. Букейхан. Казаки Адаевского уезда. Сб. 5, стр. 70.

²⁰³ См. С. И. Руденко. Очерк быта казаков рек Уила и Сагыза. Сб. 5, стр. 10.

²⁰⁴ См. А. Ашмарин. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки. СК, 1925, № 5—6, стр. 11.

²⁰⁵ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы..., стр. 109.

та²⁰⁶. Сохранялось у алтайских казахов и племенное деление на группы «руу», подразделявшиеся на «быр топ», которые именовались по имени прародителя, и на «суеки», состоявшие из родственников по мужской линии до 7-го колена²⁰⁷.

Одновременно с разложением племенной формы организации падало значение и многих племенных институтов, и в частности грабительских набегов «баранта». Широко распространенная до времени укрепления русского влияния в Казахстане и вплоть до середины XIX в., баранта представляла собой закрепленные в обычном праве форму и способ осуществления судебного решения. Как полагают некоторые исследователи казахского адата, отсутствие сильной общественной власти породило особый способ исполнения судебных приговоров — баранту, выражавшуюся в уgone пострадавшей стороной скота у обидчика. По правилам адата, «если осужденный не исполняет приговора суда, или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право, с позволения своего старейшины, произвести баранту...²⁰⁸. Баранта признавался общественным мнением законным и справедливым способом удовлетворения претензий, что видно из того места, которое ей уделялось в адате и из ее оценки. Баранта существенным образом отличалась от обычного грабежа у соплеменников, осуждаемого как обычным правом, так и общественным мнением.

Широкое распространение баранты имело губительные последствия для казахского хозяйства, ибо баранта приводила множество семей к разорению и углубляла имущественную дифференциацию. Кроме того, баранта препятствовала нормальному ведению скотоводческого хозяйства, так как из-за боязни подвергнуться ей сокращали и изменяли кочевые пути,—задерживалось развитие оседлости на зимниках. Русские власти неуклонно боролись с грабительскими набегами казахов, в первую очередь на русские области, но также и против баранты. При ханском управлении эти мероприятия не имели очевидного успеха, так как местная власть не располагала средствами для искоренения этого вредного обычая. Небольшого сокращения баранты удалось достигнуть при султанской форме управления. И только во второй половине XIX в. с введением новой административной системы управления, новых законов удалось к концу века свести баранту до минимума.

Собственность на средства производства. Проблема собственности на основные средства производства у казахов в XIX в. освещается различными по характеру источниками. Много данных

²⁰⁶ См. Г. Е. Марков. Отчет об Алтайской экспедиции в 1961 г., стр. 9, 10. «Архив кафедры этнографии МГУ». [Рукопись].

²⁰⁷ См. С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казахов. Сб. 7, стр. 59.

²⁰⁸ См. А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25. Оренбург, 1911, стр. 10.

содержат наблюдения русских чиновников и путешественников, изучавших разные стороны жизни казахов. Но особенно важны нормы обычного права, позволяющие наиболее полно и объективно исследовать рассматриваемое явление. Обычное право отражает многовековой опыт народа, причем оно представляет собой не окостеневший свод юридических норм, а явление, постоянно развивающееся сообразно требованиям жизни, довольно гибко отражая происходящие в обществе социально-экономические сдвиги.

Начиная с первой четверти XIX в. русскими чиновниками была проделана значительная работа по собиранию и изучению казахского обычного права. При этом главная ценность этого материала заключалась в том, что обычаи были собраны в степи непосредственно у знатоков казахского адата: биев, аксакалов и старейшин. Многие записи адата подтверждены подписями и печатями всех этих лиц и заверены султанами-правителями²⁰⁹. Собирали и записывали казахское право большей частью лица, знакомые с жизнью казахов, имевшие правительственную установку объективно отражать нормы адата и лично не заинтересованные в их извращении²¹⁰. Скорее можно было ожидать, что «информаторы», происходившие из господствующей прослойки казахского общества, будут стремиться представлять нормы права в выгодном для этой прослойки свете. Однако сопоставление отдельных записей обычного права между собой и с личными наблюдениями чиновников и путешественников показывает, что сведения давались, как правило, объективные и отражали действовавшие в то время правовые нормы.

Скот и в рассматриваемую эпоху представлял собой частную собственность, предмет свободной купли-продажи, что неопровержимо подтверждается как свидетельствами очевидцев, так и соответствующими разделами обычного права²¹¹.

Думается, что однозначный ответ может быть дан и на вопрос о собственности на землю и воду. Из записей обычного права первой половины XIX в. видно, что пастбищная земля рассматривалась как общинно-племенное владение, в рамках которого осуществлялось пользование землей кочевыми группами. Как отмечал один из чиновников, занимавшийся записью правил адата, «сообразно роду жизни киргизов, у них вовсе не видно постановлений, относящихся до определения прав на владение по земельным»²¹². Совершенно свободным было летнее кочевание. По обы-

²⁰⁹ «Материалы по казахскому обычному праву», т. I. Алма-Ата, 1948, стр. 8.

²¹⁰ Там же, стр. 74.

²¹¹ См., например, А. И. Добромьслов. Суд у киргиз Тургайской обл. ТОУАК, в. 25, 1911, стр. 6; А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, 1911, стр. 11.

²¹² «Материалы по обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г.». «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 92.

чаем перед весенними перекочевками хозяева стад советовались со старшинами относительно назначения места, на которое должны перекочевать, и времени кочевки. «При перекочевках на новые места один из старших в ауле за несколько до того дней осматривает места, для новой кочевки... после чего в ауле делается совещание, и по общему согласию весь аул перекочевывает на новые места...»²¹³. Адат устанавливал, что «ни под каким видом ордынец не имеет права изъяслять претензии, если на место обыкновенно занимаемое им прикочуют аулы совершенно ему чужие, но должен искать для себя другое место... Кто первый занял место в степи, тому на время принадлежит и самое то место»²¹⁴.

Пользование летними пастбищами определялось правом первозахвата, что отмечается во всех записях адата и личных наблюдений. Поэтому каждый кочующий аул высылал передовых разведчиков. «Обычай велят передовым, при перекочевках, делать знаки там, где желают они расположить свои аулы. Для обозначения этого приняты три знака: воткнутый укрюк (длинный шест с веревочной петлей на конце для ловли лошадей), начерченная на песке или глине родовая тамга и завязывание узлов из высокой травы. Никто не имеет права придти и занять место, отмеченное одним из сих трех знаков». Адат определял порядок установления принадлежности пастбища, если на него претендовали одновременно разные лица: «Когда заспорят об одном и том же месте два вожака», то принималось во внимание, «если из спорящих один султан, а другой простой киргиз, то спорное место уступается первому; если одно из спорящих лиц бий, а другое известный в целом роде аксакал, старейшина, то уступка делается в пользу последнего; если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остается за первым; если спорящие оба простые киргизы, то уступка делается старейшему из них по летам». Но место, кем-то уже занято, не могло оспариваться даже представителем наиболее привилегированного слоя»²¹⁵.

Некоторые ограничения в пользовании землей, впрочем, в рамках общинно-племенного землевладения начали намечаться в первой половине XIX в. в отношении зимних пастбищ, сенокосных угодий и пахотных земель. На первые две категории земель складывалось право давности, пахотные земли находились в личном пользовании все то время, пока они обрабатывались²¹⁶. По обычному праву «степь, занимаемая ими (казахами. — Г. М.), за исключением зимовок, не составляет ничьей исключительной собственности, а состоит в общем их пользовании». И далее: «Распределение зимовок происходило когда-то таким же образом, как

²¹³ Там же, стр. 82, 88.

²¹⁴ Там же, стр. 139, § 40.

²¹⁵ См. Л. Баллюзек. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона. ЗООРГО, в. 2, 1871. Казань, 1872, стр. 159; А. И. Добромыслов. Суд у киргиз..., стр. 75, 76.

²¹⁶ «Материалы по казахскому обычному праву».

распределение летовок, а затем утвердилось право давности»²¹⁷.

Адат предусматривал, что «неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроил повторные приюты для скота своего... но в прочих случаях как на все летнее время право на местность не существует». О зимней тебеневке говорилось в обычном праве, что «право на место для тебеневки одинаково как на луговые места летом, т. е. равно пользуются степью, все одинаково свободны искать себе приют там, куда повлечет их собственное побуждение»²¹⁸. Обычное право предусматривало мягкие наказания за нарушение прав пользования. Так, «кто самовольно займет стойбищем или скотом чужие места, то оно только сгонят с места, а присмотрщиков бьют и тем дело решится без дальнейшего взыскания»²¹⁹.

Все эти юридические нормы свидетельствуют о том, что по правилам адата, записанным со слов представителей господствующей у казахов прослойки, сословная монопольная собственность на землю отсутствовала.

Вследствие резкой имущественной дифференциации землепользование оказалось на практике неравным. Богачи пользовались большей частью пастбищ, бедняки довольствовались скудными и неудобными участками. Но в сознании народа все пастбища оставались общими. И когда бедняк обращался за помощью к богатому скотоводу, то говорил: «Дай мне траву твоего скота» (т. е. просил возместить чем-то ту общую траву, которую этот богатый скотовод использовал для откорма своего скота)²²⁰.

Источники отмечают, что к 40-м годам XIX в. значительное распространение получил захват участков пастбищ богатыми скотоводами в личное пользование. Из официального документа того времени следует: «...Из земель, предоставленных всей орде и потому составляющих общественную оной принадлежность, некоторые их старшины имели в исключительном своем пользовании, как бы отдельную собственность, огромные участки...». Это приводило к тому, что некоторые аулы испытывали недостаток в пастбищах, «вынуждаясь для пастбы своего скота нанимать земли, не говоря уже о соседственных владельцах, у своих же соплеменников, раздающих оные из платы за излишеством для собственной потребности»²²¹. Однако захват был характерен далеко не для всех местностей Казахстана, и встречался большей частью только в прилинейных областях. К тому же русская администрация препятствовала концентрации земли в руках отдельных скотоводов, что видно из зако-

²¹⁷ Л. Баллюэк. Народные обычаи... ЗООРГО, в. 2, 1872, стр. 150, 151; «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 139.

²¹⁸ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 140.

²¹⁹ Там же, стр. 60.

²²⁰ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы..., стр. 116; А. И. Мякут и н. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, стр. 3, 4.

²²¹ Из предписания оренбургского военного губернатора, 1848 г. Сб. 2, стр. 359.

нодательных постановлений того времени: «...Земли будут отводиться... лишь во временное пользование, без всякого стеснения других кочевников: самые участки будут отдаваться только в таком случае, когда на отвод их изъявят согласие свое одноульцы и соседи, и с обоюдного согласия общества...»²²².

Неоднократно высказывалось мнение, что общинное землепользование и землевладение были лишь формой, внешним признаком пользования землей и что в действительности пастбища находились в распоряжении лиц, руководивших кочеванием. Мнение это не подтверждается, однако, фактическими данными, которые свидетельствуют о том, что общинно-кочевое землевладение составляло основу поземельных отношений, не имевшей надстройки в виде монопольной собственности на землю какого-либо сословия или класса. Источники прямо утверждают, что каждый хозяин стада волен тронуться и остановиться, когда он хочет. Аксакалы и богачи советовали, но не принуждали при выборе пастбищ²²³. Важно отметить и то обстоятельство, что чиновники, занимавшиеся записью норм обычного права, сопоставляли обычаи адата с действительным положением вещей и отмечали случаи несовпадения. В отношении землепользования подобных несовпадений отмечено не было²²⁴. В связи с этим представляется, что мнения авторитетных исследователей казахов о том, что «до русского владычества земля не считалась личной собственностью. Она принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился или обрабатывал»²²⁵, а «у киргизов, по условиям их кочевой жизни, не могло быть индивидуальной земельной собственности; земля принадлежала всему народу»²²⁶, и многих других, названных выше, можно считать справедливыми. Если бы в действительности собственность на землю находилась в руках представителей привилегированной верхушки, это нашло бы, несомненно, отражение в записываемых с их слов и подтверждаемых биями и султанами нормах обычного права.

Иное положение сложилось в области, занимаемой Букеевским жузом. Получив от царской администрации формальную власть над народом, ханы ввели новые правила землепользования. Хан Джангир присвоил себе право верховного собственника всех земель Букеевской орды. Вот что пишет хорошо осведомленный в делах Внутренней орды П. И. Небольсин: «Букеевские степи, пожалованные высшею властью целому народу для его благосостояния, обратились как бы в личную собственность самого хана Джангера. Он не делил землю, как должно между киргизами

²²² Из предписания оренбургского военного губернатора., Сб. 2, стр. 496.

²²³ См. Н. И. Гродек ов. Киргизы и каракиргизы..., стр. 110.

²²⁴ См., например, «Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 г.». «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 139 и сл.

²²⁵ Н. И. Гродек ов. Киргизы и каракиргизы..., стр. 102.

²²⁶ А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, стр. 9.

водиться, между родами поровну, а сам пожаловал ее (из-за материального ли вознаграждения, или за особенные заслуги—неизвестно) киргизским родам, своим приближенным и родственникам и султанам, по собственному своему благоусмотрению. Таким образом, лучшими землями он пользовался сам или его приближенные, а также наделил род ногай—хотя они не киргизы. Бедным киргизам стало негде пасти свой скот и они стали искать пристанища у соседних владельцев»²²⁷. Потребность в земле была настолько велика, что от 6 до 7 тыс. кибиток были вынуждены откочевать со своим скотом с земель Букеевской орды и зимовать на берегах Каспийского моря. Огромные стада лошадей, до 100 тыс. голов, отгонялись в другие уезды на тебеневку, где с их владельцев взималась плата за пастбища²²⁸. Естественно, что неблагоприятные условия, в которых оказались переселенцы-букеевцы, нарушение привычного хода их хозяйства привели в скором времени, раньше, чем у других групп казахов, к разложению кочевнических традиций как в хозяйстве, так и общественной организации. Отмена в 1845 г. ханской власти в орде и переход земли в государственную собственность уже ничего не могли изменить в этом процессе.

Во второй половине XIX в. произошли дальнейшие изменения в землепользовании казахов, вызванные как развитием внутренних социально-экономических процессов, так и вследствие законодательного акта 1868 г., установившего государственную собственность на земли, занимаемые кочевниками. В рамках верховной государственной собственности казахам представлялось право бессрочного «общественного» пользования землями. Устанавливалось общинное владение землей, на которую члены общин имели право пользования.

Закон гласил: «Земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса, признаются государственной собственностью». «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правах сего Положения». «Зимовья стойбища и обрабатываемые земли предоставляются в бессрочное общественное пользование каждой волости и каждого аульного общества отдельно, по действительному пользованию и согласно обычаям, а в случае споров—по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства»²²⁹. Характерно, что в законодательстве отмечалось, что оно вводится по фактическому состоянию землепользования, соответствует обычаю общественного пользования поземельными угодьями, ничего в нем не изменяя²³⁰.

Существенно, что законодательство устанавливало различия

²²⁷ П. И. Небольсин. Очерки Волжского Низовья. ЖМВД, 1852, ч. 39, стр. 230.

²²⁸ См. там же, стр. 230, 231.

²²⁹ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., стр. 103, 106.

²³⁰ См. там же, стр. 106, 107.

в пользовании разными категориями сезонных пастбищ. По введенной территориально-административной системе летние пастбища предоставлялись в пользование уездам по обычаям. Зимние предоставлялись в наследственное пользование волостям²³¹. Как отмечают источники, до введения этого правила небольшая часть скотоводов-казахов еще не имела постоянных зимних пастбищ²³².

Летние пастбища не делились между населением уезда и в их отношении сохранялся старый обычай сезонного первозахвата. Каждое племенное подразделение придерживалось обычно традиционных путей кочевания²³³, однако нередко целые группы кочевали в чужих волостях и уездах²³⁴. Зимники распределялись аульными сходами между всеми членами. Выделявшиеся же женатые сыновья не получали от родителей доли зимника и наделялись землей из общественного фонда. Когда на зимниках возводились постройки или делались насаждения, они и земля под ними переходили по наследству²³⁵. Нескольким прогиворечивым мнениям источников относительно принципа распределения земли на зимниках. Одни отмечают, что он отвечал закону и аульные сходы наделяли зимними пастбищами по количеству скота и размерам хозяйства²³⁶. По другим наблюдениям, съезды руководствовались при этом потомственным пользованием и выделяли каждому хозяину участок под зимник, смотря по тому, чем пользовался его отец. При этом количество скота во внимание не принималось, за исключением отдельных случаев, когда богатым скотоводам удавалось настоять на своем праве²³⁷. По всей вероятности, источники говорят о разных местностях. При этом, однако, судя по многим наблюдениям, наиболее распространенным становился принцип раздела зимников по числу скота.

Уже в 70—80-х годах XIX в. во многих областях Казахстана стала наблюдаться нехватка зимников и сенокосов, так как поголовье скота заметно возрастало. Менее состоятельным хозяйствам не хватало зимовок, им приходилось пользоваться худшими пастбищами, что делало их скот более уязвимым для джута. Это влекло за собой дальнейшее усиление имущественного расслоения²³⁸. Частыми стали споры из-за пастбищ, приводившие порой к столкновениям²³⁹. Вследствие всех этих признаков землепользо-

²³¹ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы..., стр. 108.

²³² См. И. И. Крафт. Сборник узаконений..., стр. 76.

²³³ См. А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, стр. 18.

²³⁴ См. П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, в. 1. Омск, 1886, стр. 38.

²³⁵ См. А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, стр. 17.

²³⁶ См. там же.

²³⁷ См. П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения..., стр. 41.

²³⁸ См. там же, стр. 39.

²³⁹ См. там же, стр. 41; В. Д. Тронов. Обычай и обычное право киргиз. ИРГО, т. 17, в. 2. СПб., 1891, стр. 79; И. Козлов. Обычное право киргизов. «Памятная книжка Западной Сибири», Б. м., 1882, стр. 338.

вание становилось все более неравномерным, и большая и лучшая часть пастбищ переходила в фактическое пользование зажиточных скотоводов²⁴⁰. Только в отдельных, экономически более отсталых местностях Казахстана пастбища имелись в достаточном количестве, и зимниками наделялись даже хозяйства без скота, сдававшие эти угодья часто в аренду²⁴¹.

В отношении водных источников обычное право признавало право частной наследственной собственности на колодцы и арыки, сооружения с соблюдением известных обрядов (заклание животного). Даже заброшенные водные источники, улучшенные новыми водопользователями, возвращались по требованиям их старых хозяев. При сезонных перекочевках в отношении водных источников существовал тот же обычай первозахвата, что и в отношении пастбищ²⁴².

До середины XIX в. право на некоторые колодцы определялось старыми ханскими ярлыками. Однако в этих ярлыках говорилось только о воде, земля не оговаривалась, что создавало в их владении некоторую неопределенность²⁴³.

Интересные наблюдения о землепользовании у казахов в рассматриваемое время сообщают исследователи их быта.

Хороший знаток кочевого казахского хозяйства Красовский отмечал, что до 60-х годов XIX в. постоянные перекочевки происходили не только летом, а нередко и зимой. Он же пишет: «С давних времен такие, более или менее постоянные стоянки, определил для себя каждый отдельный род, но прежде не особенно привязывался к ним, потому что в силу господствовавших в то время в степи понятий об общинном владении землей, зимовки иногда приходилось менять так же, как и места обычных летних передвижений, чему в особенности способствовали еще порождаемые барантой междоусобия»²⁴⁴.

Красовский подчеркивает, что при новом управлении (русском) стали более постоянными места зимовок; с ростом степного населения стали дорожить зимовками. Увеличение населения в степи этот автор связывает с установлением в тех местах спокойствия под властью русской администрации. По его же словам, одновременно с установлением постоянного местожительства на зимниках, где скотоводы проводили 6 месяцев (включая весеннее и осеннее кочевание в недалеких окрестностях), определились и более постоянные летние передвижения и пастбища. При этом выбор летних путей кочевания и кочевий уже не подчинялся соображениям баранты, необходимости держаться подальше от враждебных аулов, а исходил из хозяйственной целесообразности, желая находиться летом ближе к новому административному

²⁴⁰ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы..., стр. 102.

²⁴¹ См. П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения..., стр. 55.

²⁴² См. А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, стр. 24, 25.

²⁴³ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы..., стр. 105.

²⁴⁴ Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 14.

центру — волости, где всегда оказывались дела к русскому начальству и где находился базар. В связи с этим летом, по наблюдениям Красовского, население скучивалось, а осенью снова размещалось по зимовьям ²⁴⁵.

Любопытные изменения подметил он же и в организации перекочевок, отмечая, что в прошлом небольшие группы скотоводов, объединявшиеся по родственному признаку, рассеивались летом по всему простору степей. Такой способ кочевания встречался и во времени Красовского; аулы, состоявшие из родственников, сткочевывали на лето в соседние волости, где кочевали родственные им семьи. Но со временем родственное начало стало уступать территориальному. На летние пастбища двигались зачастую уже целыми административными волостями. Аул шел от аула на небольшом расстоянии, стараясь не уходить далеко от своего окружного приказа ²⁴⁶.

Красовский перечисляет признаки, которыми стали руководствоваться скотоводы при выборе летних кочевий: стремлением не уходить далеко от своего окружного центра, если зимовья расположены от него на большом расстоянии, с тем, чтобы иметь возможность решать все необходимые дела. Или если зимовка близко от него, то предпочтительно держались летом около базара. При этом старались не уходить далеко от родственных аулов, но это соображение начинало становиться второстепенным. При выборе путей кочевания избирали их таким образом, чтобы обходить стороной пастбища около чужих зимников, так как порыва могла вызвать ссоры, баранту и т. п. ²⁴⁷.

Места зимовок, не являясь чьей-либо частной собственностью, закреплялись за их пользователями обычаем. Если хозяин оставлял зимовку, что бывало обычно следствием потери скота, а взбравшись на нее через несколько лет, заставал занятой, он мог потребовать освободить ее. Но при этом должен был уплатить определенное вознаграждение, так как его право на зимник основывалось не на собственности, а на обычае первозахвата. Скотовод, занявший зимник, оставленный его хозяевами, мог отказаться от вознаграждения и остаться на месте. Тогда начиналась ссора, кончавшаяся чаще всего барантой ²⁴⁸.

Отсутствие прочных обычаев о правах пользования зимниками приводило к тому, что и в рассматриваемое время там редко создавались оседлые жилые и хозяйственные постройки.

Весьма подробно о формах пользования пастбищами у казахов сообщает А. К. Гейнс. Он отмечает, что в отношении летовок в 60-х годах XIX в. продолжала бытовать старая традиция,

²⁴⁵ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 14, 15.

²⁴⁶ См. там же, стр. 16.

²⁴⁷ См. там же, стр. 17.

²⁴⁸ См. там же, стр. 17, 19.

по которой каждый аул и хозяйство могли беспрепятственно пользоваться ими в границах земель своей племенной группы. Кочевание за пределами этих границ могло вызвать недоразумение. Так, например, сильные стычки из-за пастбищ происходили в 1866 г. в Оренбургской степи²⁴⁹.

К середине 60-х годов XIX в. в северных и центральных областях Казахстана зимовки стали использоваться одними и теми же скотоводческими группами. В границах зимовок выделялись пастбища отдельным семьям. Эти разделы производились старшинами кочевых групп, но право на пользование зимовками не закреплялось ни присутствием свидетелей, ни официальными актами. В случае споров между родичами по поводу зимовок аульные старшины созывали по требованию аксакалов аульный сход, который решал вопрос. В случае несогласия сторон обращались к бию. В местностях, где зимовочных пастбищ не хватало, их арендовали или по возможности захватывали²⁵⁰.

А. К. Гейнс приводит примеры поземельных отношений у групп казахского населения, в значительной мере осевших. Так, в Баян-Аульском округе размеры зимовок у отдельных кочевых групп были неодинаковы и зависели от качества пастбищ. При каждом разделе или выделении зимовочных земель изо всех окрестных аулов собирались почетные люди и в их присутствии ставились межевые знаки.

А. К. Гейнс описывает зимник (кстау) протяженностью в 15 верст, который был разбит на три части; на каждой из них помещалась группа хозяйств ближайших родственников. Каждое семейство имело собственный участок. Если после смерти отца оставалось несколько сыновей, они получали надел не из отцовской части, а с общего согласия всей скотоводческой группы делили всю площадь трех главных участков. Зимовкой пользовались не только родственники, но и 3 семейства, принятые с общего согласия. Если аул располагался на хороших пастбищах, все составляющие его семьи кочевали круглый год по окрестным коллдам, не удаляясь от зимников далее 3—4 верст. Благодаря этому жители аула имели возможность охранять кстау от потрав²⁵¹.

У прикаспийских адаевцев закрепление пастбищ за определенными пользователями не практиковалось; кочуя летом на север, население пасло скот на чужих пастбищах, что часто приводило к недоразумениям²⁵².

Данные отмеченных выше авторов подтверждаются и другими источниками, описывавшими разные области Казахстана. Так, И. Ф. Бларамберг указывает, что «не должно однако думать,

²⁴⁹ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 2. СПб., 1898, стр. 144, 572.

²⁵⁰ См. там же, стр. 229, 230, 329.

²⁵¹ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 2, стр. 60.

²⁵² См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 139; СЛТ, т. 2, стр. 56.

чтобы каждый аул занимал непременно каждый год одно и то же место; напротив, слишком большая засуха перегоняет их с полей, сгоревших от пожаров, на те, которые освежены были дождями... в хорошее, обыкновенное лето киргизы бывают разбросаны небольшими аулами на значительном расстоянии друг от друга; а при большом неурожае трав они теснятся в каком-нибудь одном участке, где более удобств для прокормления скота»²⁵³. Но при этом И. Ф. Бларамберг отмечает, что зимовки занимают все же более или менее определенные места, однако не представляют собой чьей-либо частной собственности. Летовками пользуются первые, их захватившие. Поэтому, по словам этого автора, нельзя назвагь точных мест летовок той или иной группы. Кочуя, члены их постоянно двигаются; пока передовые аулы останавливаются, идущие сзади их обгоняют, стараясь занять новые места²⁵⁴.

Но отсутствие частной собственности на пастбища еще не означало, что они использовались беспорядочно. Хотя правило и не было безусловным, но каждый жуз, каждая племенная группа пользовались примерно определенными пастбищами и кочевание по «чужим» пастбищам происходило не всегда беспрепятственно, места же зимовок стали охраняться весьма тщательно.

И. Ф. Бларамберг пишет: «Рода, кочующие в глубине степей, присоединяют к тому некоторые понятия об овладении местами кочевок, которые они по преданию считают своей собственностью, и защищались оружием»²⁵⁵.

Л. Мейер сообщил, что пасти скот возле чужих зимовок не позволялось. В середине 60-х годов XIX в. это приводило к дракам, а раньше — к баранте²⁵⁶. Но существовали и такие местности, где строгого распределения пастбищ не существовало и где «гонят куда хотят»²⁵⁷. Закрепление пастбищ, и прежде всего зимников, за определенными племенными группами, а в рассматриваемое время административными единицами, было связано не только с тем, что возросло население степей.

Особо стали цениться зимники поблизости от административных центров и базаров с распространением более интенсивных способов и видов ведения хозяйства: сенокосения и земледелия — и развитием имущественной дифференциации, о чем речь пойдет ниже. Закреплению пастбищ за определенными группами скотоводов в значительной мере способствовали административные реформы, проведенные русскими властями в степи, в результате которых не только были созданы административные единицы — волости и т. п., но и приблизительно намечены территориальные границы их кочевий.

Немаловажные изменения произошли у казахов в конце XIX —

²⁵³ И. Ф. Бларамберг. Земля киргиз-кайсаков..., стр. 92.

²⁵⁴ См. там же, стр. 93, 94.

²⁵⁵ И. Ф. Бларамберг. Земли киргиз-кайсаков..., стр. 95.

²⁵⁶ См. Л. Мейер. Материалы для географии и статистики..., стр. 247.

²⁵⁷ И. И. Завалишин. Описание ..., т. 3, стр. 106.

начале XX в. и в формах собственности и пользования пастбищами, угодьями, пахотной землей, колодцами и т. п. Но изменения в этих, как и в прочих социально-экономических явлениях, происходили неравномерно в разных областях Казахстана в зависимости от большего или меньшего сохранения кочевничества, влияния соседних земледельческих народов и т. п.

Естественно предполагать, что старинные традиции и обычаи в отношениях собственности наиболее сохранились в местностях, где кочевое скотоводство еще продолжало оставаться важнейшей, определяющей отраслью хозяйства. Примеры подобных отношений можно было видеть в прикаспийских и приаральских степях.

Отдельные хозяйства, «пастушеские аулы» и «скотоводческие общины» не имели в Прикаспии никаких земельных угодий в своем исключительном пользовании и объединялись не на основе общего владения пастбищ, а в целях совместного кочевания, выпаса скота и т. п. хозяйственных соображений²⁵⁸. «Любой аул или община останавливаются на любом месте, где мог бы остановиться и другой аул, с таким же правом»²⁵⁹. Ни пастбища, ни водоемы, ни колодцы не составляли чьей-либо собственности, а на равных правах ими пользовались все кочевники уезда, особенно если эти водоемы были естественными, или колодцы — старинными. Некоторые преимущества в пользовании имели лица, соорудившие новый колодец (шингарау). Эти лица не становились частными собственниками колодцев, но приобретали (по обычаю) право первыми поить свой скот. Одновременно с лицами, заплатившими за строительство шингарау, приобретали право первоочередного поения скота все связанные с ним родством до 18 колена, т. е. целая племенная группа. На севере, на летних кочевьях, обычно рыли мелкие временные колодцы, ими пользовалась обща вся аульная община, участвовавшая в их сооружении²⁶⁰.

При перекочевках преимущество при пользовании пастбищами в данном месте имели скотоводы, прибывшими первыми. По обычаю каждая кочующая группа высылала вперед отряд верховых родственников, которые выбирали пастбища и ставили на нем знак — приминали траву у водооя. Этого обычно бывало достаточно для того, чтобы другие аулы не задерживались на уже облюбованном кем-то месте. Но бывали и случаи, когда из-за особенно привлекательных пастбищ разгоралась борьба²⁶¹.

Свидетельства А. Н. Букейхана об обычаях пользования пастбищами прикаспийских казахов целиком подтверждаются наблюдениями Ф. А. Фиельструппа. Он пишет, что, передвигаясь с места

²⁵⁸ См. А. Н. Букейхан. Казаки Адаевского уезда. Сб. 5, стр. 64.

²⁵⁹ Там же, стр. 67.

²⁶⁰ См. там же, стр. 68.

²⁶¹ См. там же, стр. 70.

на место в поисках пастбищ, кочевники считают своей кратковременной собственностью только ту землю, на которой стоит аул в данный момент²⁶². При этом правом свободного пользования в области расселения адаев пользовались не только постоянные местные жители, но и прикочевавшие посторонние скотоводы²⁶³. Приходя летом на северные пастбища, адаи и там руководствовались своим обычаем права первозахвата²⁶⁴. Адаи и другие кочевые группы, достигнув весной богатых травой равнин, шли к летним пастбищам на север широким развернутым фронтом, более или менее крупными группами, самостоятельно выбирая себе пути и удобные попутные остановки. Более многочисленные, сильные и подвижные, чем местное полуоседлое население, они больше считались с потребностями своего скота, чем с правами, и составляли свои кратковременные стойбища в степях, не принадлежавших им, по мнению местного населения²⁶⁵. Свободное кочевание адаев, алимов и других создавало трудности для оседавшего на севере казахского населения, так как появляющиеся там прикаспийские кочевники пользовались пастбищами, основываясь на обычае права первозахвата. Но в начале XX в. процесс оседания развертывался все шире, и к западу от рассматриваемой области степей селившиеся алимы начали захватывать землю в собственность отдельных семей и мелких племенных групп²⁶⁶.

Если на летних кочевьях было достаточно привольно и прикаспийские кочевники ущемляли там только интересы местного населения, не вступая в столкновения друг с другом, то в своих степях, бедных водой, где кочевать приходилось по строго определенным путям по цепи колодцев, кочевым группам, во избежание недоразумений, приходилось договариваться между собой об очередности кочевания и пользования стоянками²⁶⁷.

Ф. А. Фиельструп, подтверждая сведения А. Н. Букейхана об обычаях пользования прикаспийскими казахами колодцами, сообщает о них более подробные данные. Мелкие колодцы (таиз, глубиной до 12 м), сооружаемые кочевой группой на летовках, составляли ее бесспорную собственность на время пользования стоянкой²⁶⁸. Как только группа переходила на новое место, таизом и прилегающими пастбищами могли пользоваться без ограничения другие скотоводы. В пути на летние пастбища не было времени да и возможности рыть новые колодцы, поэтому стремились останавливаться возле старых глубоких колодцев или естественных водоемов на такырах, право пользования которыми ни для кого не ограничивалось.

²⁶² См. Ф. А. Фиельструп. Скотоводство и кочевание. Сб. 6, стр. 81.

²⁶³ Там же, стр. 80.

²⁶⁴ См. там же, стр. 104.

²⁶⁵ См. там же, стр. 79.

²⁶⁶ См. там же, стр. 80.

²⁶⁷ См. там же, стр. 104.

²⁶⁸ См. там же, стр. 105.

В прикаспийских степях приходилось пользоваться глубокими колодцами (шингарау, до 60 м), сооружение которых обходилось дорого, так как приходилось нанимать мастеров и рабочих. По обычному праву и такие колодцы, если около них не было их хозяина, могли вместе с прилегающими пастбищами использоваться любые скотоводы, и появление у колодца его хозяина не меняло положения дел. Но на практике хозяин колодца пользовался правом первоочередного пользования водой колодца и даже мог выгнать посторонний аул, остановившийся возле его колодца. По обычаю после хозяев из колодца разрешалось поить скот всем, кто нуждался в воде. Шингарау обычно назывался по имени лица или главы группы, соорудившей колодец. Хозяевами шингарау бывали отдельные хозяйства или целые кочевые группы.

В последнем случае порядок пользования колодцем устанавливался в соответствии со средствами, вложенными каждым хозяином в его строительство. Колодцем могли беспрепятственно пользоваться все родственники и сородичи владельцев. Чаще всего этот обычай приводил к крупным ссорам у старинных колодцев, когда начинали выяснять чей же предок его соорудил.

Очень многие колодцы сооружались зажиточными людьми для общего пользования как «богоугодное» дело. Нередко такие колодцы строились наследниками по завещанию отца или другого родственника. Эта категория колодцев была чисто общественным достоянием. Несмотря на стремление некоторых хозяйств, особенно зажиточных, закрепить построенные колодцы в свою безраздельную собственность, на практике осуществить это намерение не удавалось, так как при весеннем кочевании через безводные степи эти шингарау были единственными источниками водопоя и переход колодцев в полную частную собственность означал бы невозможность кочевания на север, с Мангышлака и побережья Каспия. Поэтому стремление превратить колодцы в частную собственность встречало единодушный отпор большинства скотоводов (как на рубеже XIX и XX вв., так и в 20-х годах XX в.). Прикочевавшие к колодцу скотоводы присоединялись к хозяйствам, встреченным ими у шингарау,— будь то просто проходящие мимо группы или хозяева колодцев— и пользовались не только водой, но и прилегающими пастбищами. Если травы на пастбищах вокруг колодцев было много, то хозяин колодца, придя к нему и обнаружив посторонних, просто присоединялся к ним. И только если воды и травы было недостаточно, посторонняя группа должна была откочевать, предоставив колодец его хозяевам. В связи с этим шингарау, строительство которого могло обойтись его хозяевам до 100 голов скота, становился в значительной мере общим достоянием²⁶⁹.

Несколько иные порядки сложились в отношении пользования пастбищами в Западном Казахстане. В начале XX в. летние паст-

²⁶⁹ См. Ф. А. Фиельструп. Скотоводство и кочевание... Сб. 6, стр. 105, 106.

бища хотя формально и были разделены между административными группами, но на деле ими пользовались все без ограничения, в том числе и прикочевывавшие с юга скотоводы. Исключением составляли сенокосы, тщательно охраняемые их владельцами из числа местного населения. С правом на сенокосы было связано и право на место кстау, становившееся постоянной собственностью семей и кочевых групп²⁷⁰.

По сообщению источников конца XIX в., в Тургайской области пользование джайляу регулировалось в основном еще традиционным обычным правом, и хозяйства свободно пользовались летовками в границах земель своей племенной группы. Возникавшие недоразумения разрешались съездами выборных представителей скотоводческих групп²⁷¹. Размеры пастбищ у отдельных хозяйств зависели от количества скота. Если богатым скотоводам не хватало летних пастбищ на месте, они получали обычно дополнительные в соседних уездах, где жили их соплеменники. Поэтому считалось обычным, если богачи проживали в нескольких местах²⁷².

Как отмечает А. И. Добромыслов, летние пастбища стали нередко отдаваться в аренду, и в 90-х годах XIX в. даровая пастьба на чужих землях начала отходить в область предания. Зимние пастбища были в это время уже строго разграничены между аульными обществами, состоявшими во многих случаях из людей, относившихся к разным племенным группам²⁷³.

На северо-востоке Казахстана, в атабасарских степях, еще в давние времена, когда казахи расселялись там, их предводители захватили в собственность лучшие пастбища и сенокосы и вели хозяйство с помощью теленгутов. Но со временем они лишились прав на эти земли главным образом в результате административных реформ, когда вся земля была поделена между аульными обществами²⁷⁴. В условиях полуседлого и оседлого хозяйства выработались более определенные, чем в кочевых областях, порядки использования летних и зимних пастбищ. Общее использование летних пастбищ, предусматривавшееся обычным правом, уже не практиковалось, и вторжение посторонних на джайляу сопровождалось крупными скандалами. Только богатые хозяйства имели возможность откочевывать на дальние, никем не занятые пастбища, с хорошей травой.

Царская администрация стремилась ввести некоторый порядок при кочевании, например устанавливая для аульных групп каждой волости обязательные маршруты. Но скотоводы неохотно подчинялись этим распоряжениям и следовали больше обычаю, согласно которому каждый аул имел право на использование прилегающих к его зимнику пастбищ, формально считавшихся угодыа-

²⁷⁰ См. С. И. Руденко. Очерк быта казаков рек Уила и Сагыза. Сб. 5, стр. 9.

²⁷¹ См. А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской обл., стр. 15.

²⁷² См. там же, стр. 16, 20.

²⁷³ См. А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской обл., стр. 20.

²⁷⁴ «Киргизское хозяйство...», т. IV, стр. 41.

ми общего пользования. С сокращением дальности перекочевков становилось особенно важным закрепить призимовочные пастбища в исключительное пользование общин, владевших кстау, что постепенно входило в обычай. Казахи Павлодарского уезда считали зимовки наследственной собственностью и меняли их только по крайней необходимости.

В начале XX в. в присырдарьинских степях сложились своеобразные отношения в области пользования пастбищами и водными источниками и собственности на обрабатываемую землю и колодцы. С одной стороны, здесь еще в достаточной степени были сильны кочевые традиции, но с другой стороны, значительное влияние на разрушение традиционных порядков оказывали развитие земледелия, а также давнее влияние более развитых соседей и подчинение сначала среднеазиатским ханством, а затем России. В меньшей мере изменялись порядки пользования летними пастбищами, в большей — зимними. Пахотные земли и оросительные системы рассматривались преимущественно как частная собственность²⁷⁵.

Как отмечают источники, поземельное пользование в рассматриваемой области было при существовавшей системе распределения пастбищных и пахотных участков очень неравномерным, и лучшие земли находились в руках зажиточных людей, пользовавшихся наемным трудом бедняков²⁷⁶. Лучшие земли превращались в частную собственность. Устройство арыков, усадеб, строений, садов, что было под силу преимущественно зажиточному слою населения, превращало землю в частную собственность²⁷⁷.

В отношении колодцев и оросительных систем у присырдарьинских казахов выработалось правило, по которому лица и община, вложившие труд и средства в их сооружение, становились их собственниками. Они могли не дать посторонним воду. Если группа, соорудившая колодец, откочевывала, она не лишалась права на него, ибо, вернувшись, могла прогнать поселившихся там скотоводов. Право на колодец имели и родственники (до 7-го колена): «тут потрачен труд наших дедов». Для того чтобы собственность на колодец или арык считалась бесспорной, следовало перед началом строительства совершить определенный обряд с закланием животного.

Тот, кто построил арык, получал на него и право собственности на время пользования. Арык назывался по имени строителя²⁷⁸.

В Северо-Восточном Казахстане, богатом пастбищами, летние пастбища оставались в общественном пользовании волостей и в начале XX в., но некоторые семьи зажиточных и почетных людей

²⁷⁵ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы...

²⁷⁶ См. там же, стр. 102.

²⁷⁷ См. там же.

²⁷⁸ Там же, стр. 104.

сумели закрепить за собой хорошие участки джайляу и пользовались ими из года в год.

Призмочные земли составляли в начале XX в. собственность аула — группы семей. Пастбища перешли в собственность отдельных семей, стали предметом купли-продажи, передавались по наследству, закладывались²⁷⁹.

Сильные общинные традиции сохранялись в пользовании пастбищами у алтайских казахов²⁸⁰. Пастбища были в избытке, и постепенное закрепление зимников в пользование отдельных семей, а немногочисленными крупными баями и летних пастбищ, ничьих интересов особенно не ущемляло²⁸¹.

Некоторые своеобразные черты в истории землепользования казахов рассматриваемого времени подмечены П. П. Румянцевым. Отмеченное выше постепенное закрепление за отдельными кочевыми группами сезонных пастбищ привело к концу XIX в. к тому, что зимние, весенние и осенние пастбища оказались в преимущественном пользовании определенных аулов и отдельных хозяйств; джайляу оставались еще в общем пользовании скотоводов по волостям. Если во второй половине прошлого века многие султаны, опираясь на возглавляемые ими племенные группы, захватили в свое личное пользование лучшие земли, то с изменением административной системы, когда султаны и их родственники потеряли реальную власть, они лишились возможности удерживать эти земли. Их место заняла быстро увеличивающаяся прослойка богачей из числа «черной кости», которая, опираясь на свое экономическое влияние на соплеменников, стала захватывать сначала лучшие кстау и сенокосные угодья, а затем и летники²⁸². Но картина землепользования у казахов была, как показано выше, довольно сложной, и в начале XX в. в разных областях Казахстана бытовали еще различные порядки.

Имущественное расслоение. Значительные социально-экономические изменения, происходившие в казахском обществе в XIX в., проявлялись и в усилении имущественной дифференциации.

По данным 20-х годов XIX в., средняя обеспеченность скотом в Среднем жузе составляла на юрту 5 лошадей, 4 головы крупного рогатого скота, 2 верблюда, 10 баранов. Но в действительности наделенность скотом была очень неравномерной, имелось множество бедняков (*байгуш*), работавших по найму у казахских баев и казаков²⁸³. О неуклонно возроставшем имущественном рас-

²⁷⁹ См. С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казаков. Сб. 5, стр. 3, 10.

²⁸⁰ См. А. Н. Самойлович. Казаки Кошагачского аймака Ойратской авт. обл. Сб. 7, стр. 312.

²⁸¹ См. Г. Е. Марков. Отчет об Алтайской экспедиции в 1961 г., стр. 8, 9. Архив кафедры этнографии МГУ». [Рукопись].

²⁸² См. П. П. Румянцев. Киргизский народ..., стр. 54, 55.

²⁸³ Записки ген.-майора Броневского... ОЗ, ч. 42, 1830, стр. 176, 186.

слоении свидетельствуют многие источники 30-х годов XIX в. Так, А. И. Левшин писал, что встречаются хозяйства, имевшие по 400—600 голов скота; отдельные богачи владели табунами по 10 тыс. лошадей. Росла и прослойка байгушей²⁸⁴.

Степень имущественного расслоения среди казахов характеризуется появлением в их среде купцов. Так, по особому разрешению уже в 1834 г. был зачислен в купеческое сословие бий Н. Борденев, а в 1835 г. был издан закон, по которому казахи могли вступить в купеческое сословие²⁸⁵.

Во второй половине XIX в. имущественное расслоение стало происходить еще интенсивнее, чем в предшествующие десятилетия. Расширение торговых связей с Россией приводило к усилению товарности скотоводческого хозяйства. Середняки «расслаивались» на баев и бедняков. Все большая часть последних бросала кочевое скотоводство, переходя к оседлости. Но в глухих степных местностях и вблизи от русских административных и экономических центров проявлялся этот процесс по-разному.

Так, И. Ф. Бларамберг подчеркивал, что внутри степи бедных больше, и семьям, лишившимся скота, грозит либо голодная смерть, либо полное порабощение их богатыми. Обедневшие прилинейные казахи легче могли найти себе пропитание, работая временно по найму, торгуя по мелочам, занимаясь земледелием²⁸⁶. По словам того же автора, степные казахи богаче скотом, чем «линейные», но это не означает, что последние вообще бедны. В степи было много богатых скотоводов, но много и бедняков, каких не было на Линии. Существовали зажиточные племенные группы, самыми богатыми из которых были тлаукабак. Среди чумекеевцев и табынцев имелись целые аулы бедняков — около Тургая, по Сырдарье. Они сеяли хлеб, ловили рыбу, жили в камышовых шалашах.

В то время, когда И. Ф. Бларамберг находился в Средней Азии, они стали переселяться к Линии, и их положение начало улучшаться. Широкое распространение получила работа по найму. Многие хозяйства возили на своих верблюдах караваны купцов, многие нанимались пастухами к торговцам скотом. Некоторые торговцы скотом нанимали по сто человек и больше²⁸⁷.

О большом распространении работы по найму говорит И. М. Казанцев. По его данным, во второй половине 1860 г. ежегодно стало работать по найму до 10 тыс. бедняков-байгушей²⁸⁸.

С. С. Болотов, так же как и другие авторы, отмечавший рост имущественного неравенства среди казахов, говорит, что в присырдарьинских степях низшую прослойку составляют «инчи» — по преимуществу земледельцы, находившиеся в зависимости не только

²⁸⁴ См. А. И. Левшин. Описание..., стр. 76, 192.

²⁸⁵ Сб. 2, стр. 268, 278.

²⁸⁶ См. И. Ф. Бларамберг. Земли киргиз-кайсаков..., стр. 96, 97.

²⁸⁷ См. там же, стр. 103, 105, 106.

²⁸⁸ См. И. М. Казанцев. Описание..., стр. 44, 45.

от биев, но и от простых казахов. С. С. Болотов указывает на два возможных пути появления инчи: либо это семейства, обедневшие вследствие баранты, болезни и падежа скота, выплаты высокого калыма и добровольно закабалившие себя богатым сородичам, либо это потомки пленных. Многие инчи с течением времени приобретали некоторое состояние и имели по 7—8 коров, 6—7 кобылиц, 2—3 пары рабочих быков, 20—30 овец. Среди скотоводов обследованных им местностей С. С. Болотов не нашел в полном смысле нищих, но отметил немалое число довольно бедных байгушей²⁸⁹.

О дальнейшем углублении имущественного неравенства и эксплуатации малоимущих пишет также Красовский. По его наблюдениям, при подсчете скота для выплаты государству налога-ясака цифры обеспеченности скотом брались властями произвольно, причем страдали от этого бедняки, так как подсчет велся в пользу богатых. Нередко зажиточный скотовод уплачивал всего 1/10 часть того, что ему в действительности полагалось, а бедняков принуждали платить в 2 раза больше предусмотренного правилами. Богачи добивались этого благодаря тому, что они становились все влиятельнее и нередко значили теперь больше, чем аульные и даже волостные правители²⁹⁰.

Большую неравномерность в наделенности скотом отмечает также И. И. Завалишин. По его данным, султаны, богатые бии, торговцы имели нередко по 10 тыс. голов скота, тогда как в 1864 г. в Северном Казахстане на душу населения приходилось в среднем всего по 2 лошади, голове крупного рогатого скота и 10 овец. Лишившиеся скота — джатаки — занимались в пастухи к богатым или в батраки к живущим на Линии. Богатые скотоводы окружали себя толпой всадников, которых хозяева кормили за услуги²⁹¹.

А. К. Гейнс очень образно описывал рост неравенства среди населения казахских степей этого времени. Будучи довольно либеральным, он возмущался вопиющим имущественным и социальным неравенством, все обострявшимся в казахском обществе. Некоторое облегчение положения неимущих Гейнс ожидал в том случае, если земледелие будет распространяться.

По его словам, неимущие скотоводы испытывали значительно большие трудности, чем земледельцы, так как не имели возможности добыть себе пропитание каким-либо ремеслом или другой работой и находились в полной зависимости от богатых. В прошлом бедняки, чтобы добыть себе пропитание, нередко были вынуждены заниматься грабежами, но со временем стали вовлекаться там, где это было возможно, в земледелие²⁹². Как отмечал А. К. Гейнс, богатые помогали бедным вопреки старинным обы-

²⁸⁹ См. С. Болотов. С Сыр-Дарьи. РВ, 1866, XII (62), кн. I, стр. 183, 184.

²⁹⁰ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 3.

²⁹¹ См. И. И. Завалишин. Описание..., т. 3, стр. 100, 119.

²⁹² См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 59.

чаям мало и неохотно, и бедным и малосемейным казахам приходилось присоединяться к аулам, где они вступали под покровительство богатых. Они работали на них, переносили обиды и насилие, и только если их терпение окончательно истощалось, они переходили под покровительство другого лица, обычно врага их прежнего хозяина, которому теперь мстили грабежом скота и т. п.²⁹³.

А. К. Гейнс много писал о тяжелом положении трудящихся казахов. Баи угнетали бедняков, опираясь на царских чиновников, которых богачи подкупали²⁹⁴. Многие бедняки, иногда целыми аулами, нанимались к богачам обрабатывать их землю, получая ничтожно мало за свой неустанный труд²⁹⁵. Поэтому всюду в работах его как бы подчеркивается: «Положение бедняков очень тяжелое. Их зимовки отбираются или травятся, их гонят на работу... подати и повинности они платят наравне с богатыми...»²⁹⁶.

Социальная структура. Весьма значительные изменения происходили в XIX в. и в общественной структуре казахов. В 1822 г. законодательно была отменена ханская власть в Среднем жузе, в 1824 г. — в Младшем, а в 1845 г. — в Букеевской орде. Эти мероприятия царской администрации были вызваны как окончательным падением престижа ханского управления, так и стремлением устранить от власти местную аристократию²⁹⁷. О падении престижа ханской власти перед ее официальной отменой писали многие очевидцы. Так, по словам А. И. Добромыслова, «ханы не могли требовать от населения исполнения своих распоряжений... ибо они как народные представители были совершенно обезличены, а как чиновники не располагали для этого никакой физической силой»²⁹⁸. Общественный деятель и историк А. Левшин отмечал: «...ханы не смеют являться в середине степей повелителями и предпочитают спокойное управление небольшим числом своих приверженцев»²⁹⁹.

Отмена ханской власти нанесла сильный удар по привилегиям казахов «белой кости». В какой-то мере они сохранились еще некоторое время в связи с введением института выборных султанов-правителей. Но и их власть оказалась не прочнее ханской. Султанам-правителям давались подчиненные им отряды казахов с офицерами (200 человек), «но, в общем, эта новая власть была столь же слаба, как и ханская, если бы при ней не было казачьих отрядов». Благодаря действиям последних удалось лишь несколько сократить размер баранты³⁰⁰.

²⁹³ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 66, 68.

²⁹⁴ См. там же, стр. 74.

²⁹⁵ См. там же, стр. 77.

²⁹⁶ А. К. Гейнс. СЛТ, т. 2, стр. 562.

²⁹⁷ «История Казахской ССР», т. 1, стр. 385.

²⁹⁸ А. И. Добромыслов. Суд у киргиз ..., стр. 25.

²⁹⁹ А. И. Левшин. Описание..., стр. 181.

³⁰⁰ См. А. И. Добромыслов. Суд у киргиз..., стр. 25, 26.

Ничтожный авторитет султанской власти в то время отмечали многие современники. Так, А. Левшин указывал: «Большая же часть султанов, при границах России кочующих и величающих себя пышным названием повелителей, в самом существе не имеют никакой власти... влияние их на дела простого народа начинается осенью, и оканчивается с началом весны, т. е. оно существует только зимою, когда киргизы приближаются к границам нашим... и нуждаются в людях, которые... могли бы за них ходатайствовать у пограничных властей наших»³⁰¹. Казахские предводители, не имея зачастую возможности заставить соплеменников выполнить свою волю, постоянно обращались к русским властям, в связи с чем различные русские инстанции были наполнены жалобами ханов и султанов-казахов на неповиновение подвластных им людей. Предводители казахов часто не имели возможности выдать русским властям разыскиваемых преступников, так как в отместку им могли не только разграбить их имущество, но и убить³⁰².

Как отмечал Красовский, старшие султаны — потомки бывших ханов в большинстве случаев не пользовались ни доверием, ни уважением народа. Подчиняясь силе, приходилось выполнять их распоряжения, но рассматривались эти распоряжения как произвол. Сама система выборов старших султанов, в которых принимали участие только представители «белой кости», делала султанов чуждыми народу. По словам Красовского, «султаны, грабя народ при помощи власти, полученной ими от русских, обвиняют перед глазами народа последних... Почтительное отношение «черной кости» к старшему султану притворно, относительно же волостных правителей его совсем нет, даже и по виду». Красовский подчеркивает, что султаны и волостные правители — настоящие грабители, и их только боятся; что волостные правители — оружие старших султанов. «Черная кость» практически не может попасть в волостные правители, так как выборами управляет партия старшего султана³⁰³.

Так же оценивает значение султанов и Броневский. По его словам, если султан будет угрожать насилем простому человеку, то «всякий киргиз ищет воли в скорости ног своей лошади, даже со всем своим домом укладывается в другие аулы и никто ему не воспрепятствует»³⁰⁴. И далее: «В степи султанов едва замечают и подвластные весьма щадят для них почести, и удостаивают иногда одним «аман тюря». Но нуждаются в них, когда надо вести дела с русскими, и здесь оказывают им почет»³⁰⁵. Последнее наблюдение Броневского особенно важно. Так же как и многие другие исследователи казахов, он подмечает, что влияние предводителей

³⁰¹ А. И. Левшин. Описание..., стр. 165.

³⁰² См. там же, стр. 160, 166.

³⁰³ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 71, 73.

³⁰⁴ Там же, стр. 73, 75.

³⁰⁵ Заметки ген.-майора Броневского... ОЗ, ч. 42, 1830, стр. 84.

среди казахов зависит не столько от их непосредственной власти над народом, сколько от поддержки их царской администрацией.

Если султаны-правители сохраняли некоторые, хотя и незначительные, сословные привилегии, то прочие султаны их почти утеряли. Современник отмечает: «Как бы ни была бела кость ханского потомка, но если он умом, богатством или другими качествами не составил себе значительного числа приверженцев, то голос его не делает перевеса в собраниях народных»³⁰⁶.

Роль султанов ясно определяется нормами обычного права, согласно которым представители «белой кости» пользуются малыми преимуществами: титулом султана, особой формой приветствия, избавлением от телесного наказания. «При разбирательстве или решении какого-либо народного дела, голос султана считается наравне с прочими голосами киргизцев. Равно как особенных прав и преимуществ никаких не имеют»³⁰⁷.

Реформы 1867—1868 гг. окончательно уничтожили сословные привилегии «белой кости». По «Временному положению об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» и «Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» сословные привилегии уничтожались, и султаны относились вместе со всем прочим казахским населением к числу «сельских обывателей»³⁰⁸.

Этот законодательный акт в конечном счете лишь подтвердил сложившуюся в середине XIX в. в Казахстане социальную структуру. Ее высшую прослойку составляли чины выборной местной администрации, баи, старшины-бии и аксакалы, а также духовенство.

Местная администрация оказалась целиком в руках баев, заправлявших выборные должности своими сторонниками и направлявшими их деятельность. По мере усиления имущественного расслоения власть баев становилась все более сильной.

Известное влияние в народе имели бии и аксакалы. Многие источники противопоставляли выборной власти авторитет традиционных старшин и старейшин. Так, Красовский говорит, что «любимыми начальниками киргиз, настоящей властью, остаются аульные старшины, в выборе которых султаны по Уставу участия не принимают. Казенного жалованья не получают. Им народ доверяет безусловно. Другая любимая власть — бии — простые люди, знающие обычаи. Особенно важен суд биев при примирении враждующих»³⁰⁹. Однако эта характеристика едва ли полностью

³⁰⁶ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 19.

³⁰⁷ «Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 г.», § 34. «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 136. Следует еще раз отметить, что достоверность этих сведений засвидетельствовали 128 биев и старший султан.

³⁰⁸ «История Казахской ССР», т. I, стр. 388.

³⁰⁹ Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 77.

соответствовала существовавшим порядкам, так как сам же Красовский вынужден отметить взяточничество некоторых биев.

Русская администрация, установив новую систему управления в степи, сохранила суд биев, основанный на обычаях. В рассматриваемое время он еще господствовал в степи, и случаи обращения в русский суд, непривычный по своей волоките и бюрократическим формальностям, бывали довольно редки. Бий — выборное лицо из числа знатоков обычаев, решал дело сразу же на судебном заседании, выслушав стороны и допросив свидетелей. В случае отсутствия свидетелей приносилась клятва, допускалось поручительство. Лжесвидательства (во всяком случае в рассматриваемое время) давались редко, так как лжесвидетель лишался покровительства соплеменников, его можно было подвергать баранте и т. п. Решение бия признавалось законным только тогда, когда оно выносилось в присутствии народа или по крайней мере трех посторонних свидетелей³¹⁰. Решение суда биев носило рекомендательный характер, исполнительной властью они не располагали. За суд с тяжущихся сторон взимали плату «бийлык». После отмены султанской власти суд биев целиком оказался в руках баев.

Таким образом, изменения, происшедшие в высших слоях казахского общества вследствие административных реформ 60-х годов XIX в., мало сказались на их сущности; как и раньше, социальное неравенство вызывалось главным образом ростом имущественного расслоения.

Слой непосредственных производителей по составу был довольно сложным и состоял из нескольких групп, среди которых отчетливо выделялись зажиточные скотоводы, хозяйства средние по достатку и, наконец, бедняки, часть которых работала по найму у богачей, но в большинстве обращалась к земледелию или отхожим промыслам.

И во второй половине XIX в. в среде скотоводов, ведших самостоятельное хозяйство, еще сохранялись некоторые следы кочевой демократии. Одной из причин, почему скотоводы чувствовали себя довольно самостоятельными по отношению к властям, была свобода передвижения по бескрайним степям. Как свидетельствует С. С. Болотов, казахи могли беспрепятственно уйти от своего предводителя, не неся за это никакой ответственности³¹¹.

О демократических традициях, которые вполне реально проявлялись у казахов еще в конце XIX в., повествует Красовский. По его словам, простой народ хотя и отличает султанов среди населения, но редко оказывает им особое почтение даже внешне³¹². И далее: «Среди киргизов вкоренилось понятие, что никто не только не имеет права их наказывать, но и выговаривать; точ-

³¹⁰ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 68, 88.

³¹¹ См. С. Болотов. С Сыр-Дарьи. РВ, 1866, XII (62), стр. 184.

³¹² См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 67.

но так же никто не смеет другому чего-либо приказывать»³¹³. И. Завалишин также отмечал: «У киргизов нет официального неравенства. Даже султаны, чтобы не оскорбить народного чувства, принимают всех одинаково»³¹⁴. Но постепенно эти демократические традиции расшатывались, причем не столько новой административной системой, сколько обострением имущественного неравенства. Экономическое положение не только средних по зажиточности, но и богатых хозяйств не было устойчивым, нередко они разорялись, пополняя ряды бедняков. Положение последних было неодинаковым в кочевых и полuosедлых местностях. В первых они оказывались полностью зависимыми от милости зажиточных скотоводов и сильно бедствовали. Занятия земледелием, ремеслами, отхожим промыслом хотя и не избавляли полностью от нищеты, но все же давали возможность прокормить семью.

Как говорилось выше, казахи не платили в прошлом регулярных податей. Описывая положение в начале XIX в., А. Левшин отмечает: «Хотя повелители киргизов и получают с них плату скотом и разного рода вещами, но приношения сии делаются без всякого порядка, и по большей части, в случаях особой нужды в покровительстве; определенной же подати народ киргиз-казачий вообще не платит, и умнейшие родоначальники тщетно проповедают оному статью из Алкорана о зекате, повторенную древними законами киргизскими»³¹⁵. Часть населения большой орды уплачивала в это время (начало XIX в.) номинальный ясак Китаю, а взамен получала «подарки» на довольно значительную сумму. Вот как ответили казахи китайцам на требование податей: «Небо производит траву и воду; скот есть дар неба; пасем его и себя пропитываем сами: за что же будем отдавать другому?»³¹⁶. Подобное отмечает и Красовский³¹⁷.

Согласно правилам обычного права, действовавшего в начале XIX в., «одни ханы имеют право собирать с народа зякят. Целью ханского зякята служит воспомоществование бедным или неимущим киргизам и на содержание мулл»³¹⁸. К концу первой половины XIX в. правила адата претерпели изменения и «в нынешнее время зякят определяется с общим согласием ордынцев целого отделения и производится муллою на содержание его, обучение детей, воспомоществование бедным. С бедных зякят не взимается»³¹⁹.

Обычное право предусматривало также, что казахи, имевшие кочевья поблизости от султанской ставки, были обязаны приводить

³¹³ Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 68.

³¹⁴ И. И. Завалишин. Описание..., т. 3, стр. 118.

³¹⁵ А. И. Левшин. Описание..., стр. 160, 161.

³¹⁶ Там же, стр. 161.

³¹⁷ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 116.

³¹⁸ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 137, § 36.

³¹⁹ Там же.

султану скотину на мясо (сугум)³²⁰. Но, по наблюдениям чиновника особых поручений д'Андре, занимавшегося записью норм обычного права, «в сущности, сугумом пользуются скорее киргизы, приносящие оный чем сам султан-правитель. Каждую скотину, привозящую для сугума, сопровождают пять, шесть человек киргизов, кои по зарезании сами же ее тотчас уничтожают»³²¹. Обычное право упоминает также о традиции подношения «шибага» (вареное мясо) ханам, султанам-правителям, биям и почетным казахам. Однако она не имела, по-видимому, широкого распространения³²².

Наиболее тяжелые поборы взимались с населения Букеевской орды. До отмены там ханской власти в пользу ханов взимали регулярный «сугум» в следующем размере: голова крупного или 6 голов мелкого рогатого скота с 5 кибиток в год; сбор на содержание вестовых; сбор за зимовочные земли; плата за прогон скота; билетный сбор за право выезда за пределы орды³²³.

С установлением в Казахстане русского управления на население была возложена покибиточная подать в размере 4 руб. с кибитки в год, которая шла в казну³²⁴.

Установленный русскими налог не был бы тяжелым для народа, но материальное положение последнего все время ухудшалось из-за возраставших поборов местных властей. Весьма значительные средства незаконно вымогались у населения султанами, а после отмены их власти — чинами местной администрации и богачами на «представительство», на действительные и мнимые подкупы царских чиновников и т. п. О несправедливом взимании налогов говорил А. К. Гейнс: «Вследствие системы управления степью с помощью богатых людей, подать выразилась в форме кибиточного сбора, одинакового для бедных и состоятельных. Кроме того, есть еще сбор на покрытие негласных расходов»³²⁵. В случае невозможности уплатить налог население обращалось к властям с просьбой об освобождении от ясака. При отказе ясак за аул вносили богатеи-скотоводы, покрывавшие впоследствии уплаченную сумму с лихвой, обирая своих должников³²⁶.

Казахи большого жуза продолжали в 60-х годах XIX в. платить дань китайцам. В год выплачивалось по голове от стада рогатого скота и стада лошадей в 100 голов и овца с тысячи овец³²⁷. Одновременно они платили ясак русским властям. Благодаря этому казахи Большой орды, являясь русскими подданными, могли кочевать на хороших пастбищах в пределах Китая.

³²⁰ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 138.

³²¹ Там же, стр. 149.

³²² Там же, стр. 139.

³²³ См. А. Евреинов. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. Оттиск из «Современника», в. XXIX, отд. 2, 1851, стр. 78, 79, 80.

³²⁴ «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской». «Свод законов...», т. 2, §. 137.

³²⁵ А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 139.

³²⁶ См. там же, стр. 257.

³²⁷ См. И. М. Казанцев. Описание..., стр. 9.

Значительные средства вымогались у населения местной администрацией и биями в виде судебных пошлин и сборов³²⁸.

Вследствие сильной имущественной дифференциации беднейшие слои населения подвергались жестокой эксплуатации со стороны богачей, работая у них по найму. По правилам обычного права «во все время нахождения в работниках ордынец пользуется свободным, но не рабским состоянием равно как и все семейство его»³²⁹. Наиболее распространен был найм работников на 7 летних месяцев³³⁰. Бедные «родственники» богача, на деле батраки, кочевали с ним нередко и более длительное время. К середине XIX в. беднейшие люди стали наниматься в работники к русским и башкирам, начали заниматься перевозкой соли. Особенного обострения достигло имущественное и социальное неравенство во второй половине XIX в. Источники того времени свидетельствуют, что богачи, влиятельные и властные лица являлись в степи полными господами, а бедные находились в зависимости от них. Деньги за транспортировку на верблюдах для русских властей не доходили до хозяев верблюдов, лошади, выставявшиеся для поезда начальства, поступали в собственность старшин³³¹.

В первой половине XIX в. еще сохранялась прослойка теленгутов.

По данным А. Н. Харузина, теленгуты происходили в основном из числа вольноотпущенных рабов, детей рабов, но сами рабами не были. Теленгутами называли и султанских работников. В 60-х годах XIX в. в Зауральской степи насчитывалось несколько сот кибиток султанов и теленгутов³³². До отмены султанской власти теленгуты несли службу султанам за надел имущества (инчи), за калым. Султаны часто усыновляли теленгутов³³³.

А. К. Гейнс отмечал, что каждый султан имел много теленгутов, которые доставались по наследству от родителей султана. Однако эти теленгуты были свободными людьми, имели собственное отдельное от султана имущество и добровольно служили султану, причем прикрываясь его именем зачастую занимались грабежами³³⁴.

Как гласило обычное право, теленгуты — потомки лиц, вставших под покровительство султанов. Они ничем не отличаются от прочих скотоводов — только имеют право клеймить скот султанской тамгой. «Семейством, равно как и имуществом тюленгута распоряжаться никто не вправе. Судятся биями и другими на-

³²⁸ См. М. И. Венюков. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1858.

³²⁹ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 137, § 35.

³³⁰ См. П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения..., стр. 56.

³³¹ См. А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. ТОУАК, в. 25, 1911, стр. 10.

³³² См. А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, стр. 31.

³³³ См. А. К. Гейнс. СЛТ, т. 1, стр. 434.

³³⁴ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 136, 137, § 35.

равне с прочими ордынцами. Особых повинностей султану не несут»³³⁵.

Во многих случаях бывшие теленгуты образовывали небольшие самостоятельные племенные группы. Так, по свидетельству П. И. Небольсина, «род теленгутов, прежде составлявших когорту, двор и прислугу ханов и султанов образовался впоследствии времени»³³⁶. Появилась новая разновидность теленгуства: по приговору суда биев вора могли присудить в теленгуты к пострадавшему сроком на 1—2 года, где он отрабатывал свою вину. Но ничего общего с прежними теленгутами они не имели³³⁷. С отменой преимуществ «белой кости» исчезали как сословие султаны, а вместе с ними и теленгуты. Само название теленгут вышло из употребления к концу XIX в.

До середины XIX в. сохранялась прослойка рабов. Положение их было тяжелым, и по адату «над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется»³³⁸. Запрещение рабства привело к тому, что во второй половине XIX в. эта прослойка исчезла.

Весьма неоднородным был социальный состав в кочевых казахских группах в конце XIX и начале XX в., расслоение которого все усиливалось в связи с обострением имущественного неравенства. Естественно, что в наибольшей степени эти процессы затронули области, где большое развитие получили товарно-денежные отношения, земли переходили в индивидуальное пользование, развивалось земледелие и скотоводство становилось полукочевым. Поэтому авторы, описывавшие казахов, кочевавших в степях между Каспием и Аралом, мало говорят об их имущественном расслоении. Однако даже они отмечают, что по сравнению с концом XIX в. в начале XX в. появилось значительно больше хозяйств, бедных скотом и почти совсем не имеющих скота. Правда, это сопровождалось общим уменьшением поголовья скота у адаевцев. Скорее всего лишались скота небогатые хозяйства, вынужденные вследствие этого переселяться на приэмбаевские земли, где они становились полуоседлыми или оседлыми джатаками³³⁹.

Значительной степени достигну имущественное расслоение в Букеевской орде, где, не имея возможности заниматься земледелием, беднота группировалась вокруг состоятельных родственников. Работая на богатых, бедняки получали во временное пользование скот, который давал им молоко и шерсть³⁴⁰.

³³⁵ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 136, 137, § 35.

³³⁶ П. И. Небольсин. Очерки Волжского Низовья. ЖМВД, № 19, стр. 227.

³³⁷ См. Красовский. Материалы для географии и статистики России..., стр. 114, 115.

³³⁸ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 21.

³³⁹ См. А. Н. Букейхан. Казаки Адаевского уезда. Сб. 5, стр. 62, 63 и др.; Ф. А. Фиельструп. Скотоводство и кочевание. Сб. 6, стр. 79 и др.; С. И. Руденко. Очерк быта казаков рек Уила и Сагыза. Сб. 5, стр. 9.

³⁴⁰ См. А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, стр. 71.

Не меньший, если не больший размер имело имущественное расслоение в Северном и Центральном Казахстане. Некоторое сокращение поголовья скота относительно числа населения сопровождалось значительной имущественной дифференциацией. Хозяйства, располагавшие 1 тыс. и более голов овец, относились к числу зажиточных, и из их среды по большей части бывали чины местной администрации³⁴¹.

Во многих волостях Северного Казахстана в конце XIX в. до половины хозяйств почти не имело скота. Многим приходилось уходить из кочевых местностей и селиться в земледельческой полосе, где они становились джатаками. Незадолго до этого времени, по словам источника, бедные хозяйства, не имевшие скота, можно было пересчитать по пальцам, а нищих и вовсе не было³⁴². Исследуя причины общего обеднения казахского скотоводства, источники называли частые падежи скота от болезней; уменьшение увлажненности степи, в которой русские свели остатки леса, в связи с чем стало меньше травы; чрезмерный вывоз скота из степи в Россию, не возмещавшийся естественным приростом поголовья; ввоз в степь капитала, прежде всего через торговцев, эксплуатировавших скотоводов, что приводило к их обеднению³⁴³. В прошлом довольно замкнутое, полунатуральное хозяйство казахов оказалось в очень короткий срок вовлеченным в интенсивные торговые отношения. Широко развернуло торговлю среди кочевников русское казачество, татары. В обмен на скот ввозили ситец, бязь, чайники, самовары и т. п. Основным эквивалентом при обмене продолжал оставаться баран. В торговых операциях принимали самое широкое участие местные богачи, представители казахской администрации, способствовавшие в корыстных целях жульническим операциям приезжих торговцев. Широкое распространение получила система раздачи задатков под скот, часто под еще не родившихся животных, особенно в то время, когда собирались подати. Не имея зачастую возможности рассчитаться за задатки, население оказывалось в неоплатных долгах, многие лишались всего имущества³⁴⁴.

На другом полюсе общества окладывался слой зажиточных людей, наживавшихся на торговле своим скотом и спекуляциях чужим. Сложилась прослойка посредников из числа местных богачей, помогавших приезжим купцам при сделках с населением. Скотоводы оказывались и от них в экономической зависимости³⁴⁵.

Значительное количество скота вымогалось во время выборов местной администрации, когда баи, аульные и волостные старшины развешивали избирательную кампанию в пользу своих канди-

³⁴¹ П. А. Киргизская степь в экономическом отношении. ЭЖ, кн. 8. СПб., 1888, стр. 94.

³⁴² Там же, стр. 95.

³⁴³ Там же, стр. 96, 107.

³⁴⁴ Там же, стр. 99.

³⁴⁵ Там же, стр. 100.

датов, расходы по которой несли рядовые скотоводы. Немалая часть скота, собранного в виде пожертвований населения на выборы, попадала в стада баев и представителей местного управления. Скот с населения собирали также и на подкуп царской администрации, однако опять-таки часть «налога» не покидала степи и присваивалась власть имущими³⁴⁶.

Имущественное расслоение, обнищание массы казахов усугублялись тем, что значительные по площади и лучшие по качеству земельные угодья казахов были изъяты у них для переселенцев, в пользу казачества (особенно в долине Иртыша), присвоены своими богачами: «И теперь уже во многих местах киргизы так стеснены, что устраивают зимовки на арендуемых у казаков землях»³⁴⁷.

К большим экономическим последствиям привело распространение денежного обращения в степи после того, как казахов обязали вносить налоги деньгами. Это вынудило еще шире развернуть торговлю. Занимали деньги у татар под высокие проценты. Чтобы заставить брать деньги в долг, татары специально сбивали цены на скот³⁴⁸. От несправедливого исчисления налога страдали небогатые хозяйства: чиновникам давали взятки, и они при подсчете занижали число скота у богатых, раскладывая недостачу собранного налога на прочее население³⁴⁹.

В конечном счете нарушалось воспроизводство в хозяйствах средних и мелких скотоводов, которые разорялись и вливались в ряды джатаков. С обеднением скотом население все больше зависело от растительной пищи, усиливалась тяга к земледелию.

Аналогичная картина наблюдалась среди скотоводов Тургайской области, где в конце XIX в. прослойка богатых и средних, зажиточных, хозяйств уже противостояла массе обедневших хозяйств. Многие бедняки, утратив скот, были вынуждены идти в пожизненную кабалу к богатому скотоводу, работая у него за пищу и одежду пастухом или сторожем³⁵⁰.

Довольно подробно описываются имущественные отношения в начале XX в., сложившиеся на севере Акмолинской области. Имущественные различия отразились здесь и на формах хозяйства. У богачей преобладало коневодство. Середняки разводили в основном крупный и мелкий рогатый скот, а бедняки держали по большей части только крупный рогатый скот. Бедняки не могли прожить от ведения самостоятельного хозяйства и были вынуждены пасти свой скот в хозяйствах зажиточных скотоводов, использовавших их труд. Кроме того, бедняки засевали в среднем по 3/4 десятины³⁵¹. Переходя к земледелию, бедняки северных

³⁴⁶ П. А. Киргизская степь.

³⁴⁷ Там же, стр. 100.

³⁴⁸ Там же, стр. 102, 103.

³⁴⁹ Там же, стр. 103.

³⁵⁰ См. А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской обл., стр. 4.

³⁵¹ «Киргизское хозяйство...», т. IV, стр. 86.

волоостей избавлялись от зависимости бая и могли прокормить семью. Источник отмечает, что эти земледельцы-казахи зажиточнее бедных скотоводов области, нищих среди них почти не встречается. Кроме того, земледельцы имели также возможность заниматься различными промыслами³⁵². Скотоводы-бедняки южных степей области владели жалкое существование, жили впроголодь, работая у богачей. Оплата была исключительно натуральной, работали целыми семьями и даже аулами: аул работал на «родственника» бая³⁵³.

В целом по Атабасарскому уезду было 62,5% мелких хозяйств, 27,8% — средних по зажиточности и 9,7% — зажиточных и богатых, имевших на хозяйство столько же скота, сколько бедные и средние, вместе взятые³⁵⁴. Из общего числа хозяйств 4344 числились бедняцкими, 1919 — средними, 492 — зажиточными, 188 — богатыми. Богачей, имевших более 300 лошадей, имелось только 3 хозяйства³⁵⁵. Среднюю обеспеченность скотом структурно можно представить так³⁵⁶.

Группы хозяйств		Скот				Всего скота
вид	в них душ	лошадей	крупного рогатого	верблюдов	овец и коз	
Бедные	5,1	4,6	10,4	0,7	15,5	31,2
Средние	6,0	15,4	16,2	1,8	36,8	70,2
Зажиточные	6,2	35,0	12,5	3,5	79,4	130,4
Богатые	6,2	95,1	134,5	7,8	13,5	269,7

Имущественное расслоение среди казахов Горного Алтая достигло в начале XX в. уже значительного размера, однако хозяйств без скота было мало. Бедняками считались те, кто имел по 3—4 лошади, столько же коров, 40—50 овец, 1—2 верблюда. Средние хозяйства имели по 10—20 лошадей, 200—300 овец, несколько верблюдов. Крупных баев в Горном Алтае было немного. В большинстве байские хозяйства имели по сотне лошадей и коров, по несколько сот овец. Члены таких байских семей принимали участие в хозяйственных работах, и наемная сила использовалась нерегулярно. Наемными пастухами, как отмечалось выше, пользовались и середняки. В тяжелые зимы, потеряв часть скота, зажиточные семьи нередко переходили из разряда байских в середняцкие.

В 1897 г. по всему Алтаю числилось байскими 2% населения, а бесскотными — 2,6%. Судя по сообщениям информаторов, среди кочевых казахов Горного Алтая в начале XX в. процент середня-

³⁵² «Киргизское хозяйство...», стр. 60.

³⁵³ Там же, стр. 37.

³⁵⁴ Там же, стр. 60.

³⁵⁵ Там же, стр. 85.

³⁵⁶ Там же.

ков был еще выше, а бесскотные хозяйства встречались редко³⁵⁷.

Одним из важных результатов общественного развития казахов в конце XIX и начале XX в. было окончательное падение политического значения бывшей правящей верхушки — «белой кости»³⁵⁸. Лишилась значения также и прослойка служилой знати, тарханы, и единственным основанием, дававшим реальную власть и почет в обществе, было богатство³⁵⁹. П. П. Румянцев отмечает, что в первом десятилетии XX в. в большинстве местностей Казахстана власть внутри аулов и более крупных территориальных, как, впрочем, и племенных групп целиком перешла в руки зажиточного слоя населения³⁶⁰. Богачи на почве экономического влияния все больше подчиняли себе население, захватив в свои руки и народный суд и управление. А, получив власть, отдельные баи стали захватывать лучшие земли. Источник подчеркивает: «Оставляемая при образовании переселенческих участков в пользовании каждой группы площадь земли, фактически находится во владении зажиточных киргизов, которые ведут примитивное скотоводство и часто сдают в аренду земли общего пользования, между тем как для 70—80% киргизского населения, находящегося у них чуть не в крепостной зависимости, недоступно по экономическому состоянию скотоводство»³⁶¹. И далее: «...Особые размеры земельных владений в данном случае не совпадают с какими-либо особыми правами по состоянию или рождению, так как размеры хозяйства не находятся ни в какой связи с принадлежностью их обладателей к особому сословию киргизского народа и не соединяются ни с родовым старшинством, ни с каким-либо превосходством личных качеств...»³⁶².

Но укреплявшаяся по мере развития капиталистических товарно-денежных отношений байская «верхушка» еще нуждалась в поддержке своих соплеменников (в первую очередь на выборах, когда баю требовалось собрать достаточное количество голосов для своих кандидатов на административные должности). С разложением кочевничества племенная организация общества разрушалась, но одновременно поддерживалась господствующей верхушкой, искавшей и зачастую находившей в ней опору своим корыстным замыслам. Как сообщил Н. И. Гродеков, бедняки уже в конце XIX в. не знали обычно имен своих предков и названий племенных групп. Носителями идей племенного начала были богачи и аксакалы, заинтересованные в поддержке их кандидатур на выборах простым народом из «своей» племенной группы. Волостные

³⁵⁷ См. Г. Е. Марков. Отчет об Алтайской экспедиции в 1961 г., стр. 9, 10. «Архив кафедры этнографии МГУ». [Рукопись].

³⁵⁸ См. А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. ИИОЛЕАЭ, т. 63, стр. 48, 51.

³⁵⁹ См. там же, стр. 54, 55.

³⁶⁰ См. П. П. Румянцева. Киргизский народ..., стр. 6.

³⁶¹ Там же, стр. 7, 9.

³⁶² Там же, стр. 9.

управители могли рассчитывать удержаться на своей должности только при поддержке со стороны «соплеменников», а о сохранении племенного единства в сознании людей заботились баи и старшины, ставшие хранителями племенных традиций³⁶³. Н. И. Гродеков отмечает, что «родовое начало» поддерживается влиятельными людьми с целью получения голосов на выборах в туземную администрацию. При этом «выборное начало» хотя и ослабило власть отдельных предводителей, но способствовало выделению среди господствующего класса новой прослойки — «аткаминеров». Аткаминеры (ездящие на лошади) обычно лица, бывшие волостными управителями, биями, аульными и пятидесятниками. Если они сменялись, аткаминеры все же сохраняли некоторое влияние в народе, тем более, что за время управления они нередко обогащались³⁶⁴. Суд биев, по многочисленным отзывам современников, целиком находился под влиянием баев, проводивших на должность судей своих сторонников.

Но в целом общая тенденция развития социально-экономических отношений среди казахов состояла в постепенном утверждении капиталистических отношений.

³⁶³ См. Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы..., стр. 12.

³⁶⁴ Там же, стр. 14, 17.

Большинство туркмен Советского Союза живет на территории Туркменской ССР, и только небольшие их группы встречаются за ее пределами. Происхождение туркменского народа и его этническая история исследовались в последние десятилетия многими учеными, однако окончательного разрешения эти вопросы так и не получили. Предполагается, что древнейшими центрами формирования туркмен были области Восточного Прикаспия: от полуостровов Мангышлак и Бузачи до Прибалханья включительно¹. Происхождение туркмен обычно связывается с выходцами из более северных областей — тюркоязычными огузами, а также местным, древним, прикаспийским ираноязычным населением². Однако новейшие данные позволяют уточнить представление о том, что по своему происхождению туркмены восходят главным образом к древним обитателям западных прикопетдагских областей и прилегающих к ним с севера степей³.

Этнический состав и расселение туркмен складывались на протяжении чрезвычайно длительного времени. Если первые известия о туркменах появляются на страницах источников еще на рубеже первого и второго тысячелетий н. э., то более или менее окончательное их расселение и формирование этнических групп происходили только в течение XIX в., а в некоторых местах и в начале XX в. В ходе своей истории туркмены оказывались обычно втянутыми в события, происходившие в соседних с ними земледельческих областях Средней Азии, они поддерживали постоянные и тесные торговые и культурные связи с этими областями и уже издав-

¹ См. Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961, стр. 4 и сл.

² См. А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в XIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 4 и сл.

³ См. С. П. Поляков. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973, стр. 139, 140.

на селились в них, обращаясь к земледелию. У большей части туркмен кочевничество было основным занятием до XVII—XVIII вв., но сравнительно давнее появление среди туркмен земледельцев и переход в XVIII—XIX вв. большинства туркмен к земледелию обусловили значительную неравномерность хозяйственного и социально-экономического развития отдельных туркменских групп. Так, к концу XIX в. существовали небольшие туркменские племена, уже довольно давно занимавшиеся земледелием. Основная же часть туркмен к этому времени еще недавно осела на землю. Наконец, сохранялись отдельные группы более или менее кочевого населения. Различны были условия, в которых туркмены переходили к оседлости и земледелию. Большие группы туркмен оседали в XVI—XIX вв. на землях соседних государств, другие занимали земли, где государственной власти не было или она была лишь номинальной. Это также сказывалось на социально-экономических отношениях разных групп туркмен, так как в одном случае эти отношения развивались непосредственно под сильным влиянием условий, господствовавших в оазисах, в другом же туркмены были политически независимы и их хозяйство и общественные отношения складывались в более самобытных формах⁴.

Область расселения туркмен в таком виде, в каком она сложилась к XVIII—XIX вв., была весьма своеобразной в политическом и географическом аспектах. Северные группы туркмен поселились в пределах Хивинского ханства, юго-восточные — в Бухарском эмирате. Западные и восточные туркмены заняли области к северу от Ирана, частично политически независимые, частично находившиеся от последнего в номинальной зависимости. В конце XIX в. Закаспий и местности по правому берегу Амударьи, где обитали туркмены, были присоединены к России, хивинские же и бухарские туркмены еще оставались под деспотической властью отсталых феодальных государств.

Область расселения северных туркмен представляет собой земельные оазисы, окруженные пустынями Каракум и Кызылкум. Пустынная территория Западной Туркмении: Красноводское плато, пустыни и степи Прибалханья и небольшие по площади оазисы в предгорьях Кюрендага и Западного Копетдага. Юго-запад Туркмении — горный, с небольшими оазисами в горных долинах. Южный Туркменистан включает в себя обширную область Каракумов и полосу прикопетдагских оазисов Ахала и Атека. Полоса культурных земель в Восточной Туркмении довольно значительна, но и здесь они окружены обширными пустынями.

Природные условия Туркменистана издавна благоприятствовали распространению здесь двух основных видов занятий — поливного земледелия и кочевого (полукощевого) скотоводства. По-

⁴ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 29 и сл.

ливное земледелие в этих районах имеет очень древние традиции, которые сложились еще за тысячелетия до появления тюркоязычного населения.

Кочевое скотоводство в Прикаспии, просуществовавшее там до начала XX в., возникло не позднее первого тысячелетия до н. э.⁵ Однако уже с XVI в. наблюдается некоторое сокращение числа скотоводческого населения, переходившего к земледелию. Причины этого явления представлялись до недавнего времени труднообъяснимыми. Были попытки найти ответ во внутренних процессах развития хозяйства и общества, во внешнеполитических влияниях и т. п., но все это не представляется достаточно убедительным. И лишь недавно было высказано мнение, позволяющее утвердительно решить этот вопрос. Источниковедческий анализ археологических, палеоэтнографических и этнографических данных показал, что крупные переселения туркмен из западных областей их расселения, поиски новых видов занятий были вызваны засолением водных источников в Восточном Прикаспии. Этот процесс затруднил, а во многих местах даже сделал невозможным ведение скотоводческого хозяйства⁶. Размеры же пастбищ и состояние водных источников в прочих областях Туркменистана не позволяли населению вести массовое скотоводство. Все это вынуждало туркмен искать новые виды занятий и обращаться к земледелию.

Экстенсивное пастбищное скотоводство туркмен было связано с кочеванием, которое предусматривало сезонную смену пастбищ. На равнине пастбища располагались в песчаных и глинистых пустынях и на небольших степных пространствах. Отдельные группы туркмен проводили часть года со своим скотом в предгорьях и горных долинах. Следует подчеркнуть, что по обилию травы и источников воды области расселения скотоводческих групп туркмен значительно уступают многим другим местностям Средней Азии, особенно в Казахстане, Киргизии. Это обстоятельство определило средние размеры хозяйств в туркменском скотоводстве и некоторые специфические черты его. Источниками воды у кочевников были главным образом колодцы, а водой арыков и рек скотоводы пользовались только на границах земледельческих оазисов и в некоторых местностях Восточной Туркмении.

Весьма интересен вопрос о датировке формирования скотоводческих районов и времени возникновения многих колодцев, особенно в Прикаспии. Судя по археологическим данным, некоторые места, где и поныне располагаются группы колодцев, издавна служили скотоводам кочевьями. На прилегающих к колодцам такырах обнаруживаются скопления археологических находок не только времени раннего железа, но и эпохи бронзы. Однако утверждать, что эти колодцы были сооружены столь давно, трудно. Но тем не менее приходится считаться с тем, что именно там, где

⁵ См. Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2. СА, 1966, № 2, стр. 123.

⁶ См. С. П. Поляков. Этническая история..., стр. 137.

сейчас находятся такие колодцы, население, занимающееся скотоводством, концентрировалось еще с эпохи возникновения кочевничества⁷. Наряду с сетью довольно старых колодцев имелось еще больше колодцев, сооруженных, судя по этнографическим данным, гораздо позднее, в XVIII—XIX вв. Вообще же число колодцев в скотоводческих местностях Туркмении сравнительно невелико. Нетрудно проследить, как на протяжении XVIII—XIX вв. по мере сокращения кочевания действовавших колодцев становилось все меньше, многие из них забрасывались. Время постепенно делало свое дело: колодцы засолялись и становились непригодными для пользования. Число колодцев несколько увеличивалось только в самом конце XIX и в начале XX в., когда с развитием товарного хозяйства, в том числе и скотоводческого, обладателям больших стад — представителям растущего кулацкого слоя — понадобились новые источники воды. Для того чтобы получить возможность использовать пастбища, не обеспеченные колодезной водой, скотоводы прибегали к сооружению водосборных ям (*как*), в которых вода сохранялась иногда до лета или даже ранней осени. Правда, для людей эта вода уже в середине лета была непригодна, особенно если к ямам имели доступ животные. Однако последних этой водой, как и водой не слишком засоленных колодцев, можно было поить.

Почти все кочевники занимались наряду со скотоводством также земледелием и некоторыми промыслами. В связи с этим в литературе можно встретить мнение, что туркменское скотоводство было не кочевым, а полукочевым или даже полуоседлым. С тем, что туркменское скотоводство было полукочевым, можно соглашаться или не соглашаться, что в конечном счете не меняет существа дела, так как кочевое и полукочевое хозяйства, как и социально-экономические отношения кочевников и полукочевников, качественно не различаются. Земледелие имеет у них чисто подсобное значение, ведется в очень небольших размерах; чаще всего это небольшие огородные участки, бахчи. На общий облик хозяйства, структуру общества, развитие последнего подсобное земледелие влияет незначительно, а определяющим в данном «структурном единстве» остается кочевничество. Дальность же перекочевок не может служить критерием для определения типа скотоводства как кочевого или полукочевого. Понятие дальности перекочевки весьма относительно: для одних мест кочевание и на 200—300 км нельзя назвать большим, если амплитуду такой перекочевки сравнить с переходами на 1—1,5 тыс. км; в других природных условиях чисто кочевое хозяйство, не связанное с земледелием, может вестись на 20—30 км. Но при этом очень дальние перекочевки могут и не включать возможности ведения вспомогательного земледелия, описанного выше.

⁷ См. Г. Е. Марков. Материалы по каменному веку Прибалханья. Сб.: «Материальная культура Туркменистана». Ашхабад, 1971, стр. 27 и сл.

Важнее вопрос о полуоседлости. При полуоседлом хозяйстве качественно меняется роль земледелия, которое становится одним из ведущих видов занятий. В Туркмении в конце XIX в., особенно у северных туркмен (но также и на юге Туркмении), можно обнаружить подобный тип хозяйства. Этот тип отнюдь не определял характер всего туркменского скотоводства и был распространен в определенных местностях. Попытка отнести большую часть туркменского скотоводства к полуоседлому свойственна исследователям, которые не обращают внимания на весьма глубокие различия как в сфере экономики, так и в области социальных отношений, существовавшие между отдельными частями Туркмении в прошлом⁸.

Скотоводство. Основные виды скота, которые разводили туркмены, это: овцы, козы, верблюды, лошади. Наиболее важной отраслью скотоводства было разведение овец, имевшее товарное значение. Верблюды использовались как вьючные животные при перекочевках, немалое значение для хозяйства имели их молоко и шерсть. По рассказам стариков-туркмен, разведение верблюдов имело в прошлом для туркменского хозяйства гораздо большее значение, чем во второй половине XIX в., что, очевидно, было связано с большей подвижностью хозяйства, более дальними перекочевками⁹. По отдельным сообщениям стариков, овцеводство стало преобладать над верблюдоводством только в последние 100—200 лет¹⁰. Разведение лошадей не играло большой роли в туркменском хозяйстве, так как эти животные требовали большого ухода и хорошего содержания и не могли пастись на скудном подножном корму. Описываемый состав туркменских стад был характерен для всех областей расселения этого народа. И только в местностях, где полуоседлое скотоводство вытесняло полукочевое, отмечалось сокращение поголовья верблюдов. Больше стали разводить ослов, которых, как и верблюдов, использовали под вьюк и под седло.

Скотоводческое хозяйство в разных областях расселения туркмен велось неодинаково. Различия вызывались природными условиями.

Отсутствие необходимых сведений не позволяет, к сожалению, проследить историю туркменского скотоводческого хозяйства за длительный период, поэтому приходится ограничиваться данными, относящимися большей частью к XIX и началу XX в. Рассмотрение этой проблемы начнем с северной группы племен, о которых имеются сведения в сравнительно широком круге источников.

⁸ Это отмечает также С. А. Токарев (см. С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 362).

⁹ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. ВМУ, ист.-филол. сер., 1958, № 4, стр. 171.

¹⁰ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство..., стр. 171.

Расселение туркмен по правобережью Амударьи относится к началу XIX в. В то время они занимались преимущественно кочевым или полукочевым скотоводством. Но уже вскоре после переселения на новое место большая часть туркмен перешла к земледелию, а скотоводство постепенно у них приняло форму отгонного; небольшие группы населения оставались полукочевыми, занимаясь лишь вспомогательным земледелием. Наиболее характерными представителями таких групп были атинцы, одна из туркменских племенных групп, расселившихся по правобережью Амударьи. В относительно более или менее неизменном виде полукочевое скотоводство у части их сохранялось до конца 20-х годов XX в. Полукочевники называли себя скотоводами «чорва», в отличие от земледельцев «чомур».

Среди других племенных групп правобережья Амударьи — арбачи, игдыр, гоклен — чорва было мало¹¹. Источник 70-х годов XIX в. отмечает: «...На необширной территории возделанных и заселенных оазисов этого берега, в нынешних участках Шураханском и Чимбайском, мы нашли население, в большинстве своем еще не осевшее на своих землях прочным образом, не оставившее древних номадных обычаев, хотя и тяготевшее почти сплошь к оседлому быту, которому благоприятствуют более и сами условия местности»¹². Естественно, что в прилегавших к оазисам пустынных областях кочевое хозяйство сохранялось лучше и дольше. Годовой скотоводческий цикл атинцев состоял из двух сезонных кочевков: летней и зимней. Летовки располагались большей частью около Амударьи. Скот пасли в окрестностях возделанных полей и в зарослях по берегам реки. На летовках хозяйства находились с марта — апреля до ноября — декабря. Зимние пастбища располагались в песках, куда население откочевывало с наступлением холодов и где пасло скот в окрестностях колодцев. Кочевание велось следующим образом. Весной несколько человек от каждой семьи отправлялись на летовку, чтобы подготовить все для переселения семей. Чуть позже на летовку отправлялись и остальные члены семьи. Более зажиточные хозяйства, имевшие по 150—200 голов мелкого скота, не перегоняли его на лето к реке, а оставляли с наемными пастухами в песках, где было много корма. Земледелием первыми среди кочевников стали заниматься в зажиточных хозяйствах, так как только зажиточные имели возможность приобрести сельскохозяйственный инвентарь. Но самые крупные баи с правого берега Амударьи, владевшие к концу XIX в. стадами скота по тысяче и более голов овец и по 200—300 верблюдов, земледелием не занимались, кочуя весь год в песках. Имеющиеся в пользовании участки общинной орошаемой земли они сдавали в аренду. Обедневшие семьи, у которых было мало скота, на зиму к колодцам не кочевали, так как у них не хватало

¹¹ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 193, 194.

¹² Центральный гос. архив УзбССР, ф. 907, оп. 1, д. 1, л. 3.

вьючных животных для кочевания. Такие семьи оставались постоянно около Амударьи¹³. Наблюдавшие туркмен в конце XIX в. описывают также хозяйство другой племенной группы — арбачи: «Туркмены ... сидят исключительно на границах культурных полос с песками, отделяясь от первых, и то не везде, лишь широкими подчас разливами от спущенного из арыков излишка воды в летнее время ... летними остатками воды в лужах и озерах туркмены пользуются зимой для питья и приготовления пищи, здесь же поят свой скот»¹⁴.

Наиболее подвижным вплоть до начала XX в. скотоводство оставалось у хивинских туркмен: части иомутов, имрели, шихов, обитавших по левому берегу Амударьи в Куня-Ургенчском бекстве. Уже в годы переселения туркмен в Хивинское ханство, в начале и середине XIX в., у этих туркмен было меньше скота, чем во времена жизни в Прикаспии. Бесперывные войны вели к сокращению поголовья скота и заставляли кочевников переходить к оседлости или полукочевому скотоводству. Скотоводческие области в Хивинском ханстве располагались по границе культурных земель и окраинам Каракумов (за исключением очень богатых хозяйств, скотоводы не отгоняли свой скот далеко в глубь пустыни). Если до середины XIX в. в Каракумах кочевало довольно много скотоводов, то затем пустынные пастбища были заброшены¹⁵. Кочевание в пустыне велось вокруг колодцев и по берегам озер, возникавших в северо-западной части ханства после разливов Амударьи. Весной и летом скотоводы находились поблизости от границ оазиса, где располагались их поля; на осень и зиму уходили в пески, где можно было найти укрытие от холодных ветров между барханами и топливо. Стада крупных скотовладельцев паслись весь год в песках. Амплитуда кочевания редко превышала несколько десятков километров¹⁶.

Наиболее сохранилось кочевое скотоводство в Западном Туркменистане, Прибалханье. Эта область, находясь на старинных караванных путях, связывавших Северный Хоросан и Хиву, в политическом отношении оказалась на протяжении XVIII и XIX вв. изолированной. На нее не претендовали соседние феодальные государства, и даже после присоединения края к России Прибалханье еще довольно долго практически оставалось вне поля зрения царской администрации. В связи с этим прибалханские туркмены продолжали и в начале XX в. вести свое традиционное кочевое скотоводческое хозяйство, почти не подвергавшееся внешним

¹³ G. Markov, Aus der Geschichte der Nordturkmenen. «Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift», Bd. 2, Berlin, 1961, SS. 114, 115.

¹⁴ И. Авдакушин. Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г. «Материалы для характеристики Сыр-Дарьинской обл.», т. 2. СПб., 1892, стр. 11.

¹⁵ См. П. М. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб., 1884, стр. 105.

¹⁶ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 192 и сл.

влияниям. Твердо установленного порядка кочевания у прибалханских туркмен не существовало, и пастбища использовались в зависимости от урожая трав¹⁷. Кочевья занимали обширную область — от так называемых «северных кочевий», от урочищ Гокдере, Гоймат, Чагыл и других, до долин рек Атрека и Гургена. Летние пастбища находились в окрестностях Балханских гор, Кюрендага; зимние — ближе к Атреку и Гургену. До присоединения Прикаспия к России перекочевки были дальними. Направление кочевков (на юг) было связано с казахско-туркменской враждой, из-за чего туркмены не могли кочевать на хороших северных пастбищах. Присоединение к России и установление в крае спокойствия привели к тому, что с 90-х годов XIX в. туркмены все больше кочевали по северобалханской степи¹⁸. Наиболее распространенным там был порядок трех сезонных перекочевков: летняя (яйлаг), зимняя (кышлаг) и весенняя (язлаг). Но этот порядок ни для кого не был обязательным и основывался исключительно на соображениях целесообразности. На яйлаге скотоводы находились с июня по декабрь, на кышлаге — с декабря по март, на язлаге — с марта по май включительно. Летнее кочевание (яйлаг) считалось основным, так как было наиболее длительным и там возникали летом полуседлые поселения. Яйлаги располагались на равнине в подгорной полосе, около колодцев. Хозяйства не кочевали каждое лето обязательно на одних и тех же яйлагах, но обычно предпочитали возвращаться каждый раз на одно и то же место. По названию летнего кочевья определяли место рождения человека. На зиму скотоводы откочевывали в барханные пески, где можно было найти укрытое от ветра место и много топлива. Кышлаг выбирали в районе колодца, но так как зимой скот не нуждался в частом поении, то останавливаться в непосредственной близости от колодца, где трава обычно вытоптана скотом, не было необходимости. Места расположения зимников менялись каждый год в соответствии с урожаем трав. Весенними пастбищами служили участки пустыни, расположенные между кышлагами и яйлагами. Там не было колодцев, но в низинах было достаточно талой и дождевой воды. К тому же скот, пасшийся на сочной весенней траве, можно было почти не поить. С наступлением жары и уменьшением запасов воды скотоводы переходили на летовку. Дальность перекочевков в Северном Прибалханье зависела от того, сколько в хозяйстве скота. Богатые кочевали дальше всех, на десятки километров, бедные — всего на 5—6 км. Длительных перекочевков на несколько сотен километров к Гургену и Атреку к концу XIX в. прибалханские туркмены уже не совершали¹⁹.

¹⁷ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство... ВМУ, ист.-филол. сер., 1958, № 4, стр. 174.

¹⁸ См. А. Оразов. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении. М., 1964. стр. 2, 3.

¹⁹ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство... ВМУ, ист.-филол. сер., 1958, № 4, стр. 174, 175.

Кочевья юго-западных приатрекских туркмен находились к югу от Прибалханья, от Кюрендага до долин Гургена и Атрека. Лето они проводили в этом обширном районе, доходя в годы неурожая трав или засухи до северного Прибалханья. На зиму скотоводы уходили на юг, за Гурген и Атрек, где кочевали в теплых южноприкаспийских степях в пределах Ирана. Амплитуда кочевания этой группы туркмен была значительно больше, чем у постоянных обитателей северобалханской степи²⁰.

Текинцы, обитатели Ахальского оазиса в Южной Туркмении, были до переселения в Ахал в XVIII в. исключительно кочевыми скотоводами. После переселения подавляющее большинство населения занялось земледелием, сохраняя скотоводство только как вспомогательную отрасль хозяйства, и лишь небольшие группы оставались полукочевыми. Эти группы кочевали на сравнительно ограниченной площади пастбищ вокруг источников воды, в связи с чем исследователь текинцев В. Кениг нашел подобной форме скотоводства удачный термин «стационарное кочевание»²¹. При этом на востоке района, где пастбища были лучше, а воды больше, скотоводы могли и зимой и летом использовать примерно одни и те же участки пастбищ. На западе, ближе к Прибалханью, природные условия не позволили вести такого «стационарного» хозяйства, а поэтому и имели место сезонные перекочевки, хотя и не на большие расстояния²². Большая подвижность кочевников наблюдалась, начиная от Геок-Тепе и Бахардена, где туркмены практиковали три сезонные перекочевки в году. Расстояния между сезонными пастбищами редко превышали 20—25 км. Скот обычно пасся вокруг колодцев в радиусе 12—15 км. Зимой кочевники этих мест предпочитали проводить между барханами в песках. Зимние пастбища в Ахале бывали сравнительно постоянными, причем каждая кочевая группа сооружала для себя на своем зимнике колодцы. Как и в других скотоводческих областях, дальние перекочевки совершали только зажиточные хозяева²³.

Обитатели Юго-Восточной Туркмении, сарыки и текинцы, перешли после переселения в Марыйский, Серахский, Иолотанский и Пендинский оазисы в значительной мере к земледелию. Но до конца XIX в. там сохранялись отдельные скотоводческие группы, и, как свидетельствуют письменные источники, в середине прошлого века число кочевников было еще довольно велико²⁴. Больше всего кочевых скотоводов можно было встретить среди сарыков Пендинского оазиса. П. М. Лессар полагают даже, что в конце XIX в. скотоводство было развито у сарыков «более, нежели

²⁰ См. А. Оразов. Хозяйство..., стр. 3.

²¹ В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев Ахала во второй половине XIX в. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 246.

²² См. В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, стр. 246, 248.

²³ Там же. стр. 248, 249.

²⁴ См. П. М. Лессар. Заметки..., стр. 62, 63.

у какого другого туркменского племени...»²⁵. Это было связано очевидно, с тем, что орошаемой земли не хватало для всего населения; часть его, несмотря на неблагоприятные природные условия, вынуждена была заниматься скотоводством. Сарыки пришли в оазисы Южной Туркмении с небольшим числом скота, так как большая часть их стад погибла в длительных войнах с текинцами и в ходе переселения. К тому же из-за постоянных столкновений с текинцами, прекратившихся только с присоединением юго-востока Туркменистана к России, сарыки не имели возможности кочевать далеко от мест расположения их племени, на обширных пустынных пастбищах им угрожали нападения врагов. В связи с этим сарыки редко отваживались откочевывать от границ оазисов более чем на 10—15 км²⁶. Частые военные столкновения привели к тому, что сузились и границы кочевий текинцев Мерва. По словам П. М. Лессара, «вражду со всеми окрестными племенами, они не могут удаляться от Мерва и кочуют в ближайших к оазису песках и при этом должны нанимать для охраны стад всадников-мергенов»²⁷.

Довольно велико было число кочевого населения в Иолотанском районе, где скотоводы постоянно кочевали в песках от колодца к колодцу. Но многие скотоводы пасли весь год своих животных по берегам Мургаба, откочевывая в пески только на язлаг, когда скот не нуждался в регулярном водопое. Если травы около реки не хватало, то приходилось откочевывать от водоема на некотором расстоянии с тем, чтобы иметь все же возможность стогнать скот на водопой. Наиболее зажиточные скотоводы в тех местах, где редко появлялись отряды текинцев, отваживались на перекочевки хозяйств по 70—100 км. В подобных случаях пользоваться водой Мургаба уже не могли и сооружали колодцы²⁸.

Почти совершенно не занимались земледелием только небольшие кочевые группы в центральных Каракумах и Чильмамедкумах. плохо изученные и малочисленные. Все прочие туркмены-скотоводы занимались земледелием больше или меньше в разных скотоводческих местностях, но удельный вес земледелия был очень различен, причем даже в рамках небольших административных районов. Так, например, во второй половине XIX в. туркмены правобережья Амударьи в окрестностях Шейх-Аббас Вали довольно регулярно орошали свои поля из «хвостовых» частей каналов. Обитавшие недалеко туркмены-ата Петроалександровска регулярным земледелием в большинстве своем занялись только к концу прошлого столетия, а некоторые их группы и в начале нашего века в лучшем случае ограничивались устройством маленьких огоро-

²⁵ П. М. Лессар. Заметки..., стр. 47; см. также: Ч. Язлыев. Этническая история туркмен-сарыков в XVI — начале XX в. ВМУ, сер. ист., 1973, № 2.

²⁶ См. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. СПб., 1885, стр. 19.

²⁷ П. М. Лессар. Заметки..., стр. 106.

²⁸ См. Г. Е. Марков. Некоторые проблемы этнографии иолотанских туркмен. Кн. «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен». Ашхабад, 1973.

дов и бахчей. Еще большие различия в состоянии земледелия наблюдались на левобережье Амударьи. В большинстве местностей, где обитали туркмены-скотоводы, уже к середине XIX в. земледелие получило довольно большое распространение. Но на окраинах Куны-Ургенчского бекства и Тахты довольно многочисленные группы иомутов и некоторые мелкие племенные группы, например шихи, занимались земледелием нерегулярно. Частые столкновения с Хивой приводили к войне: туркмены забрасывали свои поля и возвращались к этому занятию только с установлением мира. К северо-западу от Куны-Ургенча земледелие зависело от разливов Амударьи²⁹. В годы, когда река разливалась мало, поля пересыхали и урожая не было. Очень небольшое значение имело земледелие и в хозяйстве северо-западных туркмен Прикаспия. Небольшие огороды и бахчи в песках да обработанные клочки земли в предгорных долинах Больших Балхан и Кюрендага — вот чем было представлено все тамошнее земледелие³⁰. Больше занимались земледелием скотоводы Юго-Западной Туркмении, обрабатывавшие поля по долинам Сумбара, Атрека, Гургена и Чандыра. В Южной и Юго-Восточной Туркмении уже к середине XIX в. земледелием занимались больше или меньше почти все скотоводы, а чисто кочевые, не связанные с земледелием хозяйства насчитывались единицами³¹. В одинаковой степени это характерно и для туркмен, живших по среднему течению Амударьи³².

Наряду со скотоводством и земледелием все туркмены занимались также охотой, но какого-либо существенного значения в хозяйстве она не имела, и профессиональных охотников было мало. Из домашних производств наиболее важное значение имело изготовление знаменитых туркменских ковров, паласов, кошем, различных ковровых и паласных изделий. Во второй половине XIX в. ковроделие начало приобретать товарное направление, и туркменские ковры широко поступали на рынки не только Средней Азии, но и России и Западной Европы. Женщины занимались прядением, ткачеством, изготавливали шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные материи, вязали, вышивали. Имелись кузнецы, шорники, столяры, ювелиры, но ремесло не выделилось у туркмен в само-

²⁹ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 110 и сл., 158 и сл.; см. Г. Е. Марков. Из истории земледельческого хозяйства у северных туркмен в начале XX в. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 262 и сл.

³⁰ См. А. Оразов. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в Северо-Западной Туркмении. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, Ашхабад, 1962, стр. 286; см. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство... ВМУ, ист.-филол. сер. 1958, № 4, стр. 176.

³¹ W. K õ p i g Die Achal-Teke. Berlin, 1962, S. 97 и. а.

³² См. Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской обл. ТССР и его расселение. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 5 и сл.; К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркменсарыков Пендинского оазиса. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 111 и сл.

стоятельную отрасль хозяйства, и многие мастера не были местными по происхождению.

Общественная организация кочевых и полукочевых, как, впрочем, и оседлых, туркмен сохраняла до начала XX в. племенную структуру. При этом, как и у многих других кочевников, туркменская племенная структура была довольно аморфной; номенклатура и терминология племенных подразделений—неопределенными; крупные подразделения племен политически не были едиными. Генеалогическое «дерево» многих туркменских племен известно еще из трудов средневековых писателей: Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина, Абу-л-Гази и других, но ни тогда, ни позднее действительная структура туркменских племен не соответствовала полностью этим стройным схемам и постоянно находилась в состоянии изменения и развития. Действительно, реальными «ячейками» общества были сравнительно небольшие племенные подразделения и маленькие племена, имевшие хозяйственное и территориальное единство и состоявшие из небольших групп, связанных различными степенями как действительного, так и вымышленного родства. Известную роль в общественной организации играли своеобразные хозяйственные объединения, с рассмотрения которых, как и семейной организации, следует начать.

По рассказам большей части стариков-туркмен, в прошлом, очевидно, еще в начале второй половины XIX в., распространенным явлением были большие кочевые семьи. Называть их просто большими семьями было бы неверно, так как они имели существенные различия по сравнению с большими семьями земледельческих народов. Одно из главных различий состояло в том, что все сыновья, за исключением младшего, выделялись из хозяйства отца после вступления в брак. При этом они продолжали кочевать вместе с хозяйством отца, помогая друг другу, и составляли вместе с хозяйствами ближайших родственников маленькую кочевую группу (*тире*). Связи внутри маленьких тире были особенно прочны в условиях частых военных столкновений, переселений, завоеваний оазисов. Но с постепенным установлением в середине и особенно в третьей четверти XIX в. спокойствия в местах обитания туркмен связи внутри тире стали ослабевать, и все большее значение при их организации стали приобретать хозяйственные соображения, из-за которых не только ближайшие родственники, но и родители с сыновьями оказывались в разных тире. Исключение составляли, как отмечено выше, младшие сыновья, которые не выделялись после вступления в брак, а жили вместе с родителями и после смерти отца наследовали его имущество. Организационное объединение хозяйств в небольшом тире обуславливалось прежде всего целесообразностью ведения кочевого хозяйства, при котором размеры совместно кочующей группы определялись поголовьем общего стада. Число овец и коз в маленьком тире не должно было превышать или быть меньше 400—600 голов. Такое поголовье позволяло лучше, экономнее пасти скот и отно-

сительно рационально использовать пастбища. Подобное стадо пасты пастух с подпаском, и скот не слишком быстро вытравлял пастбище. В условиях частых войн была необходима большая сплоченность членов тире, поэтому в состав последних входили довольно близкие родственники. В мирное время единство тире не было столь жизненно необходимым, и на первый план выступали чисто хозяйственные функции объединения, когда принимались во внимание прежде всего соображения экономического порядка. Поэтому не следует рассматривать процессы, протекавшие в туркменских скотоводческих группах, как эволюцию от «родовой» системы организации к «соседской». Это не было эволюцией в прямом смысле этого слова, так как процесс был обратимым и значение родства при общественной организации могло меняться в зависимости от изменения военно-политических условий. Окончательное падение значения родственного принципа в организации общества туркмен происходило только при их окончательном переходе к земледелию и разложении кочевничества. Таким образом, при переселениях, в военное время организация в тире и хозяйственная организация более или менее совпадали. В спокойное время значение небольших тире уменьшалось, а увеличивалась роль хозяйственных групп, но тем не менее связи между членами тире сохраняли свое значение при родственной взаимопомощи, кровной мести, иногда землепользовании и т. п. Следует отметить, что действительно кровные родственники обычно входили в состав самых небольших объединений из нескольких семей. Даже сравнительно небольшие тире могли состоять из неродственных лиц. После военных поражений, при переселениях и т. п. в одно тире могли объединяться люди из разных тире. Но такое объединение происходило всегда вокруг какой-то одной наиболее влиятельной семьи или группы родственников, сплоченных между собой семей. И родословная последних, их действительные и легендарные предки воспринимались присоединявшимися семьями или группами семей; новые члены тире начинали возводить свое происхождение к предкам основного ядра группы. В результате появлялось представление о родстве, которое идеологически закрепляло единство тире. Этнографические данные показывают, что уже в конце XIX в. кочевание по небольшим тире сохранялось либо как воспоминание, либо в самых пустынных глухих уголках. Наиболее распространенной формой кочевого объединения стало «оба» — совместно кочующая группа родственников или неродственных семей. Едва ли оба было новым институтом в туркменском обществе. Такие объединения существовали, очевидно, с глубокой древности. Но в эпохи войн и переселений оба либо совпадали с самыми маленькими тире, либо одно тире включало несколько оба. При спокойной жизни оба стали более самостоятельными по отношению к тире и могли не совпадать с последними³³.

³³ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 196.

Размеры оба — кочевого аула — могли быть весьма различными. Если аул состоял из средних по зажиточности хозяйств, каждое из которых имело в среднем 50—60 голов мелкого скота и 5—10 верблюдов, то в него входило примерно 10 хозяйств. Бедных хозяйств в оба могло быть и больше, но, как показал опрос стариков, самым бедным хозяйствам, имевшим всего по несколько голов скота, не было смысла кочевать, так как они могли прокормить скот и на одном месте; поэтому такие группы жили полуседлыми оба. Встречались оба, ядро которых составляло хозяйство богатого скотовода, с которым кочевали небогатые или бедняцкие родственные хозяйства. Впрочем, последний тип оба не имел широкого распространения (богатые скотоводы чаще кочевали с семьями наемных пастухов). Описываемые типы оба имели распространение во второй половине XIX в. среди северных туркмен и сохранились у части их до 20-х годов XX в.³⁴

Особенно подробно удалось установить хозяйственную организацию у прикаспийских туркмен. Основной и притом весьма независимой ячейкой хозяйственно-общественной организации северобалханских туркмен была группа хозяйств — кочевое оба. Оба включало в себя обычно несколько хозяйств и могло состоять из близких или дальних родственников, а также из неродственных членов одного тире. Близкие родственники в оба — отец и женатые сыновья, братья — могли вести общее хозяйство и иметь общее стадо. Дальние родственники и неродственные семьи имели объединенное стадо, но хозяйство вели по отдельности. Часто для удобства пастбы скот оба разбивался на два стада (*сури*). То обстоятельство, что существование независимых кочевых оба определялось прежде всего хозяйственной необходимостью, а не политическими, военными или родственными соображениями, обусловило вало и неустойчивость состава оба. Довольно легко можно было выйти из состава одного оба и войти в другое. Нередко новое оба составляли женатые молодые люди, не хотевшие по тем или иным соображениям кочевать вместе с родителями. Каждое оба обычно имело ядро из хозяйства уважаемого старика и его родственников. По договоренности к оба могли присоединиться родственники и соседи. Иногда оба, имевшее ядро из родственных хозяйств, называлось «бир атаран оба». Возглавлявший оба считался самым уважаемым членом объединения, но никакой административной властью он не располагал, и его советы были лишь рекомендательными. Размеры оба часто менялись и, в частности, в том случае, когда у его членов изменялось количество скота. Обедневшие оба пополнялись новыми членами, разбогатевшие сегментировались³⁵. В оба не входили немногочисленные в Прибалханье богатые скотоводы, чей скот пасся отдельными сури. Объединенные

³⁴ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 203 и сл.

³⁵ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство..., стр. 173.

стада близких родственников никаким особым термином не назывались, они считались просто «сури». Объединенные же стада неродственных хозяйств имели особые названия. Старики говорили о нескольких таких терминах: «мештек», «чекене», «кошоунт». Различия между этими терминами в памяти рассказчиков почти стерлись, и истинное значение каждого термина можно восстановить только предположительно³⁶. Термин «чекене» распространился в Прибалханье, по-видимому, сравнительно недавно, и старики считают, что это «слово племени теке». И действительно, чекене были широко распространены в Ахале, а также и у хивинских туркмен. Сложнее найти разницу между мештеком и кошоунтом. Мештек — явление, широко распространенное, о таких объединениях рассказывают все пожилые люди. Объединения в мештек бывали обычно кратковременными, на один-два года, после чего они распадались, и их состав частично или полностью менялся. Если оба по составу было преимущественно родственным, то главой мештека считался старейшина оба (*яшули, аксакал*). В том случае, если оба не был родственным объединением, то мештеком руководил наиболее зажиточный и опытный человек. Хозяйства, составившие мештек, либо выделяли по очереди пастуха, либо нанимали постоянного пастуха (*чопан*). Пастуху вместе со старейшиной принадлежало решающее слово при обсуждении хозяйственных вопросов, связанных с кочеванием³⁷.

Термин «кошоунт» упоминается в повествованиях довольно редко и обычно применительно к объединению довольно значительному по числу входивших в него хозяйств. По составу кошоунт был более пестрым, чем мештек, и насчитывал по 20—30 семей скотоводов. Некоторые старики высказывали мнение, что кошоунт — это объединение владельцев мелких стад вокруг хозяйства зажиточного скотовода. Во всяком случае, судя по большинству сообщений, кошоунты были объединениями неродственными, очень непостоянными и, очевидно, не слишком распространенными³⁸. Хозяйства кочевали в составе оба не весь год. В полном составе оба кочевали на летовках, где обычно сразу несколько оба пасли свой скот около группы колодцев. Невдалеке от колодцев возникло летнее поселение, где каждое оба селилось в кибитках обособленными группами. Нередко возникали как бы кварталы, каждый из которых состоял из нескольких оба, имевших между собой какие-либо связи. Поселение на яйлаге ничем организационно не было связано. Каждое оба, мештек и т. п. приходили на яйлаг, когда считали нужным, и по собственному разумению пасли скот, устанавливая лишь некоторую очередность при поении скота. Нередко на яйлаги приходили и дальние туркмены с Атрека, против чего

³⁶ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство..., стр. 173.

³⁷ См. там же, стр. 174.

³⁸ См. там же.

никто не возражал. В случае возникновения споров их разбирали главы оба, но их решения не имели обязательной силы, и никакой власти исполнительной (даже после присоединения края к России) не существовало. За дальностью расстояния русские чиновники в Забалханье не попадали, а местные выборные власти, не имея опоры в русской администрации, даже и не пытались навязывать народу свою волю³⁹. Только незадолго до начала первой мировой войны в местностях, расположенных поблизости от Закаспийской железной дороги, стало чувствоваться влияние русской администрации. Но пустынных областей это влияние так и не достигло. Состав оба на яйлагах был сравнительно постоянен, но иногда некоторые хозяйства оба меняли место летника. Некоторое постоянство в пользовании яйлагами вызывалось тем, что оба или группа оба сооружали себе колодец или принимали участие в чистке колодцев. Но так как безусловной собственности на колодцы не существовало, то воду для поения скота можно было найти в любом месте, где имелись водные источники. Но часто менять кочевья просто не было нужды, и это объясняло сравнительную постоянность летников. Известно, что скотоводы никогда не меняют без нужды своего кочевого ареала, так как в новом месте всегда возникают трудности в связи с незнанием местности, непривычностью обстановки, новыми соседями и т. п.⁴⁰.

Осенью оба приступали к перекочевкам на зимние пастбища. Меньшая часть скотоводов направлялась в горные долины, основная масса — в пески. В отличие от летников зимники были непостоянными. Оба на это время года распадались на отдельные семьи или небольшие группы семей, которые кочевали в облюбованных местностях довольно близко друг от друга. Кочевание велось разрозненными группами до весны, до ягнения овец, до тех пор, пока молодняк не окреп настолько, чтобы кочевать, тогда оба вновь собирались и его члены двигались на летние пастбища. Население было редким, а поэтому споров из-за пастбищ не было не только летом, но и в остальные времена года. Расселялись все преимущественно в привычных местах, и никакого централизованного руководства кочеванием и распределением пастбищ не существовало. К тому же отсутствовала категория лиц, которые могли бы взять на себя подобные функции, так как оба в Прибалханье практически ни от кого не зависело, и каждый старейшина — глава оба, — если его поддерживали прочие члены объединения, действовал вполне самостоятельно⁴¹.

Сопоставление мелких единиц племенной организации и хозяйственных объединений «оба» позволяет прийти к выводу, что хо-

³⁹ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство..., стр. 175.

⁴⁰ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство... ВМУ, ист.-филол. сер., 1958, № 4, стр. 175.

⁴¹ См. там же, стр. 173 и сл.

зяйственная и общественная организации ни в коей мере не противоречили, а дополняли друг друга. В зависимости от мирного или военного времени большим было значение то оба, то тире. Оба — объединение на вполне очевидной хозяйственной основе, и для существования оба не нужна была идеологическая основа, как, например, генеалогия родства. Оба были удобнее, чем тире, в мирное время, так как имели более гибкую форму организации, не связанную окостенелыми традициями, легко возникали и легко распадались в зависимости от хозяйственной нужды. Хотя малые тире часто сегментировались, легко включали в себя посторонних лиц, все же их размеры, как и «родственная» организация, не давали возможности так легко приспособляться к постоянно изменяющимся условиям пастбищного скотоводства как временным объединениям типа оба. Хозяйственные соображения отходили несколько на второй план в связи с переселениями и войнами: требовалась большая сплоченность, и основной формой организации становились тире, в которые объединяла действительная или вымышленная общность происхождения. Таким образом, хотя организация туркмен в тире была характерна для их общественной структуры в целом, значение этой формы объединения было особенно большим на военно-кочевом этапе, когда каждое ополчение тире было военным отрядом. В мирное время возрастало значение хозяйственной организации в оба, сосуществовавшей с племенной структурой.

Но общественную организацию туркмен составляли не только малые тире. По мере сегментации последних и появления на этой основе новых мелких племенных групп возникали более крупные объединения, чаще всего называвшиеся также тире. Происходило это примерно так: первоначально малое тире постепенно разрасталось, и со временем из него выделялись самостоятельные небольшие тире. Первоначальное, исходное тире исчезало, но вновь возникшие племенные подразделения считались родственными и входили в общее племенное подразделение. Со временем к нему могли примыкать посторонние группы, они искусственно возводили свое происхождение к генеалогии принявшей их группы и возникало представление о «родстве». Более крупные тире со временем также сегментировались, и возникали более крупные племенные подразделения, уже ни в коей мере не связанные общим происхождением, а лишь легендарной генеалогической традицией. Таких «промежуточных» тире было довольно много, и некоторые знатоки преданий насчитывают их по десять и более, увенчивая всю генеалогическую схему общим легендарным племенным предком⁴². Каждое крупное и мелкое племенное подразделение имело

⁴² См. Г. Е. Марков. К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. СЭ, 1953, № 4; К. Нурмухамедов. Из истории формирования туркменского населения Ахала. ИАН ТССР, сер. обществ. наук, 1960, № 5 (Ашхабад).

собственный знак для клеймения скота (*тамга*). Обычно тамга мелких племенных подразделений представляла собой вариант тамги более крупного. В большей части туркменских племен тире группировались в большие объединения, называемые в литературе обычно «отдел» (туркм: «тайпа», «уруг» и др.). Так, например, в составе атинцев числилось три подобных отдела: омар-ата, нур-ата, убак-ата. Совокупность отделов представляла собой племя («халк», «тайпа» и др.). Терминология, которой сами туркмены пользуются при обозначении тех или иных племенных групп и племен, очень неопределенна даже в рамках одного племени и одного отдела. Сложная племенная структура туркмен складывалась исторически на протяжении очень длительного времени и в значительной мере отражает ход их формирования. Такие племенные группы, как племя, отдел, иногда и более мелкие их подразделения, не обладали к XIX в. ни территориальным, ни политическим единством⁴³. Разбросанные на обширных пространствах, они являлись лишь свидетельством былого единства, которое проявлялось по традиции в семейных отношениях, идеологической сфере, в некоторых преимуществах, которыми пользовались соплеменники, поселяясь на землях того племени, к которому они принадлежали. Уже к середине XIX в. племенной принцип организации все в большей степени вытеснялся территориальной организацией. Так, например, когда речь шла о текинцах, самым важным признаком оказывалась не принадлежность, скажем, к одному отделу, а место обитания: Ахал, Теджен, Марыйский оазис и т. п.⁴⁴. Это не означает, что у туркмен вообще отсутствовало представление о национальном единстве. Выдающиеся представители культуры, например Махтум Кули и другие, да и сама история свидетельствуют о том, что в ответственные моменты, во время войн и т. п. туркмены сплачивались против врагов и боролись с ними общими усилиями. Но такие случаи были, в общем, единичными, и обычно туркмены оказывались разобщенными, чему в значительной мере способствовала политика соседних феодальных владений. Поэтому представитель определенного племени считал свое племя туркменским, все же прочие называл по их племенным названиям. Вместе с тем между отдельными территориальными группами туркмен существовали постоянные и тесные экономические, политические, культурные и т. п. взаимоотношения, что позволило этому народу быстро пройти процесс национальной консолидации в годы Советской власти.

О военно-племенной организации туркмен в исторических источниках сведений довольно мало. Обычно каждая небольшая племенная группа выставяла отряд всадников, входивший в состав

⁴³ См. Г. Е. Марков. Очерк истории...; G. Markov. Die Wirtschaftliche und Gesellschaftliche Struktur der Nomadenviehzüchter-Völker Asiens. Abhandlungen und Berichte des Staatl. Mus. f. Völkerkunde Dresden, Bd. 31. Dresden, 1970, S. 31.

⁴⁴ W. König. Die Achal-Teke.

племенного ополчения, которым руководили авторитетные в народе предводители (*сердары, батыры*). Но подчинение руководителей отдельных отрядов общему руководству было довольно относительным, так же как и подчинение отдельного туркменского всадника начальнику его отряда. При условии выборности предводителей и отсутствии четкой военной организации туркменское войско, несмотря на прекрасные боевые качества каждого воина в отдельности, нередко терпело от врагов поражение. Ханства использовали для борьбы с туркменами самих же туркмен, что крайне усугубляло племенную вражду, разжигаемую также спорами, возникавшими при переселении туркмен в оазисы, а раньше — в борьбе племен за лучшие пастбища⁴⁵.

Поскольку ни одно крупное туркменское племя не расселялось, по крайней мере с XVI—XVII вв., на единой территории и между отдельными их группами были большие пространства, с представлением о племенах в целом землепользование обычно не связывалось. В некоторых случаях определенная пастбищная область считалась в пользовании того или иного отдела племени, хотя нередко на первый план выступал не племенной, а территориальный признак. Правда, во время расселения в Ахале крупнейшего племени туркмен—текинцев было объявлено, что всей землей могут пользоваться только текинцы, и местные туркмены оазиса вынуждены были, за отдельными исключениями, стать арендаторами текинцев. Впрочем, это касалось главным образом обрабатываемых земель. Но представление о племенном праве на землю в известной мере все же существовало. Так, например, большая группа иомутов, долгое время обитавшая на севере Туркмении, куда она переселилась в свое время с Мангышлака, вернулась на полуостров во время завоевательного похода Надир-шаха. Местное население, иомуты, без всяких разговоров дали пришельцам возможность пользоваться пастбищами, так как «там жили их предки»⁴⁶. Представление о племенной собственности было более развито в скотоводческих областях, однако с переселением в оазисы оно стало довольно быстро исчезать, что особенно заметно проявилось во второй половине XIX в.

Собственность на основные средства производства у туркмен вызвала в литературе несколько меньше споров, чем о подобной категории у других народов, хотя и здесь встречаются различные точки зрения.

Скот у туркмен со времени появления письменных источников был частной семейной собственностью и никаких, даже косвенных свидетельств о наличии у них общинной собственности на скот нет.

⁴⁵ См. А. А. Росляков. Аламаны. СЭ, 1955, № 1; М. Б. Дурдыев. Пограничные и охранные отряды у туркмен Ахала в конце XIX — начале XX в. ИАН ТССР, сер. обществ. наук, 1970, № 3 (Ашхабад); его же. Общественные институты туркмен Ахала в конце XIX — начале XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

⁴⁶ Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 56, 59, 61, 198.

А. Ю. Якубовский полагал, что основой феодализма в обществах с любым типом хозяйства может быть только феодальная собственность на землю. Подобное утверждение представляется в принципе совершенно верным. Но, изучая туркмен X и последующих веков, он высказывал мнение, что у них в условиях кочевого скотоводства имелась феодальная собственность на землю. Он исходил не из проверенных фактических данных о туркменах, а из аналогий с татарами, киргизами, башкирами, кочевыми и полукочевыми азербайджанцами, горцами Северного Кавказа и др.⁴⁷. Не говоря уже о том, что ни по хозяйству, ни по общественным отношениям нельзя сопоставлять татар и азербайджанцев с туркменами-скотоводами, сам А. Ю. Якубовский признавал, что источники, которыми он располагал о социальных отношениях у туркмен, давали очень мало данных по рассматриваемому вопросу⁴⁸. Во взглядах А. Ю. Якубовского на общественные отношения туркмен много неточностей⁴⁹. Так, утверждая справедливо, что родоплеменные отношения давно разложились у туркмен, одновременно он пишет: «Итак, туркменское общество X и ряда последующих веков оставалось по форме родо-племенным»⁵⁰. При этом он неправоммерно противопоставляет форму содержанию. А. Ю. Якубовский верно отмечает давнее имущественное расслоение внутри туркменского общества, наличие рабства⁵¹, но так и не смог найти ни одного довода в защиту существования феодальной земельной собственности.

Посмотрим теперь, что говорят факты о туркменском землепользовании и что пишут об этом другие авторы.

В процессе формирования северной группы туркмен скотоводы поселились в прилегающих к оазисам правого и левого берегов Амударьи пустынных областях, верховным собственником которых считался хивинский хан. Однако собственность эта практически была лишь номинальной, населены скотоводческие местности были редко. Единственный вид повинностей ханству, которые туркмены обязаны были нести,— это военная служба. Однако на деле в связи с постоянными столкновениями хивинских властей и туркмен эта повинность исполнялась нерегулярно, да и то только в тех случаях, когда туркмены сами были заинтересованы в походе, надеясь захватить хорошую добычу. После 1873 г. земли по низовью правобережья Амударьи были объявлены царскими властями государственной собственностью, а в Хивинском ханстве продолжали сохраняться старые порядки. При обширности пастбищ и редком населении землепользование скотоводов в степи

⁴⁷ См. А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана..., стр. 60.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ См. там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. там же, стр. 60, 61 и сл.

ником не регулировалось, и каждая кочевая группа пасла свой скот в тех местах, где было удобнее или находились колодцы этой группы. Не существовало каких-либо лиц, руководивших перекочевками, распоряжавшихся пастбищами, захватывавших землю в постоянное личное пользование. Поскольку пользование пастбищами в жаркое время года обычно было связано с колодцами, последние строила каждая кочевая группа; но права исключительного пользования этими колодцами, ни тем более прилегающими пастбищами она ни по традициям, ни на практике не имела. На правобережье Амударьи существовал обычай, по которому любое хозяйство могло пользоваться чужим колодцем, если в нем было достаточно воды. Но так как сооружение колодца не было особо сложным делом на окраинах Кызылкумов, то каждое оно могло либо соорудить для себя колодец, либо расчистить старый, и чужими колодцами приходилось пользоваться только при перекочевках⁵². Некоторые изменения в правилах пользования пастбищами и колодцами в рассматриваемой области начали намечаться только в первом десятилетии XX в., когда в связи с резким усилением товарности хозяйства и ростом имущественной дифференциации появилось больше, чем в прошлом, байских хозяйств, которые нуждались для своих стад в обширных пастбищах и постоянных источниках воды. Байские хозяйства, не входившие в оба, сооружали для себя глубокие колодцы, которые считались их собственностью. Одновременно, пользуясь экономическим влиянием на соплеменников, они не разрешали им пользоваться пастбищами, на которых пасся байский скот. Однако ни на колодцы, ни на пастбища частной собственности в полном смысле этого слова не возникло. В ней просто не было нужды при наличии больших свободных пространств. По старому обычаю нуждающиеся могли поить свой скот из байских колодцев, но нередко с некоторыми условиями: бедняки «в благодарность» должны были оказывать услуги в хозяйстве собственника колодца. Но эта форма эксплуатации обуславливалась отнюдь не собственностью на землю, а правом на колодец, на строительство которого был затрачен определенный капитал⁵³. К тому же появление частных колодцев и отдельные случаи закрепления пастбищ в индивидуальное пользование богатыми скотоводами не изменяли всего облика землепользования в целом. Группы скотоводов и разбогатевшие хозяйства продолжали беспрепятственно пользоваться свободными землями, которые имелись в избытке, а байскими колодцами и пастбищами пользовались только беднейшие хозяйства, отнюдь не составлявшие большинства общества и находившиеся в некоторой экономической зависимости.

Ничем существенным не отличались правила пользования

⁵² G. Markov. Aus der Geschichte..., S. 115; Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 194, 195.

⁵³ G. Markov. Aus der Geschichte..., S. 115.

пастбищами и колодцами в Хивинском ханстве на левом берегу Амударьи. Обширные пастбищные пространства по окраинам Каракумов свободно использовались скотоводческими объединениями и богатыми скотоводческими хозяйствами, и нужды в регулировании кочевания, разделе пастбищ между отдельными скотоводческими группами, а тем более хозяйствами не возникало⁵⁴. Колодцы сооружались либо группами скотоводов — оба, либо отдельными богатыми или даже середняцкими хозяйствами. Так как при сооружении колодцев затрачивался труд и вкладывались определенные средства, они считались собственностью тех, кто их построил. Преимущества в пользовании непосредственно прилегающими к колодцам пастбищами имели собственники источников воды — кочевые группы или отдельные лица, но частной собственностью это преимущественное право не стало; к тому же пользоваться ни колодцами, ни пастбищами скотоводам, останавливавшимся на один-два дня при перекочевках, не воспрещалось. Как и на правобережье Амударьи, байскими колодцами пользовалась беднота, которой не было смысла заниматься сооружением собственных колодцев, имея всего несколько голов скота. Они все равно не могли вести самостоятельное хозяйство и нанимались к баю в пастухи и на сезонные работы⁵⁵. Нередко колодцы забрасывались, так как соорудившие их хозяйства беднели или откочевывали на другие пастбища. Колодцы продолжали числиться номинально их собственностью, и если они возвращались на старые места, то могли претендовать на преимущественное пользование этими колодцами. Однако никаких претензий хозяйствам, пользовавшимся водой в отсутствие соорудивших колодцы, хозяева предъявлять не могли. Арендных отношений в случаях пользования колодцами и пастбищами не возникало и не существовало. В общем, пользование колодцами определялось главным образом наличием в них воды. Если она имелась в избытке, то редко кому отказывали в просьбе напоить скот или даже пользоваться водой колодца некоторое время — лишь бы одно стадо не мешало другому. Но если воды было мало, то вполне естественно, хозяева колодца ограничивали пользование им для посторонних.

Рассматривая землеводопользование северных туркмен в целом, можно отметить, что ничего напоминающего монопольное право на землю или воду или хотя бы право на руководство их использованием ни у какой социальной прослойки не существовало, и только к началу XX в. постепенно начинается процесс как закрепления колодцев в частную собственность, так и индивидуального пользования прилегавших к ним пастбищ, что вызывалось ростом товарно-денежных отношений, было проявлением своеобразного «прусского» пути развития капитализма, но отнюдь не складыванием сословной монопольной собственности на землю.

⁵⁴ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 198.

⁵⁵ См. там же, стр. 198, 199.

Весьма детально исследован вопрос о водоземлепользовании у прибалханских туркмен. Почти поголовный опрос стариков показал, что и в начале XX в. любой скотовод или кочевая группа могли беспрепятственно пользоваться всеми пастбищами и колодцами области⁵⁶. Причем для того, чтобы остановиться у колодца или пользоваться каким-либо незанятым пастбищем, не требовалось испрашивать у кого-либо разрешения: каждая кочевая группа пасла свой скот там, где ей это было удобно. Новые колодцы в Прибалханье сооружались довольно редко из-за трудоемкости работ, скот поили и из старинных колодцев, горных источников, которые ни в чьей собственности не находились⁵⁷. Следует отметить, что в начале XX в. и в Прибалханье усиливалось, хотя, может быть, и несколько замедленно по сравнению с другими местностями, имущественное расслоение и выделение байских хозяйств. Такие хозяйства строили иногда собственные колодцы, но пользование ими ограничивалось лишь правилом, по которому хозяин колодца имел право первым поить свой скот из него⁵⁸. При редком населении споров из-за колодцев, а тем более пастбищ обычно не возникало, и ни о каком сословном земельном праве в Прибалханье даже и говорить не приходится за отсутствием такого права, да и сословий, которые могли бы претендовать на такое право. Лучшее доказательство сказанному — факты. Например, время от времени в Прибалханье прикочевывали скотоводы из южных областей, с Атрека, и беспрепятственно пользовались водой и пастбищами восточного Прикаспия, так же как и прибалханские туркмены, когда они откочевывали на юг⁵⁹.

В Прибалханье не было ни сословий, ни лиц, которые бы руководили кочеванием или распределением пастбищ⁶⁰.

Отсутствие сословной монопольной собственности на пастбищную землю и права распоряжения кочеванием и пастбищами какой-либо сословной группой отмечают в Ахале В. Кениг и К. Нурмухамедов⁶¹. Но В. Кениг подчеркивает, что в связи с распространенной формой «стационарного кочевания» пастбища считались в пользовании тех кочевых групп или лиц, в чьей собственности находились колодцы. Собственность же на колодцы в Ахале была выражена гораздо больше, чем в других частях Туркмении. Самые сильные племенные подразделения пользовались самими

⁵⁶ См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство... ВМУ, ист.-филол. сер., 1958, № 4, стр. 170.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ См. там же, стр. 170, 171.

⁵⁹ См. А. Оразов. Некоторые вопросы... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, стр. 293—295 и сл.

⁶⁰ См., например, А. Оразов. Хозяйство..., стр. 8, 9.

⁶¹ См. В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, стр. 244; К. Нурмухамедов. Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. М., 1962, стр. 17.

лучшими пастбищами. Посторонние скотоводы могли пользоваться этими пастбищами только с разрешения кочевавших там скотоводов. Вошло в обычай брать за пользование колодцем некоторую плату. Байскими колодцами пользовалась лишь беднота данного племени, пасшая их скот⁶². Однако и описываемый порядок водо-землепользования далек от монопольной сословной собственности на землю, а превращение колодцев в частную собственность, как и закрепление de facto пастбищ за собственниками колодцев, было следствием развития товарно-денежных отношений, имущественной дифференциации, возникновения прослойки кулачества, укрепления связей последнего с рынком,—прослойки, приобретающей постепенно капиталистические черты, хотя и в неразвитом виде.

Не было каких-либо существенных различий и в правилах водо-землепользования по сравнению с рассмотренными группами туркмен-скотоводов Юго-Восточной Туркмении. Достаточно обширные просторы пастбищ исключали необходимость их раздела или руководства при кочевании. Колодцы находились в общинной или семейной собственности, и их хозяева пользовались прилегающими пастбищами. Любой разбогатевший скотовод пользовался таким пастбищем, какое было необходимо для содержания скота⁶³.

Вопрос об имущественном расслоении среди туркмен исследован достаточно обстоятельно начиная с эпохи средневековья. Так, А. Ю. Якубовский приводит данные источников, согласно которым в X в. были хозяйства, имеющие сотни тысяч голов скота⁶⁴. Однако для более позднего времени—для XV в. и позднее—сообщений источников о столь крупных хозяйствах нет, да и максимальное поголовье скота у самых богатых не превышало нескольких тысяч овец и сотен верблюдов. Не было одинаковым имущественное расслоение среди туркмен и в разных областях Туркменистана в XIX—начале XX в. При этом особенно заметно имущественное расслоение стало проявляться на рубеже XIX и XX вв., когда туркменское хозяйство вступило в тесные связи с русским рынком.

Туркмены-скотоводы правого берега Амударьи в подавляющем большинстве были средними по зажиточности. Перед первой мировой войной начали появляться крупные байские хозяйства. В скотоводческих местностях левобережья Амударьи было больше богатых скотоводов, но и там численно преобладали середняки, а баев и бедняков было немного, тем более, что хозяйства, терявшие скот, переходили к земледелию; только немногие бесскотные или малоскотные бедняки работали по найму у баев-скотоводов. Самые богатые хозяйства имели стада по 600—1000 голов мелкого

⁶² См. В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, стр. 250, 260.

⁶³ См. Г. Е. Марков. Некоторые проблемы...

⁶⁴ См. А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана..., стр. 60.

рогатого скота и по 10—15 верблюдов; самые бедные, но все же самостоятельные хозяйства—50—60 овец и несколько верблюдов⁶⁵. С меньшим количеством скота вести скотоводческое хозяйство было невозможно.

В Западном Туркменистане в начале XX в. имелось небольшое число богатых скотоводческих хозяйств, каждое из которых насчитывало от 200—300 верблюдов и по 2—3 стада овец по 500—700 голов в каждом. Довольно значительной была прослойка хозяйств, у которых было по 400—500 овец и 50—100 верблюдов. Еще больше хозяйств середняков: 100—300 голов мелкого рогатого скота и 20—30 верблюдов. Если в хозяйстве было 50—60 овец и 10—15 верблюдов, оно считалось небогатым. Наконец, небольшую прослойку бедняцких составляли хозяйства, имевшие 10—15 овец, 2—3 верблюда. Как исключение встречались бесскотные хозяйства, члены которых работали по найму у богачей⁶⁶.

В связи со сравнительно небольшим развитием скотоводства на северных окраинах Ахала, имущественное расслоение было там не особенно велико⁶⁷. Хозяйства, имевшие по 500—600 овец и коз и 50—60 верблюдов, уже считались богатыми. Средние хозяйства располагали стадом мелкого рогатого скота в 100—120 голов и 20 верблюдов. Такое стадо давало еще возможность вести самостоятельное скотоводческое хозяйство, но положение его не было стабильным, так как даже небольшой падеж скота мог превратить его владельца в бедняка. Бедными хозяйствами считались такие, где было 50—60 овец и 10 верблюдов⁶⁸.

Отмеченное у туркмен имущественное расслоение, заметно возросшее в начале XX в., наличие богатых и бедных хозяйств составляли основу отношений экономической эксплуатации. Правда, эти отношения довольно слабо затрагивали многочисленную прослойку зажиточных середняцких хозяйств, существовавшую в большей части скотоводческих областей Туркмении. Основной вид эксплуатации в этих районах—найм пастухов, практиковавшийся теми хозяйствами, которые не могли справиться со скотом силами только членов своих семей. Для пастбы стада в 400—500 голов овец и коз нанимали пастуха и подпaska. Оплата труда пастухов производилась или раз в год, или чаще по сезонам. Вознаграждение за труд еще в начале XX в. получали обычно натурой: пастуху давалась небольшая часть приплода овец, питание, одежда⁶⁹. Накануне первой мировой войны часть оплаты труда пастухов стали производить в денежной форме, особенно в областях, нахо-

⁶⁵ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 197.

⁶⁶ См. А. Оразов. Хозяйство..., стр. 9, 10.

⁶⁷ См. В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, стр. 258.

⁶⁸ См. А. Оразов. Некоторые вопросы... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, стр. 299, 300.

⁶⁹ См. там же.

дившихся под русским управлением. Для пастьбы верблюдов пастухи нанимались редко, так как животные ходили одни по пустыне и возвращались самостоятельно к колодцу, где их поили. Бесскотные и малоскотные хозяйства нередко брали у богачей скот на выпас под видом родственной «помощи». Бедняк получал у бая или зажиточного середняка немного мелкого рогатого скота и верблюдов, за которыми он ухаживал. Бедняк мог пользоваться почти всем или даже всем приплодом, продуктами, получаемыми от скотоводства, но по первому требованию хозяев животных должен был вернуть столько же, сколько было получено. Хозяин скота избавлялся от забот о нем, но не получал и особых выгод. Естественно, что в таком виде обычай отдачи скота на выпас (*саан*) мог существовать только при слабо развитом товарном хозяйстве. С развитием товарно-денежных отношений появлялись новые формы эксплуатации. Так, в Прибалханье в начале XX в. получил распространение прием отдачи скота на выпас на один-два года, после чего следовало возвратить его с большей частью приплода, т. е. хозяин получал в 2, а то и в 3 раза больше животных, чем отдавал на выпас (обычай *ылловык*)⁷⁰. Существовали и другие формы отношений, используя которые богатая часть скотоводов эксплуатировала труд бедняков. Например, если один скотовод помогал другому вьючными животными при перекочевках, то последний был вынужден оказывать помощь в хозяйстве помогающего. По обычаю следовало помогать при поении скота хозяину колодца, если использовалась его вода, хотя никакой прямой платы не существовало. Довольно сложны отношения эксплуатации рядовых скотоводов предводителями, ханами и т. п. На правобережье Амударьи не было крупных предводителей, и старейшины кочевых групп и племенных подразделений не имели большой власти над подчиненными. После 1873 г. значение этих категорий еще уменьшилось в связи с введением на основе выборной системы местного самоуправления, большую роль в котором играли богатые скотоводы и земледельцы, хотя и необязательно выходцы из семей предводителей.

Максимально власть вождей проявлялась на землях Хивинского ханства. Но вожди там жили в земледельческих областях, и их интересовало главным образом земледельческое население, с которым в конце XIX и особенно в XX в. стали устанавливаться отношения, весьма напоминающие феодальные. Крупные иомутские вожди присваивали постепенно право собственности на обрабатываемые земли и жестоко эксплуатировали своих соплеменников: используя последних в своих корыстных целях как военную силу, вожди облагали народ многочисленными и тяжелыми поборами, в чем они соперничали с хивинскими властями. Значительно меньше интересовали вождей немногочисленные группы кочевого скотоводческого населения по окраинам оазисов. Кочевники так же,

⁷⁰ См. А. О р а з о в. Хозяйство..., стр. 10.

как и земледельцы, были обязаны принимать участие в военных мероприятиях вождей и отдавать им некоторую часть скота, так как формально подчинялись в зависимости от своего племенного подразделения тому или иному вождю; но, в общем, скотоводы из-за отдаленности расселения эксплуатировались вождями все же меньше, чем их оседлые соплеменники⁷¹.

В области Прибалханья крупные предводители отсутствовали. Каждое небольшое тире управлялось старейшиной (аксакал), не обладавшим над соплеменниками большой властью, но использовавшим в целях управления главным образом свой авторитет, общественное мнение, богатство⁷². Такие старейшины могли эксплуатировать бедную часть населения только экономическим путем, используя его для найма (пастухи и т. п.).

Довольно многочисленные в Южной Туркмении вожди (ханы, сердары) являлись до присоединения края к России главным образом военными предводителями. Они не происходили из какого-то определенного сословия. Как отмечает П. М. Лессар, ханом мог назвать себя чуть ли не любой, но для того чтобы это звание утвердилось за ним, следовало прославиться на войне или быть очень богатым⁷³. Естественно, что в таких условиях предводители, ханы имели власть в основном только в военное время. Но и тогда они могли проводить свои решения в жизнь, только опираясь на согласие большинства народа, чье военное ополчение составляло единственную реальную силу туркмен. В мирное время значение этих предводителей было невелико, а поэтому, только располагая достаточным богатством, они могли завоевать симпатии соплеменников, устраивая угощения, делая подарки и т. п. Вот как описывает Лессар «выборы в ханы: кандидат зарежет несколько баранов и угощает своих сторонников; все нежелающие его признавать не являются на избрание; ведь все равно звание только номинальное и никакого значения не имеет: носить его — вопрос самолюбия; текинцы оказывают некоторые наружные признаки почтения ханам, так как ответом на это бывает угощение со стороны этих последних; но говорить нечего, что никто бы не стал повиноваться хану, который бы попробовал проявить чем-нибудь свою власть, например сбором подати или т. п.»⁷⁴.

Даже в земледельческих областях на юге Туркменистана вожди не были до колониальной эпохи классом монопольных земельных собственников, а в лучшем случае — богатыми землевладельцами. Еще менее значительной была власть вождей в скотоводческих областях. После присоединения Закаспия к России значение предводителей очень скоро сошло на нет, и только отдельные их представители сохранили влияние благодаря богатству или

⁷¹ См. Г. Е. Марков. Очерк истории..., стр. 158 и сл.

⁷² См. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство... ВМУ, ист.-филол. сер., 1958, № 4, стр. 173; А. Оразов. Хозяйство..., стр. 9.

⁷³ См. П. М. Лессар. Заметки..., стр. 66.

⁷⁴ П. М. Лессар. Заметки..., стр. 67.

связям с русской администрацией. Зато исключительно усилилось влияние байской прослойки. Положение верхушки туркменского общества всюду было примерно таким же. Многие скотоводческие местности находились под влиянием вождей, особенно в Хивинском ханстве, где они являлись одновременно и ханскими должностными лицами (*мюхердар* и т. п.). В областях же расселения скотоводов устойчивой прослойки влиятельных вождей так и не сложилось.

Любопытные отношения, но опять-таки в земледельческой полосе наблюдались в Южном Туркменистане в XVIII в. после прихода туда текинцев. Пришельцы захватили всю обрабатываемую землю, и старое население могло получить ее только на условиях аренды и т. п. В результате этого возникла своеобразная зависимость (отношения *конши*): но не между предводителями групп завоевателей и покоренным населением, а между владельцами участков земли и нуждающимися в земле.

Наряду с полноправными членами (*иг*) в племени имелись и неполноправные. Среди них следует отметить детей от браков туркмен и пленниц и их потомков (*ярым*). В хозяйственной сфере их неполноправность проявлялась мало: имели скот, пользовались пастбищами и колодцами, как и остальные скотоводы, наследовали имущество и лично были свободны. Но вступать в браки они могли только с нечистокровными туркменами и при решении общественных дел их голос был второстепенным.

Самыми неполноправными среди туркмен были рабы (*кул*). Прослойка рабов состояла из военнопленных, захваченных во время войн и грабительских набегов (*аламан*) на сопредельные области. По сообщению письменных источников и стариков-информаторов, набегам занимались главным образом туркмены-земледельцы, поэтому число рабов у скотоводов было невелико⁷⁵. Мужчины-рабы в хозяйственных работах использовались мало, и их продавали на рынках Хивы, Бухары и других городов. Женщин продавали тоже, но часть их оставалась в аулах, где их использовали на подсобных домашних работах, а также брали наложницами. Детей от них называли ярым, а иногда и кул.

Говоря об общественной структуре туркмен-скотоводов в целом, следует отметить, что в их обществе при значительном имущественном расслоении и социальном неравенстве социальные прослойки не были четко дифференцированы. Господствующая прослойка предводителей оформилась в основном после оседания туркмен в земледельческих областях. В скотоводческих местностях предводители так и остались, по существу, старейшинами, лишенными деспотической власти, уважаемыми лицами, к чьим словам лишь прислушивались. Можно полностью согласиться с В. Кенигом, когда он говорит о туркменах XIX в.: «...Несмотря на наличие у скотоводов некоторых различий в положении различных

⁷⁵ W. König. Die Achal-Teke, S. 95.

групп их общества, нет оснований считать, что в рассматриваемое время у них уже выработалась господствующая прослойка в обществе, как например, ак-суок у казахов или золотой улус Чингиз-хана и его потомков»⁷⁶. Множество свидетельств авторов XVIII и XIX вв. подтверждает предположение о независимости рядовых туркмен от своих предводителей и отсутствию у последних реальной власти заставить своих подчиненных повиноваться приказам⁷⁷. Обширный этнографический материал целиком подтверждает эти показания и свидетельствует, что туркменские предводители превратились в господствующую прослойку общества только после оседания на землю. Но предводители южных туркмен до присоединения Закаспия к России не обладали неограниченной властью, и их значение возрастало только при политических осложнениях или войнах, как, например, во время продвижения русских войск по Ахалу.

Зато социальное неравенство; порожденное имущественным расслоением, было очень значительным, особенно начиная со второй половины XIX в.

Итак, многое не позволяет согласиться с мнением А. Ю. Якубовского о господстве феодальных или патриархально-феодальных отношений в скотоводческих областях у туркмен. Никакими данными о подобном состоянии общества этого народа в середине века наука не располагает; относительно же XVIII — начала XX в. довольно много письменных источников и этнографических данных свидетельствуют об отсутствии у туркмен монопольной сословной собственности на землю (или источники воды) и скот. У кочевников-скотоводов общинное пользование пастбищами в политически независимых областях или в условиях верховной государственной собственности на землю не порождало иерархической системы земельной собственности. Не существовало и производственных отношений, предполагающих монополию слоя или класса на основные средства производства, внеэкономическую зависимость и крепостничество. Неравенство, эксплуатация имели главным образом экономическую основу, и отношения подчинения рядовых скотоводов предводителям, наиболее четко выраженные в годы войн, были, во-первых, непродолжительными, а во-вторых, не сказывались на производственных отношениях. Специфический, характерный для всех кочевых обществ обратимый процесс перехода от общинно-кочевого к военно-кочевому состоянию и обратно не приводил к кардинальным изменениям в экономическом базисе и социальных отношениях, эволюционирующих очень медленно и незначительно. Разложение кочевнических и

⁷⁶ В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев... ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, стр. 256.

⁷⁷ Журнал капитана Тебелева. «Красный Архив», 1939, № 2, стр. 218; П. М. Лессар. Заметки..., стр. 67; это же подтверждают и полевые записи Туркменской экспедиции МГУ за 1955, 1956, 1957, 1958 гг. «Архив кафедры этнографии МГУ». [Рукописи].

формирование феодальных и капиталистических отношений были вызваны оседанием туркмен на землю; ростом товарно-денежных отношений; вовлечением туркмен в социально-экономические отношения с государствами, где кочевники обитали, особенно с Россией. Разложение кочевничества и зарождение капитализма происходили медленно, мучительно, по «прусскому» пути. Объясняется эта особенность, очевидно, общей социально-экономической отсталостью окраин царской России, низким уровнем разделения труда. С проникновением капиталистических отношений и усилением товарности хозяйства скотоводов значительная часть их разорялась, переставала заниматься кочевничеством и обращалась к земледелию. Зажиточное меньшинство, используя наемный труд, начинало вести крупное хозяйство, рассчитанное на нужды рынка. При этом кочевнический уклад, сохранявшийся пока кочевники жили в окружении феодальных государств, разлагался. Капиталистические отношения у бывших скотоводов-кочевников находили благоприятную для развития почву: частную собственность на скот, имущественное расслоение, использование наемного труда и отсутствие сословной земельной собственности.

Исследование развития кочевничества в Западной Азии представляет особый интерес именно потому, что во многих странах кочевничество продолжает бытовать до наших дней. Однако общий процесс упадка кочевничества коснулся скотоводов и этих областей (это особенно заметно у многих арабских народов). Там, где кочевничество сохранилось, оно претерпевает в условиях нашего века большие изменения как в области хозяйства, общественной структуры, так и организации. Влияние социально-экономических отношений, господствующих в странах, где живут кочевники, сложные политические события, в которых эти народы принимают участие,— все это и многое другое изменяет старый традиционный кочевнический быт, вовлекает скотоводческое хозяйство в сферу товарно-денежных капиталистических отношений, приводит к росту и обострению имущественного расслоения — резко становятся границы классовой дифференциации. Поэтому социально-экономические отношения современных скотоводческих народов Западной Азии, сохраняющих в какой-то мере кочевническое хозяйство, племенную структуру и традиции кочевого быта, уже сильно изменились даже за время с начала XX в. до наших дней. Сложные общественно-экономические процессы в кочевничестве ведут к разложению последнего. Само же существование «чистого» кочевничества возможно лишь до тех пор, пока оно еще не полностью вовлечено в сферу капиталистического производства.

По всем этим причинам данные о современном состоянии кочевых и полукочевых народов Западной Азии могут использоваться для характеристики традиционного кочевничества с известными оговорками. При этом, однако, необходимо разграничивать традиционные, свойственные «чистому» кочевничеству и возникающие вновь социально-экономические отношения.

Арабы расселяются в Азии: в Ираке, Сирии, Саудовской Ара-

вии, Йемене, Ливане, Иордании, областях Южной и Восточной Аравии. В северных областях их расселения, в Ираке (по Месопотамской низменности) несут свои воды две величайшие реки Западной Азии — Тигр и Евфрат; с севера низменность ограничена горными хребтами Загроса и Тавра. В Сирии горы переменяются плодородными долинами, значительную часть страны занимает Сирийское плато. Обширное плато представляет собой и Саудовская Аравия, переходящая на западе в скалистые края. Йемен, Ливан — горные страны. Менее гористо Иорданское плоскогорье, а южная и восточная окраины Аравийского полуострова равнинны.

В Арабских странах ландшафтные и климатические контрасты очень велики. Плодороднейшие оазисы сменяются горами. Часть Сирии и почти всю Саудовскую Аравию занимают песчаные и каменистые пустыни. Климат жаркий, сухой, многие местности очень бедны осадками.

Древнейшей областью расселения арабов был северо-восток Аравийского полуострова, откуда уже во втором тысячелетии до н. э. они начали расселяться по всему полуострову, а затем и за его пределы — в Сирию, Ирак, Северную Африку. Особенно интенсивно шел этот процесс в эпоху арабских завоеваний. Издавна в областях, населенных арабами, господствовали два основных вида занятий: в оазисах — орошаемое земледелие, в степях и пустынях — скотоводство. Последнее велось в разных формах — от чисто кочевого до полукочевого и полuosедлого. Арабы имели собственную «классификацию» хозяйств, четко разграничивавшую настоящих кочевников — бедуинов («бадавийун»), полукочевников, сохранявших как основное занятие скотоводство («шавия»), и полuosедлых «райя», связанных преимущественно с земледелием¹. Различия в типах хозяйства не мешали отдельным группам населения иметь самые тесные культурные, хозяйственные и политические связи, причем последние поддерживались не только между кочевыми и полукочевыми группами, но и между скотоводами и земледельцами. Велся оживленный обмен продуктами хозяйства².

Однако не следует полагать, что все разнообразие типов хозяйств в арабском скотоводстве исчерпывается отмеченными выше. В действительности типов значительно больше, так как в каждой области Аравии скотоводческое хозяйство имеет какие-то свои специфические особенности. Этнографически арабы изучены не настолько, чтобы на основании этих данных можно было выявить и описать все эти особенности. Вот почему при оценке своеобразия социально-экономического развития разных групп арабского населения и их хозяйства это обстоятельство следует учитывать.

¹ A. Musil. The manners and customs of the Rwal beduin. New York, 1928, pp. 44—45.

² G. Jakob. Altarabisches Beduinenleben. Berlin, 1897, S. 227.

Необходимо учитывать и большое разнообразие природных условий в различных областях расселения арабов, что накладывает отпечаток на их кочевое хозяйство, подчеркивая своеобразие. Так, находящаяся на обширном плато Сирийская пустыня разделяется горной цепью на две части. Северная часть больше пригодна для овцеводства, южная — для верблюдоводства. В пустыне произрастают различные кустарниковые и травы, сочные и густые весной и выгорающие летом³. Тем не менее скот может пастись в Сирийской пустыне круглый год на подножном корму⁴. Пастбища Центральной Аравии также богаты кормом, и только когда несколько лет подряд нет дождей, возникают затруднения с кормом при пастбе.

В новейшее время многие кочевники начинают испытывать значительные трудности с летними пастбищами, так как большие и лучшие их части отвели под земледелие в 30—40-х годах XX в. Поэтому некоторые группы скотоводов вынуждены кочевать летом в земледельческой полосе, где за плату они пасут скот на участках земли под паром или залежной⁵.

Обычно бедуины пользуются тремя видами источников воды: речной и из колодцев; сезонной, т. е. дождевой, в местах естественного скопления воды.

Водой рек арабы пользуются только в случаях острой необходимости и в засушливое время. Чаще всего пастбища кочевников расположены далеко от речных долин, что затрудняет водопой; кроме того, в некоторых местностях вдоль реки Евфрат обитает муха, от укуса которой болеют верблюды.

Сезонные источники воды могут использоваться только зимой и самой ранней весной, пока не высохнет вода⁶.

Колодцы в пустынях и степях Аравии главным образом старинные. В центральных областях полуострова они обычно глубокие — до 30 м, на окраинах пустыни мельче — 1—4 м глубиной. Вода колодцев чаще всего солоноватая или даже горько-соленая⁷.

Виды и породы скота у кочевых и полукочевых арабов различны. Первые, по преимуществу верблюдоводы, разводят также лошадей, хотя и в небольшом количестве, но породистых⁸; вто-

³ См. А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади. СПб., 1900, стр. 51.

⁴ I. L. Burckhardt. Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar, 1831, S. 181.

⁵ A. Ruppin. Syrien als Wirtschaftsgebiet. Berlin, 1917, S. 338; E. Wirt. Agrargeographie des Irak. «Hamburger Geographische Studien», H. 13. Hamburg, 1962, S. 123; M. Oppenheim von. Die Beduinen, Bd. 1. Leipzig, 1939, S. 71; L. Stein. Die Sammar Gerba. Berlin, 1967, S. 111.

⁶ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 67.

⁷ A. Musil. In the Arabian Desert. New York, 1931, p. 21; L. Stein. Die Sammar Gerba, SS. 68, 70.

⁸ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 57; Е. И. Чириков. Путевой журнал. ЗКО РГО, кн. IX, 1875, стр. 39.

рые держат жирнохвостых овец, длинношерстных коз, верблюдов, лошадей, ослов⁹. У разных групп бедуинов существовали заметные различия в видовом составе стад. Так, аназа, обитавшие в неблагоприятных природных условиях, держали главным образом верблюдов. Шаммары, кочевавшие в более обводненных местностях, разводили и мелкий рогатый скот. В новейшее время значение овцеводства и козоводства увеличилось¹⁰. Как отмечает И. Л. Буркхардт, ни одна бедуинская семья не могла существовать, не имея по крайней мере одного верблюда¹¹. На лошадях отправлялись в военные походы, ехали при перекочевках; лошади шли на продажу. Продавали главным образом жеребцов; ездили на кобылах. поголовье лошадей у бедуинов было настолько невелико, что нередко несколько семей сообща держали одну кобылу и пользовались приплодом по очереди¹². Даже богатые люди редко имели более 10 кобыл¹³. Табунное скотоводство в Аравии из-за недостатка корма невозможно, и лошадей держали постоянно около палаток. В течение большей части года лошади кормились впроголодь, так как зерна им не давали и только в крайнем случае поили верблюжьим молоком. Отъедались они летом. Исследователи отмечают во второй половине XIX в. в Северной Аравии упадок коневодства, явившийся следствием социально-экономических причин и эпидемических болезней¹⁴. Овцеводство и козоводство не получили в прошлом у бедуинов большого распространения из-за трудностей кочевания. Зато продукты, получаемые в верблюдоводческом хозяйстве, использовались арабами предельно полно как для собственного потребления, так и на продажу, что позволяло закупать зерно и другие товары. Впрочем, И. Л. Буркхардт замечает, что хотя многие арабские кочевые группы гордятся тем, что они исключительно верблюдоводы, в действительности он не видел ни одного племени, которое не занималось бы разведением овец и коз¹⁵. Чаще всего бедуины отдавали мелкий рогатый скот на выпас полуоседлому населению.

Полукочевники «шавия» (*швая*) расселяются в Ираке, Сирии, Палестине, Иордании, в некоторых местностях Аравии. В основе их хозяйства — разведение мелкого рогатого скота¹⁶. Шавия, так же как и бедуины, вывозили немалую часть продуктов своего скотоводства на продажу в оазисы.

Кочевание. Сезонные перекочевки у арабов-скотоводов были методом ведения хозяйства, но кочевание бедуинов сильно отли-

⁹ См. А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, стр. 55.

¹⁰ L. Stein. Die Sammar Gerba, SS. 55, 59.

¹¹ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 55.

¹² Ibid., S. 57; L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 47.

¹³ См. А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, стр. 5.

¹⁴ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 67.

¹⁵ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 198.

¹⁶ Ibid., SS. 162, 163.

чалось от кочевания шавия. В литературе довольно подробно описаны, например, бедуины племени аназа (начало XIX в.). Как сообщают источники, весь год аназа были в движении. Их зимние кочевья располагались в пустыне Хаммад и низменностях, прилегающих к Евфрату. В пустыне Хаммад постоянных источников воды нет, но за время зимних дождей вода скапливается во впадинах, откуда ее можно достать и пользоваться. К весне аназа постепенно приближались к Сирийской границе, где впервые встречались оседлые поселения. Кочевники, однако, избегали останавливаться около деревень, посещая их только для торговли. Источниками воды пришедшим служили многочисленные ручьи, имеющиеся в изобилии на окраинах пустыни. В этих же местах аназа проводили и лето, меняя пастбища каждые 3—4 дня. Новые пастбища по возможности выбирали каждый раз около источников воды. Через какое-то время трава на заброшенном стойбище вновь вырастала, и туда прикочевывала новая группа скотоводов. Общим пастбищем пользовались различные по размерам кочевые группы (от 10 и до 800 хозяйств). Если лагерь был небольшой, палатки ставили кругом (поселение «довар»). При значительном числе хозяйств лагерь выстраивался в одну или несколько линий вдоль ручьев, иногда в 3—4 ряда (кочевье «незель»). Зимой же, когда трава в избытке и не было нужды располагаться около воды, встречались разные виды кочевий. Часто все племя рассеивалось по степи, разбиваясь на группы из 3—4 палаток. Одна группа хозяйств отстояла от другой примерно в получасе хода. Этот вид поселения назывался «ферек». В кочевых поселениях «довар» и «незель» палатка предводителя кочевой группы, шейха, располагалась обязательно в западной части лагеря, с той стороны, откуда скорее всего можно было ожидать врагов или гостей. На ночь верблюды пригонялись в лагерь и до утра находились около палатки их владельцев. При перекочевках бедуины отправляли передовой отряд вооруженных всадников, которые разведывали путь каравану, находясь впереди на несколько километров. Разведчики искали воду и пастбища и предупреждали о появлении врагов. Группа скотоводов при кочевании растягивалась на многие километры. В авангарде ее обычно были воины верхом на верблюдах, а за ними — верблюдицы с молодняком, пасшиеся по дороге. Далее следовали груженные верблюды с домашним скарбом и, наконец, женщины с детьми. Шестые замыкалось военным арьергардным отрядом. Всадники охраняли караван также и с флангов. Один из караванов, который наблюдал И. Л. Буркхардт, состоял из 200—250 хозяйств и более 3000 верблюдов¹⁷. В пустынных, безопасных местностях бедуины кочевали весь год рассеянными группами по 2—3 семьи, порой отдаляясь от соплеменников на расстояние многих часов пути. Летом кочевые группы придерживались мест около колод-

¹⁷ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 1—2, 8, 25—28.

цев. Окрестности одного колодца при хорошей траве удавалось иногда использовать по целому месяцу, отгоняя скот на пастбища, расположенные от него в нескольких часах пути, где он пасся под присмотром пастухов или рабов. Верблюдов выпасали обычно небольшими стадами по несколько десятков голов. На второй или третий день верблюдов пригоняли на водопой. Зимой скот, как и в других местностях, поили дождевой водой до высыхания подобных источников весной, после чего кочевники двигались на пастбища, расположенные около колодцев. В некоторых местностях трава весной настолько сочная, что верблюды обходились без воды по несколько недель. Люди утоляли жажду молоком. Однако лошади не могли обходиться без воды, и для них приходилось искать ее. Во время кочевания бедуины редко отваживались останавливаться на ночлегоколо колодцев, где на них скорее всего могли напасть враги. Напоив скот и запасшись водой, лагерь откочевывал на ночь в сторону от дороги¹⁸. Этот же способ пустынного кочевания описывает И. Л. Буркхардт и в другом своем произведении¹⁹.

Интересные данные о кочевании бедуинов сообщаются русским исследователем арабов начала XX в. А. Г. Щербатовым. По его наблюдениям, бедуины собирались весной на севере своих кочевий для торговли с земледельцами и горожанами. Группы, имевшие овец, стригли их в это время. С наступлением жары, в июне, кочевники собирались около источников воды. В годы большой засухи стада пригонялись даже в долины Тигра и Евфрата. При первых зимних заморозках аназа двигались на юг, перекочевывая через горную цепь на обширные пустынные пастбища, где произрастают кустарниковые растения — основной верблюжий корм. Кочевые пути пролегали до Джебел-Шаммара, и нередко с ноября до мая бедуины проходили до 3 тыс. км. С февраля до начала марта, во время отела верблюдиц, аназа посещали южные области своих кочевий, богатые верблюжьим кормом. По окончании отела бедуины двигались на север, проходя за день по 12—15 км в зависимости от наличия корма на пути. В это время года верблюды не нуждались в воде, а люди пили молоко. К концу апреля в пустыне становилось мало корма и появлялась потребность в воде, что заставляло скотоводов перекочевывать к колодцам и источникам на северных границах пустыни. Нередко у бедуинов был и мелких рогатый скот, но на зимние кочевья его не брали, так как овцы и козы не могли обходиться без воды. На это время бедуины поручали своих животных полуседлым арабам, обитавшим поблизости от летовок бедуинов²⁰. Сходный порядок кочевания бедуинов описывают

¹⁸ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 184, 185, 186.

¹⁹ I. L. Burckhardt. Reisen in Arabien. Weimar, 1830, S. 451 и. а.

²⁰ См. А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, стр. 51, 52, 53.

также Г. Якоб²¹, Ф. Вюстенфельд²². Говоря о кочевании бедуинов, Е. Браунлих подчеркивает, что их пути передвижения были строго определенными, издавна установившимися по традиции, хотя нередко были и случаи захвата чужих пастбищ во время засухи, а также по другим причинам²³.

У бедуинов Шаммар-Джерба было два годовых цикла кочевания: зимне-весенний и летний.

Зимне-весенний цикл длился с декабря по май. Небольшие кочевые группы (5—10 палаток) передвигались со своими стадами во внутренних районах пустыни вокруг временных водоемов, наполненных дождевой водой. Скот кормился свежей обильной травой²⁴. Лагеря (frag) разбивались поблизости от дождевых луж.

Перекочевки в это время года зависели от местных условий пастбы и численности скота. Перекочевывали не чаще раза в одну-две недели. Перед перекочкой заранее высылали человека для поиска новых пастбищ и водоемов. В богатые влагой годы шаммары проникали далеко в южные части пустыни. С окончанием дождливого периода все шаммары начинали откочевывать на север, где с этого времени шли самые обильные дожди и поэтому были хорошие пастбища²⁵.

Осадки выпадают до мая, и начинается жара. Высыхают лужи, и все чаще необходимы колодцы. При движении на север кочевые группы объединялись, а так как число колодцев ограничено, то возникали крупные летние кочевья (agaban) до 3000 шатров. Лагеря по 100—120 палаток считались небольшими²⁶. Большая часть населения жила все лето около колодцев, и только пастухи пасли стада на пастбищах, пригоняя животных на водопой. Летом обычно не кочевали, так как к началу сухого сезона все колодцы уже заняты. Велось так называемое «стационарное кочевание»²⁷.

В целом годовой хозяйственный цикл шаммаров можно представить так: 1. Дождливый период — время кочевания отдельных групп, переработки продуктов скотоводческого хозяйства, охоты, собирательства. В конце периода — стрижка овец (шерсть продается осенью). Наиболее благоприятное для хозяйст-

²¹ G. Jacob. *Altarabisches Beduinenleben*, S. 41.

²² F. Wüstenfeld. *Die Wohnsitze und Wanderungen der Arabischen Stämme*. Göttingen, 1869, S. 71.

²³ E. Bräunlich. *Beiträge zur Gesellschaftsordnung der Arabischen Beduinenstämme*. «Islamica», Bd. 6, H. 1, S. 105.

²⁴ Ch. M. Doughty. *Travels in Arabia Deserta*, Bd. 1—2. London, 1936; L. Stein. *Die Wasserversorgung—ein wichtiges Regulativ im Wirtschaftsleben der Nomaden*. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Univ.», Leipzig, Gesellschaftswiss. Reihe, 8 Jg., H. 1 (1958/59); L. Stein. *Die Sammar Gerba*, SS. 32, 33.

²⁵ Aref El-Aref. *Die Beduinen von Beereseba*. Luzern, 1938, S. 131; L. Stein. *Die Sammar Gerba*, SS. 32, 33.

²⁶ M. Oppenheim von. *Vom Mittelmeer zum Persischen Golf*, Bd. II. Berlin, 1900, S. 39.

²⁷ L. Stein. *Die Sammar Gerba*, S. 33.

ва время. 2. Летние месяцы экономически менее продуктивны (много времени и сил отнимает поение скота). В это время население ездит на границы оседлой полосы на рынки, где скотоводы продают продукты своего хозяйства, закупают растительные продукты и фабричные изделия²⁸.

В настоящее время шаммары потеряли большую часть своих летних пастбищ, а поэтому амплитуда их кочевания сократилась.

Полукочевники, разводившие мелкий рогатый скот, проводили весь год на границах пустыни, поблизости от оазисов, перекочевывая на сравнительно небольшие расстояния. Наряду с мелким рогатым скотом эти кочевники разводили довольно много лошадей, хотя и худшей, чем у бедуинов, породы и немного верблюдов. Пути их кочевания лежали по окраинам пустыни и между оседлыми земледельческими поселениями. Двигаться со своим мелким рогатым скотом в глубь пустыни они не имели возможности еще и потому, что помимо отсутствия воды имеющийся там корм, хороший для верблюдов, мало пригоден для овец и коз. Их изблюбленные пастбища — степные травянистые пространства, расположены между пустыней и оазисами²⁹. Кочевание происходило обычно поздней осенью, зимой и весной, когда шли дожди и можно было постепенно идти все дальше в пустыню, перегоняя скот от одной ямы с дождевой водой к другой. Весной скот приходилось вести на водопой к колодцам. Овцеводы кочевали по окраинам пустыни иногда до шести месяцев в году, но в глубь пустыни — не более чем на 200—300 км. Лето полукочевники проводили в окрестностях оазисов³⁰. Наименее подвижные полукочевники не уходили в пустыню дальше 20—30 км³¹.

Земледелие и прочие занятия. Земледелием бедуины и в начале XX в. не занимались³² в отличие от полукочевников, в основе хозяйства которых хотя и было главным образом скотоводство, но зачастую в сочетании его с земледелием. Земледелием занимались овцеводы Сирии, Ирака, Палестины³³, а также многих горных местностей Аравии³⁴. Они возделывали зерновые, финиковые пальмы и другие культуры.

Еще в середине XIX в. турецкое правительство предпринимало попытки заставить бедуинов осесть на землю. В случае успеха оно надеялось подчинить себе непокорные племена и заставить их регулярно уплачивать подати больше обычных. О том, насколько правительство было заинтересовано в этом свидетельствуют постройки для предполагаемых земледельцев, целые деревни из глинобитных и каменных домов, довольно благоустроен-

²⁸ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 94.

²⁹ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 1, 8.

³⁰ См. А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. ТИЭ АН СССР, т. 69. М., 1961, стр. 36.

³¹ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 38.

³² См. там же, стр. 33.

³³ См. там же, стр. 37.

³⁴ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 17.

ных. Но бедуины наотрез отказались оседать на землю, и все попытки повлиять на них, используя шейхов, окончились неудачно. Как полагают исследователи, в то время еще не сложились соответствующие экономические и социальные условия для оседания, и бедуины не желали порывать с кочевничеством.

Следующий этап оседлости среди бедуинов наступил в начале XX в., особенно по окончании первой мировой войны и в результате крушения Османской империи. Правительство Сирии и Ирака начали проводить последовательную политику, которая предусматривала ослабление военного и экономического потенциала бедуинов, полное подчинение их государственной власти. Среди первых правительственных мероприятий были: 1) запрет межплеменных разбойничьих набегов; 2) ликвидация в зависимости одних племен от других и 3) запрет рабовладения³⁵. Эти меры в первую очередь сказались на привилегированной верхушке бедуинов, получавшей основную выгоду от набегов, взимания дани и рабовладения³⁶. Но одновременно с изданием законов, ухудшающих положение привилегированного слоя скотоводов, правительство объявило, что все шейхи и предводители, поддерживающие его мероприятия, будут получать в собственность наделы годной для обработки земли из фондов летних, северных пастбищ бедуинов³⁷. Расчет правительства оказался верным, и шейхи и прочие предводители, лишившиеся части своих доходов, быстро начали расхватывать земельные участки, и вскоре все лучшие летние пастбища бедуинов оказались в частной собственности их предводителей. Большую поддержку мероприятиям правительства оказал тогдашний верховный шейх шаммаров Аджая, за что он получил огромные земельные участки и стал крупнейшим землевладельцем³⁸. Эту категорию земель называли «лизма»³⁹. Главной задачей шейхов, получавших земли, было склонять бедуинов к оседлости⁴⁰. Но для кочевников, имевших еще достаточно скота, это было невыгодно и даже невозможно, так как все лучшие земли, не нуждавшиеся в искусственном орошении, оказались в руках шейхов. Захват шейхами земель в собственность произошел в Северной Аравии почти повсеместно в 30-х — начале 40-х годов XX в.⁴¹.

Одновременно с этими явлениями в хозяйстве бедуинов начался еще один важный процесс, оказавший значительное влияние на судьбы кочевничества у арабов. Он был связан с обесце-

³⁵ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 102.

³⁶ M. Oppenheim von. Die Beduinen, Bd. I, SS. 32, 33.

³⁷ E. Wirt. Agrargeographie des Irak. «Hamburger Geographische Studien», H. 13, 1962, S. 103; L. Stein. Die Sammar Gerba, SS. 103, 104.

³⁸ M. Oppenheim von. Die Beduinen, Bd. I, S. 150.

³⁹ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 103 (см. см. на: Al-Tahir. The Serifa and Mudhut Dwellers in Baghdad. Baghdad, S. a., p. 39).

⁴⁰ R. Montagne. Contes poétiques bédouins (Recueillis chez les Sammar de Gesire). «Bulletin de Etudes Orientales», 1935, p. 35 et suiv.

⁴¹ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 105.

ниванием важнейшего животного бедуинов—верблюда—вследствие развития автомобильного транспорта и прочих современных средств сообщения. Кризис скотоводческого хозяйства усилил среди части бедуинов тягу к земледелию. Первые опыты земледелия здесь относились к 30-м — началу 40-х годов XX в. А уже с 1944 по 1962 г. до 20% бедуинов стали заниматься земледелием, хотя осело на землю меньшее их число (часть этих 20% — полуоседлое население) ⁴².

К началу 60-х годов XX в. вся хорошая, годная для обработки земля окончательно сконцентрировалась в руках привилегированной верхушки. 52 семьи имели 250 тыс. гектаров. У рядовых бедуинов земли нет и они или остаются кочевниками, или арендуют землю, батрачат ⁴³.

У бедуинов сложилось 4 вида землепользования: 1) арендное земледелие на землях шейхов; 2) самостоятельное хозяйство шейхов; 3) хозяйство райсов; 4) полуоседлое земледелие.

Шейхи — крупные землевладельцы — обычно земледелием сами не занимались. Они жили в городах, а землю сдавали в аренду крупным арендаторам — нередко купцам, которые привозили на машинах сельскохозяйственных рабочих из городов. Земледельческое хозяйство сами вели только мелкие землевладельцы — шейхи. Обычно они занимались также отгонным скотоводством. Земледельческое хозяйство райсов — глав племенных подразделений — велось в небольших размерах. У райсов земли было мало, и расположена она чаще всего в неудобных местах. Полуоседлым земледелием занимаются к этому времени группы бедуинов, чье хозяйство обнаруживает тенденции к превращению из кочевого в оседлое. Такое население во время сельскохозяйственных работ живет в оседлых поселениях. После посева, с начала февраля и до конца апреля, эти бедуины кочуют по степи; лето проводят в деревне. У жителей подобных поселений появляется крупный рогатый скот ⁴⁴.

Из домашних производств и ремесел некоторое распространение у скотоводов имели кузнечное дело, изготовление предметов, необходимых в домашнем хозяйстве ⁴⁵. Женщины прядут, ткут, дубят кожи ⁴⁶. Давним занятием бедуинов были сопровождение караванов, охрана богомольцев во время паломничества, причем первое сохраняло свое значение важного вида занятий до начала 20-х годов XX в. ⁴⁷. Наконец, все исследователи отмечают значи-

⁴² L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 105.

⁴³ Ibid., S. 107.

⁴⁴ Ibid., SS. 111—114.

⁴⁵ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 52 u. f.

⁴⁶ M. Oppenheim. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, S. 126; А. И. Першиц. Патриархально-феодальные отношения у кочевников Северной Аравии. ТИЭ АН СССР, т. 39, 1958, стр. 119; его же. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 33, 34.

⁴⁷ См. А. И. Першиц. Патриархально-феодальные отношения... ТИЭ АН СССР, т. 39, 1961, стр. 33, 34.

тельную роль военных набегов (*газу*) у кочевников. И. Л. Буркхардт, например, полагал, что грабеж был единственным способом восстановить благосостояние бедноты⁴⁸. Важное значение имел для бедуинов обмен. Источники отмечают, что бедуины не могли обойтись без обмена с оседлым населением и получали от него растительную пищу, одежду, домашнюю утварь, оружие и т. п. При этом кочевники были заинтересованы в этой торговле значительно больше, чем земледельцы. Торговлей занимались мужчины — главы семей. Существовало два вида торговли:

внутренняя торговля в степях с посредниками и торговля в оазисах на базарах, куда бедуины отправлялись в октябре, после того, как земледельцы снимали урожай⁴⁹.

Уже в конце XIX в. торговля шла главным образом только на деньги, и случаи товарообмена встречались очень редко⁵⁰.

Общественная организация. Основой хозяйственной организации бедуинов и швая была семья. Но, судя по сообщениям источников, кочевание велось у них не индивидуально, а небольшими объединениями из 3—4 хозяйств. В свою очередь, объединения образовывали группы. При спокойной политической обстановке хозяйственные объединения, входившие в группу, кочевали друг от друга на значительном расстоянии⁵¹. А. И. Першиц, основываясь на данных Даути, говорит о кочевых объединениях, называвшихся в Северной Аравии «джамаа» или «хамула» и называет их патронимиями⁵². Однако из его описания не вполне ясно, о какого рода организации идет речь — о кочевых объединениях или о состоящих из них группах. Хозяйства, входившие в кочевые объединения, занимались совместным выпасом скота и охраняли свой лагерь. Кроме того, между членами объединения существовали постоянные отношения хозяйственной взаимопомощи⁵³. Кочевые группы насчитывали нередко многие сотни палаток и составляли иногда большие кочевые поселения, называвшиеся в зависимости от их типа незель, ферик, довар⁵⁴. Кочевые объединения и группы возглавлялись уважаемыми людьми, руководившими хозяйственной деятельностью и дававшими советы при решении прочих вопросов. Все вопросы решались при участии глав всех семей.

Общественная организация арабов-скотоводов сохраняла и в начале XX в. племенную структуру. Из сообщений источников следует, что у арабов, как и у многих других кочевых народов, отсутствовала четкая номенклатура племенной структуры и сход-

⁴⁸ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 57, 107, 108, 234, 238. 240, 241.

⁴⁹ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 85.

⁵⁰ E. Sachau. Reisen in Syrien und Mesopotamien. Leipzig, 1883, S. 306.

⁵¹ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 26, 184.

⁵² См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 90.

⁵³ Подробнее см.: А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 75, 76.

⁵⁴ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 26.

ные ее ячейки назывались в разных племенах по-разному⁵⁵. Не исключена возможность, что в некоторых случаях источники смешивают элементы хозяйственной, общественной и политической организации.

В основе племенной структуры лежала семейная организация (теоретически каждая семья могла быть ядром, из которого путем сегментации, присоединения других семей и групп и т. п. могло возникнуть самостоятельное племя). Большая часть источников отмечает, что вплоть до начала XX в. имелись большие семьи, существовавшие наряду с малыми. Но большие семьи, очевидно, уже к концу XIX в. отмирали. Сегментировавшиеся большие семьи сохраняли, однако, не только идеологические, но и хозяйственные связи, что проявлялось в совместном кочевании в описанных выше объединениях. Судя по сообщению И. Л. Буркхардта, большие семьи, или сегментировавшиеся большие семьи, образовывали мелкие племенные объединения (*товайеф*), составлявшие вместе с другими объединениями племенные группы или их подразделения⁵⁶. Такая племенная группа, возводящая свое происхождение к более или менее реальному предку, называлась «*тайфе*». По размеру тайфе были очень различными и насчитывали от 2—3 до сотни семей. Несколько тайфе образовывали более крупное племенное подразделение «*фенде*», совокупность которых можно рассматривать как небольшое племя (*кабиле*). В свою очередь, кабиле — составная более крупной общности, собственно племени (*бени*). Одновременно с такими племенными группами, как кабиле или фенде, существовали небольшие племенные подразделения (*ашире*), объединявшие выходцев из разных племен и племенных групп, чужаков. Эти объединения считались не вполне полноправными⁵⁷. Крупные племенные группы, как и мелкие, объединяло представление о генеалогическом родстве, как правило, чисто легендарное, тем более, что присоединявшиеся кочевые группы иноплеменников со временем возводили свою родословную к генеалогии племени, оказавшего им свое покровительство.

По наблюдениям Е. Браунлиха, основу структуры общественной организации, как и у всех скотоводов Аравии, составляли семейные группы «*аиле*», члены которых происходили от одного предка⁵⁸. Наряду с аиле были известны и другие родственные группы, называемые «*хамсе*» (*пять*), в которые входили потомки прародителя до пятого колена. В отличие от членов аиле, которые кочевали одной группой и были реальными хозяйственными и семейно-общественными единицами, в хамсе арабы не объединялись общим ведением хозяйства. Хамсе связывала обязанность кровной мести, родственной взаимопомощи и т. п.⁵⁹

⁵⁵ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 69 и сл.

⁵⁶ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 7.

⁵⁷ I. L. Burckhardt. Bemerkungen... (Fusnote, z. d., S. 27).

⁵⁸ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 78.

⁵⁹ Ibid., H. 1, SS. 80, 81.

Аиле группировались в небольшие племенные подразделения или ветви племени, носившие наименование «ашире», «хамуле». Крупное подразделение племени и племя назывались «кабиле» или «бедиде». Возглавлял племя верховный шейх⁶⁰. В связи с недостатком пастбищ совместное кочевание было невозможным не только для племени в целом или для более крупных племенных подразделений, но и для небольших групп, которые были вынуждены откочевывать одна от другой на значительные расстояния⁶¹.

Довольно сложную картину племенной организации арабов рисует П. А. Жоссен. По его словам, основными ее ячейками были кочевая семья (*ахль*) и группа ближайших родственников (*эаль*). Следующей ступенью в общественной организации он называет «ашире» и «хамуле», причем значение этих понятий довольно четкое. Ашире было хозяйственным и политическим объединением, тогда как хамуле имело значение лишь при счете родства. Ашире могло включать одно или несколько хамуле, тогда как хамуле не могло состоять из нескольких ашире. Вместе с тем ашире и хамуле не являются объединениями высшего и низшего порядка, а явления параллельные, но разные по значению. Во главе каждого ашире стоял предводитель — «шейх»; хамуле предводителей не имело. Еще одно различие между хамуле и ашире состояло в том, что первые объединяли только действительно кровных родственников, тогда как в ашире могли входить адоптированные племенем лица и целые племенные подразделения, фактически принявшие генеалогию своих покровителей. Объединение многих ашире — племя — П. А. Жоссен называет «кабиле»⁶².

Многие исследователи полагают, что у бедуинов существовали еще более крупные, чем племена, элементы общественной организации — конфедерации племен. Вот, например, как описывается структура шаммар-джерба: семья (*аила*) — племенное подразделение (*фирка*) — подплемя (*фахед*) — племя (*ашира*) — конфедерация (*кабила*)⁶³. Сопоставления структур общественной организации бедуинов и других кочевых народов показывает, что они сходны. При этом признаки, лежащие в основе конфедерации бедуинов (общее название, общий верховный предводитель)⁶⁴, те же, которыми обычно определяются племена. Поэтому можно полагать, что введение дополнительного элемента — конфедерации

⁶⁰ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 78.

⁶¹ Ibid.

⁶² P. A. Jaussen. Coutumes des Arabes au pays de Moab. Paris, 1908, pp. 11, 12, 13, 111.

А. И. Першиц в своем исследовании о северных арабах приводит и другие сообщения источников о номенклатуре племенных подразделений. Эти данные характеризуют различия в терминологии названий подразделений у разных племен. Но описываемая им племенная структура в принципе не отличается от рассмотренной выше (см. А. И. Першиц. Патриархально-феодалные отношения ... ТИЭ АН СССР, т. 39, 1958, стр. 125 и сл.; его же. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 69 и сл.).

⁶³ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 142.

⁶⁴ Ibid.

племен — в номенклатуру племенной организации не оправдано и не нужно. То, что некоторые авторы называют конфедерацией, не является союзом племен, а лишь большим племенем.

Е. Браунлих, анализируя общественную организацию кочевых арабов, приходит к выводу, что каждое их племя и крупное подразделение последнего обладало определенными чертами: полной или хотя бы относительной самостоятельностью, известной консолидированностью, наличием общих для всех членов племени интересов, единым управлением в лице верховного шейха. Племя должно было иметь также общее имя, а все малые и большие кочевые группы, составляющие племя, возводить свою генеалогию к общему предку. Размеры племен были неодинаковыми: от аназа (3000 палаток) и бени шахр (1200—1500 палаток) до мелких — 10—20 палаток⁶⁵.

Тот же автор убедительно показывает, что «родство» внутри арабских племен, за исключением мелких семейных групп, было фиктивным и что племенная организация сложилась не как следствие генетического развития семейных групп (как это следует из легендарных генеалогий арабских племен), а образовалась чисто исторически из разноплеменных элементов⁶⁶. В ходе истории племена неоднократно распадались, их остатки входили в состав других племен, возникали новые племена⁶⁷. Е. Браунлих отмечает, что племенная организация подвергается постоянно двум тенденциям: центристской и центробежной. Первая поддерживается политическими и военными соображениями, так как большая сплоченная группировка не только легко противостоит врагам, но и может вести активные наступательные действия; вторая вызывается внутренними разногласиями, недостатком пастбищ и т. п. Но и в случае расчленения племени его распавшиеся подразделения сохраняли обычно память о прежней родине и представление о генеалогических связях⁶⁸. Эти выводы находят подтверждение данными, полученными при изучении племени бедуинов-шаммаров. Рассматривая конфедерацию племен и племени, Л. Штейн находит, что эти высшие структурные элементы племенной организации объединялись общим именем, общим верховным шейхом, политическими и военными интересами. В мирное время племенные военно-административные органы бездействовали, но начинали функционировать в случае военной опасности. Эти общности не основываются на родственных связях, так как шаммары имели сложное происхождение, сформировавшись из различных южноарабских народов⁶⁹. Назначение общеплеменных институтов — в основном ведение различных внешних дел: войн, переговоров и т. п.

⁶⁵ E. Bräunlich. Beiträge..., H. 1, SS. 79, 80.

⁶⁶ Ibid., S. 71.

⁶⁷ Ibid., S. 99.

⁶⁸ E. Bräunlich. Beiträge..., H. 2, S. 182.

⁶⁹ L. Stein. Die Sammar Gerba, SS. 142, 144, 145.

Более мелкие структурные элементы общественной организации основывались на общих хозяйственных, военных и т. п. интересах. Общественные институты этих ячеек общественной организации функционировали регулярно и решали внутренние вопросы, главным образом хозяйственного плана. Семейей руководил старейший член ее. Относительно близкородственные семьи соединялись в кочевую группу и проводили весь год вместе. Скот каждой семьи был частным, но хозяйство такие группы населения вели коллективно. Семейно-родственные кочевые группы объединялись в племенные подразделения фирке, во главе которых стоял раис. Несколько фирке объединялись в колено-подплемя, которое возглавлялось шейхом. Высшие ступени племенной организации были номинальными объединениями, функционировавшими только в случае крайней нужды. Описанная традиционная племенная организация шаммаров сохраняется без существенных изменений до настоящего времени, причем не только у кочевого и полукочевого, но и оседлого населения. При этом, однако, намечаются признаки разложения племенной системы. В первую очередь они заключаются в том, что шейхи, переселяясь в города, как бы выходят из состава племен, превращаясь по отношению к соплеменникам в правительственных чиновников⁷⁰.

Как уже говорилось, при распаде племени отдельные его группы были обычно вынуждены присоединяться к другим племенам. При этом пришельцы, будучи под защитой этого племени, пользовались его пастбищами, а в случае нужды им помогали и продовольствием. Е. Браунлих отмечает три варианта отношений, возникающих при присоединении: 1) при временном взятии под защиту; 2) при длительном присоединении; 3) при адаптации⁷¹. Отношения первого рода легко устанавливались и легко разрушались. Достаточно было отдельному лицу или целой кочевой группе попросить покровительства, как они уже становились под защиту приютившей их семьи и всего племени наравне с любым членом этого племени. Семьи или группы, отдававшие под покровительство, в старину назывались «гар», в новейшее время — «таниб», «касир» и т. д. Для того чтобы получить покровительство, достаточно было дотронуться до веревки, натягивающей палатку. Известны случаи, когда покровительство получали даже у заклятых врагов, которые до этого могли угрожать кровной мезьей. После отказа от покровительства кровная мезья опять начинала действовать⁷². Описанные отношения могли быть довольно длительными, до нескольких лет. Ремесленники, отдававшие под покровительство шейха, оставались иногда в его племени на всю жизнь. Никакой принципиальной разницы в покровительстве отдельному лицу или целой племенной группе не было,

⁷⁰ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 145.

⁷¹ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 191.

⁷² Ibid., S. 192.

однако в последнем случае решение о предоставлении защиты принимал шейх при участии общинного совета (*маджлис*)⁷³.

Отношения второго рода, предусматривавшие не только защиту, но и более или менее длительное присоединение, отличались от отношений, возникающих в первом случае. Это было связано прежде всего с тем, что число присоединившихся бывало иногда весьма значительно — порой даже больше, чем насчитывалось хозяйств в принимавшем их племени, и они имели собственного шейха⁷⁴. В отличие от условий временной защиты, когда за покровительством обращались к отдельной семье, чаще всего шейха, в рассматриваемом случае осуществлялось присоединение целого племенного подразделения. Присоединявшиеся сохраняли свое племенное имя и не возводили свою генеалогию к генеалогии принимавшего их племени. Пришельцы получали право пользоваться пастбищами, их связывала с племенем обязанность взаимной защиты, а в политическом отношении они должны были следовать курсу племени-покровителя. По положению, присоединившиеся считались, как правило, вполне полноправными, хотя известны случаи, когда к пришельцам относились несколько презрительно⁷⁵.

Наконец, при адаптации (*танаджиб*) пришельцы фактически входили в состав нового племени как соплеменники или одно из племенных подразделений и «воссоединяли» свою генеалогию с генеалогическим стволом нового племени, после чего они уже считались «родственниками». По мнению Е. Браунлиха, едва ли можно найти хоть одно арабское племя, даже самое маленькое, которое не включало бы адаптированные группы⁷⁶. Адаптация новой группы («по крови и имени») считалась делом всего племени. Решение об этом принимал шейх совместно с маджлисом. Акт присоединения закреплялся брачными связями: шейх или его сыновья женились на девушке из присоединившегося племени⁷⁷. Пришлая адаптированная группа получала право пользования пастбищами и водными источниками наравне с прочими членами принявшего их племени и считалась во всех отношениях полноправной⁷⁸.

Наконец, следует отметить еще одну особенность племенной организации арабов. Отпускаемые на свободу (по распространенному среди арабов обычаю) африканские рабы оставались, как правило, навсегда в племени их бывших хозяев. Они образовывали целые племенные подразделения, возглавляемые собственным шейхом, и пользовались наряду со всеми свободными кочевниками пастбищами и источниками воды. Однако их самостоятельность

⁷³ E. Bräunlich. *Beiträge...*, S. 192.

⁷⁴ *Ibid.*, SS. 195, 196.

⁷⁵ *Ibid.*, SS. 196, 197.

⁷⁶ *Ibid.*, SS. 198, 199.

⁷⁷ *Ibid.*, S. 200.

⁷⁸ *Ibid.*, SS. 200, 201.

была все же ограниченной, во всех политических вопросах они целиком зависели от полноправных племенных групп и были обязаны выставляли в случае войны определенный контингент вооруженных всадников⁷⁹. Правда, освобожденные рабы чаще всего становились не скотоводами, а земледельцами как арендаторы земель племен бедуинов⁸⁰.

Все сказанное позволяет заключить, что племенная структура арабов не может рассматриваться как какой-то пережиток первобытного общества. Устойчивость этой организации, несмотря на постоянное разрушение отдельных ее элементов, непрерывная регенерация последних, бесчисленные примеры воссоздания всех ступеней племенной структуры из разрозненных «остатков» распавшихся племен — все это показывает, что возникновение и бытование подобной организации органически связаны с политическими условиями и хозяйством кочевничества. Даже буржуазные авторы, подобно Е. Браунлиху, приходят к категорическому выводу о том, что племенная структура арабов, их племена отнюдь не генетические образования; что в основе их совсем не родство, а объективная военно-политическая и хозяйственная необходимость⁸¹.

Формы собственности и формы пользования основными средствами производства у скотоводов-арабов, как это видно из описаний всех наблюдавших их жизнь исследователей, схожи с распространенными у других кочевых народов. И. Л. Буркхардт отмечает, что животные бедуинов — верблюды и лошади — составляли частную собственность⁸². Верблюды клеймились. Клеймо тамга ставилось на шею или левом предплечье. Каждая тайфа и семья имели особые знаки⁸³. О тамгах на верблюдах и мелком рогатом скоте говорят еще средневековые арабские источники⁸⁴. Знак собственности (*васм*) получали верблюды, ослы, мелкий рогатый скот, но никогда лошади и крупный рогатый скот. На лошадях *васм* не ставился в связи с малочисленностью их поголовья и стойловым содержанием, а разведение крупного рогатого скота никогда не играло заметной роли в арабском скотоводстве⁸⁵. *Васм* семей и мелких кочевых групп был обычно вариантом тамги племенного подразделения, но нередко на животное ставили сразу две тамги — семейную и племенного подразделения⁸⁶. При присоединении кочевой группы к какому-либо племени она сохраняла обычно свой старый *васм*, причем известны случаи, когда, живя в составе нового племени по 150 лет, присоединив-

⁷⁹ E. Bräunlich. Beiträge..., H. 2, S. 208.

⁸⁰ Ibid., S. 209.

⁸¹ E. Bräunlich. Beiträge..., H. 2, S. 227; см. также: G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben, S. 222 u. f.

⁸² I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 55.

⁸³ Ibid., SS. 160, 161.

⁸⁴ E. Bräunlich. Beiträge..., SS. 213, 214.

⁸⁵ Ibid., S. 214.

⁸⁶ Ibid., S. 217.

шаяся к нему некогда группа сохраняла старый васм неизменным.

Судя по данным, собранным у шаммаров, клеймо «васм» ставилось на животных на случай их утери или кражи. Обычно один и тот же васм имело целое племенное подразделение шаммаров, и только шейхи ставили в дополнение к общей тамге еще собственный васм⁸⁷. Часть племен сохранила тамгу по сей день⁸⁸, а у палестинских арабов она отмирает⁸⁹.

О частной собственности на скот у арабов говорит Г. Якоб, рассматривавший стада верблюдов бедуинов как капитал⁹⁰. Наличие частной собственности на скот у арабов подчеркивает и Е. Браунлих⁹¹. Интересные данные о собственности на скот у арабов сообщаются С. А. Строгановым. По его наблюдениям, весь скот и кобылы находились в частной семейной собственности, а жеребцы-производители, которых было очень мало, находились в общем владении кочевой группы, так как содержание их в каждой семье не сулило никаких выгод⁹². Исследованные А. И. Першицем источники также приводят к выводу о наличии частной собственности на скот у арабов⁹³. Однако в некоторых обычаях, связанных со скотоводством, он усматривает первоначальную гипотетическую коллективную собственность на скот. Но при этом он отмечает, что «ни накопленный со времени Энгельса этнографический материал, ни древнейшие исторические источники по-прежнему не дают прямых указаний на коллективное владение скотом»⁹⁴. А. И. Першиц предполагает, что элементы пережитков коллективной собственности на скот можно усмотреть в наличии общих тамг для целого племенного подразделения. Впрочем, А. И. Першиц и сам не склонен придавать большого значения племенному клеймену и говорит по этому поводу: «Повторяем, однако, что в наличии коллективных племенных или родовых клейм мы не можем видеть бесспорного доказательства былого существования родовой собственности на стада» и что «клеймение племенной тамгой скота может быть связано с коллективной защитой его сородичами»⁹⁵. По его мнению, большее значение для рассматриваемой проблемы имеет свидетельство Мусила о том, что у руала каждая племенная группа имела общественное стадо белых верблюдиц, которое пасла молодежь⁹⁶. Но никакого

⁸⁷ H. Field. Camel brands and Graffiti from Iraq, Syria, Jordan, Iran and Arabia. «Supply of the Journal of American oriental studies», N 15. Baltimore, 1952.

⁸⁸ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 57.

⁸⁹ 'Aref El-'Aref. Die Beduinen..., s. 121.

⁹⁰ G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben, SS. 213, 214.

⁹¹ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 214.

⁹² См. А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, стр. 8.

⁹³ См. А. И. Першиц. Патриархально-феодалные отношения... ТИЭ АН СССР, т. 39, 1958, стр. 127.

⁹⁴ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 74.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ A. Musil. The manners and customs..., pp. 335, 336; А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 75.

хозяйственного значения эти коллективные стада верблюдов не имели, к тому же у подавляющего числа арабских племен их вообще не было; и, как отмечает сам А. И. Першиц, в этом обычае «на первый план выступают какие-то символические, полукультовые функции общественных стад»⁹⁷. Однако все аргументы этого автора не свидетельствуют в пользу предположения о том, что наличие общественных стад у некоторых племен можно рассматривать как пережиток былой коллективной собственности на скот.

Все источники без какого бы то ни было исключения утверждают, что пастбища находились в более или менее постоянном владении или пользовании отдельных племен. Это подтверждают, в частности, источник начала XIX в. и И. Л. Буркхардт, рассматривавший одновременно и обычаи права на воду. Последний отмечает, что подавляющее число колодцев в пустыне, и особенно в Недже, находилось в племенной собственности, хотя встречались колодцы, считавшиеся собственностью отдельных лиц, чьи предки соорудили этот колодец. Много колодцев в пустыне сооружено и племенами по распоряжению ваххабитского правительства. К этим колодцам приходили с наступлением жаркого времени и пользоваться прилегающими к ним пастбищами членам других племен не позволялось. Колодцами, считавшимися собственностью отдельных лиц, пользовались не только они, но и все члены их племенных подразделений; соплеменники должны были принимать участие в работах по очистке колодца. Мало того, водой этих колодцев и прилегающими к ним пастбищами по обычаю имели право пользоваться во время перекочевок арабы всех племен. Однако если соплеменники брали воду безвозмездно, то пришельцы вручали хозяину колодца подарок. Правда, обычай одаривать распространялся главным образом только на отряды, возвращавшиеся с грабежа. Ни владелец колодца, ни его соседи не могли по обычаю никому из проходящих мимо запретить пользоваться водой. По словам арабов, каждый владелец колодца должен быть счастлив тем, что его благословляют все пользующиеся водой⁹⁸.

Итак, из высказываний И. Л. Буркхардта можно заключить, что пастбища находились во владении отдельных племен, однако право на эти места было весьма условным, что порождало между племенами постоянные столкновения из-за пастбищ⁹⁹. Внутри племенной территории кочевание велось свободно, и пастбища между подразделениями племен и более мелкими группами не делились. Впрочем, кочевание велось зачастую и за пределами племенных границ, что далеко не всегда вызывало недоразумения, так как пастбищ, в общем, было достаточно. В случае засухи племенам приходилось кочевать вдалеке от своих обычных мест по-

⁹⁷ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 75.

⁹⁸ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 185.

⁹⁹ Ibid., S. 118.

селения¹⁰⁰. Г. Якоб, основываясь на своих наблюдениях, также считает, что каждое арабское племя пользовалось определенными пастбищами. Многие кабиле пользовались ими длительное время. Но одновременно он отмечает, что пользование землями все же довольно условно, так как нередко скотоводам приходилось по разным причинам оставлять привычные места и искать новые пастбища¹⁰¹. Хорошие пастбища приходилось защищать¹⁰². Относительная определенность границ племенных пастбищ подтверждается также наблюдениями Е. Браунлиха о том, что нарушение границ могло привести к конфликту с соседями¹⁰³. Он замечает также, что кочевание по племенным пастбищам велось не беспорядочно, а по установившимся путям сезонных кочеваний, что позволяло использовать скудный корм рациональнее. Вместе с тем обширный фактический материал, используемый этим автором, показывает условность племенной «собственности» на пастбища. Сплошь и рядом имели место случаи, когда одно племя вытесняло другое с его пастбищ. Еще чаще происходила сегментация племен, и часть его откочевывала в другие места, где находила воду и пастбища¹⁰⁴. Естественно, что если бы все пастбищные угодья были строго поделены между племенами, такие откочевки не могли бы иметь места. Весьма показательны, что при присоединении какой-либо кочевой группы к чужому племени на время или навсегда пришельцы получали, как само собою разумеющееся, право наравне со всеми членами принявшего их племен пользоваться пастбищами и водой¹⁰⁵. Е. Браунлих приводит множество примеров, когда целые племена были вынуждены по многим причинам забросить свои пастбища и искать новых мест поселения, которые они без особых усилий находили¹⁰⁶.

Подробно исследована проблема собственности на пастбища в прошлом и в новейшее время у бедуинов шаммар-джерба. До 20—30-х годов XX в. часть пустыни от Багдада до Хабура включительно, где паслись стада шаммаров, представляла собой общее владение племен. Пастбищ хватало для всех. При этом пользование пастбищами и водой было также равным, хотя непосредственно на практике водой пользовались пропорционально поголовью стад (чем больше скота, тем больше требовалось пастбищ и воды)¹⁰⁷.

Члены других племен могли пользоваться пастбищами шаммаров только за плату, которую получали шейхи Аль-Джерба. Платили скотом, зерном или деньгами, а за это пользовались водой

¹⁰⁰ I. L. Burckardt. Bemerkungen..., SS. 9, 26, 27 u. a.

¹⁰¹ G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben, S. 32.

¹⁰² Ibid., SS. 211, 212.

¹⁰³ E. Bräunlich. Beiträge..., H. 1, S. 104.

¹⁰⁴ Ibid., S. 105.

¹⁰⁵ E. Bräunlich. Beiträge..., H. 1, S. 101; H. 2, S. 100.

¹⁰⁶ Ibid., H. 2, s. 97.

¹⁰⁷ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 130.

колодцев. Враждебные племена или племена неплатившие изгонялись силой¹⁰⁸.

Земля считалась собственностью племени, и ни отдельные лица, ни какие-либо социальные прослойки не обладали монопольными правами собственности на землю. Привилегированные слои бедуинов не обладали правом земельной собственности — это утверждение подтверждается достаточно ясно фактом захвата шейхами в личную собственность северных племенных земель лишь на основании правительственного акта о награде за поддержку правительства. В результате сложился совершенно новый для бедуинов класс земельных собственников, которых одни исследователи рассматривали (впрочем, без достаточного основания) как феодалов¹⁰⁹, а другие — как капиталистов¹¹⁰.

Проблема собственности на землю у бедуинов нашла отражение и в нашей литературе, однако не получила достаточно убедительного разрешения. Так, А. И. Першиц указывал, что еще в 50-х годах XX в., за исключением Иордании, «пастбищные территории продолжают считаться коллективным владением»¹¹¹, а далее, противореча себе, — что шейхская верхушка монополично распоряжалась пастбищной землей¹¹². Нельзя не отметить, что, говоря о племенном владении пастбищами, А. И. Першиц опирается на большой и достоверный фактический материал. Однако утверждение о монопольной земельной собственности на землю отдельных лиц фактами не подтверждается, а мнения о том, что шейхи использовали лучшие и большие участки пастбищ, не свидетельствуют ни о монопольной на них собственности, ни о наличии феодальных производственных отношений. Интересно отметить, что, говоря о Неджском эмирате, об отношениях между государственной властью оседлых областей и бедуинами, А. И. Першиц подчеркивает, что «одной из особенностей централизованной ренты являлось то, что ее содержание было завуалировано политической или религиозной формой. Ряд налогов взимался эмиром не как верховным собственником земли, а как правителем, государем территории»¹¹³. Таким образом, даже правители оседло-земледельческих областей были вынуждены считаться с обычным правом кочевников, рассматривавших землю как общинную собственность — владение. Гораздо строже, конечно, правовые нормы соблюдались в степях. Многочисленные факты подтверждают, что руководство кочеванием,

¹⁰⁸ 'Aref El-'Aref. Die Beduinen..., S. 123.

¹⁰⁹ Agat Al-Kala. Versuch einer Analyse der Volkswirtschaft Syriens. Berlin, 1959, S. 121.

¹¹⁰ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 139.

¹¹¹ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 72, 73.

¹¹² См. там же, стр. 122; см. также: А. И. Першиц. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 28 и сл.

¹¹³ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 118.

распределение пастбищ, как и другие функции шейхов, не делали их монопольными собственниками земли. Захватить часть пастбищ они могли только в новейшее время и с разрешения правительства и не для скотоводства, а для земледелия.

Имущественное расслоение скотоводов-арабов отмечали еще средневековые источники и достаточно хорошо отразила литература XIX и XX вв. Относительно начала XIX в. известно, что семья, имевшая 10 верблюдов, считалась бедной; 30—40 верблюдов — состоятельной, а 60 и более животных — богатой. Однако в разных племенах могли быть расхождения: в некоторых местностях 10 верблюдов в стаде означали богатство. Многие шейхи имели по 100, 300 верблюдов и более, 300—400 овец и коз, 2 кобылы и по жеребцу¹¹⁴. Но богатство среди арабов было относительным, так как засуха, болезни скота, набеги врагов могли довольно быстро разорить человека; столь же быстро можно было восстановить былое удачным грабежом. Разорение семей было обычным, и нередко богач становился нищим¹¹⁵. По мнению И. Л. Буркхардта, многие группы племени аназа не могли прокормиться только доводами от скотоводства и вынуждены были ежегодно заниматься грабежом. По его же наблюдениям, богатство мало сказывалось на внешних сторонах жизни арабов. Возможно несколько преувеличенно заявляется, что богатейший шейх живет, как беднейший араб, пища и ее количество одинаковы. Преимущество богатого заключается в том, что он может лучше угостить гостя, быть обладателем кровной кобылы и лучше одеть своих женщин. Здесь же утверждается, что одна из распространенных причин обеднения богатых — в излишней щедрости при приеме гостей. Но если такой человек разорился, то соседи считали своим долгом оказывать ему материальную поддержку.

Как уже отмечалось, не все скотоводы могли прокормиться только от своего хозяйства, и многим, особенно разорившимся, приходилось отыскивать дополнительные средства к существованию. Помимо разбоя шли в услужение к богатым арабам, нанимались погонщиками верблюдов или пастухами и т. п.¹¹⁶. Еще большую степень имущественного расслоения среди арабов-скотоводов отмечали источники конца XIX и начала XX в.¹¹⁷, согласно которым положение и влияние отдельных личностей зависят от размера их состояния¹¹⁸, а степень влияния предводителей зависит от личного богатства: «...Шейх всегда должен быть одним из богатейших членов племени, чтобы иметь возможность осуществ-

¹¹⁴ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 56, 197.

¹¹⁵ Ibid., SS. 57—59, 147—148.

¹¹⁶ Ibid., S. 199.

¹¹⁷ См., например, А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, стр. 54 и др. Очень подробно вопрос об имущественном расслоении среди кочевников и полукочевников рассматривает А. И. Першиц (см. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 123, 124, 129 и др.).

¹¹⁸ E. S a c h a u. Reisen in Syrien und Mesopotamien, S. 310.

влять гостеприимство в соответствии с его достоинством»¹¹⁹. «Богатство один из главных признаков предводителя»¹²⁰.

Одним из неизбежных следствий имущественного расслоения кочевников было оседание обедневших хозяйств в земледельческой полосе. Это явление, характерное для XIX в., засвидетельствовано многими¹²¹ и получило широкое распространение в XX в. Оседали как отдельные семьи, так и целые кочевые группы¹²². При этом А. И. Першиц приводит примеры и обратного процесса — возобновления кочевничества. Однако кочевать «вновь» начинали не настоящие земледельцы, а временно занявшиеся земледелием полуседлые скотоводы¹²³.

Большое значение для развития товарно-денежных отношений и углубления имущественного и социального расслоения имела торговля. Торговые отношения скотоводов с жителями земледельческих оазисов в начале XIX в. довольно основательно описаны И. Л. Буркхардтом. Арабы продавали молоко и молочные продукты, а взамен покупали пшеницу и ячмень¹²⁴. Оживленно шла торговля жеребцами¹²⁵, главным образом между богатыми скотоводами. Как покупали бедуины продовольствие у земледельцев в конце XIX в., описывает Г. Якоб¹²⁶. А. И. Першиц приходит к выводу, что верблюдоводческое хозяйство бедуинов имело более товарный характер, чем хозяйство полуседлого и земледельческого населения¹²⁷. У кочевников обычно были излюбленные места для торговли, где они покупали рис и другое зерно, финики и прочие необходимые им товары. В конце XIX и начале XX в. наибольшие выгоды скотоводам приносила торговля верблюдами, затем лошадьми за пределы страны. Торговцы, продававшие арабам оружие, получали большие выгоды.

Налоги и поборы, взимаемые со скотоводов, можно подразделить на государственные и получаемые предводителями. Государственные власти областей, где обитали кочевники, взимали со скота «зякет» по древним традиционным нормам, составлявшим 2,5% имущества, но иногда он доходил до 5%¹²⁸. Этот налог был невелик, но увеличить его было почти невозможно, так как и обычный зякет население уплачивало лишь под сильным принуждением. Временами бедуины вообще не платили зякет¹²⁹. Зякет

¹¹⁹ М. Oppenheim von. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, Bd. II, S. 86.

¹²⁰ R. Hartmann. Zur heutigen Lage des Beduintums. «Die Welt des Islams», N 20, 1938, S. 51.

¹²¹ См., например, А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади, стр. 55.

¹²² См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 40 и сл.

¹²³ См. там же, стр. 42.

¹²⁴ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 55.

¹²⁵ Ibid., S. 57.

¹²⁶ G. Jacob. Altarabisches Beduinleben, S. 227.

¹²⁷ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 35.

¹²⁸ См. там же, стр. 116.

¹²⁹ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 426.

должны были в равной мере уплачивать как постоянные обитатели той или иной местности, так и временно прикочевавшие скотоводы. Зякет для эмиров собирали шейхи, которые, очевидно, утаивали какую-то часть собранных средств. К государственным налогам могут быть также отнесены отчисление $\frac{1}{5}$ добычи племени при грабительских набегах (газу) и некоторые другие мелкие налоги¹³⁰. Успех по взиманию государственных налогов с кочевников определялся степенью подчинения последних. Безусловно, что в Северной Аравии государственные власти в отличие от областей Центральной Аравии имели большие возможности воздействовать на скотоводов. Скотоводы Центральной Аравии были и в начале XX в. еще малодостигаемы и при своей воинственности легко могли сопротивляться вымогательствам властей. Еще И. Л. Буркхардт отмечал, что бедуины уплачивают налог деньгами, при этом уплата налога (*зекавак* или *зека*) рассматривались у ваххабитов как религиозный долг. Приводя как пример племя аназа, он сообщает о размере взимавшихся с них налогов: один испанский доллар с 5 верблюдов, а за 40 овец или коз цену одного животного; за лошадь любого пола 7 шиллингов; однако здесь же отмечается, что в разных местностях Аравии размеры налога могли колебаться¹³¹.

В отношении поборов в пользу шейхов И. Л. Буркхардт определенно говорит, что никаких регулярных ежегодных сборов в пользу шейхов не производилось и что шейхам самим приходилось проявлять по отношению к соплеменникам щедрость для поддержания своего влияния. Средства для этого давала дань, взимаемая с земледельческого населения¹³². В связи с тем, что по обычаю гости останавливались в палатке шейха, его соплеменники по очереди снабжали его мясом («в некоторых лагерях арабы не допускают того, чтобы шейх резал овцу при прибытии гостей и по очереди снабжают его палатку мясом»)¹³³. А. И. Першиц полагает, что этот обычай генетически связан с подвергшимся классовой трансформации институтами родовой взаимопомощи¹³⁴. Помимо обычая, связанного с гостеприимством, каждый помогал, чем мог, при покупке шейхом лошади или если его стадо пострадало от набега. Впрочем, хотя и меньше, но помощь оказывалась и пострадавшим от набега рядовым скотоводам. Из всего перечня выплат шейхам, лишь весьма условно называемых «поборами» (добровольные и по традиции), ни одну из форм нельзя сопоставить с земельной рентой и внеэкономическим принуждением.

Развитие общественных отношений в среде арабского скотоводческого населения, и прежде всего бедуинов Аравии, имело неко-

¹³⁰ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 117.

¹³¹ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 84, 85.

¹³² Ibid., S. 95.

¹³³ Ibid., S. 198.

¹³⁴ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 126.

торые характерные особенности. Принимая в течение веков живейшее участие в политической жизни земледельческих областей, они сохранили при этом известную обособленность и независимость от соседних государств. В этой связи социальная структура и социальный строй кочевников хотя и подвергались значительным влияниям общественных отношений земледельческого населения, но сохраняли (во всяком случае до конца XIX и начала XX в.) значительные кочевнические патриархальные черты, причем в большей степени, чем у многих других скотоводческих народов Передней Азии, имевших более тесные связи с общественно-политической структурой тех областей, где они обитали. Еще древнее кочевническое общество арабов было дифференцировано имущественно и социально. Эти процессы должны были особенно усилиться в годы арабских завоеваний, сложения халифата и в ходе дальнейшей истории.

Привилегированную прослойку среди кочевников составляли предводители. Их положение хорошо описывает средневековый источник, цитирующий обращение к народу одного из предводителей: «Разве я не ваш господин и не сын вашего господина?». «Разве вы не сохраняете верность тому, кому я сохраняю?»¹³⁵. Судя по сообщениям средневековых источников, в то время предводители племен и их подразделений назывались «сайид» (оратор). Сайиды не располагали большой властью над соплеменниками и не могли отдавать им приказов. Каждый вопрос сайид обсуждал с племенным собранием и только при единстве мнений мог выступать от лица племени. Авторитет сайида основывался в значительной мере на его богатстве, уме, щедрости¹³⁶.

По наблюдениям И. Л. Буркхардта, каждое арабское племя возглавлял предводитель — шейх. Во главе племенных подразделений также стояли предводители — либо шейхи, либо просто уважаемые лица. При этом И. Л. Буркхардт отмечает, что шейхи не имели возможности воздействовать на соплеменников, используя принуждение; и их власть основывалась на личном авторитете, который и определял, какое влияние имеет тот или иной предводитель. «К его (шейха. — Г. М.) приказам отнеслись бы с презрением, но его советам следуют, если он слывет опытным в общественных и личных делах человеком»¹³⁷. Авторитет шейха зависел также от силы и влиятельности его семьи и родственников, которые могли оказать ему поддержку. В случае согласия с действием или решением шейха большей части семей, входящих в кочевую группу, против отдельных протестующих лиц выступал не столько шейх, сколько его родственники, заинтересованные в сохранении мира. Но если по тем или иным вопросам возникали

¹³⁵ F. Wüstenfeld. Die Wohnsitze und Wanderungen der Arabischen Stämme, S. 61.

¹³⁶ G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben, S. 223.

¹³⁷ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 93.

серьезные разногласия между целыми семьями, то шейх ничего не мог сделать — и возникала опасность вооруженного столкновения¹³⁸. И. Л. Буркхардт утверждает, что ни один, даже самый влиятельный предводитель не мог по собственному желанию наказать самого бедного соплеменника, так как последний по обычаю имел право рассматривать такое действие как оскорбление, за которое следовала кровная месть. Поэтому, как полагает И. Л. Буркхардт, нельзя называть, как это делают некоторые путешественники, шейхов «князьями пустыни». Они возглавляли соплеменников в случае военных действий, от их имени вели переговоры о войне и мире, выбирали место для кочевья, принимали гостей. Даже объявлял войну и заключал мир шейх не единолично, а при участии уважаемых членов племени. Если шейх заключал мир, а затем выяснялось, что племя с этим решением не согласно, шейху приходилось оповещать противников о расторжении мирного соглашения¹³⁹. Решение о перемене кочевья, выборе нового места для лагеря и т. п. принималось шейхом также совместно с уважаемыми лицами¹⁴⁰. И. Л. Буркхардт пишет, что «если приказу шейха не подчиняются никогда, то примеру следуют как правило». Так, шейх обычно первым снимался со стоянки и возглавлял передвижение на новое место. Вслед за ним кочевали и его соплеменники. Но бывало и так, что племени не нравился выбранный маршрут, тогда за шейхом двигались лишь ближайшие родственники, а вся остальная группа шла другим путем и устраивалась на стоянку в половине дня пути от своего шейха. Очень часто семьи уходили из одной кочевой группы или подразделения в другое, произвольно меняя шейха¹⁴¹. Незначительные вопросы шейхи могли решать самостоятельно, однако все, что касалось интересов племени в целом, могло быть разрешено шейхом лишь с участием глав семей, составлявших совет племени или его подразделения.

Как уже отмечалось выше, шейхи не собирали каких-либо регулярных податей с соплеменников и помимо собственного хозяйства пользовались данью, взимаемой с земледельческого населения, или поборами с паломников¹⁴².

По наблюдениям И. Л. Буркхардта, положение шейха наследовал сын, брат или другой родственник, известный своей храбростью и щедростью. Однако такое наследование не было общим правилом, и шейхом мог быть избран и рядовой уважаемый общинник, что приводило обычно к дроблению племени: часть его членов следовала за вновь избранным шейхом, а часть предпочитала шейха из семьи покойного предводителя. Известны также

¹³⁸ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 94.

¹³⁹ Ibid., S. 118.

¹⁴⁰ Ibid., SS. 94, 95.

¹⁴¹ Ibid., S. 95.

¹⁴² Ibid.

случаи смещения шейхов и замены их новыми, более достойными¹⁴³. Исключительно интересны данные И. Л. Буркхардта о роли шейхов во внешнеполитических связях кочевых племен. Он отмечает, что связи между племенем и правителями земледельческих областей поддерживались, как правило, через шейхов, через получаемые при этом выгоды превышали доходы от набегов и т. п. Но такими посредниками бывали, очевидно, не только шейхи, ибо «если агент паши разрешает своим друзьям пользоваться частью своих прибылей, он может рассчитывать быть избранным предводителем»¹⁴⁴. Особенно велики были выгоды лиц, собиравших по поручению правительства налоги, организовавших караваны и их сопровождение. Влияние предводителей, тесно связанных с властями оседлых областей, сильно возрастало. Однако не потому, что они имели возможность прямо принуждать соплеменников к чему-либо, а могли лишить их тех или иных выгод¹⁴⁵. Кочевники, посещая совместно с предводителями города, имели обыкновение ради этих выгод выказывать своему шейху особые знаки почтения и подчинения перед властями, чтобы внешним эффектом поднять авторитет своего племени. Власти, обычно не видя обмана, заключали с «влиятельным» шейхом выгодные для племени соглашения. Однако при попытках добиться от кочевников чего-либо им неугодного, оказывалось, что шейхи не имели власти у своих соплеменников. Так, например, без согласия владельцев шейхи не могли предоставить ни одного верблюда для правительства каравана. Не удавалось подкупленным правительством шейхам насильно мобилизовать и военные отряды¹⁴⁶. Нельзя не отметить еще одно обстоятельство, характеризующее положение шейхов в XIX в. По широко распространенному среди арабов обычаю было принято отдавать себя под покровительство какому-либо лицу («вази») и даже в том случае, если для этого не было необходимости. Получивший покровительство всегда мог рассчитывать на помощь, а после смерти главы семьи покровительство продолжало оказываться и его семье. Даже самые влиятельные шейхи имели вази-покровителей среди рядовых соплеменников¹⁴⁷.

Важным средством упрочения влияния шейхов среди соплеменников были судебные функции этих лиц. Решения шейхи выносили на основе обычного права, однако принудить выполнить приговор они (во всяком случае в XIX в.) не могли. Если решение шейха почему-либо не устраивало спорящие стороны, они могли обратиться к другому предводителю или племенному судье¹⁴⁸. Шейхи

¹⁴³ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 96.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Ibid., S. 229.

¹⁴⁶ Ibid., SS. 230, 231.

¹⁴⁷ Ibid., SS. 105, 106.

¹⁴⁸ Ibid., SS. 96, 97. M. Oppenheim von. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, Bd. II, S. 91.

и кади получали очень значительное вознаграждение за судебные решения, которые уплачивала выигравшая процесс сторона¹⁴⁹. Сила каждого судебного приговора, его действительность в основном зависели от общественного мнения. По обычному праву арабов ни одно наказание, за исключением кровной мести, не было связано с действиями против личности, а поэтому всякий ущерб с согласия сторон мог быть компенсирован деньгами или имуществом.

Отношения шейхов и подвластного им земледельческого населения в основе своей были совершенно иными, чем в среде кочевников. Во многих местностях земледельцы являлись данниками кочевых племен¹⁵⁰, причем основная часть поборов, взимаемых с земледельцев, шла в пользу шейха.

Положение шейхов, по-видимому, мало изменилось и к концу XIX — началу XX в., что следует из данных Е. Браунлиха. По его наблюдениям, племя возглавлялось главным шейхом, ашире и кабиле — шейхами. Главные шейхи ведали вопросами внешних связей и представляли племя перед государственными властями. Последние стремились привлечь шейхов на свою сторону, награждали их почетными титулами, орденами, одаривали деньгами и вещами. Шейхи собирали государственные налоги с кочевников, подписывали договоры, обеспечивали за плату охрану караванов¹⁵¹. Как и в прошлом, должность шейха наследовалась среди определенных семей, а не обязательно от отца к сыну. Выборы и утверждение нового шейха обязательно происходили на племенном совете маджлисе¹⁵².

Многие авторы подчеркивают, что «должность» главного шейха не может рассматриваться как прерогатива государственной власти. Главный шейх не обладал никакой реальной властью над остальными шейхами. Как и они, он возглавлял племенное подразделение ашире, с которым кочевал; главный шейх практически никогда не мог собрать все племя¹⁵³. Как и в старину, влияние шейха зависело в значительной мере от его личного авторитета¹⁵⁴. Некоторые исследователи полагали даже, что шейхи имели больше обязанностей, чем прав¹⁵⁵. И в начале XX в. шейхи не взимали с соплеменников регулярных поборов. «Должность» эта предусматривала большие расходы, которые под силу только очень состоятельным людям. Кроме того, соплеменники отчисляли в пользу шейха часть добычи от набегов, часть средств, получаемых за сопровождение и организацию караванов, их охрану и охрану

¹⁴⁹ M. Oppenheim von. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, Bd. II, S. 94.

¹⁵⁰ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 2.

¹⁵¹ E. Bräunlich. Beiträge..., SS. 82, 83.

¹⁵² Raynaud et Martinet. Le Beduins de la neuvause de Damas. Beyrout, 1922, p. 68.

¹⁵³ Raynaud et Martinet. Le Beduins de la nauvause de Damas, p. 69.

¹⁵⁴ P. W. Harrison. The Arab at Home. New York, 1924, p. 128 u. a.

¹⁵⁵ J. Wellhausen. Ein Gemeinwesen ohne Obrigkeit. Göttingen, 1900, S. 7.

земледельческих местностей («хаве» — «братские деньги») ¹⁵⁶. Шейхи должны были собирать сведения о состоянии пастбищ и водных источников, местностях, где шли дожди, о военном положении. На основе собранных данных шейхи назначали время перекочевки и места стоянок ¹⁵⁷.

К числу привилегий, которыми пользовались шейхи у шаммаров, был обычай, согласно которому их палатки ставились в непосредственной близости к колодцу. Предводители шаммаров, впрочем, как и других племен бедуинов, имели обычно столько скота, что справиться с ним силами своих семей не могли, и нанимали за деньги пастухов. Пастухами нанимались главным образом молодые люди ¹⁵⁸. Но дети даже очень богатый шейхов помогали в скотоводческих работах и пасли скот ¹⁵⁹. Шейхи получали основную часть платы от кочевников других племен за пользование пастбищами и большую часть дани с опекаемых племен ¹⁶⁰. Укреплению экономики семей шейхов способствовало также то, что предводители имели обычно много жен: рукоделия продавались, многочисленные дети работали в хозяйстве ¹⁶¹. Но многие исследователи отмечали, что значительное имущественное неравенство между шейхами и рядовыми кочевниками в какой-то степени компенсировалось традициями, обязывающими шейхов оказывать широкое гостеприимство как гостям из других племен, так и соплеменникам ¹⁶². Думается, что это «выравнивание» было довольно относительным, и прав Л. Штейн, сомневающийся в справедливости определения шейхов как «*primus inter pares*» ¹⁶³.

В привилегированную прослойку бедуинов входили судьи — кади эль араб. Должность кади наследовалась обычно одной семьей, из которой избирался судья. По наблюдениям И. Л. Буркхардта, в его время шейхи не имели влияния на эти выборы ¹⁶⁴. Кади были обычно богатыми людьми (уже отмечалось, что они получали с тяжущихся значительные суммы) ¹⁶⁵. Но еще в начале нашего столетия кади несли и большие издержки, так как традиции предписывали им, как и шейхам, широкое гостеприимство. Нередко во время тяжбы стороны жили в течение всего процесса

¹⁵⁶ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 85.

¹⁵⁷ Ibid.

¹⁵⁸ 'Aref El-'Aref. Die Beduinen..., S. 124; P. J. Sonnen. Die Beduinen am See Genezareth. Köln, 1952, S. 48; L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 131.

¹⁵⁹ Ch. M. Doughty. Travels in Arabia Deserta, Bd. 1, p. 258; L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 131.

¹⁶⁰ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 133.

¹⁶¹ Ibid., S. 132.

¹⁶² Lady A. Blunt. Beduin Tribes of the Euphrates, Bd. II. London, 1879, p. 232; M. Oppenheim von. Die Beduinen..., Bd. I, S. 30; H. R. P. Dickson. The Arab of the Desert. London, 1959, p. 195; P. K. A. Hitti. History of the Arabs. London, 1960, p. 28.

¹⁶³ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 130.

¹⁶⁴ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 96, 97.

¹⁶⁵ Ibid.; E. Gräff. Das Rechtswesen der heutigen Beduinen. «Beiträge zur Sprach- und Kulturgeschichte des Orients», Bd. 5. Walldorf—Hessen, 1952, S. 85.

у судьи и на его счет¹⁶⁶. Позднее выборы нового кади контролировались шейхами. В новейшее время обычное право и племенной суд начинают вытесняться государственным судом и правом¹⁶⁷.

В условиях постоянной войны и набегов весьма существенной была роль предводителей военных отрядов, которые, как шейхи и судьи, составляли привилегированную прослойку общества кочевников. Во время войн шейхи, как правило, не руководили военными отрядами, которые возглавлялись предводителями (*агид*). В одном лице обе должности объединялись очень редко¹⁶⁸. Должность агиды в большинстве случаев наследственная. Но сын наследовал отцу только в том случае, если он проявлял себя в набеге опытным военачальником. Агид мог самостоятельно принимать решения, связанные с военными действиями, но обычно он советовался с опытными воинами¹⁶⁹. Самые уважаемые агиды сохраняли некоторое влияние на дела племени и в мирное время, к их голосу прислушивались, но значение шейхов было большим. Как и шейхи, агиды не располагали властью принуждения соплеменников и использовали свой авторитет и общественное мнение. Каждый человек был волен присоединиться или не присоединиться к отряду агиды, но, встав добровольно под его команду, уже не мог своевольноничать под угрозой лишиться своей доли добычи¹⁷⁰. Агид получал обычно больше добычи, чем рядовой воин: две, иногда три доли. Но если в набеге принимал участие шейх, агид получал долю обычного воина. Шейху выделялась часть добычи даже в том случае, если он не принимал участия в походе. В набеге на свой страх и риск могли участвовать все желающие. Нередко предводители таких «шаек» прославлялись и со временем становились как бы второстепенными агидами. Но они возглавляли только небольшие набеге. Когда войну вело все племя, его ополчением командовал только настоящий агид. В некоторых племенах наряду с агидом избирались лица, наблюдавшие за разделом добычи (*кефил*). Кефил получал такую же долю добычи, как и агид¹⁷¹. Многие источники подробно описывают роль агидов в обществе арабов, однако их описания в целом совпадают с описаниями И. Л. Буркхардта¹⁷².

Таким образом, хотя господствующая прослойка достаточно четко выделяется среди прочих слоев общества арабов-скотоводов, положение ее представителей и в начале XX в. в значительной мере определялось кочевыми традициями. Власть шейхов и других предводителей над соплеменниками не была так велика, как там,

¹⁶⁶ M. Oppenheim von. Die Beduinen, Bd. II. Leipzig, 1939, S. 90; L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 136.

¹⁶⁷ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 141.

¹⁶⁸ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 238.

¹⁶⁹ Ibid., S. 239.

¹⁷⁰ Ibid., SS. 241, 242.

¹⁷¹ Ibid., SS. 240, 241, 243, 244.

¹⁷² G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben, SS. 224, 225.

где военно-политическая власть вождей сочеталась с их положением представителей государственной власти, имеющих возможность оказывать давление на соплеменников. Е. Браунлих, писавший об арабах в 30-х годах XX в. и чьим данным можно доверять, отмечал, что и в то время власть главного шейха над прочими шейхами была весьма условной и зависела больше от доброй воли последних. Главный шейх, вызывавший неудовольствие соплеменников, не мог больше рассчитывать на свое место или удержать недовольных от откочевки. Свидетельством этого являются многочисленные примеры распада племен¹⁷³.

Шейхи имели собственные вооруженные отряды, которые использовали и в личных целях. Однако эти отряды были немногочисленны¹⁷⁴ и не могли играть большой роли в обществе, где все мужчины входили в племенное ополчение и были поголовно вооружены. Такие отряды могли играть скорее роль телохранителей. Использовать их против соплеменников едва ли было можно, так как это могло повлечь за собой кровную месть, распад племени на враждующие группы и т. п.

Следует отметить, что положение шейхов, их взаимоотношения с соплеменниками со временем значительно менялись. Еще турецкое правительство предпринимало некоторые попытки сделать шейхов правительственными чиновниками, а тем самым заставить их проводить государственную политику. Однако в конце XIX и начале XX в. по ряду причин этот процесс не получил должного развития. Но после первой мировой войны шейхи постепенно становились чиновниками местных правительств. По получении обширных земельных наделов от правительств они, переселяясь в города, отрывались от своих племен, сохранив тем не менее административную власть¹⁷⁵. Итак, соплеменники перестали получать от шейхов даже те небольшие доходы, которые поступали населению раньше, когда оно участвовало в эксплуатации земледельцев, соседних племен и др. Это привело к обострению противоречий между шейхами и соплеменниками, к оформлению шейхов в сословие или класс¹⁷⁶.

Иначе обстояло дело с предводителями племенных подразделений (ранс). Они не получили или почти не получили от правительств земельных пожалований и сохраняли традиционные функции кочевых предводителей¹⁷⁷.

Абсолютное большинство арабов-скотоводов вели свободное

¹⁷³ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 87.

¹⁷⁴ Так, например, А. И. Першиц указывал, что один из предводителей имел 35 вооруженных рабов (см. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 101).

¹⁷⁵ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 139.

¹⁷⁶ M. F. Jamali. The new Iraq: its Problem of Bedouin Education. «Studies of the International Institute of teachers college». Columbia Univ., N 16. New York, 1934, p. 103.

¹⁷⁷ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 140.

самостоятельное хозяйство. С точки зрения имущественной эта часть общества, как уже отмечалось, была сильно дифференцирована, однако из-за отсутствия данных социальное положение отдельных имущественных групп установить трудно. Несомненно, что зажиточную верхушку кочевников составляли не только хозяйства шейхов, но и богатые скотоводы, всячески эксплуатировавшие соплеменников; социальное положение этой прослойки общества источники не описывают.

Помимо государственных налогов, поборов в пользу шейхов и других предводителей наибольшее распространение получила такая форма эксплуатации, как отдача скота шейхов и богатых скотоводов на выпас. Отношения отдачи скота на выпас (*вадиа*) подробно изучались и нашли отражение в литературе. Предполагается, что *вадиа* возникла как институт взаимопомощи, как временная безвозмездная ссуда, которая впоследствии стала использоваться как средство эксплуатации¹⁷⁸. Однако, судя по данным источников, *вадиа* как взаимопомощь все еще имела место и в начале XX в.: «Когда семья бедняка имеет нужду в верблюде для дальней перекочевки, она обращается к шейху, который ссужает ей его для этой надобности; более того, когда какая-нибудь семья находится в стесненных обстоятельствах и с трудом находит себе достаточное пропитание, она просит помощи у шейха, который по своему усмотрению дает ей верблюдицу сроком на два, три или пять лет; если ее можно доить и выючить—это замула или халлата. На тех же условиях, что и замула, ссужается верблюдица мануха; человек, получивший ее в долг, должен пасти ее со старанием и пользуется ее молоком...»¹⁷⁹. А. И. Першиц считает, что зажиточная часть общества получала довольно значительные выгоды от отдачи скота на выпас. Он подчеркивает, что животные выпасались бесплатно, «поэтому даже безвозмездная ссуда скота фактически являлась ранней формой феодальной эксплуатации...»¹⁸⁰. Впоследствии *вадиа* стала, как указывает А. И. Першиц, оказываться на издольных началах. Человек, получивший скот на выпас, отдавал часть животных продуктов их хозяину. Формы *вадиа* были весьма разнообразны, и *вадиа* овец имела большее распространение, чем верблюдов, так как овец отдавали на выпас по большей части не в свое племя, а в овцеводческие племена полукочевников (шавия, шувван, хукара)¹⁸¹. По поводу развитой формы *вадиа* А. И. Першиц полагает, что она была «основным путем получения ею (верхушкой общества.—Г. М.) обычной феодальной ренты... посредством передачи... на выпас скота на условиях издольщины. Передача скота на выпас... типичная форма феодальной эксплуатации в кочевом скотоводческом хозяй-

¹⁷⁸ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 124.

¹⁷⁹ Там же, стр. 124—125.

¹⁸⁰ Там же, стр. 125.

¹⁸¹ См. там же, стр. 125, 126.

стве...»¹⁸². В связи с такой точкой зрения эту проблему необходимо рассмотреть подробнее. Ни один из известных источников о жизни арабов не отрицает того, что скот являлся частной собственностью какой-то социальной слоя или класса. В тех случаях, когда вадиа выступала в чисто традиционной форме (соседская взаимопомощь), вступавшие в соглашение получали взаимные выгоды и говорить об эксплуатации в таком случае можно лишь с оговорками. Лица, отдававшие скот на выпас, избавлялись, конечно, от забот о нем; однако фактически они не получали и никаких практических выгод. Капитал-скот как бы омерщвлялся, так как не приносил владельцу дохода, и поэтому нет оснований говорить о наличии отношений, связанных с получением ренты. Однако при развитых современных формах вадиа владелец скота при отдаче его на выпас получал и некоторый доход. Однако он был невелик¹⁸³. Но дело здесь, конечно, не в размере дохода, а в его характере. Даже при развитой вадиа зажиточный скотовладелец выступал не как монополющий собственник одного из основных средств производства (скота). Чаще всего отношения вадиа складывались с хозяйствами, имеющими недостаточно или временно лишившимися скота. Обзаведясь нужным количеством скота, хозяйства уже не нуждались в вадиа, и она расторгалась. Владелец скота, как обладатель капитала, вступал в свободные добровольные экономические отношения с лицами, лишившимися средств производства (скота) или имеющими его недостаточно, и получал часть прибавочной стоимости. Таким образом, собственность на скот не была феодальной монополией одного класса, а возникавшие в результате *вадиа* отношения не имели ничего общего с внешнеэкономическим принуждением, так как были чисто экономическим соглашением. К тому же отношения вадиа, каков бы ни был их характер, не были у скотоводов Аравии определяющим типом производственных отношений. Среди овцеводов вадиа встречалась лишь у беднейших, а распространения в среде значительной прослойки средних по зажиточности хозяйств не получила. Вадиа же у бедуинов-скотоводов вообще не имела большого распространения¹⁸⁴. Итак, очевидно, нет достаточных оснований рассматривать вадиа не только как основную, но даже просто феодальную форму эксплуатации. В новейшее время вадиа получила развитие в новом качестве. Зажиточные горожане, имеющие скот, отдают его на выпас бедуинам. Получаемые от животных продукты, за исключением приплода, делятся пополам. Хотя кочевники-пастухи и пользуются молоком, шерстью и т. п., но основную

¹⁸² А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 124; его же. Оседлое и кочевое общество... Автореф. докт. дисс., стр. 29.

¹⁸³ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 124, 125.

¹⁸⁴ Ср. там же, стр. 125.

выгоду получает хозяин, за чьим стадом смотрит кочевник¹⁸⁵. Известны многие случаи, когда так попадали в долговую кабалу к городским ростовщикам¹⁸⁶.

Большое внимание уделяется в литературе и отношениям «личной зависимости», возникавшим в результате обращения к покровительству отдельных лиц и целых племенных групп. Подобные отношения называются коммендацией и относятся к явлениям, ведущим «к углублению и расширению феодальных отношений в скотоводческом кочевье»¹⁸⁷.

При «коммендации» в Западной Европе слабый получал покровительство «сильного»; первый, становясь вассалом, отдавал второму (сеньору) свою землю, которую получал обратно в виде феода. В связи с этим между этими лицами возникали новые производственные отношения, выражавшиеся в уплате сеньору феодальной ренты. В результате коммендации крестьянин становился зависимым от сеньора, возникала крепостная зависимость. Но отношения покровительства у арабов не соответствуют принятому в науке представлению о «классической» коммендации. У арабов, получая покровительство, «вассал» не мог передать «феодалу» землю, так как оба пользовались землей племени на равных со всеми соплеменниками основаниях. Скот оставался частной собственностью вступившего под защиту. Отношения покровительства имели многообразные формы. Защитников-покровителей имело большинство семей скотоводов; имели их и шейхи. Отношения покровительства, вызванные присоединением к новому племени или племенной группе, могли быть временными или постоянными, причем в последнем случае согласие на присоединение давал уже не один шейх, а вся группа, которую он возглавлял. Присоединившиеся искусственно объединяли свою генеалогию с генеалогией тех, к кому они присоединялись и становились тем самым их «родственниками». После присоединения никакой особой «ренты», кроме обычных для всех налогов и подношений, не выплачивалось. Можно было свободно отказаться от покровительства — откочевать.

Большинство источников не сообщает о каких-либо податях. А если в случае покровительства и устанавливались подати, то всеобщего или большого распространения последнее не имело. Многочисленные примеры, которые приводит Е. Браунлих об отношениях покровительства «танаб», не дают оснований искать в них феодальные черты¹⁸⁸. Кстати, А. И. Першиц, говоря о плате за пользование пастбищами с иноплеменников, отмечает, что предоставление пастбищ происходило «с последующим присвое-

¹⁸⁵ P. J. Sonnen. Die Beduinen am See Genesareth. Köln, 1952, S. 17; L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 140.

¹⁸⁶ L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 141.

¹⁸⁷ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 127.

¹⁸⁸ E. Bräunlich. Beiträge..., S. 192 u. f. Следует подчеркнуть, что данные этого автора не конца XIX — начала XX в., а 30-х годов XX в.

нием шейхами арендной платы (или ее большей части), по древнему обычаю принадлежавшей всему коллективу»¹⁸⁹. Таким образом, картина взаимоотношений выглядит неопределенно. Рассматриваемое явление не отражает, очевидно, никаких новых правовых норм в землепользовании и скорее свидетельствует о том, что шейхи часто злоупотребляли своим положением. «Чужаки» могли беспрепятственно уйти из племени, получить защиту не означало лишиться личной свободы. Отношения покровительства не порождали какие-либо принципиально новые производственные отношения, а беднота, искавшая покровительства у шейха, эксплуатировалась им так же, как и беднота из собственного племени. Не происходило изменений в формах собственности — не возникала крепостная зависимость. Все виды зависимости имели традиционнo-кочевнический экономический характер. Несамостоятельность присоединявшихся к новому племени или его подразделениям групп, возглавляемых собственными шейхами, заключалась в том, что во внешнеполитических вопросах они должны были действовать только через посредство шейха племени или группы, оказавших покровительство. Однако эта «подчиненность» сама по себе без взаимосвязи с определенным типом производственных отношений не может рассматриваться как феодальная зависимость. Основная же часть непосредственных производителей — скотоводов — в конце XIX и начале XX в. продолжала вести самостоятельное хозяйство, владея скотом и пользуясь общинными пастбищами.

В результате имущественного расслоения часть бедуинов и овцеводов лишалась возможности вести самостоятельное скотоводческое хозяйство. Некоторые из них обращались к земледелию. Впрочем, процессы оседания кочевников получили широкое развитие только начиная с 20-х годов XX в. Другие нанимались пастухами или шли в услужение. Такие явления отмечались уже авторами в начале XIX в.¹⁹⁰

Неполноправную прослойку среди скотоводов составляли ремесленники (*зона*), жившие иногда постоянно в племенах и находившиеся под покровительством шейха. Их неполноправное положение заключалось в том, что они не имели права участвовать в делах племени и не могли вступать в браки с членами племени. Впрочем, они были лично свободными¹⁹¹.

Нижший социальный слой среди арабов-скотоводов составляли рабы, обычно выходцы из Тропической Африки. По наблюдениям И. Л. Буркхардта, каждый влиятельный шейх покупал ежегодно 5—6 мужчин и несколько рабынь. Рабы использовались в домашнем хозяйстве и меньше в скотоводстве, так как они были с ним мало знакомы. Рабынь арабы в наложницы не брали. По обычаю

¹⁸⁹ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 123.

¹⁹⁰ I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., SS. 147, 148.

¹⁹¹ Ibid., S. 147.

рабов через определенное время отпускали на свободу, и они оставались жить в племени. Вольноотпущенники становились почти полноправными членами племени, часто образовывали самостоятельные племенные группы во главе с собственным шейхом. При этом, однако, они сохраняли относительную связь со своим прежним хозяином, который уже не имел права требовать с них регулярных ежегодных податей, так как формально их считали свободными арабами. Но прежний хозяин мог потребовать от вольноотпущенника подарить ему понравившегося верблюда, а также выдать дочь отпущенника замуж за раба хозяина или его ремесленника¹⁹². Но, в общем, как это следует из того же источника, рабов у кочевников было не так уж много¹⁹³. Об африканских рабах у скотоводов сообщают и более поздние источники. Г. Якоб считает, что рабами могли стать и военнопленные, если их не выкупали¹⁹⁴.

Е. Браунлих, автор начала XX в., также отмечает известную распространенность рабства у кочевых арабов. Рабами в то время были выходцы из Африки. Обычай требовал, чтобы с ними обращались хорошо, и рано или поздно рабов отпускали на свободу, хотя они редко по получении свободы покидали племя своего бывшего хозяина; после его смерти все получали свободу. Освобожденные образовывали собственное племенное подразделение, которое пользовалось до известной степени равными правами с кочевниками-арабами. Однако они не обладали политической самостоятельностью и были обязаны по требованию шейха выставлять отряд воинов¹⁹⁵. Часто вольноотпущенники становились земледельцами и как арендаторы обрабатывали земли свободных арабских племен. По распространенным условиям аренды хозяева земли получали в качестве арендной платы часть урожая фиников и зерновых, овощи, фрукты. Люцерна целиком оставалась арендатору¹⁹⁶.

Имеется много данных о том, как использовались африканские рабы у шейхов-шаммаров: работали пастухами, были телохранителями, выполняли домашнюю работу. Женщины-рабыни готовили пищу, носили воду, собирали топливо, устанавливали и разбирали шатры. Кроме пищи и одежды рабы не получали ничего. У шаммаров также был запрет на вступление в брачные отношения с африканскими рабынями¹⁹⁷.

Нельзя не затронуть вопрос об отношениях между кочевниками и в том или ином смысле зависимыми от них земледельцами.

¹⁹² I. L. Burckhardt. Bemerkungen..., S. 147.

¹⁹³ Ibid., S. 287.

¹⁹⁴ G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben, S. 137.

¹⁹⁵ E. Bräunlich. Beiträge..., SS. 206, 207, 208.

¹⁹⁶ Ibid., S. 209.

¹⁹⁷ A. Musil. In the Arabian Desert, p. 207; H. Field. The Anthropology of Iraq. «The Northern Jazira», t. 2, No. 1. Chicago, 1951, p. 27; L. Stein. Die Sammar Gerba, S. 132.

Один из видов зависимости заключался в том, что земледельцам, подвергавшимся постоянным нападениям со стороны кочевников, приходилось искать защиты у какого-либо сильного племени, которое обеспечивало им безопасность, за это племени полагалась определенная дань¹⁹⁸. Такие даннические отношения существовали почти во всех земледельческих областях, граничивших с местами расселения кочевников¹⁹⁹, и подчас напоминали крепостную зависимость²⁰⁰.

Другой вид зависимости возникал, если земледельцы обрабатывали земли, захваченные кочевниками. Эти земли могли считаться либо собственностью племени, рента более или менее равномерно распределялась между его членами, причем шейхи получали большую часть доходов; либо были муьком шейхских семей²⁰¹. В первом случае феодальные отношения земледельцев устанавливались со всеми членами племени, во втором — только с семьей владельца муька.

* * *

В заключение следует остановиться на общей оценке социально-экономических отношений среди скотоводов-арабов. Итак, анализ источников достаточно убедительно показывает, что вплоть до начала XX в. у арабов-скотоводов, и в первую очередь кочевых бедуинов, социально-экономические отношения сохранили военнo-демократический и патриархальный характер. Этот вывод можно сделать на основании изучения форм землеводопользования, производственных и социальных отношений, структуры общества. Скотоводы-арабы, и особенно бедуины, веками участвовавшие в политических событиях соседних земледельческих стран, сумели и в начале XX в. включительно сохранить довольно большую самостоятельность; в меньшей степени, чем многие другие кочевые народы, испытывали эти племена непосредственное влияние и гнет государственной власти в местах их расселения. Очевидно, это явление вызывалось относительной географической изолированностью кочевых областей, компактностью расселения и воинственностью, которая обеспечивала независимость кочевников.

Нет нужды повторно подвергать критике взгляды некоторых буржуазных ученых, которые архаизировали общественный строй кочевников Аравии, рассматривая последний как первобытный. Эту работу уже провел А. И. Першиц, и критику таких взглядов следует считать обязательной и необходимой²⁰². Однако, критикуя

¹⁹⁸ А. Musil. Zur Zeitgeschichte von Arabien. Leipzig—Wien, 1918, S. 42.

¹⁹⁹ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 133.

²⁰⁰ См. там же, стр. 135.

²⁰¹ См. там же, стр. 137.

²⁰² См. А. И. Першиц. Патриархально-феодальные отношения... ТИЭ АН СССР, т. 39, 1958, стр. 126; его же. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 68.

взгляды буржуазных ученых на общественный строй арабов-скотоводов, он в какой-то мере сам повторяет иногда их ошибки, предполагая, что у кочевников сохранились «многочисленные пережитки патриархально-родового строя»²⁰³. Понятие «патриархально-родовой» строй при этом, правда, не раскрывается, но судя по тому, что последнему противопоставляются классовые отношения, следует понимать как первобытный. Но и столетия назад у арабов была частная собственность на скот, и, следовательно, они не были первобытным народом. Получается, что между хронологически неопределенной первобытностью и развитием и оформлением классовых отношений существовал значительный период, в который старые «патриархально-родовые» отношения постепенно разлагались, но так и не разложились до конца и к началу XX в. С этим взглядом можно было бы согласиться, если бы автор смог показать эволюцию хозяйства и социальной структуры в «переходный» период. Однако данных для доказательств нет.

А если отказаться от поисков различных пережитков, предположив, что возникновение кочевничества, создавшего своеобразную форму хозяйства, экономическую базу, породило тем самым и специфический военно-демократический и патриархальный уклад, отличный от первобытного, «патриархально-родового»? Тогда будет ясно, что общественно-племенная организация вовсе не была пережитком первобытности («пережиточна» наша терминология), а органически вытекала из хозяйственной, социальной и военно-политической структуры кочевого общества.

Затянувшийся этап разложения «патриархально-родовых» отношений сменяется, по мнению А. И. Першица, феодальными отношениями, однако когда это происходит, не уточняется. Да и точка зрения обосновывается им недостаточно убедительно. Обратимся к аргументации.

А. И. Першиц справедливо полагает, что уровень развития социально-экономических отношений разных групп арабов был неодинаков. «Принято считать, — пишет он, — что в земледельческих оазисах Аравии патриархально-родовой строй подвергся несравненно более глубокому разложению, нежели в среде кочевых племен. В общем, это положение правильно, но следует учитывать, что разрушение родовых традиций было неравномерным в различных районах страны и разных сферах жизни населения»²⁰⁴. Далее подчеркивается, что остаточные явления «патриархально-родового» строя и рабовладения существовали «в тесном переплетении с феодальными отношениями»²⁰⁵. Последние были, по его мнению, ведущими, «при всей многоукладности общественного строя страны господствующие позиции занимал в нем феодальный

²⁰³ А. И. Першиц. Патриархально-феодальные отношения... ТИЭ АН СССР, т. 39, 1958, стр. 126; его же. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 68.

²⁰⁴ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 87.

²⁰⁵ Там же, стр. 107.

уклад»²⁰⁶. Если говорить о всех областях Северной Аравии, то в отношении земледельческого населения этот вывод не встречает возражения. Однако свои взгляды относительно господства феодальных отношений А. И. Першиц распространяет и на скотоводов. Он называет пользование пастбищами «феодальным землевладением», а в хозяйстве крупных скотоводов усматривает «феодальный тип»²⁰⁷. Однако чуть дальше он же прямо говорит, что «скот и часть колодцев являлись частной собственностью, а пастбища и другая часть колодцев считались собственностью всего коллектива»²⁰⁸. Как полагает Першиц, феодальная собственность возникает как результат распоряжения общинными землями и колодцами «кочевой аристократии» в условиях перенаселенности пустыни»²⁰⁹. Последнее утверждение недостаточно аргументированно, так как в рассмотренных выше источниках вплоть до 30-х годов XX в. подобных данных нет, во всяком случае относительно кочевых областей, населенных бедуинами.

О праве шейха, праве распоряжаться пастбищами уже указывалось, что оно сводилось к организаторской деятельности и порождало злоупотребления — захват участков в личное пользование. Однако право это отнюдь не основывалось на феодальной собственности. Пастбища, как отмечалось, были собственностью государства. Шейхи не были монопольными собственниками пастбищ, а могли, как все члены племени, пользоваться пастбищами и ведали лишь распределением последних. Монопольное же право на пастбища сопровождается земельной рентой, а она отсутствует в перечне поборов со скотоводов, приводимом А. И. Першицем. Вывести феодальные производственные отношения из отношений землепользования не удастся, А. И. Першиц пытается усмотреть их в отношениях по скоту: «Основным путем получения ею (т. е. «феодальной» верхушкой. — Г. М.) обычной феодальной ренты (о централизованной ренте, частично возвращавшейся к тем же шейхам, говорилось выше) была эксплуатация кочевников посредством передачи им на выпас скота на условиях издольщины»²¹⁰. Сущность отношений при отдаче скота на выпас анализировалась, и нет никаких очевидных оснований рассматривать их как феодальные. А. И. Першиц называет феодальными отдельные выплаты скотоводов в пользу шейха²¹¹, хотя эти выплаты лишь дань старым военно-кочевым традициям, а вовсе не свидетельства в

²⁰⁶ А. И. Першиц. Хозяйство..., ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр.140; см. также: А. И. Першиц. Оседлое и кочевое общество..., стр. 37.

²⁰⁷ Там же, стр. 124.

²⁰⁸ А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 124.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ А. И. Першиц. Хозяйство..., ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961. Под «централизованной рентой» А. И. Першиц подразумевает государственный налог, часть которого утаивалась шейхами. Однако последнее едва ли можно рассматривать как явление, специфически характерное только для феодализма.

²¹¹ См. там же, стр. 126.

пользу производственных отношений, связанных с собственностью на землю или скот.

Важное значение для решения рассмотренных выше дискуссионных вопросов имеет тот факт, что основную часть доходов предводители получали не от соплеменников. Эту особенность замечает и А. И. Першиц: «Доходы, получаемые шейхской верхушкой извне, а не изнутри племени, имели для ее бюджета очень большое, нередко первостепенное значение»²¹². Необходимо уточнить, что доходы от земледельцев в виде дани и ренты поступали не только шейхам; доход распределялся частично и между соплеменниками, т. е. всех кочевников по отношению к земледельцам можно рассматривать как феодалов.

Не следует забывать, что сами шейхи были крупными скотовладельцами, вели собственное хозяйство, используя главным образом труд наемных пастухов. И тип подобного хозяйства нельзя классифицировать как феодальный. Да и сам А. И. Першиц ниже как бы подтверждает им же ранее высказанные сомнения в правомерности вывода о господстве в среде кочевников феодальных отношений: «Нуждаясь в бедуине как в дружиннике, он «подкармливал» его за счет своих доходов извне; если он эксплуатировал бедуина как издольщика, он старался всячески завуалировать эту эксплуатацию»²¹³. Кроме того, военные действия велись отнюдь не только в интересах шейхов, а и в интересах племени — иначе шейх лишился бы помощи племенного ополчения. Эксплуатации в случае отдачи скота на выпас подвергались только беднейшие скотоводы. Иное, не феодально-зависимое положение скотоводов отражалось и в идеологии: все бедуины считали себя благородными и даже не допускали смешанных браков с полуоседлыми и земледельцами.

Социально-экономические отношения у полукочевых скотоводов и бедуинов в принципе ничем не отличались. Меньшая воинственность, близость к земледельческим областям давали шейхам большие возможности для угнетения соплеменников, но опять-таки экономически и административно, а не феодально.

Рассматривая общественные отношения у кочевников, нельзя не затронуть вопроса о социальном характере грабительских набегов (газу). Изучающие арабов единогласно считали набеги делом всего племени, а не какой-либо социальной группы. А. И. Першиц придерживается иной точки зрения. Он полагает, что со временем социальный характер газу сильно изменился, подвергшись «глубокому классовому превращению», что позволило кочевой верхушке использовать газу «в качестве выгодного ей феодального института». Это утверждение он аргументирует тем, что подчас значительная часть добычи шла в пользу предводителей²¹⁴.

²¹² См. А. И. Першиц. Хозяйство..., ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 139.

²¹³ Там же, стр. 141.

²¹⁴ См. там же, стр. 132.

Однако так просто этот вопрос вряд ли можно решить. Бесспорно, что в большинстве случаев предводителям выделялась большая часть добычи, чем рядовым воинам. Но ведь общество кочевников, имущественно и социально дифференцированное, не было первобытным. Набеги совершали не дружины «феодала», а племенные ополчение. Если бы газу не сулило выгод, кочевники не стали бы добровольно принимать участие. Кроме того, «грабеж» возглавляли не только племенные военачальники. Многие группы грабителей собирались стихийно под предводительством какого-либо удачливого воина. Да и племенной военный вождь (агид) мог собрать соплеменников в свой отряд, если он считался опытным и храбрым предводителем. Непонятно, почему А. И. Першиц считает газу явление феодальным. Если подобная трактовка — дань привычке связывать все кочевнические институты с феодализмом, то все ясно. Но если говорить по существу, то очевидно, что «добровольный грабеж» (газу) можно с одинаковым успехом называть как рабовладельческим, так и капиталистическим, а равно и феодальным. Можно, конечно, возразить, что нередко в результате газу возникали даннические отношения земледельческого населения или более слабых племен с бедуинами. Но назвать эти даннические отношения «раннефеодальными», как это делает А. И. Першиц²¹⁵, вряд ли можно, так как известные даннические отношения столь же характерны и для первобытного общества, и для рабовладельческого. Отнюдь не подтверждает А. И. Першиц «феодальный» характер газу аналогией отношений у арабов с туркменскими аламанам²¹⁶. В отличие от газу арабов у туркмен аламаны не были даже «общим делом» племени и не возглавлялись потомственными предводителями. Любой человек мог объявить себя сердаром и пригласить воинов для участия в набеге. Если желающие были, то договаривались о разделе будущей добычи и отправлялись в путь. Никаких даннических отношений в этом случае вследствие аламанов не устанавливалось.

В целом социальную структуру у кочевых арабов можно характеризовать как многоукладную. Вплоть до начала XX в. при господстве военно-демократического патриархального уклада существовали и другие уклады: даннический, феодальный, рабовладельческий, капиталистический. Особенно хорошо прослеживается феодальный уклад в отношениях между верхушкой кочевое общества и подвластным им земледельческим населением.

Важен вопрос о развитии у бедуинов капиталистических отношений. А. И. Першиц отмечает, что со второй половины XIX в. хозяйство кочевников стало в той или иной степени ощущать некоторые результаты вовлечения Ближнего Востока в орбиту капиталистического хозяйства²¹⁷. Действительно, развитие товарно-

²¹⁵ См. А. И. Першиц. Хозяйство... ТИЭ АН СССР, т. 69, 1961, стр. 133.

²¹⁶ См. там же, стр. 132.

²¹⁷ См. там же, стр. 42, 151.

денежных отношений у бедуинов, резкое имущественное расслоение общества, распространение наемного труда и тесные связи с капиталистическим рынком свидетельствовали, что капиталистические отношения в хозяйстве бедуинов (хотя и в несколько своеобразном виде) успешно развивались уже во второй половине XIX в.²¹⁸.

²¹⁸ Ср. аналогичные явления у курдов: О. Л. Вильчевский. Экономика курдской кочевой общины во 2-й половине XIX в. СЭ, 1936, № 4—5.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЧЕВНИЧЕСТВА

Возникновение кочевничества как особой, самостоятельной формы деятельности, при которой средства к существованию добывались главным образом в процессе экстенсивного скотоводства, представляло собой крупный этап в разделении труда и имело значительные социально-экономические, политические и культурные последствия.

Изучение генезиса кочевничества — важная историческая проблема, не разрешенная и по сей день. Те ограниченные данные, которыми располагает наука, все-таки позволяют сделать вывод, что становление экстенсивного кочевого скотоводства было сложным процессом, обусловленным социально-экономическим и политическим развитием как племен «горно-степной бронзы», так и их оседлых соседей. Вместе с тем некоторые особенности этого развития в сочетании с данными естественных наук позволяют предполагать, что возникновение кочевничества на рубеже эпох бронзы и раннего железа было связано также с определенными изменениями в природной среде некоторых горно-степных областей Азии. Эти изменения как следствие хозяйственной деятельности человека, геоморфологических и климатических колебаний оказали неблагоприятное воздействие на развитие примитивного мотыжного земледелия части племен «горно-степной бронзы». Равновесие элементов традиционного комплексного хозяйства было нарушено, и последнее перестало удовлетворять потребности населения. Возникла необходимость в новых дополнительных средствах к существованию, а для этого необходим был переход к новым формам хозяйства. В специфических условиях пустынных степей и предгорий выход в то время был только в дальнейшем развитии экстенсивного скотоводства — кочевничества или миграциях. И то и другое приводило к усилению подвижности населения.

Эта гипотеза может быть обоснована и несколько иначе. Прежде всего следует учитывать, что комплексное хозяйство горно-степных племен существовало очень долго, а в некоторых областях, например в Восточном Прикаспии, — даже больше двух

тысяч лет и имело по сравнению с поздним кочевничеством зачастую более развитую материально-техническую базу. Однако убедительные данные о том, что комплексное хозяйство меньше удовлетворяло потребности людей, чем экстенсивное скотоводство, подверженное многочисленным превратностям кочевой жизни, отсутствуют. Должны были быть особые причины для того, чтобы забросить традиционное налаженное хозяйство, теплые жилища и могилы предков и отправиться странствовать. Необходимо подчеркнуть, что там, где сохранялись постоянные источники водоснабжения, а следовательно, возможность достаточно широко заниматься мотыжным земледелием, комплексное традиционное хозяйство не исчезло и не обнаружило тенденции к превращению в кочевническое. Мотыжное земледелие или сохранялось до позднего средневековья, или развивалось в плужное земледелие.

Как свидетельствуют археологические источники, уровень социально-экономического развития у племен в эпоху бронзы, как перешедших впоследствии к кочевничеству, так и сохранивших традиционное хозяйство, был в среднем практически одинаков. Итак, развитие скотоводства в рамках комплексного хозяйства не приводило обязательно к кочевничеству. Не известны случаи массового перехода народов, имевших развитое животноводство, к кочевничеству и в позднейшие эпохи, за исключением отдельных групп населения или племен (например, часть лесных монголов, тувинцев и др.), обращавшихся к кочевничеству под влиянием сильных соседей. То же можно сказать и о некоторых народах тропиков (например, многие обитатели Восточной Африки), о скотоводах Северной Америки, где очень развитое животноводческое хозяйство не вылилось в настоящее кочевничество, а средства к существованию получали не только, но и зачастую не столько от скотоводства, сколько от других видов занятий: земледелия, охоты и др. Следует также отметить, что кочевники, переселяясь на новые места, где природные условия благоприятствовали земледелию, нередко оседали и начинали вести комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, в котором было довольно много скота. Эта особенность противоречит высказанному в литературе предположению о том, что рост поголовья стад может вызвать перерождение комплексного хозяйства в кочевническое.

Кочевничество возникало, развивалось и существовало главным образом там, где исчезали или отсутствовали возможности для достаточно продуктивного, хотя бы мотыжного земледелия. На протяжении истории у кочевников была тенденция к оседанию на землю, но зачастую, встречая существенные препятствия, не реализовывалась, так как оседание могло быть связано с потерей независимости и подчинением государствам оседло-земледельческих областей.

Переход к кочевничеству, очевидно, произошел первоначально отнюдь не всюду, где впоследствии господствовало экстенсивное скотоводство, а в первую очередь в «критических зонах», где вес-

ти мотыжное земледелие стало особенно трудно¹. Кочевая жизнь, а возможно, и некоторые хозяйственные затруднения приводили к столкновениям с соседями, войнам. Становление кочевничества сопровождалось большими изменениями в социально-экономических отношениях. Неуклонно возрастала имущественная и усложнялась социальная дифференциация. В кочевничество вовлекалось соседнее население, возникал как бы «цепной процесс», при котором захватывались местности, где комплексное хозяйство все еще продолжало бытовать. Часть племен, вовлеченных в этот процесс, оставалась кочевниками; часть, переселившись в новые места, возвращалась к своим традиционным занятиям или при благоприятных условиях переходила к плужному земледелию.

В литературе рассматриваемый этап получил название «ранних кочевников». В целом термин удачен, хотя и не раскрывает всего многообразия исторических процессов в комплексном хозяйстве племен «горно-степной бронзы» по мере разложения последнего. Все особенности этого сложного явления сегодня выявить еще нет возможности, но по имеющимся данным «раннее кочевничество» не было единым по типам и формам. Одни народы, подобно многим племенам, входившим в союз хунну, были в полном смысле этого слова кочевниками, и их быт соответствовал условиям их образа жизни. Другие — алтайские и часть европейских скифов, племена ариев, переселявшиеся в Южную Азию (да и не только они), — хотя и вели из-за переселений и условий хозяйствования подвижную жизнь, сохраняли в быту многие черты полуоседлости: керамику собственного производства, громоздкую утварь, металлургическое производство, неуклюжие повозки; имели значительное поголовье крупного рогатого скота и т. п. Не исключена, например, возможность, что подвижность скифов была связана не столько с их хозяйством, сколько с военным бытом. В таком случае отгонным скотоводством могла заниматься молодежь, для которой это занятие было одновременно и военной школой². Большинство таких народов вскоре перешло к оседлости, и, судя по всему, их подвижность была, очевидно, временной. Итак, если не говорить об этапе переходном от эпохи бронзы к «раннекочевому» времени, о котором мы не располагаем ни письменными, ни даже достаточными археологическими данными, то в рамках «раннего кочевничества» предположительно можно наметить по крайней мере два хозяйственных типа — результат двух путей исторического развития в специфических условиях. Первый тип, будучи связан скорее всего с «первичными» центрами возникновения кочевничества и пустынными областями, в начале I тыс. н. э. эволюционировал в развитое кочевничество. Второй — характеризуется

¹ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. ГО СССР. МПЭ, в. I. Л., 1961, стр. 12; Г. Е. Марков. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. СЭ, 1973, № 1.

² Эта мысль в свое время была высказана В. Н. Чернецовым устно.

сильными пережитками полуоседлости и соответствующим комплексом хозяйственных отраслей, возник как следствие социально-экономических и политических причин, а также отмеченного выше «цепного процесса». При этом какая-то часть племен, имевших второй тип хозяйства, могла остаться кочевой, хотя многие из них, кочуя и переселяясь, останавливаясь в местах, благоприятных для традиционного комплексного хозяйства, постепенно оседали, становясь земледельцами. Весьма возможно, что на развитии различных хозяйственных типов сказывались и традиции эпохи бронзы, когда для одних племен были больше, а для других меньше характерны подвижные формы отгонного скотоводства. Так, одни уже «перестроились» для радикальной смены типа хозяйства, другие стремились вынужденную подвижность сменить на традиционные занятия. Наиболее существенные различия между племенами двух типов хозяйства заключались в том, что хозяйство последних включало ряд интенсивных отраслей; быт сохранял многие полуоседлые черты, тогда как собственно «ранние кочевники» добывали средства к существованию главным образом в хозяйстве экстенсивном. Вот почему представляется необходимым и возможным выделение среди «ранних кочевников» собственно кочевников, очень напоминающих позднейших развитых кочевников и «подвижных скотоводов», т. е. «временных» кочевников, сохранявших в быту и культуре традиции полуоседлого и оседлого быта.

С рассматриваемой проблемой тесно связан вопрос о древнейших способах кочевания. Существует предположение о том, что первоначально было распространено так называемое «непрерывное кочевание» в домах на колесах. И, казалось бы, некоторые исторические источники подтверждают эту гипотезу. Например, Зосим сообщает о скифах: римляне, истребив всех мужчин, «устремилась на женщин и детей и взяли 4000 повозок и пленных столько, сколько можно было везти на стольких повозках, исключая следовавших за ними пешком и отдохавших в них попеременно, как это в обычае у варваров»³. Аммиан Марцеллин описывает аланов так: «...придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки», и, «истребив здесь корм для скота, они вновь везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках»⁴. На основании этих примеров М. П. Грязнов полагает, что у скифов существовало непрерывное кочевание. Он пишет: «Если для большинства ранних кочевников, живущих в повозках, нет прямых указаний на наличие у них техники непрерывного кочевания, то нет никаких указаний и на обратное»⁵. Тот же автор считает, что система непрерывного кочевания у скифов была результатом «закономерного процесса развития производства и производственных отношений скотоводчески-земледельческих племен

³ Зосим. Новая история, кн. 4, 25, 3.

⁴ Аммиан Марцеллин. История, кн. XXXI, 2, 18.

⁵ М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, 24, 1955, стр. 21.

степного юга»⁶. Но каковы были эти процессы, как они были связаны с непрерывным кочеванием, М. П. Грязнов достаточно убедительно не поясняет.

Древние источники действительно сообщают, что в определенных условиях скифы непрерывно кочевали. Но условия эти специфичны, ибо передвижения происходили во время войн и подобная форма передвижений еще не доказывает, что древнейшей формой кочевания было непрерывное движение. До эпохи «Великого переселения народов» хунну, как об этом свидетельствуют восточные хроники, не знали «непрерывного кочевания». Как показали археологические наблюдения, отсутствовала такая форма хозяйства и у древних скотоводов Восточного Прикаспия. Нельзя не сослаться здесь и на состояние хозяйства монголов. Как отмечалось, до эпохи Империи они вели регулярное кочевое хозяйство (куренное, айльное) на сравнительно ограниченных пастбищных пространствах. Непрерывное кочевание появилось у них только в ходе завоевательных походов, а вовсе не было исконной чертой их хозяйства. Поэтому, очевидно, непрерывное кочевание было специфическим явлением, связанным с эпохой войн и переселений. Как следует из археологических и письменных данных, уже в глубокой древности существовали различные способы кочевания, соответствовавшие природным условиям окружающей среды, известные и широко распространенные позднее.

Анализ показывает, что виды скота у кочевников и полукочевников Азии довольно одинаковы, хотя их процентное соотношение в стаде и по породам различно. Эти различия зависят как от формы кочевого хозяйства, так и от природно-географической зоны. Как при преимущественно кочевом, так и полукочевом хозяйстве во все эпохи разводили главным образом верблюдов, лошадей, мелкий рогатый скот (овцы и козы). Крупный рогатый скот кочевники не разводили, а появление его у полукочевников означало разложение экстенсивного скотоводства, переход к полуседлости и появление оседлости. Особенно наглядно это явление, свидетельствующее о внутренних процессах, происходящих в скотоводстве, можно наблюдать у казахов в XIX — начале XX в. (см. третью главу).

Различия в видах скота в кочевом и полукочевом хозяйствах определялись тем, что в первом типе хозяйства особенно большое значение имело разведение верблюдов (незаменимого при дальних переходах вьючного животного — «корабля пустыни»). Полукочевники держали обычно еще и ослов. Но верблюдоводство в сочетании с коневодством стало ведущей отраслью хозяйства только в специфических условиях аравийских пустынь, малопригодных для разведения других хозяйственных животных. Полукочевники Аравийского полуострова держали наряду с верблюда-

⁶ М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории... КСИЭ, 24, 1955, стр. 21.

ми большие стада мелкого рогатого скота. В Средней Азии, где преобладало полукочевое скотоводство, разводили верблюдов, мелкий рогатый скот, немного породистых лошадей (в условиях стойлового содержания) и ослов. Судя по отмеченным выше этнографическим данным, характерно, что у туркмен до эпохи их массового переселения в земледельческие оазисы, верблюдоводство имело значительно большее распространение, чем в XIX в. В Казахстане и восточных ареалах распространения кочевничества даже очень подвижные скотоводы сочетали разведение верблюдов с экстенсивным содержанием крупных табунов лошадей и стад мелкого рогатого скота. Это сочетание объяснялось как особенностями растительности на пастбищах, так и необходимостью тебеневки: зимой при значительном снежном покрове или гололеде лошади разгребали снег, разбивали копытами ледяную корку, после чего получали возможность кормиться и прочие животные.

Вопрос о способах и типах кочевого хозяйства довольно широко освещен в литературе. Однако, рассматривая его, исследователи зачастую смешивают способы ведения скотоводческого хозяйства у полукочевого и полуоседлого населения. Последнее, как отмечалось выше, добывало средства к существованию не только скотоводством, а не меньше или даже больше земледелием и иными занятиями. Животноводство для них было лишь носителем важной отрасли хозяйства. Скот пасли пастухи, основная же часть населения занималась другими работами. На какие бы отдаленные пастбища не перегоняли пастухи стада, скотоводство имело отгонную форму. У полукочевников стада могут пастись круглый год на ограниченной площади, но скотоводство для них — главное занятие большей части населения, кочующего с одного сезонного пастбища на другое. Таким образом, сама по себе амплитуда кочевания не является решающим признаком, определяющим кочевничество, и изменяется в широких пределах. Максимально дальние перекочевки совершались при меридиональном (например, многие группы казахов в прошлом) и аравийском пустынном (бедуины-верблюдоводы) кочевании. Перекочевки при этом способе кочевания достигали 1,5—2 тыс. км в год. На меньшие расстояния скот перегоняли при «вертикальном» кочевании (например, киргизы, алтайцы и др.). Самой маленькой была амплитуда перекочевок при так называемом «стационарном» кочевании, распространенном в XIX в. у туркмен Восточного Прикаспия и в некоторых других местностях⁷. По мере разложения кочевничества в XIX и XX вв. дальность перекочевков все чаще свидетельствует о социальной принадлежности скотоводов. Только богатые хозяйства имели возможность совершать дальние перекочевки.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные способы ведения скотоводческого хозяйства могут рассматриваться лишь как самые

⁷ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах... ГО СССР. МПЭ, в. I, 1961, стр. 3, 4.

общие элементы классификации. Существует довольно много вариантов каждого из этих типов, которые в зависимости от различных условий среды и у разных народов имеют свои специфические особенности. Комплексный анализ многообразия способов ведения скотоводческого хозяйства предусматривает дальнейшее накопление фактического материала.

Все, что известно о кочевом хозяйстве, указывает на постоянную и тесную взаимосвязь кочевых народов с обитателями земледельческой полосы: одни группы кочевников были больше связаны с земледельцами, другие — меньше. Случаи изоляции кочевников от оседлых областей хотя и были довольно частыми, но временными. Скотоводы и земледельцы поддерживали различные торговые и культурные связи; этому способствовали завоевания оазисов кочевниками или подчинение кочевых районов владыками оседлых государств и т. п.

Сопоставление данных о кочевом скотоводческом хозяйстве со времени возникновения до разложения приводит к выводу о большой устойчивости данного типа хозяйства. Это подтверждает хронологическое сравнение видового состава стад, особенностей кочевания, приемов и способов ухода за животными, обработки и использования продуктов скотоводства, продуктивности хозяйства и т. д.⁸ Однако устойчивость скотоводческого хозяйства вовсе не означает, что оно вообще не развивалось. Так, становление кочевничества и его развитие были бы процессами замедленными или даже невозможными без ряда важнейших открытий и изобретений человечества, сделанных на первых этапах его истории, без которых подвижное экстенсивное скотоводство трудно представить.

Были одомашнены лошадь и верблюд, появились седло, стремяна, удила, удобное переносное жилище и т. п. Но, сложившись, кочевничество далее характеризуется застойностью, которая в основном порождалась слабым развитием производительных сил и незначительным разделением труда. При максимальной приспособленности кочевых хозяйств к условиям окружающей среды все приемы ведения хозяйствования были так же просты, как и взаимоотношения со скотом. Пастыба скота, годовой скотоводческий цикл требовали большого опыта, навыков и минимума орудий труда. Вплоть до разложения кочевничества «усовершенствования» — самые простые приспособления, в основном самодельные орудия труда, — употреблялись лишь при стрижке животных, обработке продуктов скотоводческого хозяйства. Независимость кочевых скотоводческих хозяйств от уровня развития техники, скромные потребности в предметах быта, возможность купить или отнять их у соседей-земледельцев — все это приводило

⁸ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах..., ГО СССР. МпЭ, в. I, 1961, стр. 5, 6. Это обстоятельство отмечает также С. Е. Толыбеков (см. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971, стр. 5—7, 12 и др.).

к тому, что разделение труда развивалось медленно. К тому же города, ремесленные центры возникали только при прочной оседлости, что противоречит самой сути кочевничества. Да и в городах, которые появлялись время от времени в кочевой степи, жили выходцы из земледельческих оазисов: торговцы, ремесленники; существовали такие города недолго, ибо оставались изолированными и нетипичными. Скотоводческий опыт предусматривал накопление определенных навыков обращения с животными и умения приспосабливаться к окружающей среде; однако в условиях кочевничества возможности для совершенствования весьма ограничены, так как при достижении оптимальных результатов дальнейшее совершенствование прекращалось само собой. В условиях кочевого экстенсивного скотоводства возможностей для вариаций его форм, либо радикального усовершенствования или перестройки самого хозяйства не было. В одинаковых природных условиях одного времени года кочевать можно было только совершенно определенно, что довольно убедительно подтверждается фактически данными. С возникновения и до упадка и разложения кочевничества способы и приемы ведения кочевого хозяйства, его технический уровень если и изменялись, то незначительно, не столь радикально, как, скажем, при переходе от мотыжного к плужному земледелию.

Хозяйственная структура кочевничества, типы, формы, приемы ведения хозяйств и т. п. оказались устойчивыми, застойными и мало изменялись, однако такие особенности не ставят кочевничество вне общеисторических закономерностей. Суть — в особенностях развития, в темпах эволюции. Эпоха присваивающего хозяйства — это сотни тысяч лет. Древневосточное земледельческое хозяйство существовало не одну тысячу лет. Только развитие социально-экономических отношений в оседлых районах, технический переворот, появление и распространение машин привели к быстрым изменениям в сфере скотоводческого хозяйства, невозможным ранее.

Низкий уровень развития производительных сил кочевого скотоводства привел к тому, что последнее оказалось в стороне от технического прогресса, что сказалось и на социальном развитии. Маркс отмечал: «Говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе и о том именно обществе, которое *определяется...* этими средствами производства»⁹.

Экстенсивное пастбищно-кочевое скотоводство существовало как самостоятельный вид хозяйства в окружении обществ с невысоким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, общественного производства и разделения труда. Вовлечение скотоводческих народов в сферу социально-экономических отношений в новое и новейшее время со временем привело к существенным сдвигам в их хозяйстве. При этом скотоводство,

⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI). М., 1932, стр. 262.

как кочевое, так и полукочевое, по своей природе способно развиться только до известных пределов. Хозяйство постепенно начало приобретать черты товарного и включалось в общую систему общественного производства. Но этот процесс неизбежно приводил к разложению экстенсивного кочевого хозяйства, превращавшегося в отрасль сельского хозяйства, ибо кочевое скотоводство несовместимо с интенсивным товарным; по мере этой эволюции исчезала и необходимость в специфической общественной политической организации кочевников. Не отвечавшая требованиям времени, не способная противостоять и помешать новому, хозяйственная основа кочевничества, а затем и кочевничество в целом, вовлекаясь в сферу современного хозяйства, стали разлагаться.

В работах, посвященных дискуссионным проблемам кочевничества, довольно распространено утверждение, противоречащее высказанному выше. Отстаивающие эту точку зрения полагают, что материально-техническая база кочевничества — его хозяйство — неуклонно (и даже сравнительно быстро?) развивалось. Однако никаких аргументов в пользу этого мнения, за исключением ряда фактов периодов возникновения и разложения кочевничества, не приводится. Это подчеркивалось неоднократно. В своем последнем исследовании, посвященном казахам-кочевникам¹⁰, С. Е. Толыбеков подверг обстоятельной критике такие взгляды и высказал ряд интересных соображений, в целом справедливых. Так, он считает, что в кочевом скотоводстве качественное улучшение пород скота наступало через несколько сотен лет: возможностями же для резкого качественного изменения пород кочевничества не располагало вообще¹¹. О накоплении опыта хозяйствования С. Е. Толыбеков пишет так: «Этот народный опыт и вековая производственная практика людей не могли вызвать коренного изменения материальной базы производства и организации труда...»¹². В другом месте, как бы подчеркивая свою мысль, добавляет: «Кочевники были верны своим традициям, вытекавшим из их способа производства», причем «творческое воздействие кочевников на природу не шло дальше разведения архаическим способом домашних животных и кормления их на естественном пастбище»¹³. Застойность и специфические консервативные признаки кочевнического хозяйства он усматривает в невозможности оседлости, отсутствии частной собственности на землю, отсутствии городов, в более продолжительном (по сравнению с существующим в земледелии) периоде производства; в слабом развитии общественного разделения труда и классовой дифференциации; в том, что ремесло не выделилось как самостоятельная отрасль хозяйства, и не произошло разделения умственного и физического труда; в быто-

¹⁰ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество...

¹¹ См. там же, стр. 50—51.

¹² Там же, стр. 316.

¹³ Там же, стр. 168.

вании племенной организации¹⁴. Анализируя фактический материал, С. Е. Толыбеков констатирует, что сопоставление сведений о кочевниках Средней Азии X в. и жителях Сырдарьинской области конца XIX в. показывает, что последние мало чем отличались от первых по образу жизни и по характеру производственной деятельности¹⁵. Не находит автор и существенных различий в образе жизни, общественном производстве и политико-экономическом строе хуннов III—II в. до н. э. и монголов XI—XII вв.¹⁶. Говоря о казахах XV—XVIII вв., он утверждает, что и в их хозяйстве в это время существенных изменений не наблюдалось¹⁷. При этом консервативность кочевничества подчеркивается не только в хозяйственных, но и в социальных отношениях: «Кочевое скотоводческое общество было способно веками сохранять, консервировать и даже в отдельных случаях реставрировать остальные формы общественно-производственных отношений»¹⁸, настолько, что «у кочевых племен пустынь и степей социально-экономические перемены за весьма длительное время бывали настолько незначительными, что их трудно было заметить»¹⁹. Интересен и, нужно полагать, справедлив вывод С. Е. Толыбекова о том, что прогрессивное развитие кочевого скотоводческого общества всегда и везде должно было приводить к оседанию²⁰.

Естественно, что специфика кочевнического хозяйства должна была сказаться на социальной структуре кочевничества: общественных отношениях и общественной организации. Многочисленные дискуссии, которые велись и ведутся по этим проблемам до сих пор, показывают, что многие аспекты еще требуют разрешения и необходимы дальнейшие детальные исследования. Попытки многих авторов и участников дискуссий декларировать, сделать обязательной только определенную точку зрения были несостоятельными, так как эти исследователи не учитывали многих важнейших марксистских положений, вступали в противоречие с фактами. Еще Энгельс отмечал, что в истории тот, «кто ... погонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот немногим поживится, — разве только банальностями и общими местами...»²¹. Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, все дискуссии в советской исторической науке, публикации и полемика в литературе велись с марксистских позиций.

Расхождения в теоретических взглядах вылились в результате дискуссий главным образом в различную интерпретацию факти-

¹⁴ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 317—320.

¹⁵ См. там же, стр. 53.

¹⁶ См. там же, стр. 220.

¹⁷ См. там же, стр. 249.

¹⁸ Там же, стр. 607.

¹⁹ Там же, стр. 170.

²⁰ См. там же, стр. 600.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 90.

ческого материала и трактовку некоторых теоретических положений. Большой вред теоретической разработке проблем эволюции и социальной структуры кочевничества причинили попытки модернизации многих явлений, перенесение черт, характерных для эпохи разложения кочевничества на более ранние периоды, механическое сопоставление явлений, свойственных кочевничеству и развитым земледельческим народам Запада²².

Переходя к анализу конкретных особенностей развития социальной структуры кочевничества²³ и рассмотрению научных дискуссий последних десятилетий по этой проблеме, следует прежде всего обратить особое внимание на указание Маркса о том, что, «приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»²⁴. Кочевничество было обществом, добывавшим средства к существованию на основе застойного, медленно развивавшегося экстенсивного скотоводства и жившим военно-племенным, патриархальным бытом. Эти основные черты и взаимоотношения с развитыми земледельческими народами и определяли социальную структуру рассматриваемого общества.

Проблемы собственности на основные средства производства у кочевых и полукочевых народов, характера их производственных отношений, а следовательно, и оценка уровня социально-экономического развития обществ осложняются существующими в литературе разнообразными взглядами на средства производства у кочевников. Одни исследователи полагают, что основными средствами производства у кочевников являлись пастбища, другие — скот, третьи — и то и другое и т. д. Разногласия эти усугубляются тем, что каждый спорящий стремится построить свою концепцию так, чтобы аргументировать основные положения последней помимо данных источников высказываниями основоположников марксизма, даже если эти высказывания прямо направлены против подобной концепции²⁵.

²² Подобные позиции, нашедшие отражение в работах Б. Я. Владимирцова, Л. П. Потапова, И. Я. Златкина и других исследователей, были подвергнуты серьезной критике С. Е. Толыбековым (см. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 116, 117, 213, 214, 305, 306, 328, 329).

²³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153, *прим.*

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

²⁵ Материалы научной сессии (далее — сокращенно МНС), посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период опубликованы в одноименном сб. (Ташкент, 1955); см. также: С. З. Зиманов. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960; его же. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане. ВАН КазССР, 1932, № 4; его же. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов. ВИ, 1955, № 12; З. А. Еренов. К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане. ВАН КазССР, 1953, № 5; Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у

Обширный фактический материал о кочевничестве и знание проблематики скотоводства не только по литературе, но и по 25-летней полевой экспедиционной работе позволяют утверждать, что сама постановка вопроса в дискуссии надумана и схоластична, причем последнее замечено и другими исследователями.

Сам по себе процесс скотоводческого производства — это одомашненный скот и выпас его на пастбищах, а также последующая обработка получаемых продуктов хозяйства. Однако ни скот, ни пастбища, ни несложные приемы переработки продукции в отдельности не образуют кочевого или полукочевого хозяйства. Только человеческий труд дает возможность этим трем составляющим существовать в качестве формы производства. Отсюда следует, что как скот, так и земля в равной мере являются основными средствами производства. Но, как показывает изучение скотоводческого хозяйства, отношение скотовода к скоту и земле различно. Одомашненный скот — результат трудовой деятельности человека; скот — основной и оборотный капитал скотоводческого хозяйства²⁶; трудовая деятельность в кочевом хозяйстве — пастьба скота, уход за ним, обработка полученных от него продуктов. Продукты труда скотовода: мясо, молоко — все, что дают животные, не являются в представлении кочевников (в отличие от земледельца) «дарами земли». Характер труда, направление производственной деятельности в кочевничестве предусматривают преимущественную заботу о животных и в значительно меньшей степени о колодцах, обрабатываемых клочках земли и пастбищах. К первым — по причине нерегулярности самого труда, ко вторым — в связи с второстепенностью этого вида занятий. Что же касается пастбищ, то Маркс подчеркивает: «Присваивается и производится здесь на самом деле только стадо, а не земля...»²⁷. Так и следует отвечать на переросший в проблему вопрос.

Что касается собственности на скот, то здесь не может быть двух мнений. Все исторические и этнографические данные бесспорно свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был частной семейной собственностью. Например, Ф. Энгельс по этому поводу писал: «И несомненно, ... что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собст-

кочевых народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, 1954, № 6; его же. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. МНС; И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. ВИ, 1955, № 4, С. Е. Толыбеков. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. ВИ, 1955, № 1; его же. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; В. Ф. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. ВАН КазССР, 1951, № 7; его же. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана. МНС.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 181.

²⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

венность глав семей...»²⁸. Вследствие «обособленной собственности» «...скот сделался товаром ... приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени»²⁹. Этот вывод, подтверждаемый имеющимися фактическими данными, показывает, что частная собственность на скот появилась уже в процессе формирования кочевничества и привела ко всем вытекавшим из этого явления социально-экономическим последствиям. Возникновение кочевого скотоводства означало окончательное разложение первобытнообщинных отношений и углубление имущественного и социального неравенства.

Все советские, да и многие зарубежные исследователи³⁰ дают кочевничеству оценку как обществу не первобытному, а имущественно-социально-дифференцированному, однако мнения расходятся при определении сущности этого строя. Важным аспектом этих расхождений стал характер собственности на скот и землю.

Собственность, как известно, порождается определенными общественно-производственными отношениями между людьми, и «*собственность* означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его собственным условиям производства...»³¹.

В нашей литературе широко распространено мнение о феодальном характере социально-экономических отношений у кочевников. Но суть этих отношений определяется различными авторами по-разному: от развитых феодальных до недоразвитых (патриархально-феодальных). При этом некоторые исследователи полагают, что основу этих отношений составляет феодальная собственность на землю³², другие — собственность на скот³³. Впрочем, есть и иные точки зрения³⁴.

Как первая, так и вторая точки зрения подвергались в литературе серьезной и обоснованной критике. Каждая из сторон убедительно критикует основные положения другой, что в конечном счете ставит под сомнение их позитивные выводы.

Резко и обоснованно выступает против предположения С. З. Зиманова, З. А. Еренова, Л. П. Потапова, И. Я. Златкина и других о наличии у кочевников феодальной собственности на землю С. Е. Толыбеков. При этом он обстоятельно показывает, что выво-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 58.

²⁹ Там же, стр. 160.

³⁰ См., например, W. König. Die Achaal-Teke. Berlin, 1962; L. Stein. Die Sammar Gerba.

³¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

³² См. указанные выше работы С. З. Зиманова, З. А. Еренова, Л. П. Потапова и др.

³³ См. указанные работы С. Е. Толыбекова, В. Ф. Шахматова.

³⁴ См. С. И. Руденко. К вопросу о формах... ГО СССР. МПЭ, в. I, 1961; Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. СЭ, 1970, № 6; Е. М. Залкинд. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в. М., 1970.

ды, к которым приходят эти авторы, не подтверждаются фактическими данными, а многие факты толкуются ими неверно. При этом следует отметить, что С. Е. Толыбеков свои рассуждения подтверждает обширными фактическими данными из истории казахского народа, соответствующими рассмотренным выше историческим и этнографическим данным как в отношении казахов, так и других кочевых скотоводов.

С. Е. Толыбеков доказывает несостоятельность доводов З. А. Еренова и некоторых других авторов, пытавшихся на примере Букеевской казахской орды обосновать наличие феодальной земельной собственности в Казахстане³⁵. Он совершенно правильно указывает, что хан этой орды и его потомки «приобрели право владельцев на эту землю на основе русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов»³⁶. Кроме того, он опровергает утверждение З. А. Еренова, согласно которому обычай называть те или иные местности по имени старейшины или предводителя свидетельствует о феодальной собственности на землю. Термин «тоган», который З. А. Еренов истолковывает как «земельный участок» и который в его представлении связан с феодальным владением, на самом деле скорее означает «головной канал» — так назывались вовсе не пастбища, а орошаемые земледельческие участки³⁷. Довольно убедительно критиковал С. Е. Толыбеков и предположение З. А. Еренова и С. З. Зиманова о том, что могильные памятники предводителей связаны с феодальной земельной собственностью³⁸. С. Е. Толыбеков показывает, как некоторые авторы неверно, тенденциозно пытаются интерпретировать факты. Это и попытки Б. Я. Владимирцова, а позднее Л. П. Потапова обнаружить в сообщении Плано Карпини подтверждение наличия у монголов крупного феодального землевладения, хотя этот автор сообщал лишь об организационных мероприятиях, направленных на упорядочение кочевания, необходимых для укрепления военной организации³⁹. Очень примечательно замечание С. Е. Толыбекова о том, как используют С. З. Зиманов и З. А. Еренов данные для обоснования своей концепции. Так, из старорусского оборота речи Н. П. Рычкова о «знатных» (т. е. хороших) землях они ухитрились сделать вывод о наличии феодального землевладения⁴⁰. Убедительными фактами С. Е. Толыбеков опровергает утверждение С. З. Зиманова о том, что казахские ханы Тауке, Аблай, Абулхайр, Нурали, Джангер выдавали «феодалам» ханские ярлыки на право владения пастбищными угодьями. В действительности о по-

³⁵ См. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй..., стр. 205—207; его же. Кочевое общество..., стр. 385.

³⁶ С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 385.

³⁷ См. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй..., стр. 354, 355.

³⁸ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 471.

³⁹ См. там же, стр. 216.

⁴⁰ См. там же, стр. 392, 393.

добных ярлыках ничего не известно⁴¹. Резко критикует С. Е. Толыбеков и необоснованное мнение Л. П. Потапова о том, что уже к первым векам до нашей эры в кочевых областях стала наблюдаться нехватка земель и пастбищ, что вело к монопольному распоряжению предводителями кочевьями, фактически к частной собственности кочевой знати на землю. Такая позиция приводит к признанию извечности частной собственности на землю и феодализма на Востоке⁴². С. Е. Толыбеков верно замечает, что кочевое скотоводство могло существовать только при малой плотности населения, иначе его стада вытаптывали бы пастбища⁴³. Столь же резко С. Е. Толыбеков критикует Л. П. Потапова за то, что, стремясь обосновать концепцию о существовании у кочевников монопольной земельной феодальной собственности, он механически переносит на кочевничество признаки феодально-крепостнические, характерные для земледельческих народов; он критикует Л. П. Потапова также за то, что феодализм «вращает» в первобытное общество без революционной ломки⁴⁴. Весьма убедительно критикует С. Е. Толыбеков и прочие доводы сторонников концепции о наличии у кочевников монопольной феодальной собственности на землю.

Вместе с тем, разделяя взгляды С. Е. Толыбекова по этому вопросу, нельзя не согласиться с исследователями, обоснованно отмечавшими несостоятельность его взглядов по поводу бытования у кочевых скотоводов патриархально-феодальной собственности на скот. Многие авторы справедливо указывали С. Е. Толыбекову, что скот не являлся монопольной собственностью какой-либо прослойки или класса. Так, С. З. Зиманов отмечает: «Отношения, складывавшиеся в обществе в связи с владением и распоряжением скотом, не могли быть ведущими в отношениях между двумя основными классами потому, что им владели на правах частной собственности обе стороны»⁴⁵. Столь же убедительна аргументация И. Я. Златкина, доказывавшего, что скот не был монопольной собственностью феодалов⁴⁶. То же высказывал и Л. П. Потапов⁴⁷.

По мнению С. Е. Толыбекова, любой скотовод, ставший баем, был и феодалом, так как мог эксплуатировать своих соплеменников. Но критикующие концепцию С. Е. Толыбекова показывают, что ни бай, ни предводители не были монопольными собственниками скота, и до эпохи разложения кочевничества основная часть общества состояла из средних по зажиточности скотоводов, кото-

⁴¹ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 469.

⁴² См. там же, стр. 96.

⁴³ См. там же, стр. 92.

⁴⁴ См. там же, стр. 326, 328, 329.

⁴⁵ С. З. Зиманов. Политический строй..., стр. 44.

⁴⁶ См. И. Я. Златкин. К вопросу... ВИ, 1955, № 4, стр. 73.

⁴⁷ См. Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений... ВИ, 1954, № 6, стр. 85.

рые вели самостоятельное хозяйство. Между тем, анализируя рассматриваемые явления, С. Е. Толыбеков не уделяет должного внимания этой средней по зажиточности прослойке, составлявшей в пору развитого кочевничества его основное ядро, и говорит главным образом об отношениях между богачами и бедняками⁴⁸. Но в своей последней работе этот автор уже отмечает, что богатый скотовладелец не был феодалом в полном понимании этого термина, а находился только в переходном к феодализму состоянии⁴⁹. Он же сам и показывает, что эксплуатация бедняков-казахов в связи с накоплением скота у отдельных лиц особенно возросла по мере вовлечения хозяйств в товарно-денежные отношения с русским рынком. Однако влияние русского капитализма едва ли стимулировало развитие феодальных отношений. Это влияние скорее приводило казахское общество к своеобразному «прусскому» пути развития капитализма, означавшему медленное, мучительное расслоение общества. Если следовать рассуждениям С. Е. Толыбекова, то и русский кулак был феодалом. В этой связи верно замечание Л. П. Потапова о том, что «разбогатевший рядовой скотовод вовсе не делался феодалом оттого, что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи скота на кабальных условиях»⁵⁰. Такой же критике подвергались и взгляды В. Ф. Шахматова, очень близкие к точке зрения С. Е. Толыбекова. Аналогичные споры велись не только в отношении казахов, но и других скотоводческих народов: монголов, арабов и т. д. При этом защитники тех или иных концепций, например о земле или скоте как основе феодальной собственности, для подтверждения своих доводов использовали те же аргументы, что и при дискуссии о казахах, хотя эти аргументы одинаково несостоятельны в свете последних данных истории и этнографии.

Таким образом, рассмотрение только одной дискуссии подтверждает мнение о том, что у кочевых скотоводов отсутствовала монополярная феодальная собственность на пастбища и скот. Выше было показано, что монополярная феодальная собственность отсутствовала у монголов, казахов, туркмен, арабов. Это положение также подтверждается данными и о других скотоводческих народах.

К середине XIX в. значительная часть населения Южного Алтая — алтайцы и казахи — занималась полукочевым и кочевым скотоводством. Но и в их хозяйстве под влиянием различных социально-экономических причин постепенно стало намечаться сокращение и видоизменение экстенсивного скотоводства — симптомы разложения кочевничества. С 60-х годов XIX в. вследствие имущественного расслоения началось огораживание некоторых

⁴⁸ См., например, С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 19, 42, 48 и др.

⁴⁹ См. там же, стр. 19.

⁵⁰ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений... МНС, 1955, стр. 36.

видов угодий и покосов. Большая часть населения стала кочевать уже на более короткие расстояния⁵¹. Уже в начале XIX в. в разных местностях Алтая появились различия в условиях землепользования. Жителям левобережья Катуня были указаны границы кочевий, хотя на правобережье такого ограничения не проводилось. Четких границ пастбищ между кочевыми группами не было⁵². В одном из источников об алтайцах говорится так: «Считая себя «одним народом», калмыки (алтайцы. — Г. М.) признают... что вся та территория, в пределах которой они живут... принадлежит всем им сообща, как одному целому»⁵³. Еще в середине XIX в. это высказывание соответствовало реально господствовавшим поземельным отношениям; на Алтае зачастую не было земельных разграничений даже между отдельными волостями⁵⁴. К началу XX в., когда до 1/5 части алтайцев уже осела и получило распространение товарное хозяйство, стали разграничивать и пастбищные угодья. Но это изменение коснулось не всех категорий земель. В общинном пользовании оставались все дальние отгонные пастбища⁵⁵. Не ограничивалась свобода переселений на свободные места, где можно было поселиться и хозяйствовать. Источник отмечает случаи поселения на местах, фактически уже обжитых. Местные жители теснились, давая место переселенцам⁵⁶. Пользование летними пастбищами определялось правом первозахвата. Но это право действовало только один сезон, и на следующий год этим пастбищем мог пользоваться уже другой скотовод. Точно так же выглядят поземельные отношения прошлого у алтайцев по полевым этнографическим данным. Старики подтверждали, что пустующие земли имелись в избытке и ими могли пользоваться все скотоводы⁵⁷. Многие высказывались примерно так: «Всю землю не измеришь, здесь меры не существовало, куда хочешь, туда и гонишь скот — вся тайга твоя»⁵⁸. В данном случае речь шла главным образом о летних пастбищах. Зимники были в подворном пользовании, но мест для поселений было сколько угодно. «Ни одна скотоводческая группа не имела определенной земли для выпаса», «где хочешь, там и селись. Земли было много, хватало всем и пашни»⁵⁹. Рассказывавшие приводили примеры захвата богачами многих лучших пашен и пастбищ в личное пользование, куда неохотно пускали посторонних. Но при обширности земель и немногочисленности населения

⁵¹ «Горный Алтай и его население», т. 1. «Кочевники Бийского уезда», Барнаул, 1900; вывод подтверждается и материалами Алтайской экспедиции кафедры этнографии МГУ, 1961 г. «Архив кафедры этнографии МГУ». [Рукопись].

⁵² «Горный Алтай...», т. 1. «Кочевники Бийского уезда», стр. 129.

⁵³ Там же, стр. 135.

⁵⁴ Там же, стр. 137.

⁵⁵ Там же, стр. 138.

⁵⁶ Там же, стр. 141.

⁵⁷ Об этом свидетельствуют и материалы Алтайской экспедиции..., стр. 19, 38.

⁵⁸ Там же, стр. 22.

⁵⁹ Там же, стр. 23.

такие захваты мало затрагивали интересы общества. Тем более, что иногда этими «личными» пастбищами все же пользовались и другие скотоводы⁶⁰.

В литературе высказывались предположения, что у алтайцев еще в эпоху господства джунгарских ханов земля представляла собой феодальную собственность⁶¹. Л. П. Потапов, высказывавший эту точку зрения, пытался сослаться на статьи ойратского законодательства, в которых, однако, ничего не говорится о правах собственности на пастбища, а в лучшем случае упоминается о распределении земель под кочевья, причем с подобным распределением не связываются никакие юридические нормы⁶². В эпоху подчинения Алтая России землевладение приняло там, по мнению Л. П. Потапова, «монопольный характер зайсанского землевладения и распоряжения зайсанами формально общинной земли...»⁶³. Он же приводит примеры захвата отдельных участков пастбищ, участков обрабатываемой земли в личное пользование зайсанов и баев⁶⁴. Такие явления действительно, как отмечалось выше, получили особенно широкое распространение на рубеже XIX и XX вв. в связи с развитием товарного хозяйства, земледелия, зарождением капиталистических отношений. Однако они отнюдь не свидетельствуют о захвате зайсанами и баями земли в монопольную феодальную собственность.

По «Положению об инородцах» от 22 июля 1822 г., «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» и «подробное разделение сих земель зависит от самих кочующих по жребью или другим их обыкновением». В положении говорилось далее, что «утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые, с тем, чтобы окружность каждого племени владеемая была, по распоряжению местного начальства, подробно определена»⁶⁵. Л. П. Потапов считает, что установление государственной собственности на землю было лишь формальным актом. Однако источники XIX в., как и полевые этнографические данные, собранные более чем полвека спустя, отвергают это необоснованное утверждение.

Все сказанное выше позволяет считать, что у алтайцев в условиях кочевого скотоводства господствовало общинное пользование землей, причем между отдельными общинами земля строго не разделялась. При избытке земель, пригодных для скотоводства и земледелия, нет основания полагать, что все земли находились в распоряжении баев и зайсанов. У баев и зайсанов не было не-

⁶⁰ Об этом свидетельствуют и материалы Алтайской экспедиции..., стр. 26.

⁶¹ См. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

⁶² См. Ф. И. Леонтович. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взыскания (уааджин-Бичик). Одесса, 1879; «Монголо-ойратские законы 1640 г.». Текст, пер., прим. К. Ф. Голстунского. СПб., 1880.

⁶³ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 267.

⁶⁴ См. там же, стр. 267—269.

⁶⁵ «Горный Алтай...», т. I. «Кочевники Бийского уезда», стр. 128, 129.

обходимости, да и практической возможности захватывать всю землю, помимо нужной им для ведения собственного хозяйства. Население уплачивало только налоги государству, никакой ренты и т. п. за землю зайсаны не взымали.

Относительно пастбищ у тибетцев китайский автор Фан Синьмань писал, что скотоводы-кочевники Тибета пасли свой скот на пастбищах феодалов и уплачивали им ренту. Однако, в какой форме существовала эта феодальная собственность конкретно, как шел процесс ее становления в географически изолированных горных областях, не указывается⁶⁶.

Исследователь Тибета М. Германнс, долго живший в различных областях этой страны и основательно изучивший здешние социально-экономические отношения, придерживается мнения иного. Приводя множество примеров, он утверждает, что пастбища принадлежали племенам, между которыми они были поделены; так как при экстенсивном скотоводстве кочевники нуждались в больших просторах — между племенами шла борьба за лучшие пастбища, в результате которой размеры землепользования отдельных племен постоянно колебались⁶⁷. Однако в условиях феодальной земельной собственности такая борьба едва ли возможна.

Наблюдавшие и описывавшие киргизов в XIX в. уделяли мало внимания формам землевладения, распространенным у них. В известной мере этот пробел восполняется письменными источниками. Так, С. И. Ильясов считал, что, «по всей вероятности кочевники-киргизы пользовались амлячной землей сообща, о чем свидетельствует тот факт, что вплоть до XX в. сохранилась общинная форма землепользования»⁶⁸. Опираясь на архивные данные, этот же автор приходит к выводу, что пастбища у киргизов были общинными и использовались сообща, без деления между кочевыми группами⁶⁹. Таким образом, нет оснований говорить о частной собственности на пастбища среди киргизов-скотоводов⁷⁰. По мнению К. Усенбаева, верховную собственность кокандских ханов на землю в Киргизии можно было наблюдать практически только в земледельческой полосе, где сложилась частная собственность на землю. На кочевые земли эта верховная собственность не распространялась⁷¹. По поводу собственности на пастбища К. Усенбаев пишет: «...пастбища, составлявшие абсолютно большую часть земельных угодий у кочевников и игравшие жизненно важную

⁶⁶ См. Ю. И. Журавлев. Вопросы этнографии в современной китайской литературе о тибетцах. СЭ, 1958, № 2, стр. 197.

⁶⁷ М. Негманнс. Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949, S. 200.

⁶⁸ С. И. Ильясов. К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии. ИАН Кир.ССР, в. 1, 1955, стр. 147.

⁶⁹ См. С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1963, стр. 158.

⁷⁰ См. С. И. Ильясов. К вопросу о вакуфах... ИАН КирССР, в. 1, 1955; стр. 148.

⁷¹ См. К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 89.

роль в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, находились в общинном пользовании»⁷². О том же свидетельствуют и официальные документы второй половины XIX в. Так, в «Положении об управлении Туркестанского края» (1886 г.) прямо говорится о том, что правила землепользования устанавливаются соответственно народным обычаям, т. е. сохраняется общинное землепользование, исстари бытовавшие у киргизов. В ст. 270 Положения говорится: «Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников на основании обычаев и правил сего Положения». Ст. 272 гласит: «Зимовые стойбища предоставляются в бессрочное общественное пользование каждой волости отдельно, по действительному пользованию и согласно обычаям, а в случае споров — по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства». Правила пользования летниками формулировались в ст. 276: «Летние кочевки предоставляются в общественное пользование волостей целого уезда и самое пользование ими определяется народными обычаями»⁷³.

Итак, данные показывают, что «народные обычаи» предусматривали общинное пользование пастбищами, и для сохранения этих обычаев не было необходимости устранять или вводить феодальное землевладение. При этом следует подчеркнуть, что кодификация правил землепользования явилась результатом большой подготовительной работы по изучению поземельных отношений в кочевых областях, причем сведения о нормах обычного права собирались главным образом среди наиболее зажиточных, «уважаемых» слоев населения. Если бы представители привилегированной прослойки были заинтересованы в сохранении каких-то феодальных институтов в области землевладения, они сообщали бы сведения, соответствующие их интересам. Однако даже следов подобных сообщений нет ни в материалах исследователей того времени, ни в законодательных актах.

Источники свидетельствуют об общинном пользовании пастбищами у единственно настоящих кочевников Кавказа — караногайцев — и об отсутствии у них феодальной монопольной земельной собственности на землю. Общинное землепользование, будучи в рамках государственной земельной собственности, регулировалось «Уставом об инородцах». Документ основывался на давних традициях, согласно которым «любое незанятое пастбище — мое» и «кто первый займет пастбище — тот и пасет». Без серьезных оснований аулы не меняли мест и маршрутов кочевий, но население каждого аула могло переместить свой аул⁷⁴.

⁷² К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кохандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 89.

⁷³ «Положение об управлении Туркестанского края». Ташкент, 1903.

⁷⁴ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. 5. Тифлис, 1873; Л. Кужелева. Ногайцы. УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964, стр. 218 и сл.; об этом же: Н. П. Карнаух. Хозяйство и общественная организация караногайцев в конце XIX—начале XX в. (дипломная работа). «Архив кафедры этнографии МГУ» [Рукопись].

Рассмотренное выше показывает, что существование кочевничества как самостоятельной формы хозяйства зависело от наличия частной семейной собственности на скот и возможности свободно использовать пастбища. Кочевникам часто приходилось под влиянием различных социально-экономических и политических причин кочевать, меняя место жительства и районы выпаса скота; они довольно легко приспосабливались к изменяющимся условиям, что возможно только при общинно-племенном владении и пользовании пастбищами. Окончательное закрепление определенных пастбищ за скотоводами — признак начала разложения кочевничества, перехода к полуоседлому (отгонному) или интенсивному оседлому хозяйству.

Среди многообразия фактов о кочевом скотоводстве указания на наличие частной собственности на пастбища до разложения кочевничества отсутствуют. Таких свидетельств нет ни в описаниях путешественников (в том числе достаточно хорошо знакомых с системой феодального землевладения у других народов), ни в архивных материалах, ни в памятниках обычного права. В основе всех попыток обнаружить у кочевников монопольное феодальное землевладение — более чем шаткие рассуждения о том, что представители привилегированных слоев якобы «маскировали» истинные феодальные порядки. Широко распространено в литературе предположение, что деятельность предводителей по распределению пастбищ «порождала» феодальную монопольную земельную собственность. Но ученые, изучающие кочевников, указывали, что эта «организаторская» деятельность не приводила к монополии определенного слоя общества на землю. Обычное право, в том числе и зафиксированное в XIX в. со слов представителей привилегированных слоев скотоводов, тщательно рассматривает и подтверждает частную собственность на скот, домашнее имущество. Однако в этом праве нигде не упоминается о частной собственности, о монополии какого-либо сословия на землю. Отсутствие представлений о частной монопольной собственности на землю особенно четко прослеживается, когда обычное право оговаривает порядок очередности пользования пастбищами. Бедный уступал дорогу богатому или знатному, а богатый или знатный — старшему по возрасту. Но в целом господствовало право первозахвата сезонных пастбищ. Известно множество примеров, когда в различных группах скотоводов-соседей, уровень развития хозяйства которых ничем не различался, у одних старшины играли существенную роль при распределении пастбищ, у других — в лучшем случае давали советы. Действовали старшины, используя поддержку общественного мнения и ничего не могли противопоставить вооруженному народу. Это препятствовало установлению внеэкономической эксплуатации. В военное время, при переселениях в случае нехватки пастбищ организаторская роль старшин и предводителей возрастала. В годы мирные, при достаточности пастбищ влияние предводителей ослабевало.

Вплоть до эпохи разложения кочевничества отсутствие частной собственности на пастбища определялось экстенсивным характером производства и спецификой производственных отношений. Кочевничество могло существовать лишь до тех пор, пока большая часть народа имела возможность беспрепятственно вести экстенсивное хозяйство, свободно кочевать.

Предводители кочевников и богачи не были заинтересованы в лишении непосредственных производителей средств производства и в установлении сословной монопольной собственности на пастбища и скот. В условиях кочевого экстенсивного скотоводства это привело бы к разрушению экономической базы кочевничества, его общественной организации и лишило бы привилегированный слой общества социальной опоры. Свободные общинники, владевшие скотом и пользовавшиеся племенными пастбищами, составляли войско кочевников и резерв рабочей силы. Если непосредственные производители лишались средств производства, они, за исключением небольшого числа пастухов, работавших по найму у богачей, были вынуждены искать себе средства к существованию вне кочевого хозяйства, что означало ликвидацию самого кочевничества. Этот процесс становился отчетливее по мере вовлечения кочевников в сферу капиталистических отношений.

Предполагать у кочевников монопольную феодальную собственность на пастбища на основе отдельных данных о захватах в личное пользование участков пастбищ нельзя. Предводители и богачи захватывали только отдельные участки пастбищ, те, где пасся их собственный скот. Таким образом, никакой монополии на землю не возникало. Не имели эти захваты и сословного характера, так как сделать подобное мог любой разбогатевший. Предводитель или бывший богатый, лишившись скота (что не было редким явлением), терял и всякое право на захваченный участок пастбищ. На захваченных местах велось только личное хозяйство, в котором использовался наемный труд. Производственные отношения имели облик экономического соглашения, а не феодальной внеэкономической зависимости. Захваты пастбищ были временным явлением и не рассматривались обычным правом как норма⁷⁵.

Скот — богатство кочевого хозяйства: увеличивалось его поголовье — возрастала потребность в пастбищах; если сокращалось поголовье — необходимые прежде пастбища больше не были нужны. Процесс был постоянным, а поэтому структура системы при частной собственности на скот и общинном пользовании пастбищами, не ограниченном сословными нормами земельной собственности, подвижна и динамична. Экстенсивность кочевого скотоводства не что иное, как экстенсивное использование пастбищ при незначительном разделении труда (простейшие формы).

⁷⁵ Рассматривая это явление, нельзя не заметить некоторого сходства с процессом «огораживания» в Англии. Как известно, последний был связан с разложением феодальных отношений и первоначальным накоплением.

Данные о собственности на колодцы показывают, что часть колодцев была очень старой; одними пользовались сообща, другие сооружались кочевыми группами. На последних этапах истории кочевничества, при его разложении, появились частные колодцы. Но по старым традициям собственность на эти колодцы во многих случаях была частичной и давала только преимущества в пользовании водой и окрестными пастбищами и не означала собственности на землю, даже когда колодцами пользовались только их владельцы. Право сооружения колодцев не было чьей-либо сословной привилегией — строили по своему усмотрению кочевые группы, отдельные лица, а поэтому и отдельные случаи привилегий при пользовании пастбищами, окружавшими колодцы, не были сословно-монопольными по характеру.

Частная собственность на землю в скотоводческих областях стала возникать только по мере постепенного оседания кочевников, заводивших на зимниках усадьбы и обрабатывавших там поля. Этот вывод подтверждается как фактами, так и высказываниями Ф. Энгельса по поводу земельной собственности: «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом. Неприкосновенность жилища — эта основа всякой личной свободы — была перенесена с кибитки кочевника на бревенчатый дом оседлого крестьянина и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу»⁷⁶.

Пастбищами владели определенные племена. Кочевые общины или отдельные хозяйства использовали эти земли в пределах племенных границ, хотя иногда и нарушали их. В эпохи относительно мирного существования, в общинно-кочевых условиях, высшее право пользования племенными пастбищами осуществлялось и защищалось племенем в целом. В эпохи войн и переселений, в условиях военно-кочевых, возрастала организаторская роль вождей. Так, например, Чингиз-хан ограничил произвольные кочевания населения, но не с целью закрепления земли в собственность, а для укрепления структуры военной организации, так как при беспорядочных перекочевках могли возникнуть междоусобицы, нарушиться десятично-племенная структура войск. И, как свидетельствуют факты, эти ограничения выполнялись недолго.

В тех случаях, когда кочевники оказывались под властью оседлых государств, к последним переходило и право верховного суверенитета на пастбища. Но на порядках землепользования в степи это сказывалось незначительно и только в эпоху разложения кочевничества, по мере проникновения и развития капиталистических отношений, стала возникать частная собственность на землю, причем в основном обрабатываемую. Однако рассмотрение этого явления уже выходит за рамки задач данного исследования.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 332.

Характер владения пастбищами у кочевников принципиально отличался от характера феодального землевладения. О последнем указывалось: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными»⁷⁷. Это именно то, о чем Ф. Энгельс писал: «Первая форма собственности, это — племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием»⁷⁸.

Частная собственность на скот и развитие товарно-денежных отношений по мере выделения кочевого скотоводства в самостоятельную отрасль занятий создали условия для имущественного неравенства. Но кочевое скотоводческое хозяйство было порой не единственным и даже не главным источником возникновения резкой имущественной дифференциации. Обмен, торговля с земледельческими областями, войны и набеги на оазисы и соседние племена как одна из форм регулярных связей с соседями, один из видов занятий⁷⁹ порождали значительные различия в имущественном положении. В относительно мирное время добыча при набегах была небольшой и потому распределялась в первую очередь среди молодых воинов-участников. Военные предводители имели некоторое преимущество при дележе, однако преимущество не было особенно существенным при малых набегах. В годы войн, возникновения империй грабежом занимались все кочевники, и лишь в этом случае доля предводителя бывала значительно больше доли рядового. Предводители военных отрядов могли лучше хранить добычу, даже увеличить поголовье своего стада им было легче, чем простому кочевнику. Но превратности судьбы кочевников-воинов редко позволяли вождям и их наследникам долго пользоваться добычей, и вчерашний вождь и богач мог стать гонимым бедняком. Поэтому имущественная дифференциация в военное время резко усугублялась, но, становясь довольно значительной, была не менее неустойчивой. В общинно-кочевое время имущественные различия могли быть менее резкими, но зато более постоянными. Значительная имущественная дифференциация характерна для времени разложения кочевничества.

Одним из важных, а во многие эпохи и главным источником имущественной дифференциации кочевников была эксплуатация соплеменников. В литературе этот вопрос исследован уже довольно всесторонне. Много по поводу этого явления уже говорилось. Итак, известны два наиболее распространенных вида эксплуатации: найм пастухов и рабочих и отдача скота на выпас. И первый и второй виды имели многие разновидности. Например, иногда пастухов и рабочих просто нанимали, расплачиваясь с ними нату-

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 23.

⁷⁸ Там же, стр. 20.

⁷⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

рой или деньгами. Но порой пастухами и рабочими были бедные родственники зажиточного скотовладельца, кочевавшие с ним постоянно или временно. В таком случае взаимоотношения были, как правило, завуалированы родственными связями. При отдаче скота на выпас вариантов форм могло быть очень много: от действительной взаимопомощи и взаимовыгодного соглашения и до самой жесткой эксплуатации получающего скот. Отношения, основанные на эксплуатации, были во всяком случае во второй половине XIX в. уже господствующими, но существовала практика отдачи на выпас для более рациональной организации труда⁸⁰. Разнообразные формы производственных отношений и эксплуатации и по социальному содержанию были различными: зависимость кабальная и имсущая черты барщинной эксплуатации; наконец, формы, различающиеся в зависимости от развитости капиталистических отношений. Но следует подчеркнуть, что формы эти как проявление отношений эксплуатации стали широко распространяться и господствовать среди большей части скотоводов только в эпоху разложения кочевничества. До этого времени основная часть кочевников-скотоводов представляла собой средние по зажиточности хозяйства, мало вовлеченные в эти процессы.

Помимо имущественной кочевничество характеризовала и значительная социальная дифференциация. Верхушку общества составляли различные предводители и члены их семей, богатейшие скотоводы; в случае подчинения кочевников земледельческим государствам в нее входили чины местной администрации, духовенство. Средняя прослойка, наиболее многочисленная в пору развитого кочевничества,—это семьи, ведущие самостоятельное хозяйство. Эта прослойка, составлявшая в основном войско, была неоднородной и постоянно расслаивалась, пополняя либо слой привилегированных, либо слой бедняков. Дело в том, что только очень большие стада скота могли гарантировать относительно постоянное состояние хозяйства при превратностях судьбы. Небольшое стадо скорее и больше страдало при неблагоприятных условиях, грабежах и т. п. Однако никто не был гарантирован от несчастий, и известно много случаев разорения богатых. Но общество кочевых скотоводов было относительно стабильным лишь до тех пор, пока большинство его составляли средние по зажиточности, хозяйственно самостоятельные семьи. Они, как указывалось, были основой силы племени, отстаивали его свободу и независимость.

По мере разложения кочевничества становилось все больше бедняцких семей, не имевших возможности самостоятельно вести хозяйство и зависимых от богачей. Однако специфика кочевого хозяйства в том, что оно способно использовать только ограниченное число рабочих рук: «...в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала

⁸⁰ См., например, С. И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дисс. М., 1960, стр. 35.

по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота...»⁸¹. Как только имущественное и социальное расслоение среди кочевников начинало превышать возможности использования рабочей силы, начинался отток незанятых. Одни скотоводы оседали на землю, другие — искали иных занятий. А следствие этого процесса — разложение кочевничества. Факты свидетельствуют, что процесс этот был постоянным, возрастающим по мере вовлечения кочевничества в сферу капиталистических отношений.

Кочевничество не знало крепостного права. При экстенсивном скотоводстве у кочевников крепостной труд нецелесообразен, установление крепостнических отношений при условии поголовного вооружения народа и отсутствия отделенной от него армии невозможно. Поэтому и кабальные отношения не приводили к появлению сословия закрепощенных. Любой полузависимый бедняк-скотовод мог, разбогатев, стать баем, а в соответствующих условиях — и предводителем. В главе о монголах отмечалось, что в эпоху господства маньчжуров предводители имели известное число крепостных. Но крепостное состояние последних было законодательно установлено китайцами, а не было порождением кочевых порядков. Этих крепостных было ничтожно мало. В зависимость от кочевников попадало завоеванное ими земледельческое население. Однако и здесь отношения не были простыми: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»⁸². Все же искать феодальные крепостнические отношения у кочевников как внутри племен, так и в случае подчинения одних племен другими не следует — такой вывод дает изучение различных материалов. Наиболее показательны (наряду с другими) данные о монголах до эпохи сложения империи.

Рабство никогда не имело среди кочевников большого распространения. Оно было главным образом домашним, патриархальным, так как использовать рабов при скотоводческих работах, требовавших определенной квалификации и добросовестности, было невыгодно, ибо охранять рабов сложнее, чем пасти скот и ухаживать за ним. Рабов использовали в небольшом количестве как домашних слуг, рабынь — наложницами. Рабов захватывали главным образом для продажи.

Для лучшего понимания социальной структуры кочевничества следует подробнее рассмотреть положение и функции вождей и старейшин у кочевников. Вожди как военные предводители приобретали значительную власть над соплеменниками и в кочевых империях, и вообще в военно-кочевых условиях. Эти отношения

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 327.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 112.

основывались на военной субординации⁸³, племенных традициях и обычном праве. Сила вождей заключалась в ополчении поголовно вооруженного народа, который признавал их до тех пор, пока их действия соответствовали нормам обычного права и интересам кочевников. Даже могущественный Чингиз-хан считался с этими обычаями, и его «гвардия» была скорее ударным или охраняющим отрядом, чем силой для удержания в повиновении всего народа. Для этого силы этих отрядов были недостаточными. Вожди у кочевников не составляли замкнутого сословия, и ими могли стать, а зачастую и становились, рядовые начальники. Лишившиеся достоинства предводителя не сохраняли сословных привилегий (за отдельными исключениями). Некоторыми привилегиями пользовались, например, родственники Чингиз-хана, а также тарханы. Как сословие может рассматриваться «белая кость» у казахов. Однако ханы, выходцы из этого сословия, даже в XVIII в. не имели большой власти в народе и, по свидетельствам того времени, их нередко называли «мнимыми начальниками». «Белая кость» у казахов — проявление традиций империи Чингиз-хана, для которой вообще была характерна исключительно сильная для кочевничества социальная дифференциация.

Большую власть над соплеменниками имели предводители и тогда, когда кочевники попадали под власть земледельческих государств. Предводители выступали в таких случаях как представители народа, своего рода местная администрация, опирались на помощь и авторитет со стороны и, как правило, злоупотребляли своим положением. В целом же в эпохи относительно мирного существования власть кочевых предводителей, вождей, была слабой⁸⁴. Эти лица опирались в значительной мере на богатых скотоводов, чьи интересы они представляли, порой уступали по влиянию племенным старейшинам, хранителям традиций обычного права.

Факты показывают, что предводители кочевников не получали ренты за землю: собирали дань, устаивались подношений, но порой они ничего не получали от своих соплеменников вообще⁸⁵. Для поддержания своего авторитета и влияния предводителям приходилось оказывать широкое гостеприимство, нередко весьма обременительное для их хозяйства.

Анализ социальной структуры кочевничества показывает, что при сильной имущественной и социальной дифференцированности процесс классовобразования не был завершен.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их

⁸³ Ср. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 24.

⁸⁴ См. также: С. Е. Толыбеков. *Кочевое общество...*, стр. 40.

⁸⁵ Там же, стр. 49, 50 и др.

роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁸⁶. Явлений, аналогичных тем, что подчеркивает В. И. Ленин, у кочевников в сложившемся виде не обнаруживается. Не наблюдалось у них и другого, отмеченного В. И. Лениным: «...в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостнического) общества были также и особыми сословиями»⁸⁷. Классовая структура выступала у кочевников в недоразвитом виде⁸⁸. Весьма характерно, что у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы. История не знает случаев восстаний кочевых скотоводческих племен, подобных крестьянским. При этом следует помнить, что недоразвитость какого-либо явления предусматривает потенциальную возможность «превращения» этого явления в развитое. Однако у кочевников этого «превращения» не наблюдалось. Средства производства не стали монополией класса или сословия, производственные отношения сочетали многообразие черт и форм, начиная от племенной взаимопомощи вплоть до характерных для кабальных и раннекапиталистических отношений. Как только в обществе кочевников начиналось интенсивное классовое образование, выражавшееся в лишении непосредственных производителей средств производства,— кочевничество как самостоятельный вид хозяйства начинало разлагаться. Таким образом, при экстенсивном кочевом скотоводстве, как и в присваивающих видах хозяйства, шел процесс классового образования, который наряду с другими социально-экономическими явлениями приводил к переходу к более прогрессивному, интенсивному, но уже не кочевническому виду хозяйства. Общество было дифференцировано на социальные слои, которые в условиях кочевых империй в некоторых случаях приобретали характер сословий, а при разложении кочевничества становились классами.

Весьма сложен и еще далек от окончательного разрешения вопрос о характере общественных отношений у кочевников. В литературе широко распространено предствление о том, что у кочевников господствовали либо недоразвитые патриархально-феодальные отношения, либо развитые феодальные.

Рассматривая эту проблему, необходимо подчеркнуть, что совокупность фактов, накопленных наукой о кочевничестве, полностью подтверждает выводы классиков марксизма о характере

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, прим.

⁸⁸ Эту особенность С. Е. Толыбеков подчеркивает у казахов (см. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 42).

собственности на основные средства производства у скотоводов-кочевников и не дает никаких оснований подвергать эти выводы пересмотру. Последнее подчеркивается еще и тем, что, неоднократно останавливаясь на проблемах кочевничества, классики марксизма ни разу не назвали господствующие у кочевников социальные отношения феодальными. Наиболее наглядно с этой точки зрения высказывание Маркса по поводу института тарханов у монголов: «...этот вид *феодальных прав* возникает у всех полувиллизованных народов в результате воинственного образа жизни»⁸⁹. Таким образом, даже у монголов эпохи Чингиз-хана К. Маркс находит лишь отдельные элементы феодальных отношений, происхождение которых он связывает не с производственными отношениями, а с условиями военной жизни.

Анализ фактического материала показывает, что у кочевников отсутствовала феодальная собственность на средства производства и по большей части отсутствовали феодальные производственные отношения.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что общественные отношения у кочевников на разных этапах истории отличались значительной сложностью, многоукладностью, что было, в частности, и следствием тесных и разносторонних связей с оседлыми народами. Эти связи в определенных условиях способствовали значительному развитию феодального уклада в среде кочевничества. Особенно заметно этот процесс проявлялся, когда кочевников подчиняли земледельческие государства или скотоводы покоряли оседло-земледельческие области. Однако преувеличивать степень феодализации не следует, ибо некоторые сходные внешние признаки, свойственные, к стати, не только обществам феодальным, но и всем народам, у которых имущественная и социальная дифференциация развивалась в рамках военной организации и в условиях относительно постоянной войны.

Вот почему самого серьезного внимания заслуживает критика взглядов о наличии феодальных отношений у народов Центральной и Южной Америки: «*Испанцы* (писатели),— указывал К. Маркс,— оставили нам по вопросу о землевладении у южных племен невероятную путаницу. В неотчуждаемой общей земле, принадлежавшей общине, они видели феодальное владение, в вожде — *феодального сеньора*, в людях — *его вассалов...*»⁹⁰.

С этой точки зрения чрезвычайно важна характеристика общественных отношений у кочевых или бывших кочевых народов Средней Азии и Южной Сибири в партийных документах X съезда РКП(б). В резолюции съезда по национальному вопросу отмечается, что помимо населения промышленно развитых районов страны «...остается около 30 миллионов, по преимуществу тюрк-

⁸⁹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 220.

⁹⁰ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX. 1941, стр. 49.

ского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархально-полуфеодалного быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития»⁹¹. Из резолюции следует, что наличие патриархально-феодалных отношений констатировалось лишь у некоторых земледельческих народов, но не у кочевников.

Итак, все показывает фактическую и теоретическую несостоятельность гипотезы о так называемом «кочевом феодализме», выдвинутой Б. Я. Владимирцовым и повторенной в ряде работ его последователей. Ни факты, ни теоретические выводы в пользу этой концепции не выдерживают научной критики. Для обоснования этой гипотезы ее сторонники прибегали к необоснованным аналогиям между социальными процессами у кочевников и земледельческих народов средневековой Западной Европы; неверно подбирали и интерпретировали факты; пользовались позднейшими данными для реконструкции событий более ранних эпох; произвольно обращались с высказываниями классиков марксизма о западноевропейском феодализме, употребляя последние применительно к кочевым обществам. Впрочем, эта методика доказательств была принята и многими сторонниками концепции развитых феодальных отношений у кочевников. Такая гипотеза, по сути, не что иное, как попытка «конструирования» особой социально-экономической формации у кочевых народов всех эпох, попытка доказать извечность феодализма у кочевников.

Гипотеза «кочевого феодализма» подвергалась в научной литературе очень серьезной и обоснованной критике. Так, С. Е. Толыбеков считает эту концепцию немарксистской, повторением реакционной теории Дюринга⁹². Автор, пожалуй, несколько преувеличивает, однако критика им «кочевого феодализма» не только совершенно справедлива и убедительна, но и позволяет сделать окончательные выводы по этой проблеме.

Теоретическое наследие классиков марксизма помогает выяснению характера общественных отношений у кочевых народов. Особое внимание при этом следует обратить на понимание К. Марксом и Ф. Энгельсом эпохи «военной демократии», на учение В. И. Ленина о социально-экономических укладах и в частности на его выводы о патриархальном укладе. Эти и многие другие теоретические положения помогают воссоздать историю развития социальной структуры кочевничества от «военной демо-

⁹¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8, т. 2. М., 1970, стр. 252.

⁹² См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 2, 17, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 69.

кратии» к патриархальному социально-экономическому укладу, а по мере разложения последнего — к современным социально-экономическим отношениям. Такой путь, однако, не исключает наличия в рамках одних господствующих отношений и других, порой очень сильных укладов.

«Военная демократия» была эпохой, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов. Подобные общественные отношения Энгельс находил у греков в героическую эпоху и у римлян в период «так называемых царей...»⁹³. Как отмечал Маркс, «греческие тираны были деспотиями, основанными на узурпации, представлявшими зародыш, из которого развились позднейшие монархии; так называемые монархии гомеровского периода были не чем иным, как военными демократиями»⁹⁴. Общества, определяемые классиками марксизма как «военные демократии», во многом напоминают общества кочевников. В этой связи весьма интересны и высказывания А. И. Неусыхина об общественном строе германцев до формирования у них феодальных отношений: «...это тот политический строй племени, который Ф. Энгельс обозначил термином «военная демократия»⁹⁵. «Дофеодальный период» А. И. Неусыхин рассматривает как понятие не хронологическое, а стадийное и не выделяет его в самостоятельную общественную формацию⁹⁶. Судя по всему и по наиболее существенным признакам, общественные отношения у кочевников сходны со структурой общества в «дофеодальный период». Но по мере оседания германцев на землю, завершения этого процесса и складывания у них феодальных отношений это сходство постепенно исчезало. Связано это в известной мере с тем, что имущественное и социальное расслоение в кочевничестве не приводило к развитым классовым отношениям, так как большая часть непосредственных производителей-скотоводов, лишенных средств производства, вынуждена была искать приложения своим силам вне скотоводства.

По мере социально-экономического развития кочевничества, разложения кочевых империй, подчинения последних земледельческим государствам, постепенного появления и развития черт оседлости в хозяйстве, социальные отношения в кочевничестве начали принимать характер патриархальных. О патриархальном укладе в России В. И. Ленин писал: «...патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...»⁹⁷. Так

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 127.

⁹⁴ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 89, 90.

⁹⁵ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. ВИ, 1967, № 1, стр. 79.

⁹⁶ Там же, стр. 86.

⁹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.

охарактеризована «патриархальная, т. е. наиболее примитивная, форма сельского хозяйства...», — одна из форм хозяйства 20-х годов нашего века. Приведенные выше характеристики, данные В. И. Лениным и X съездом РКП(б)⁹⁸ лишний раз подтверждают те практические выводы, которые можно сделать на основе анализа материалов о характере социальных отношений у кочевников на поздних этапах их развития. Когда в среде кочевничества начинались процессы формирования классовых отношений — феодальных или капиталистических, — кочевничество разлагалось, и скотоводы превращались в оседлое население.

Политическая организация кочевников сформировалась в процессе выделения скотоводческих народов из среды прочих варваров, в ходе разложения у них первобытных, родовых отношений и порождалась спецификой кочевого скотоводческого хозяйства и социальной структурой кочевников. При этом общественная организация кочевников не была ни повторением, ни непосредственным продолжением организационной структуры обществ, находящихся на уровне первобытнообщинном. К. Маркс указывал, что определенной форме материального производства соответствует определенная структура общества⁹⁹, а В. И. Ленин показал, что общественная организация, характер общественных связей принципиально различны на разных этапах социально-экономического развития общества. Ссылаясь на К. Маркса, В. И. Ленин отмечал: «...глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений»¹⁰⁰. В. И. Ленин резко критиковал доктрину о том, «что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, затем — десятка — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»¹⁰¹.

При анализе социальной организации, ее признаков и черт на разных этапах общественного развития В. И. Ленин придавал особое значение общественным связям, лежащим в ее основе. Он устанавливает, что при родовом строе господствовали родовые, при феодальном — территориальные, а при капиталистическом — национальные связи¹⁰².

Социальная организация любого общества покоится на самых различных явлениях и связях. Однако часть их второстепенна и не определяет характера общественной структуры, ибо только строго определенные явления и связи составляют сущность последней.

Многочисленные кровные, семейно-родственные, хозяйственные, генеалогическо-племенные, военные, политические, культурные,

⁹⁸ См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 279; «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 252.

⁹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 279.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167.

¹⁰¹ Там же, стр. 153.

¹⁰² См. там же, стр. 153, 154.

языковые и другие связи в общественной организации кочевников не были равноценными, и задача исследователя — выявить среди множества те, которые лежат в основе общественной структуры.

Анализ рассмотренного выше материала и данные о других скотоводах Азии подтверждают большое сходство принципов общественной организации различных групп кочевников. При этом сходство это прослеживается как между соседними, так и отдаленными народами, что позволяет предполагать наличие общих закономерностей в аналогичных явлениях. Общественная структура кочевничества начала складываться в ходе выделения скотоводства в самостоятельную отрасль хозяйства, в эпоху разложения первобытнообщинных отношений. Становление кочевничества сопровождалось большими изменениями в производственном базисе, а в результате подобных процессов происходят значительные изменения и в области общественной организации¹⁰³. Первобытнообщинную организацию племен, ведших комплексное оседлое и полуоседлое хозяйство, сменила формирующаяся кочевническая, основанная на хозяйственно-самостоятельных семьях, имевших частную собственность на скот (капитал). Но семьи не могли существовать изолированно, и по хозяйственным, военным и другим соображениям они объединялись в кочевые группы; к такому же результату приводили также сегментация семей и объединение неродственных семей и групп. По тем же причинам кочевые группы объединялись в более крупные племенные подразделения и племена. Как небольшая группа семей, так и само племя или их группа рассматривались кочевниками как следствие сегментации одной первоначальной семьи, что давало идеологическое обоснование племенной общности в форме генеалогического родства, единства происхождения¹⁰⁴. Племена и их подразделения носили имена своих действительных или вымышленных прародителей. Однако в действительности племена эти часто были сложными этническими образованиями, формировавшимися исторически, иногда веками. Объединявшиеся разнородные группы искусственно возводили свою генеалогию к единому предку, что в конечном итоге приводило к возникновению представления о единстве и «родстве». Подобное происходило постоянно и засвидетельствовано сообщениями письменных источников и этнографическими наблюдениями¹⁰⁵. При этом кочевники достаточно ясно представляли себе различия между кровным и генеалогическим родством,

¹⁰³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 279.

¹⁰⁴ Ср. понятие «генеалогический род»: С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. «Родовое общество». ТИЭ АН СССР, т. XIV. М., 1951.

¹⁰⁵ Об этом см., например, Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. СПб., 1895, стр. 87 и др.

что и нашло отражение в соответствующей терминологии¹⁰⁶.

Племенная структура и принципы ее организации были наиболее целесообразными и, пожалуй, единственно возможными в условиях кочевой жизни, частых войн, во время которых одни племена распадались или возрождались вновь, другие — возникали, оформляясь идеологически как формально-генеалогические общности. На уровне низших ступеней общественной организации (скотоводческих групп, небольших племенных подразделений) на основе конкретных хозяйственных интересов генеалогически объединялись родственные и неродственные группы. Высшие ее ступени (племена и их крупные отделы) помимо этого были общностями военными и политическими, идеологически «подтверждаемыми» генеалогическим родством и довольно распространенной среди кочевников эндогамией. Действительное родство имело практическое значение только в рамках семей. Генеалогическое родство имело значение до тех пор, пока служило идеологической формой реальным политическим, военным, хозяйственным и прочим связям. Нарушение последних или возникновение новых кочевых образований приводило к появлению новых генеалогических структур.

Характер элементов общественной организации кочевников и соотношение этих элементов в процессе функционирования заметно различались в различных социально-экономических и политических условиях. В относительно мирное время, даже в случае подчинения кочевников земледельческим государствам, общественная организация скотоводов строилась в соответствии с интересами их хозяйства и подчинялась государственному законодательству. При этом увеличивалась самостоятельность кочевых групп, семей, возрастало значение территориальных связей. Организационные связи внутри племен и их отделов ослабевали. Ослабевали или даже исчезали бытовавшие племенные институты власти и управления. Текущие вопросы решались наиболее влиятельными членами кочевых групп при участии глав семей.

Отношения между семьями, входившими в совместно кочующие группы, несмотря на наличие истинного или вымышленного родства, постепенно принимали форму соседских. Очень точно истинную сущность кочевнической организации выразил К. Маркс: «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»¹⁰⁷. Условно такую форму общественной организации скотоводов можно назвать «общинно-кочевой». Значительное воздействие на племенную организацию скотоводов оказывали социально-экономические отношения последних с соседними государст-

¹⁰⁶ У некоторых туркменских групп населения дальнейшее «родство» — «даш гарын-даш»; более близкое — «якын гарындаш». Родство по крови — «ган душер».

¹⁰⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

вами, особенно в эпоху развития капитализма. Этот процесс приближал разложение кочевничества и приводил к ломке устоявшейся племенной структуры.

В годы войн и больших переселений общественная организация кочевников несколько видоизменялась, приобретая новые черты: военные и политические интересы выступали на первый план, а интересы скотоводческого хозяйства отходили временно на второй. В «бурные» для кочевников времена семьи, скотоводческие группы и объединения выступали как подразделения военной организации, составлявшие парадное ополчение. Возрастало единство племен и всего кочевого народа. Высшие звенья племенной структуры упорядочивались, из ранее отвлеченных генеалогических понятий воплощались в реальные военные соединения и политические образования. Появлялась и относительно более или менее централизованная власть, аппарат управления, элементы которого иногда заимствовались у окружающих оседлых народов. В отдельных случаях племенная структура временно заменялась военной на десятичном принципе. Значительно усиливалась власть вождей—военных предводителей. Однако не следует полагать, что военная, даже десятичная структура противоречила кочевнической племенной организации. Например, десятки тысяч, тысячи и т. д. монгольского войска по большей части соответствовали существовавшим ранее большим и малым племенам, а сотни—более мелким их подразделениям. Десятичная «структура» усиливала смешанность племен, но поскольку родственный принцип в организации кочевников играл лишь идеологическую, чисто формальную роль, то временная замена его централизованной организацией при сохранении скотоводческого экономического базиса принципиально ничего не меняла. Организацию скотоводов по этому принципу можно условно назвать «военно-кочевой».

Результатом усиления военной организации было возникновение кочевых империй, олицетворявших военную централизацию скотоводов. Объединение кочевников в целях грабежа и завоевания соседних народов происходило в первую очередь в интересах верхушки кочевого общества: военных и племенных предводителей. Новые условия жизни порождали соответственные формы субординации, и власть предводителей усиливалась. Но по мере распада империи и децентрализации племен, по мере роста самостоятельности кочевых групп власть и влияние военно-племенных предводителей ослабевали, чему способствовало поголовное вооружение кочевников и многое другое. Одновременно усиливалось влияние зажиточной прослойки общества совместно с племенными старейшинами, образующей верхушку последнего. Кочевые империи—временные, эфемерные образования—не имели прочного специфического экономического базиса и во многом отличались от государств оседло-земледельческих областей¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Эту характерную особенность у монголов и казахов отмечает С. Е. Толыбеков (см. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 232, 346, 351, 369).

Государства в оседло-земледельческих областях первоначально возникали на территориальной основе как формы общественной организации по мере разложения первобытнообщинных отношений и в процессе становления нового способа производства, возникли как следствие появления непримиримых классовых противоречий между группами людей, наделенных средствами производства и лишенных их¹⁰⁹.

В ходе исторического развития раннеклассовые государства сменялись рабовладельческими, феодальными и т. д. С гибелью населения государство могло временно исчезнуть, но если природные условия позволяли, новое население воссоздавало государство. Итак, до определенного момента истории земледельческое государство — явление необратимое. Видоизменяясь, государство не может исчезнуть, пока живы антагонистические классовые противоречия.

Что касается кочевников, то факты свидетельствуют: переход общественной организации из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое» и обратно — явления обратимые. После распада кочевых империй в подвластных им земледельческих областях появлялись новые государства, тогда как у подвижных скотоводов в том или ином виде возрождалась общинно-кочевая организация. Это объясняет, почему там, где ранее были древние кочевые империи, впоследствии встречались аморфные племенные образования. Характерно, что племенная и уж во всяком случае общинно-кочевая структуры с гибелью империи не разлагались, а функционировали до гибели кочевничества.

Рассматриваемые процессы отражались и в формировании этнических общностей Азии.

¹⁰⁹ Ср. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 68.

Объективные исторические законы развития кочевничества состоят в том, что экстенсивное кочевое скотоводство существовало и развивалось только там, где у населения отсутствовали возможности для более интенсивных занятий. В благоприятных хозяйственных и политических условиях скотоводы оседали на землю — общественные отношения, структура кочевничества менялись, что приводило к дальнейшей территориальной и этнической консолидации.

Особенно усилились процессы оседания кочевников в раннем средневековье. При этом оседание происходило не только тогда, когда условия для этого были особенно благоприятными, но и вопреки серьезным препятствиям. Воздействие капиталистических отношений значительно ускорило разложение экстенсивного кочевого скотоводства, приближая его кончину. Кочевничество в наши дни уже отмирает, на смену приходит интенсивное сельское хозяйство и развитая промышленность.

В Советском Союзе и в Монгольской Народной Республике в условиях социализма все бывшие кочевники стали оседлыми. Часть их занялась земледелием или работает в других отраслях народного хозяйства; остальные, тоже будучи оседлыми, занимаются скотоводством в современных крупных механизированных социалистических хозяйствах. В условиях социализма скотоводы предельно быстро перешли от отсталого патриархального строя к современным социально-экономическим отношениям, минуя стадию капиталистического развития. Социализм избавил бывших кочевников от извечной нужды, эксплуатации, угрозы порабощения. За незначительный в масштабах истории срок они совершили огромный скачок не только в социально-экономическом, но и культурно-бытовом отношениях. Всеобщая грамотность, бурный расцвет образования, науки, культуры, искусства, медицины сделали некогда отсталые и бесправные народы равными современным высокообразованным нациям.

Однако в неблагоприятных природных условиях, в географически изолированных и отсталых областях Азии и Африки кочевничество сохранилось и в наши дни. Но и там оно постепенно разлагается. В настоящее время этим отживающим очагам кочевничества уделяют значительное внимание не только прогрессивные ученые Запада и исследователи из стран социализма, но и некоторые реакционные буржуазные авторы, стоящие на позициях неокOLONИализма. При этом они пытаются обосновать концепцию, согласно которой кочевничество необходимо поддерживать, консервировать, включать как составную часть в политические и социально-экономические структуры, развивающиеся по капиталистическому пути. Подоплекой этой концепции является стремление сохранить отсталые виды хозяйства, сопутствующие им отживающие общественные отношения и тем самым закрепить зависимость тех или иных стран от империалистических держав, осложнить и предотвратить развитие по пути социализма. Таким образом, проблемы современного кочевничества имеют далеко не только отвлеченное, чисто теоретическое, но и сугубо практическое, политическое значение¹.

Исторический опыт Советского Союза и Монгольской Народной Республики свидетельствует, что только в условиях социализма, избавляющего народы от эксплуатации и нищеты, проблема кочевничества решается радикально путем создания развитого сельского хозяйства, индустриализацией, коренным изменением социально-экономических отношений и быта. Итоги, которые подвел Советский Союз к своему пятидесятилетию и дальнейшие достижения, успехи Монгольской Народной Республики — все это и многое другое наглядно и убедительно доказывает правильность этого пути.

¹ См. Г. Е. Марков. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей. Сб. «Расы и народы». М., 1974.

Список сокращений

- АПТД — Археологические памятники Таласской долины
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАН — Вестник Академии наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВГ — Вопросы географии
ВГО — Востник Географического общества
ВЕ — Вестник Европы
ВИСИДВ — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока
ВМУ — Вестник Московского университета
ВРГО — Вестник Русского географического общества
ВС — Военный сборник
ВСОРИ — Военно-статистическое обозрение Российской Империи
ВЯ — Вопросы Языкознания
ГО СССР МПЭ — Географическое общество СССР. Материалы по этнографии
ДД СССР на XXV МКВ — Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения русского археологического общества
ЗООИРГО — Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ЗРГОПОГ — Записки РГО по общей географии
ЗРГОПОЭ — Записки Русского географического общества по отделению этнографии
ЗСРГО — Записки Сибирского отделения РГО
ЗТНИИЯЛИ — Записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ЗХНИИЯЛИ — Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ИАН — Известия Академии наук
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
ИГАИМК — Известия гос. Академии истории материальной культуры
ИГИ — Известия географического института
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЮЛЕАЭ — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии, этнографии
ИОРЯИС — Известия отделения русского языка и словесности
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТ — История Тувы
ИЮФ — Известия юридического факультета
КСИА — Краткие сообщения Института археологии СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАС — Монгольский археологический сборник
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНС — Материалы научной сессии

- МПИС — Материалы по изучению Сибири
 МПИФИР — Материалы по истории флоры и растительности СССР
 МПОЭВГО — Материалы по отдельной этнографии Всесоюзного географического общества
 МПЭ — Материалы по этнографии
 МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
 ОЗ — Отечественные записки
 ПИДО — Проблемы исследования доклассового общества
 ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
 ПФГ — Проблемы физической географии
 РВ — Русский вестник
 РГО — Русское географическое общество
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СБ — Советская ботаника
 СК — Советская Киргизия
 СЛТ — Собрание литературных трудов
 СМ — Современная Монголия
 СЭ — Советская этнография
 ТАН — Труды Академии наук
 ТВОАО — Труды Восточного отделения археологического общества
 ТВОРГО — Труды Восточного отделения Русского географического общества
 ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея
 ТИГ — Труды Института географии
 ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
 ТИИЯЛИ — Труды Института языка, литературы, истории
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
 ТКЭЭ — Труды Киргизской этнографической экспедиции
 ТЛО — Труды лаборатории озероведения
 ТМКВ — Труды международного конгресса востоковедов
 ТМНУ — Труды Музея народов Узбекистана
 ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
 ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
 ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции АН СССР
 ТЧРДМвП — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине
 ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 УЗИАН — Ученые записки Императорской Академии Наук
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
 УЗТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
 УЗХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 ЭЖ — Экономический журнал
 ЮБ — Юридический быт
 ЮВ — Юридический вестник

Оглавление

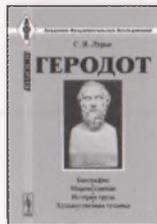
<i>Введение</i>	3
Глава I	
ГЕНЕЗИС КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА И ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ	8
Глава II	
МОНГОЛЫ	49
Глава III	
КАЗАХИ	136
Глава IV	
ТУРКМЭНЫ	206
Глава V	
АРАБЫ	236
Глава VI	
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КО- ЧЕВНИЧЕСТВА	278
<i>Послесловие</i>	314
<i>Список сокращений</i>	316

Известный в России и за рубежом этнолог и археолог. Доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Участник Великой Отечественной войны; награжден 4 орденами и многими медалями. Окончил исторический факультет МГУ и аспирантуру при кафедре этнографии. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1967 г. — докторскую. В 1960–1970-е гг. возглавлял Туркменскую археолого-этнографическую экспедицию. С 1973 по 1986 гг. заведовал кафедрой этнографии (ныне кафедра этнологии) исторического факультета МГУ. Член-корреспондент Лондонского института заморских исследований (1992).

Область научных интересов Г. Е. Маркова — история первобытного общества, этнология народов Азии, история кочевничества, история этнологической науки. Он один из создателей научного направления в этнологии — кочевниковедения, автор новой теории о социально-экономических отношениях у кочевых обществ, как об общинно-кочевом (номадном) способе производства. Им были обнаружены древнейшие находки одомашненных животных на территории СССР и открыта уникальная неолитическая культура Оюклы в Туркмении. Среди многочисленных учеников Г. Е. Маркова — кандидаты и доктора наук, республиканские академики и члены-корреспонденты, политические деятели, ректоры вузов в России и зарубежных странах.

Наше издательство предлагает следующие книги:

000 Аргумент
Кочевники Азии Марков УРСС

B1

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

289⁰⁰

щем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>